

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

100

ВАЖНЕЙШИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

100

ВАЖНЕЙШИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1965

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарёва,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий выпуск «Кратких сообщений о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР» является уже сотым выпуском. Первые выпуски этого ныне широко известного издания появились четверть века тому назад, в конце 30-х годов, когда центральное археологическое учреждение страны — Государственная Академия истории материальной культуры — вошло в состав Академии наук СССР в качестве ее института.

Полевые археологические исследования приобрели в те годы широкий размах и их материалы легли в основу больших и смелых исторических построений. Уже тогда назрела настоятельная необходимость быстрее введения в научный оборот результатов раскопок, исторической интерпретации научных материалов. Само развитие науки требовало создания такого печатного органа, который в кратчайший срок доводил бы до сведения широкой научной общественности последние достижения советской археологической науки. Таково было содержание уже первых выпусков Кратких сообщений. Именно в Кратких сообщениях получили тогда первое освещение такие крупнейшие археологические открытия, как исследования знаменитых Триалетских курганов, палеолитических жилищ в Пушкарях, Бурети, Костенках, первые работы по восстановлению облика древнейшего человека из Тешик-Таша, Оленьеостровского могильника, облика государственных деятелей древней Руси, Ярослава Мудрого и Андрея Боголюбского, и др. Монографические исследования, посвященные этим научным достижениям, появились спустя много лет, и в самом создании этих обобщающих монографий первая, хоть и короткая, но своевременная публикация в Кратких сообщениях играла несомненную роль.

Конец 30-х годов был не только временем широких полевых исследований, но и горячих дискуссий, посвященных значительным проблемам истории, закономерностям развития общества и роли в этом археологической науки. Первые опыты использования археологического материала для решения вопросов этногенеза, социальной и экономической истории человечества также получили отражение на страницах Кратких сообщений.

Особенно важная для истории русского народа проблема древнерусского города, широко обсуждавшаяся перед началом Великой Отечественной войны на специальной конференции Института археологии АН СССР в марте 1941 г., также впервые была освещена в Кратких сообщениях.

В трудные годы Великой Отечественной войны Краткие сообщения были единственным функционирующим печатным органом советских археологов. В них печатались важнейшие материалы специальных экспедиций и комиссий, обследовавших состояние археологических памятников в освобожденных районах и подготавливавших почву для дальнейшего развития по-

левых исследований. Определенную роль Краткие сообщения сыграли и в организации Первого Всесоюзного археологического совещания (1945 г.), в определении важнейшей тематики и в составлении плана широких последующих работ.

Но особое значение приобрели Краткие сообщения в последнее двадцатилетие, в период, когда размах археологических исследований на территории нашей страны приобрел небывалый масштаб, и совершенно закономерно, что именно к этому двадцатилетию относится подавляющее большинство выпусков Кратких сообщений (91 из 100).

Темп развития советской науки, в том числе и археологии, с каждым годом нарастал. Сплошным исследованиям подвергались огромные области, которые до того были «белыми пятнами» на археологической карте. Исследований такого масштаба не знала еще мировая археология. Достаточно указать работы в зонах гигантских новостроек, проводившиеся в различных районах страны — на Днестре и Днепре, в Крыму, на Дону и Волге, на Каме и Оби, на Ангаре и Енисее. В связи с этим еще ответственнее стала задача введения в научный оборот научной интерпретации огромных новых материалов. И закономерно, что в Кратких сообщениях впервые публиковались итоги каждого полевого сезона новостроечных экспедиций — Дубоссарской, Волго-Донской, Куйбышевской, Волгоградской, Камской и многих других. При этом Краткие сообщения отнюдь не ограничивались информацией о результатах этих исследований, а старались охватить и широкий комплекс связанных с ними исторических проблем. На страницах Кратких сообщений освещались и дискутировались вопросы новой методики полевых исследований и лабораторной обработки материалов, а также внедрения в археологию естественнонаучных методов, резко повышавших познавательные качества археологического источника.

Важной задачей Кратких сообщений являлось создание «летописи» научной жизни Института археологии АН СССР — руководящего археологического учреждения страны. В Кратких сообщениях находят систематическое отражение основные пути археологической мысли, формирование новых направлений, постановка и решение общен исторических проблем, являющихся результатами коллективных усилий секторов, Ученого совета, конференций, сессий и пленумов Института. Для большей полноты и конкретности освещения отдельных проблем и придания большей целенаправленности публикациям, Краткие сообщения перешли к новой структуре, при которой каждый выпуск посвящен определенному археологическому периоду. Таким образом, Краткие сообщения знакомят широкую научную общественность с основными достижениями в исследовании крупных разделов истории, с обобщающими статьями, подводщими итоги этих исследований и ставящими важнейшие проблемы дальнейших работ. Так, выпуск 88 посвящен памятникам первобытной культуры, выпуск 90 — памятникам раннего средневековья, выпуск 91 — древним культурам юга СССР, выпуск 92 — исследованиям памятников каменного века, выпуск 93 — исследованиям памятников эпохи неолита и бронзы, выпуск 94 — памятникам раннего железного века и т. д.

Весьма значительной задачей Кратких сообщений в настоящем и, главным образом, в будущем является освещение теоретических вопросов, обсуждаемых как на заседаниях секторов и Ученого совета, так и на специальном теоретическом семинаре. Здесь наряду с основными докладами печатаются и прения по ним.

С каждым годом расширяются рамки исследований советских археологов, возникают новые направления, требуют своего разрешения новые проблемы. Ученые должны быть в курсе всех новейших открытий и важнейших исследований. Таким образом, всесторонняя регулярная научная информация приобретает первостепенное значение. Она является обязательным условием качественного роста исследований советских археологов, раз-

работки больших общенсторических проблем, соответствия археологических исследований общему уровню современной науки.

В решении огромных задач, стоящих перед марксистско-ленинской исторической наукой, немалая роль принадлежит советским археологам, изучающим древнейшие эпохи человечества, когда был заложен фундамент важнейших явлений всего последующего исторического процесса. Раскрытие закономерностей истории человеческого общества, воссоздание подлинного исторического пути современных народов, борьба с реакционной буржуазной археологией, требуют постоянного и регулярного повышения методологического уровня науки, роста ее технического вооружения, непрерывного расширения наших фактических знаний.

В выполнение этих задач должны внести свой вклад и Краткие сообщения, что налагает на это издание особую ответственность.

Редакция надеется, что еще многие блестящие открытия советских археологов, многие их исторические обобщения найдут свое первое освещение на страницах Кратких сообщений Института археологии АН СССР (КСИА).

ИТОГИ И ЗАДАЧИ

Т. С. ПАССЕК, Е. К. ЧЕРНЫШ

ОТКРЫТИЕ КУЛЬТУРЫ ГУМЕЛЬНИЦЫ В СССР

Энеолитическое поселение у с. Гумельница, давшее название одной из археологических культур, находится в долине Дуная южнее Бухареста (рис. 1). Оно получило известность после раскопок В. Думитреску в 1924—1925 гг.¹ Мощный культурный слой, образовавшийся на месте древнего поселения, отчасти напоминает жилые холмы Болгарии. На территории Румынии они известны как памятники культуры Гумельницы, а в Болгарии — как памятники культуры Караново. В настоящее время степень изученности этих памятников на территории Румынии и Болгарии позволяет считать их принадлежащими единой культурно-исторической общности, внутри которой выделяются локальные варианты. Это мнение наиболее четко выражено Д. Берчу².

До 1960 г. памятники энеолитического времени совершенно не были известны на левобережье нижнего течения Дуная. В 1960—1963 гг. обнаружено шесть поселений. В целом они сходны с памятниками культуры Гумельницы на Дунае; но ряд особенностей позволяет отнести их к одной из выделенных Е. Комша³ локальных групп.

Памятники этой группы, получившей название Алдень II, расположены между р. Прут, нижним течением р. Бырлад и нижним течением р. Серет. Теперь эту территорию можно расширить на левобережье нижнего течения Дуная.

Занимаясь поисками юго-западной границы раннетрипольских племен Молдавская археологическая экспедиция⁴ установила, что она проходила несколько южнее Кишинева. Уточняя южные пределы расселения трипольских племен экспедиция обнаружила, что на левобережье нижнего Подунавья трипольское население обитало только на поздних этапах своего развития (Усатово — Городище). В раннетрипольское время здесь жили родственные им племена Подунавья. Таким образом, впервые были выявлены ранее неизвестные на территории СССР памятники культуры Гумельницы.

Культура Гумельницы на протяжении многих столетий развивалась параллельно с трипольской культурой. Наблюдения над стратиграфически сложными поселениями Румынии (Гумельница, Тангыру, Сэлкуца, Глина,

¹ VI. Dumitrescu. Découvertes de Gumelnița. Dacia, v. I. București, 1924; VI. Dumitrescu. Fouilles de Gumelnița. Dacia, vol. II. București, 1925.

² D. Berchiu. Contribuții la problemele neoliticului în România în lumina noilor cercetări București, 1961, стр. 540.

³ E. Comșa. Unele probleme ale aspectului Cultural Aldeni II. Studii și cercetări de Istorie veche, 1963, N 1, București, стр. 7—31.

⁴ Молдавская экспедиция Института археологии АН СССР последние годы проводится совместно с Институтом истории АН Молдавской ССР и ОГАМ.

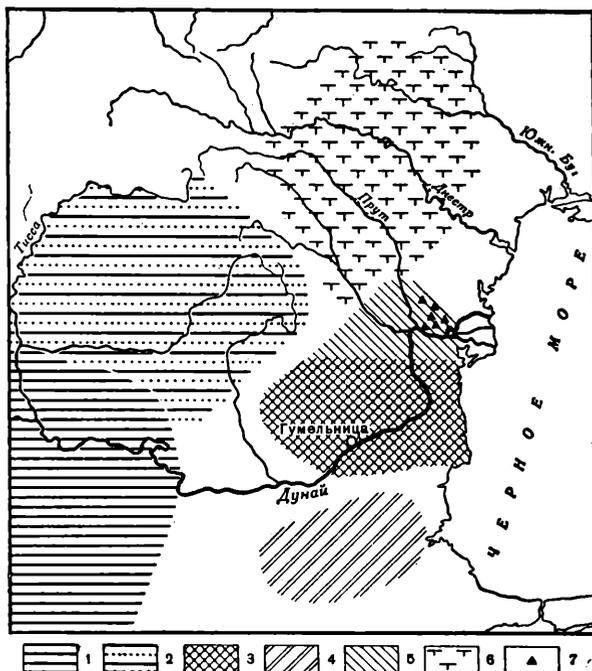

Рис. 1. Территория распространения культуры типа Гумельницы.

Культуры: 1 — Винча С; 2 — Тисса II; 3 — Гумельница; 4 — Караново III; 5 — Алдэль II; 6 — раннее Триполье; 7 — поселения культуры Гумельницы

Алдень II, Стойкань и др.) указывали на последовательность развития отдельных фаз этой культуры. Для разрешения вопроса, к каким фазам развития культуры Гумельницы относятся поселения, открытые на территории СССР, были необходимы раскопки.

Первым раскопкам подверглось многослойное поселение в г. Болград (Одесская область УССР)⁵. Поселение расположено на берегу оз. Ялпук. Оно лежит на мысе, отделенном от плато ручьем. Высота его над уровнем озера около 14 м. Поселение вскрыто на площади 460 м². В слое культуры Гумельницы прослежено два строительных горизонта. К нижнему относятся крупные землянки, состоящие из нескольких ям неправильно овальной формы (рис. 2). Они отчасти разрушены оползнем берега. Сохранившаяся часть землянки 1 имеет размер 7 × 4 м², глубина пола — 1,2 м; глубина очажной ямы в центре жилища — 2,8 м. После ремонта пол землянки стал выше; глубина его от современной поверхности — 0,8 м. Ему соответствует новый очаг, сооруженный на месте старого. Древняя очажная яма доверху заполнена светло-серой золой, обломками посуды, костями животных. Основание нового очага вымощено хорошо обожженной глиняной обмазкой. На одном горизонте с ним залегали камни зернотерок, керамика, кости животных, поделки из кремня и кости. Очажное пятно четко выделялось темным цветом золы, насыщенной углем.

Величина сохранившейся части землянки 5 равнялась 10 × 6 м. Наибольшая глубина древних очажных ям — 1,7 м. На глубине 1 и 1,3 м прослежены очаги, устроенные после ремонта этого жилища. На дне очагов, обмазанных по краям глиняной обмазкой, хорошо сохранился слой угля.

⁵ Е. К. Черныш, И. Т. Черняков. Археологические разведки в Подунавье. КСИА, вып. 99, М., 1964.

С северо-западной стороны землянки расположена яма, назначение которой окончательно не установлено. Диаметр ее 1 м. Она начиналась на глубине 1,2 м, дно доходило до 2,24 м. Яма вырыта в желтой материковой супеси; стены и дно ее обмазаны на толщину в 3 см жидким раствором глины. На расстоянии 0,5 м от дна стены ямы до самого верха выложены крупными хорошо обожженными глиняными с растительной примесью вальками с отпечатками дерева и тростника.

Заполнение верхней части ямы отличалось большим количеством кусков глиняной обмазки, видимо от рухнувшего свода. На то, что над ямой был свод, указывает основание его, специально вырезанное в материке с таким наклоном, который свидетельствует о сферической форме перекрытия ямы (рис. 2, а).

Сооружения подобной конструкции нам ранее не встречались. Можно предположить, что в них разводили более сильный огонь, чем в обычных очагах жилищ. Высокая температура была необходима для плавки меди; это предположение основано на том, что на дне ямы среди золы возле крупного камня лежало сильно разрушенное медное кольцо (рис. 3, 22).

На дне многих очагов в землянках, как и на дне этой ямы, лежал камень, видимо, предназначенный для более длительного сохранения жара. Сами очаги были открытыми.

К верхнему строительному горизонту поселения Гумельницы относится глинобитное основание наземного жилища. Сильно разрушенный в позднее время под глинобитного жилища прослежен на пространстве $6 \times 5,5 \text{ м}^2$ и залегает на глубине около 0,3 м над древним культурным слоем Гумельницы (рис. 2). Пол жилища состоит из вальков, уложенных в один слой, лишь на отдельных участках он двуслойный. Вальки изготовлены из глины с растительной примесью и хорошо обожжены. На некоторых имеются отпечатки дерева.

На глинобитной площадке и на прилегающих к ней участках на одном и том же уровне залежали зернотерки, раздавленные сосуды, кремневые и костяные инструменты, кости животных.

То, что верхний строительный горизонт перекрывал нижний горизонт, связанный с жизнью в землянках, указывает на длительность существования поселения.

Так же как и на поселениях культуры Гумельницы в Румынии, в Болграде среди жилищ были обнаружены обломки черепов взрослых людей и одно захоронение ребенка. Особый интерес представляет погребение ребенка лет пяти-семи⁶. Оно совершено на горизонте культуры Гумельницы на глубине 0,6—0,9 м. На выложенной из крупных плоских камней площадке лежал погребенный, повернутый на левый бок; ноги его были слегка подогнуты. Головой он был обращен на северо-восток. Погребение было заложено крупными камнями, поставленными в несколько рядов. Между камнями найдены кости жертвенных животных. Камни засыпаны культурным слоем из очага одного из сильно разрушенных жилищ Гумельницы.

Культурная принадлежность погребения определяется сосудом, стоявшим в ногах ребенка под закладкой камней.

Гумельницкие племена так же, как и соседние трипольские, занимались земледелием, скотоводством, охотой, рыбной ловлей! Многочисленные свидетельства этого найдены во всех поселениях и Румынии и Болгарии. В поселениях, открытых на территории СССР, о земледелии свидетельствуют найденные зернотерки, кремневые вкладыши серпов, сосуды для хранения зерна, а также растительная примесь в глиняной обмазке жилищ. Было развито и скотоводство. В жилищах найдены кости коровы, овцы, свиньи. Костей диких животных очень мало. Судя по костям, жители поселка у Болграда охотились на благородного оленя, кабана, кулана. Живя

⁶ Определение возраста произведено М. М. Герасимовым и Г. В. Лебединской.

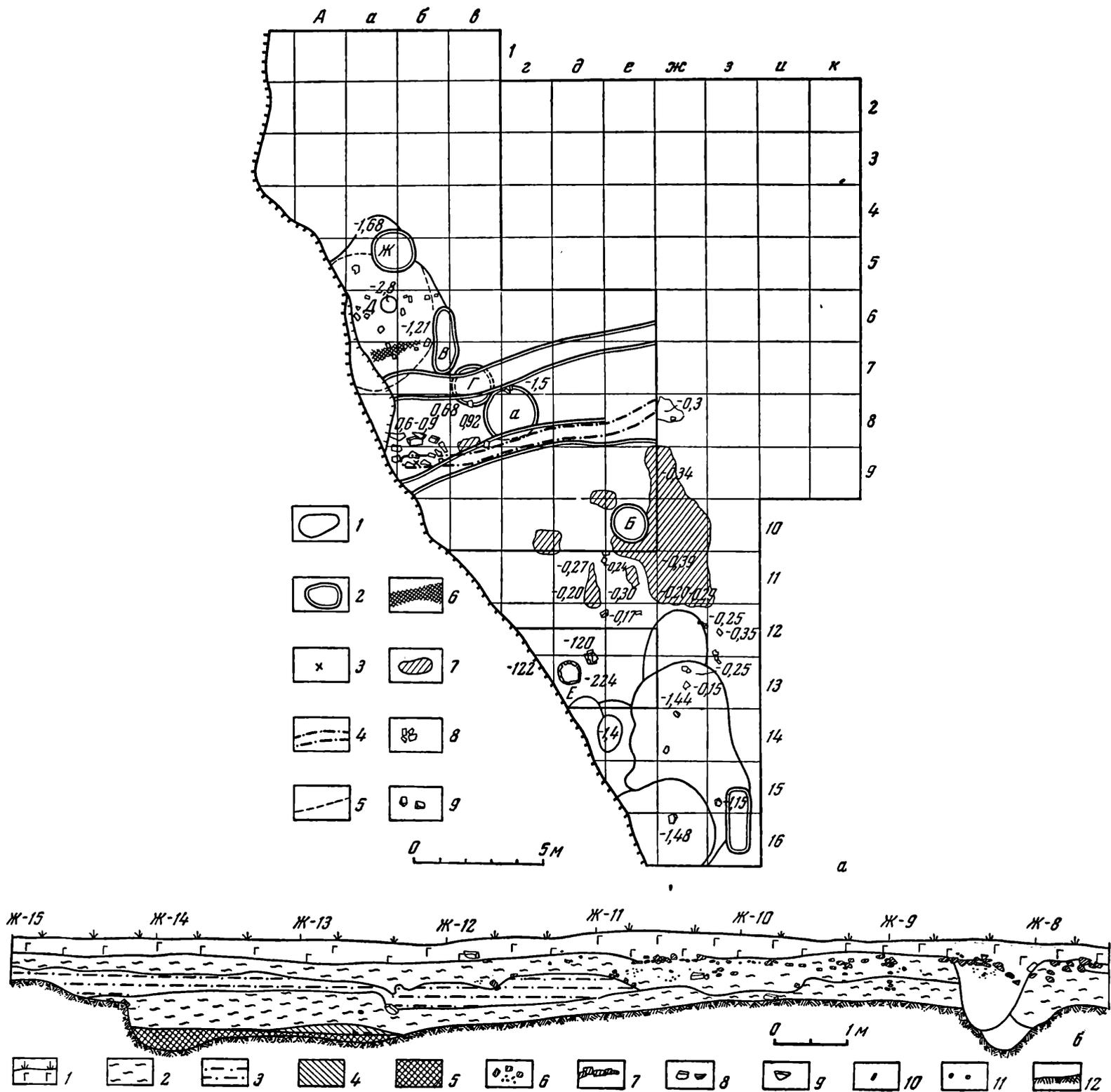

Рис. 2. Болград.

а — план раскопа 1 на горизонте культуры Гумельницы:

- 1 — контуры полуземлянок; 2 — контуры более поздних ям и канав; 3 — обломки черепов; 4 — канава культуры Гумельницы; 5 — контур расплывшегося очага; 6 — обожженная земля очага; 7 — глиняная обмазка «площадки»; 8 — погребение под каменной закладкой; 9 — камни.

б — разрез глинобитного жилища 1 и полуземлянки 5:

- 1 — рыхлый гумус; 2 — светло-серая зола; 3 — светло-серая супесь; 4 — темно-серая земля; 5 — темный грунт; 6 — отдельные куски глиняной обмазки; 7 — глиняная обмазка наземного жилища; 8 — камень; 9 — зернотерка; 10 — кость; 11 — керамика; 12 — материк

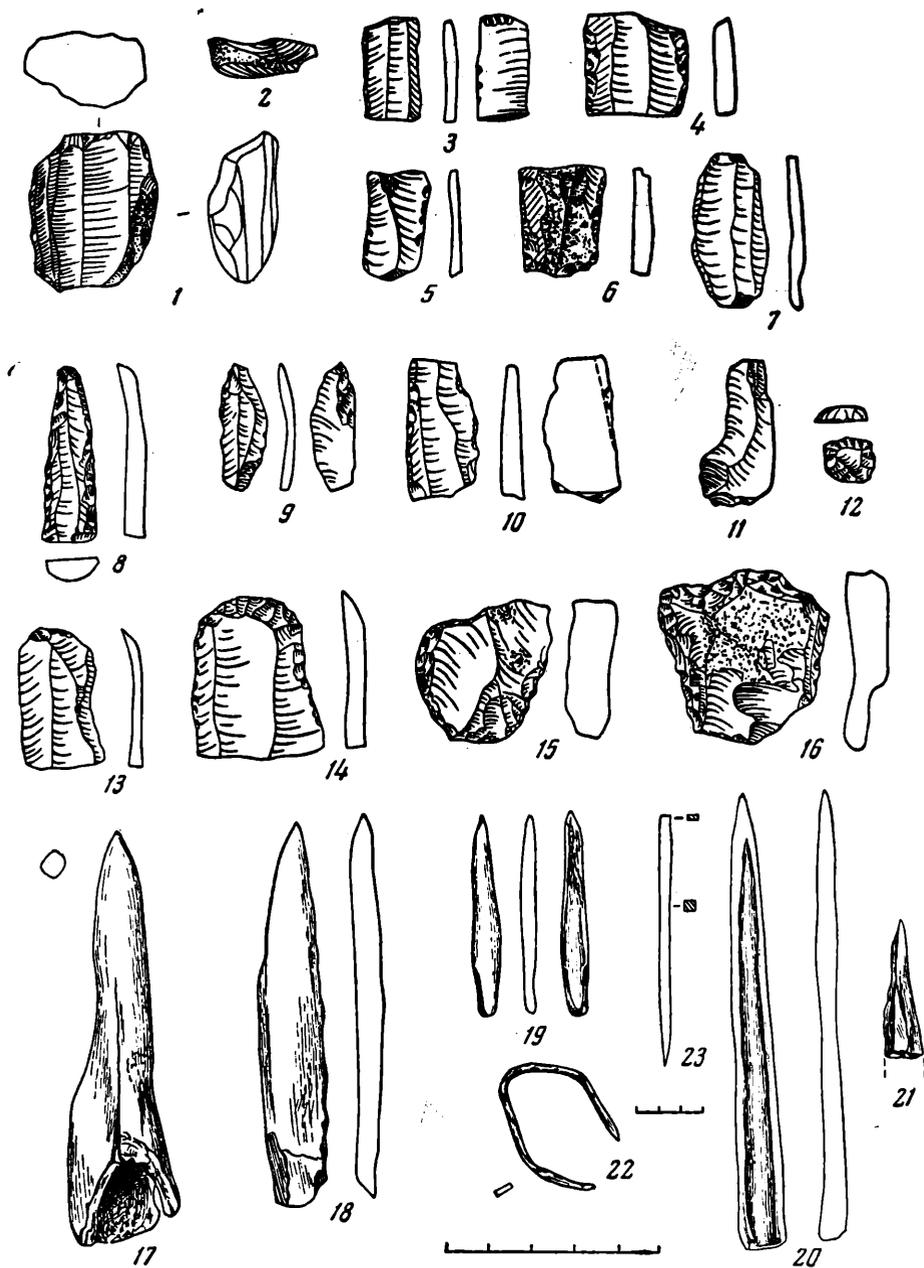

Рис 3. Болград.

1—16 — кремневые орудия; 17—21 — орудия из кости; 22—23 — медные изделия

на берегу озера, они занимались и рыбной ловлей. Найдены кости и чешуя крупных рыб и щитки панцирей черепахи.

Эти находки свидетельствуют о сравнительно высоком уровне развития хозяйства жителей поселка. Однако орудия труда и керамика указывают на то, что поселение относится к раннему периоду развития культуры Гумельницы. Так, орудия труда можно сопоставить с подобными инструментами из трипольских поселений этапов А и В/1. Из вулканических пород сделаны небольшие растиральные камни и небольшие топоры. Из сланца

делались хорошо отполированные тесла. Небольшие по размеру скребки, ножи, вкладыши серпов, сверла сделаны из кремня различных сортов.

Часть кремня принесена из-за Дуная. Это желтовато-коричневый непрозрачный кремень, известный в Добрудже. Часть изделий сделана из днестровского кремня, серого цвета с белыми пятнами. Из кости и рога изготовлены шилья и рукояти. Медные изделия представляют редкость. Кроме упомянутого выше кольца, в Болграде было найдено еще только одно четырехгранное шило (рис. 3, 23).

Наибольшее число находок, как и в других поселениях этого времени, составляет керамика (рис. 4а, б, в).

Посуда отличается большим разнообразием. Остановимся на некоторых разновидностях ее. Одна группа сосудов изготовлена из глины с примесью шамота, иногда очень крупного. Обжиг хороший. Отличительной чертой посуды является своеобразная отделка поверхности. Она намеренно шероховата; на некоторых сосудах даже специально сделаны борозды, проведенные пальцами по сырой глине. Обычно на сосудах имеются или различные валики, или наlepные бугорки, что придает некоторым из них сходство с посудой культуры линейно-ленточной керамики. Края сосудов и внутренняя поверхность их лощеная. Часть сосудов украшена у края крупными каннелюрами. У некоторых сосудов имеются ручки — ушки. По форме можно выделить широкогорлые высокие котлы с выпуклыми стенками, сковородки, дуршлаг в виде чаши на полой ножке. Очень близки к этой группе сосуды с шероховатой поверхностью без орнамента. На некоторых сохранились следы красной краски. По форме это сковородки, крышки, горшки с цилиндрической нижней частью и широкими боками.

Особенностью сосудов следующей группы является хорошо залощенная наружная поверхность черного, серого, желтовато-коричневого цветов. Большинство сосудов без орнамента, и только на некоторых есть узоры, нанесенные вдавлением палочки. В состав этой группы входят котлообразные сосуды, кринки, острореберные чаши, сковородки, горшочки с округлыми плечиками и др.

Особую группу составляют сосуды, покрытые углубленным орнаментом. Они сравнительно небольшого размера. Орнамент покрывает хорошо залощенную поверхность от горла до дна. По форме можно отметить горшки с угловатыми и округлыми плечиками, глубокую чашу, крышки. У некоторых сосудов имеются ручки.

Еще одну группу составляют сосуды, великолепно залощенные внутри и снаружи. Оттенки цвета поверхности колеблются от серовато-черных до желтовато-коричневых тонов. Сосуды покрыты горизонтальными каннелюрами. Часть каннелированных сосудов украшена по стенкам углубленным узором. На некоторых сосудах с внутренней стороны по краю имеется покраска красной охрой. По форме преобладают горшки с прямыми или наклоненными внутрь краями (рис. 4в).

Многочисленную группу составляют расписные сосуды. Делались они из хорошо отмученной глины. Роспись нанесена на черную, серую или коричневатую-желтую лощеную поверхность. Сделана она графитом, белой краской и красной охрой. На некоторых горшочках полосы орнамента сделаны сильным лощением. Орнамент заключен в пояс. Он имеет вид лент, сходящихся под острыми углами. В пространстве между лентами бывают ряды наколов. Иногда роспись сочетается с углубленными линиями. Часть сосудов у горла покрыта каннелюрами, по которым в некоторых случаях проходит роспись. Можно выделить острореберные горшки, глубокие чаши с мягким профилем, конические миски, банкообразные сосуды, острореберные широкие чаши, резко сужающиеся книзу (рис. 4б).

Среди керамических изделий встречаются и ложки.

Из глины сделаны и пряслица двух видов: плоские, выточенные из черепков сосудов и лепные биконические.

I группа

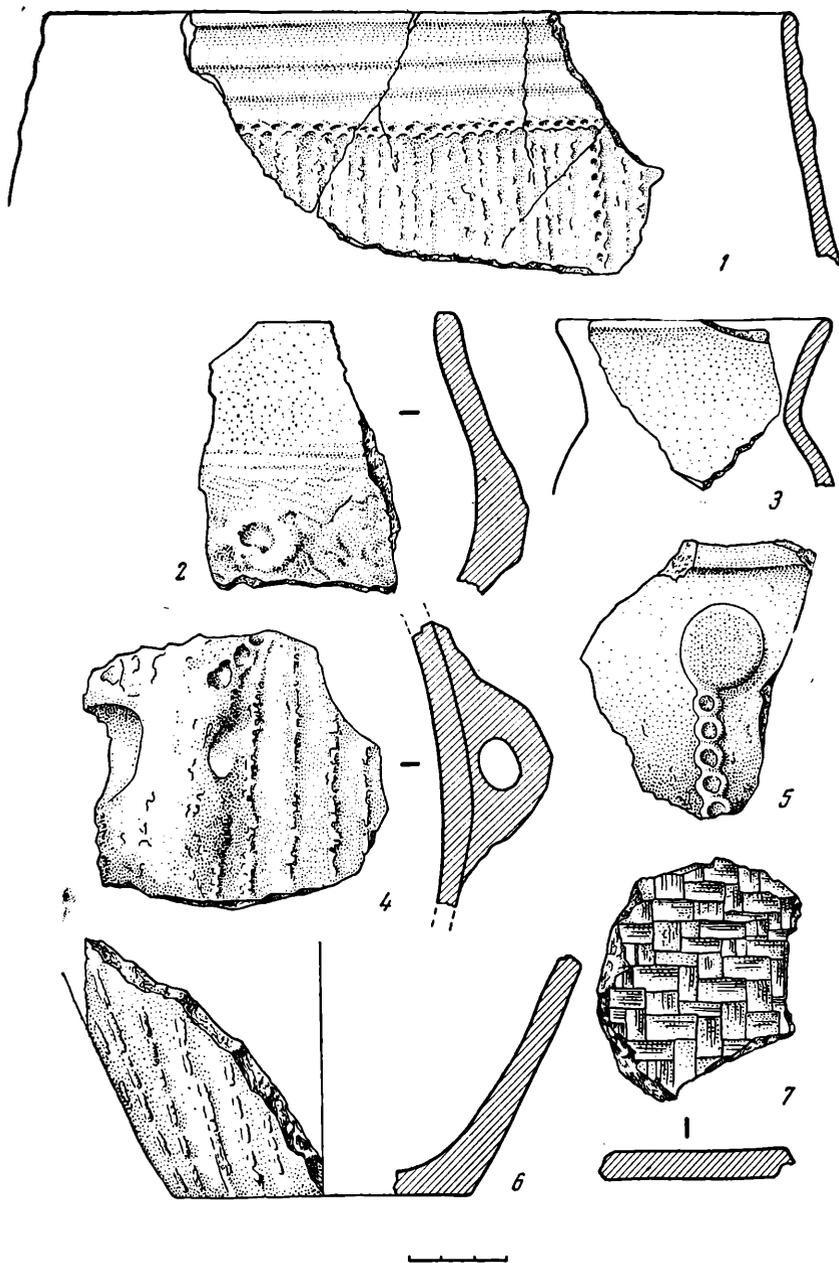

Рис. 4а. Болград. Грубая кухонная керамика (1—7)

II группа

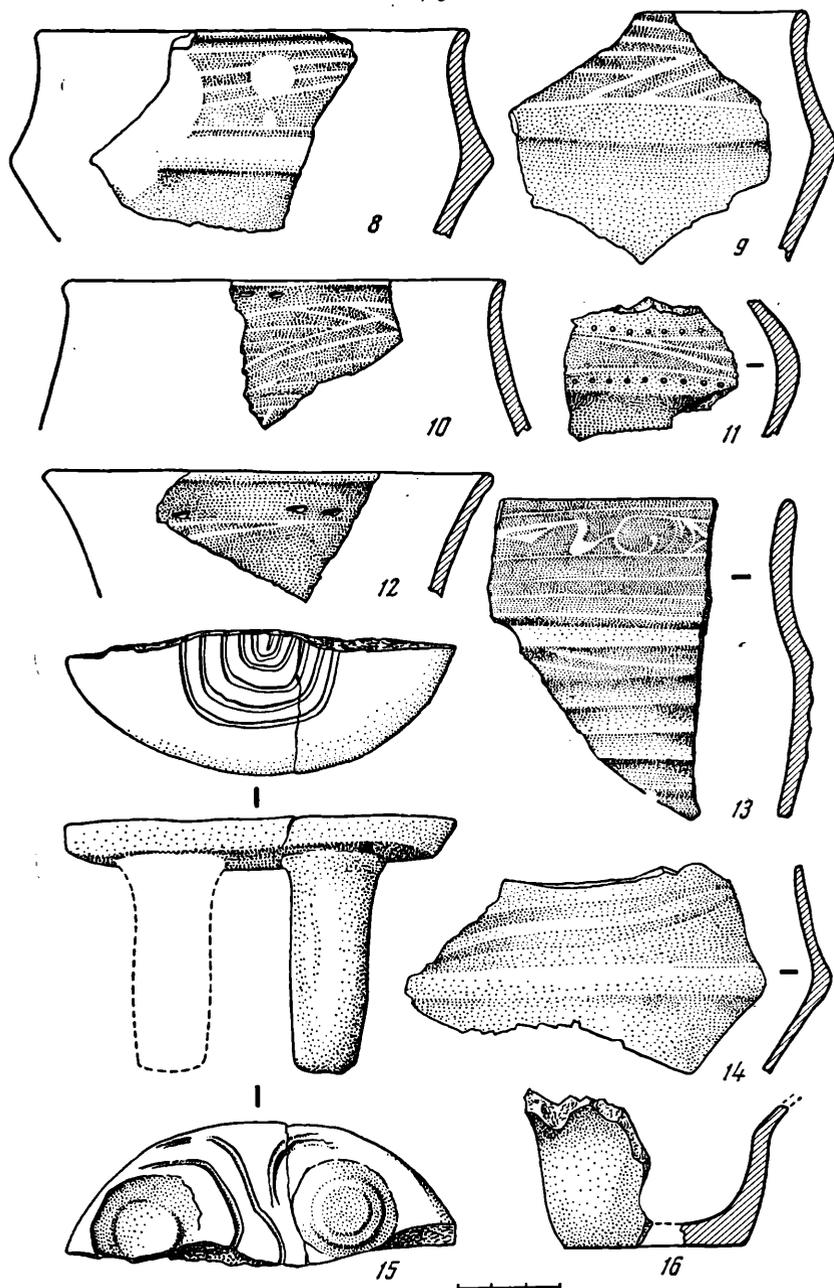

Рис. 46. Болград. Расписная керамика (8—16)

III группа

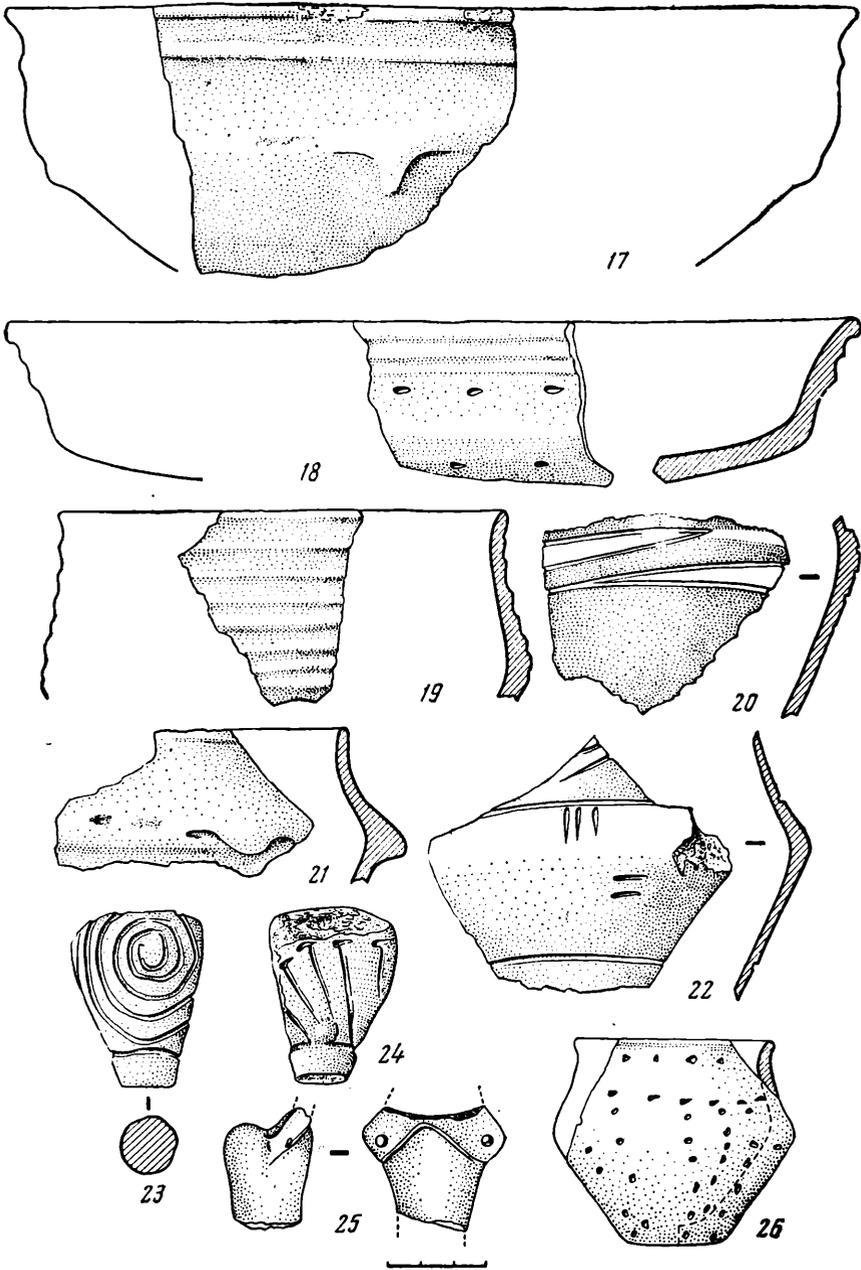

Рис. 4в. Болград. Лощеная керамика (17—22, 26)
и фрагменты статуэток (23—25)

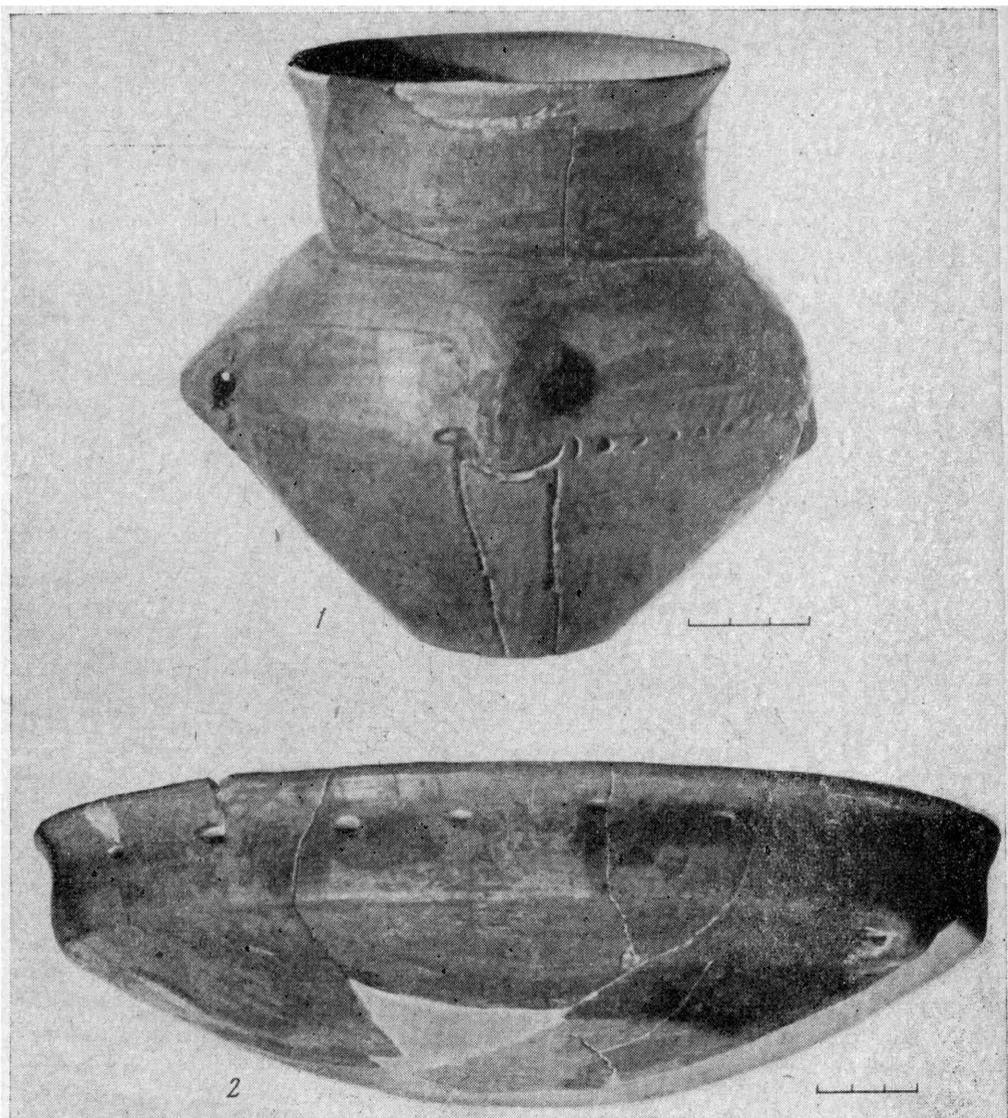

Рис. 5. Вулканешты. Керамика (1—2)

Найдено много фрагментов глиняных столиков на высоких ножках («алтари»). Некоторые столики с верхней и нижней стороны покрыты углубленным орнаментом и сплошь окрашены красной краской (рис. 46, 15).

Судя по многочисленным остаткам глиняных антропоморфных изображений был распространен тип стоячей женской статуэтки с массивной нижней частью и тонкой, сильно уплощенной верхней. Статуэтки покрыты углубленным спиральным или геометрическим орнаментом. На некоторых фрагментах сохранилась красная краска (рис. 4в, 23—25).

На основании сопоставления керамического комплекса из Болграда с аналогичными можно заключить, что данное поселение одновременно с нижними слоями поселения Стойкани в бассейне Прута⁷. По Е. Кошма,

⁷ М. Petrescu—Dâmbovița. Cetățuia de la Stoicani. Materiale arheologice privina Istoria veche a RPR, v. I, 1953.

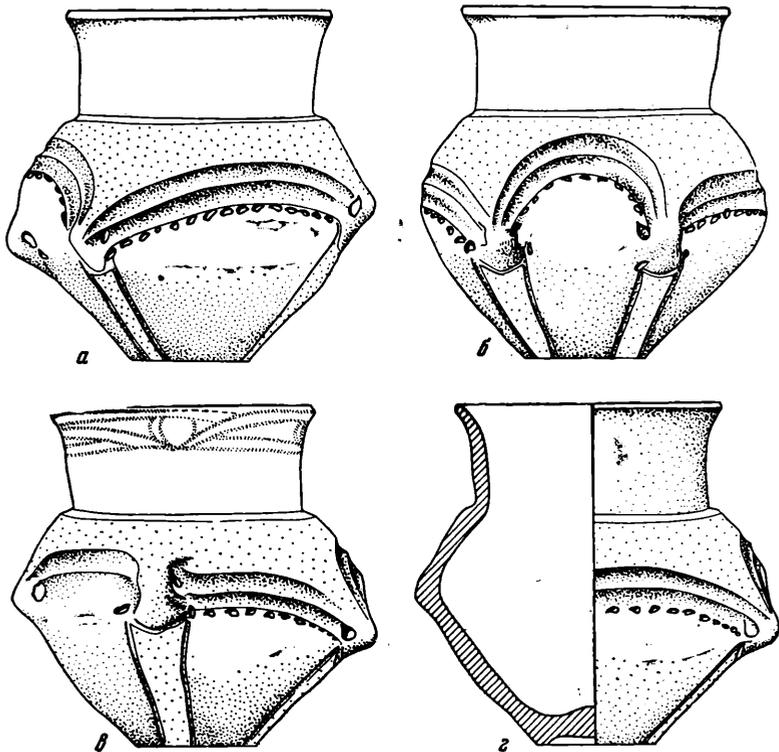

Рис. 6. Вулканешты. Орнаментированный сосуд из жилища.

а, б, в — вид с трех сторон; г — разрез

это — фаза Дрэганешти — Текучь выделенного им локального варианта культуры Гумельницы (Алдень II) ⁸.

К этому же периоду относится однослойное поселение, обследованное Молдавской экспедицией в 18 км к северо-западу от Болграда на территории Молдавской ССР у с. Вулканешты. Оно расположено на пологом левом берегу р. Кагул. Разведовательными раскопками, проведенными в 1963 г., обнаружено глинобитное жилище. Особенно важно то, что оно напоминает трипольские глинобитные площадки (основания наземных домов) ⁹. В отличие от тонкого и непрочного пола площадки Болграда основание жилища в Вулканештах было более массивным. Плотнo уложенные друг возле друга крупные хорошо обожженные глиняные вальки залегали в несколько рядов. Пол сложен из вальков, сделанных из глины с растительной примесью. На отдельных участках жилища наблюдались небольшие прямоугольные выкладки, устроенные из плитчатой обмазки, уложенной на земляные возвышения. На площадке найдено большое количество посуды, каменных зернотерок, костей животных и т. д. Такое же скопление зернотерок и сосудов оказалось возле площадки. Это указывает на то, что не весь пол жилища был глинобитным, некоторые помещения имели земляной пол.

Видимо, жилище было покинуто внезапно, так как скопления сосудов совершенно не нарушены и отдельные сосуды сохранились целиком (рис. 6). В отличие от посуды с поселения в Болграде в Вулканештах много сосудов оранжевого и желтого цвета. Особенно заметно различие при

⁸ Е. Сомша. Указ. соч.

⁹ Е. К. Черныш. Глинобитные жилища культуры Гумельницы в Нижнем Подунавье. Новое в археологии. Изд-во «Наука», 1965.

сравнении расписной керамики. На площадке в Вулканештах обнаружены прекрасно залощенные миски ярко-оранжевого цвета, расписанные белой краской. Узор на краях миски сделан в старой манере росписи сходящимися под углом линиями. Основной орнамент — спиральный (не характерный для керамики Болграда). В группе этой посуды обращает на себя внимание небольшой горшочек коричневатого-желтого цвета (рис. 5, 1). Поверхность его прекрасно залощена. Лощения нет на плечиках и на пяти вертикальных (обрамленных углубленными линиями) полосах, отходящих от дна к ушкам. Эти участки оставлены шероховатыми для того, чтобы на них прочнее держалась красная краска. Кроме того, красной краской нанесен геометрический узор на лощеное горло сосуда. Залощенные участки нижней половины горшочка отделены от окрашенных красной краской плечиков дуговидными каннелюрами. Ушки на перегибе стенок сосуда расположены парами — одни выше, другие чуть пониже.

Стиль орнамента на сосудах из Вулканешт указывает на более поздний возраст поселения по сравнению с Болградом. Поселение в Вулканештах можно считать одновременным с верхним слоем поселения Стойкани¹⁰ и датировать временем Гумельницы I в., по Д. Берчу¹¹.

В Вулканештах найдены характерные для этого периода многочисленные ритуальные предметы: антропоморфные фигурки, фрагменты столиков — алтарей, глиняные амулеты.

В орудиях труда из Вулканешт не наблюдается заметных отличий от орудий из Болграда. Это может свидетельствовать о том, что, хотя в керамических изделиях произошли некоторые перемены, отрезок времени, прошедший между обитанием в сравниваемых поселках, не был длительным. Не было существенных перемен и в хозяйстве жителей поселения в Вулканештах по сравнению с Болградом. На земледелие, скотоводство, охоту указывают такие же материалы, как и в Болграде.

Еще на одном поселении культуры Гумельницы у с. Озерное в 18 км от Измаила были проведены в 1963 г. разведочные работы¹².

Поселение расположено на высоком берегу озера Ялпук, которое интенсивно разрушается оврагами. В одном из поперечных оврагов произвели зачистку культурного слоя на площади 10 × 2 м. Была обнаружена глубокая землянка (—2,6 м), состоявшая из нескольких ям. Так же как в Болграде, в ней наблюдались следы переделки жилища.

Мощный культурный слой поселения содержит большое количество различных фрагментов керамики, антропоморфных и зооморфных статуэток, орудий из камня и кости, костей животных и т. д.

Керамический комплекс своеобразен; он отличается и от керамики Вулканешт, и от керамики Болграда. Образцы, полученные из Озерного, позволяют сделать предположение о более раннем возрасте этого поселения по сравнению с Болградом и Вулканештами.

В бассейне нижнего Дуная экспедицией было обследовано еще несколько поселений культуры Гумельницы: Владычень, Плавни и др. Эти поселения расположены в иных топографических условиях, чем Болград и Озерное. Вытянутое с севера на юг озеро Ялпук в нижней части сливается с другим большим озером Кугурлуй, находящимся у самого Дуная. Общая протяженность этих двух озер около 50 км. Озера широкие, например, возле Озерного ширина Ялпуха около 7 км. Поселения у Болграда и Озерного расположены на восточном берегу. На западном побережье поселений не обнаружено. Они находятся в стороне от озера, и размещены вдоль русла высохшей речки (Владычень и Плавни)¹³.

¹⁰ M. Petrescu — Dâmbovița. Указ. соч.

¹¹ D. Verciu. Указ. соч.

¹² Поселение было открыто В. К. Чигириним — директором Измаильского музея А. В. Суворова.

¹³ Е. К. Черныш, И. Т. Черняков. Указ. соч.

Топографические условия, в которых обнаружены поселения Гумельницы, соответствуют условиям расположения трипольских поселений: и те, и другие основаны в местах, удобных для занятия земледелием.

Открытие на левобережье Дуная поселений культуры Гумельницы, относящихся к локальному варианту Албень II, указывает на заселенность этой территории племенами, обитавшими на огромной территории Нижнего Подунавья (рис. 1) по соседству с трипольскими племенами. По уровню развития они были близки друг другу.

Для истории трипольских племен и племен культуры Гумельницы особенно важно изучение памятников, расположенных в зоне их контакта. К числу таких памятников и относятся поселения Гумельницы на территории СССР.

Сопоставление материалов с поселений Гумельницы и Триполья выдвигает совершенно новую проблему о характере взаимоотношений этих больших культурно-исторических общностей, относящихся к единому кругу Балкано-Дунайских культур. Одновременно возникает вопрос о путях проникновения различных влияний от одной культуры к другой.

Влияния племен были взаимны. Примеры этому находим при сопоставлении некоторых материалов с поселений Гумельницы и с трипольских поселений. Например, в некоторых памятниках Триполья известны плоские костяные антропоморфные изображения и сильно схематизированные антропоморфные амулеты из глины (Хэбэшесть, Трушесть, Сабатиновка II)¹⁴. Такого же рода медные амулеты найдены в раннетрипольском поселении у с. Карбуны. Они распространены в поселениях трипольской культуры раннего времени, в основном на территории, смежной с территорией племен культуры Гумельницы. Можно предполагать, что при общих идеологических представлениях тех и других земледельческо-скотоводческих племен к трипольцам могли перейти антропоморфные изображения этого типа от соседнего населения Гумельницы. В поселениях культуры Гумельницы обычно в большом количестве встречены разнообразные варианты антропоморфных изображений этого рода, не свойственного трипольским племенам.

Примером влияния со стороны трипольских племен на соседнее население может служить тип глинобитного дома, обнаруженного в Болграде и Вулканештах. Все приемы строительства его совпадают с известными в трипольской культуре. О характере наземного жилища в культуре Гумельницы до сих пор представление складывалось в основном не столько по глинобитным остаткам жилищ из раскопок, сколько по глиняным моделям прямоугольных домов с двускатной крышей. Во время раскопок в Болгарии тип наземного дома удалась хорошо проследить, но он оказался иным, чем трипольские жилища. К какому типу были ближе наземные дома с территории Румынии — к типу карановских жилищ или к типу трипольских «площадок» — из данных литературы не ясно, хотя во время раскопок встречены глинобитные остатки построек¹⁵. В памятниках культуры Гумельницы, расположенных по соседству с территорией трипольской культуры, на левобережье нижнего Подунавья, тип жилищ оказался чрезвычайно близок к трипольским глинобитным домам. Это явление можно рассматривать как результат влияния со стороны трипольских племен.

Кроме признаков, говорящих о взаимовлиянии этих племен, прослеживаются отдельные черты в материальной культуре, позволяющие сближать между собой именно эти две культуры. Например, только в раннетрипольских поселениях и ранних поселениях культуры Гумельницы широко распространена хорошо лощеная посуда, покрытая каннелюрами. Из всех

¹⁴ Т. С. Пассек. Костяные амулеты из Флорешт. Новое в археологии. Изд-во «Наука», 1965.

¹⁵ VI. Dumitrescu. Указ. соч.; Istoria României, v. I, 1960, Bucuresti, стр. 55—58.

племен, живших по соседству с трипольскими, кроме племен Гумельницы, такой посуды ни у кого не было. В более раннее время каннелированная керамика известна на рассматриваемой территории только в культуре Боян. Это еще один небольшой пример о близости этих культур.

Датировка памятников Гумельницы, открытых на территории СССР, пока затруднительна. При сопоставлении их с трипольскими можно только отметить, что они соответствуют этапам А и В/І трипольской культуры, т. е. относятся к концу IV — началу III тысячелетия до н. э.¹⁶

¹⁶ T. P a s s e k. Relations entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale à l'époque néolithique. Atti del VI Congresso internazionale delle scienze preistoriche e protostoriche I, Relazioni generali Rome, 1962, стр. 127—144.

Н. Я. МЕРПЕРТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЮЖНОЙ БОЛГАРИИ В 1963 г.¹

Осенью 1963 г. Болгаро-Советская экспедиция продолжила изучение памятников бронзового века Южной Болгарии, успешно начатое в 1961 г.²

Помимо широких раскопок отдельных объектов, назрела необходимость в углубленных разведках первобытных памятников Болгарии для выяснения специфики памятников различных районов и определения археологических культур, соответствующих конкретным племенным группам. Поэтому в 1963 г. экспедиция начала свои работы с разведки, охватившей значительную территорию Южной Болгарии в районах городов Стара Загора, Нова Загора, Сливен, Ямбол, Карнобат, Бургас. При этом было обследовано 25 многослойных поселений, выявлены особенности их расположения, произведен сбор подъемного материала. Часть поселений отличалась значительной площадью и высотой и давала полную стратиграфическую колонку — от среднего неолита до раннего бронзового века включительно. Наибольшие из них — Берекетская могила у Старой Загоры, Кабиюк или Гсляма могила у с. Стамово (район Старой Загоры) и особенно Драгиева могила у ст. Конево.

Все это — огромные холмы, диаметр которых достигает 200 м, а высота превышает 13 м; таким образом, по размерам они не уступают знаменитому Каранову. Особенно ярок и интересен подъемный материал с поселения в с. Плоска Могила (к юго-востоку от Старой Загоры). Здесь представлены неолит, начиная с Каранова I, энеолит, как начальный (культура Марицы), так и финальный (культуры Коджадермен), наконец, мощный слой бронзового века, материал которого весьма близок материалу Дипсийского поселения.

Особо должен быть отмечен гигантский холм Калояновец (к юго-западу от Старой Загоры). Это фракийский курган диаметром свыше 100 м и высотой около 24 м, насыпанный на месте многослойного поселения. Культурный слой последнего был при сооружении кургана разрушен. Внизу сохранились лишь остатки его — своеобразная подушка, на которой стоит

¹ Доклад, прочитанный на заседании сектора неолита и бронзы ИА АН СССР 30 декабря 1963 г.

² Н. Я. Мерперт. Первый год работ Советско-Болгарской экспедиции. КСИА АН СССР, вып. 93, 1963.

В 1963 г. экспедиция работала в следующем составе: Г. И. Георгиев (ученый секретарь Археологического института БАН), Румен Катинчаров, Анна Радунчева, Веселий Мулитаров (Археологический институт БАН), Елена Бацова (Сливенский народный музей), Петер Димитров (Софийский университет). Кроме того, в разведках участвовали директор Старозагорского народного музея Дмитрий Николов и сотрудник того же музея Минчо Димитров. Руководили экспедицией Г. И. Георгиев и Н. Я. Мерперт.

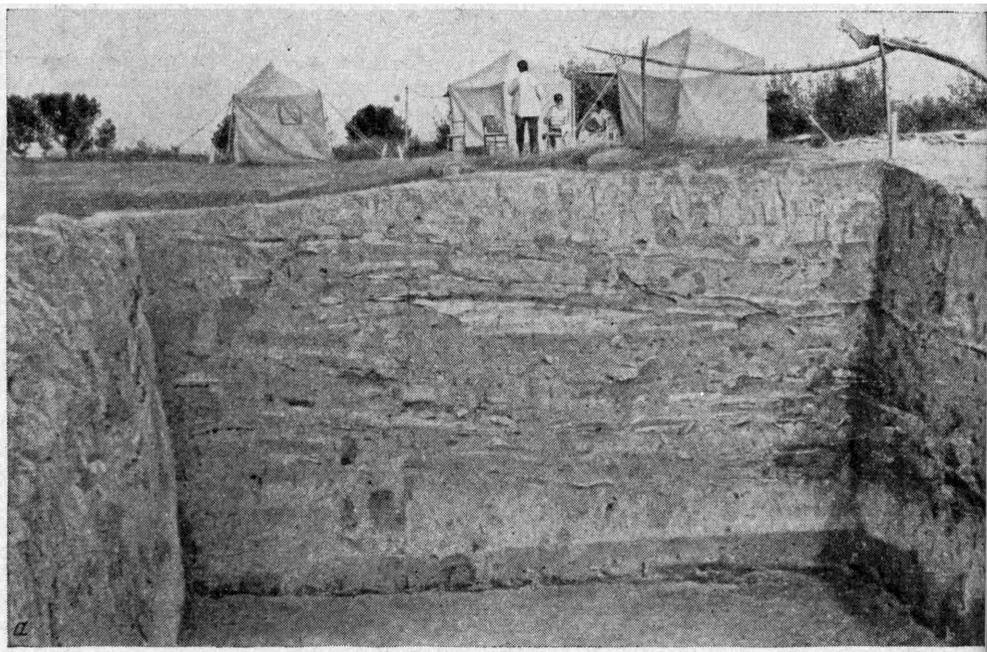

Рис. 7а. Дипсийское поселение. Профиль стратиграфического раскопа, слой бронзового века

Рис. 7б. Дипсийское поселение. Один из очагов 6-го строительного горизонта

курган. Но материал из этой подушки чрезвычайно важен: здесь представлена культура наиболее раннего энеолита — так называемая Протомарица, предшествовавшая появлению графитной орнаментации и соответствующая культуре Протобаян на территории Румынии.

Другая часть поселений отличалась меньшими размерами и более кратким периодом существования. Некоторые из них были заселены лишь в ранние периоды и не имели слоя бронзового века. Небольшое поселение в районе с. Житарова (северо-западнее Бургаса) имело только энеолитический слой, а два поселения — Шехларская могила у с. Чокоба (юго-восточнее Сливена) и Карапелтская могила близ ст. Конево — дали материал только бронзового века. Исследование таких однослойных памятников для решения проблем бронзового века особенно перспективно, тем более, что культурный слой этой эпохи достигает у них 7—8 м. Несомненный интерес представляет установленное разведкой наличие культурных слоев на ровных полевых участках рядом с холмами (Берекетская могила, Драгиева могила). Видимо, сама структура древнейших земледельческих поселений Болгарии была сложнее, чем ее представляли ранее: помимо самих долговременных поселений на больших холмах, существовали своего рода выселки, менее долговременные и примыкавшие к основным поселениям.

Одной из задач разведки был выбор объектов исследований на ближайшие годы. План экспедиции предусматривает прежде всего продолжение широких раскопок Дипсийского поселения вплоть до вскрытия слоя бронзового века на всей его площади. Но наряду с этим необходимо произвести раскопки меньших масштабов еще на нескольких поселениях, имея в виду прежде всего стратиграфические исследования и определение особенностей культуры бронзового века на каждом из них. Разведки показали, что первоочередными объектами таких исследований должны стать поселения в с. Кирилло-Мефодиево и Веселиново: они различны по характеру культурного слоя, заметно пополняют друг друга и оба находятся под угрозой разрушения, особенно Веселиново, культурный слой которого уже в значительной мере размыт р. Тунжей. Кроме того, как уже указывалось выше, к первоочередным объектам исследований должны быть причислены однослойные поселения бронзового века.

Предпринятые раскопки так называемого Дипсийского поселения у г. Нова Загора уже в первый сезон дали большой и чрезвычайно ценный материал³. Основным, принципиально важным результатом этих работ явилось выделение в культурном слое бронзового века десяти строительных горизонтов (рис. 7а), что создало возможностьдробного хронологического членения материала. Тогда же под слоем бронзового века был найден более ранний — энеолитический слой, который в 1961 г. не исследовался: специальный стратиграфический раскоп был остановлен на поверхности финального энеолитического строительного горизонта. Значительный по площади основной раскоп в 1961 г. был доведен до 4-го строительного горизонта бронзового века. Поэтому одной из главных задач, стоявших перед экспедицией в 1963 г., было продолжение исследований Дипсийского поселения: 1) углубление стратиграфического раскопа для выявления характера последовательности всех слоев и определения хронологических рамок поселения; 2) расширение и углубление основного раскопа с целью максимального полного освещения жизни поселка бронзового века на различных этапах его развития.

На стратиграфическом раскопе исследовался энеолитический слой поселения, непосредственно подстилавший слой бронзового века. Вся площадь раскопа (78 м²) опущена еще на 1 м, вскрыты два строительных горизонта — 11-й и 12-й.

³ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 24 и сл.

С переходом к энеолиту цвет и характер культурного слоя несколько меняются: слой становится более светлым и плотным, а толщина отдельных строительных горизонтов увеличивается. Последнее, очевидно, следует связывать с более массивными сооружениями, которые, соответственно, реже подвергались перестройкам. Вместе с тем надо отметить чрезвычайно плохую сохранность энеолитических построек на исследуемом участке, который, несомненно, представлял в эту эпоху крайнюю периферию поселения.

В 11-м строительном горизонте обнаружены остатки трех построек; две из них имели печи (или открытые очаги) и примыкавшие к ним обмазанные глиной площадки для сушки зерна — тот же комплекс внутреннего оформления жилищ, который встречается и во всех горизонтах бронзового века.

Рис. 8. Дипсийское поселение.

а — сосуд из 11-го строительного горизонта, поздний энеолит; б — навершие крышки сосуда из 5-го строительного горизонта

Керамика 11-го горизонта весьма разнообразна по размерам, форме и орнаментации сосудов. Размеры сосудов различны — от огромных пифособразных хранилищ⁴ до изящных миниатюрных сосудов. Большинство сосудов наиболее характерно для второй половины энеолита. Среди них должны быть отмечены широкогорлые сосуды с резко выраженным ребром, расположенным на середине тулова или в верхней его части. Венчик их четко выражен, переход от него к тулову отмечен идущим по ребру валиком. Поверхность тщательно залощена и часто украшена вертикальными канелюрами, иногда сочетающимися с дисковидными или шашечными налестками⁵. В некоторых случаях канелюры заменены частыми вертикальными процарапанными линиями, покрывающими верхнюю часть сосуда или все тулово⁶ (рис. 8, а).

Графитный узор представлен большей частью параллельными полосами, треугольниками и сегментовидными фигурами, в отдельных случаях графитная орнаментация сочетается с разнообразными резными и штампованными узорами, инкрустацией белой пастой и окраской края венчика красной охрой. В 11-м горизонте фрагменты таких сосудов составляют редкое исключение.

⁴ Прямое продолжение развития форм, известных еще в неолите и представленных превосходными образцами из раскопок поселения Капитан Димитриево у Пловдива. «Воदाц за Народния археологически музей в Пловдив». София, 1957, рис. 1.

⁵ Ср.: В. Миков и Н. Джамбазов. Деветашката пещера. София, 1960, рис. 55, а — д.

⁶ Ср.: там же, рис. 52, в; 55, 1.

Особо должны быть отмечены миниатюрные сосуды. Они часто сохраняются полностью, точно повторяя формы и пропорции обычных сосудов. В 11-м строительном горизонте найдены миниатюрные сосуды двух типов. Первый — с широким горлом, обрезанным венчиком и несколько вогнутыми в нижней части стенками, второй — с заметно суженным горлом, валиковым венчиком и округленными плечиками. Кроме того, найдены различные варианты открытых чаш.

В целом керамика 11-го строительного горизонта, как и перекрывавшего его 10-го, характерна для позднеэнеолитического комплекса, относимого в Болгарии к типу Коджадермен — Салманово⁷, а в Румынии — ко второй и третьей фазам Гумельницы⁸. Ныне исследователи не без оснований относят этот комплекс к первой половине III тысячелетия до н. э.⁹ На территории Югославии, в долине Моравы, хронологически, а в известной мере и по облику материала этой группе соответствует группа памятников типа Бубани-Хум I¹⁰.

В 12-м строительном горизонте также открыты остатки большой печи (очага?) диаметром 1,4 м, а рядом с ней — остатки второго очага — меньшего, выложенного из камней. Эти сооружения достаточно массивны, общая мощность наслоений этого горизонта достигает 50—55 см.

Керамика 12-го горизонта по технике производства, формам и характеру орнамента близка сосудам 11-го горизонта. Здесь представлен ряд тех же форм (острореберные чаши, кувшины с раздутым туловом и др). Вместе с тем следует отметить и некоторые новые моменты в керамическом комплексе 12-го горизонта. Участились находки фрагментов богато украшенных сосудов с окрашенным красной охрой венчиком, инкрустацией белой пастой¹¹, вертикальными волнообразными каннелюрами¹², мелким чешуйчатым орнаментом¹³, точечным орнаментом¹⁴ и др. Особенно заметно возрастает процент сосудов с графитной орнаментацией. Узоры становятся разнообразнее, в выполнении их следует отметить два приема. При первом графитом покрывались сами узоры, фон же составляла лощеная (черная или коричневая) поверхность сосуда («позитивный орнамент»). При втором графитом покрывался фон, узоры же сохраняли цвет поверхности сосуда («негативный орнамент») (рис. 9).

Негативный орнамент представлен рядами больших кругов, расположенных горизонтально и вертикально (скошенно) на сплошном графитном фоне. Этот орнамент в Болгарии встречается чрезвычайно редко, в Румынии же он характерен для памятников I и II фаз Гумельницы¹⁵.

Такого рода графитная орнаментация характерна не для конца энеолита, а для времени его расцвета и даже первой половины, она встречена в

⁷ Р. Попов. Коджа-Дерменската могила при Шумен. ИАД, VI, 1916.

⁸ D. Berciu. Contributii la problemele neoliticului in Romania in lumina noilor cercetari. Bucuresti. 1961, стр. 445 и сл.

⁹ G. Georgiev. Kulturgruppen der Jungstein- und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien). «L'Europe à la fin de l'âge de la pierre». Praha, 1961, стр. 45—100.

¹⁰ Milutin V. Garašanin. Neolithikum und Bronzezeit in Serbien und Makedonten. «Bericht der Romisch-Germanischen Kommission». N 39, 1958, стр. 54 и сл., табл. 7—10.

¹¹ Такие сосуды особенно характерны для этапа Караново V по классификации Г. Георгиева — Kulturgruppen... табл. XXXI Ia, цветн. схема V; см. также: П. Детева. Селищната могила при с. Биково. «Годишник на Музейте в Пловдивски окръг». София, 1954, рис. 50.

¹² Ср.: Г. Георгиев и Н. Ангелов. Разкопки на селищната могила до Русе пред 1948—1949 г. Известия на археологическия Институт XVIII, София, 1952, рис. 118; они же. Разкопки на селищната могила до Русе през 1950—1953 г. Изв. на Арх. ин-т, XXI, София, 1953, рис. 33, 42, 2; В. Миков и Н. Джамбазов. Указ. соч., рис. 59, b и d, рис. 66, d.

¹³ В. Миков и Н. Джамбазов. Указ. соч., рис. 52, к.

¹⁴ Там же, рис. 61, е.

¹⁵ Ср.: Георгиев и Н. Ангелов. Разкопки... пред 1948—1949 г., стр. 157, рис. 139; Berciu. Указ. соч., рис. 204, 211, 2, 218, 220.

соответствующих слоях поселений в с. Кирилло-Мифодиево, Караново V, во всей так называемой культуре Марицы (Девебарган) ¹⁶.

Для этой же культуры характерен и ряд встреченных в 12-м горизонте видов штампованного орнамента (треугольники с взаимоперпендикулярной штриховкой и др.), а также некоторые специфические формы сосудов, прежде всего широкие чаши с фигурно срезанным краем устья, имеющим несколько крупных волнообразных выступов ¹⁷.

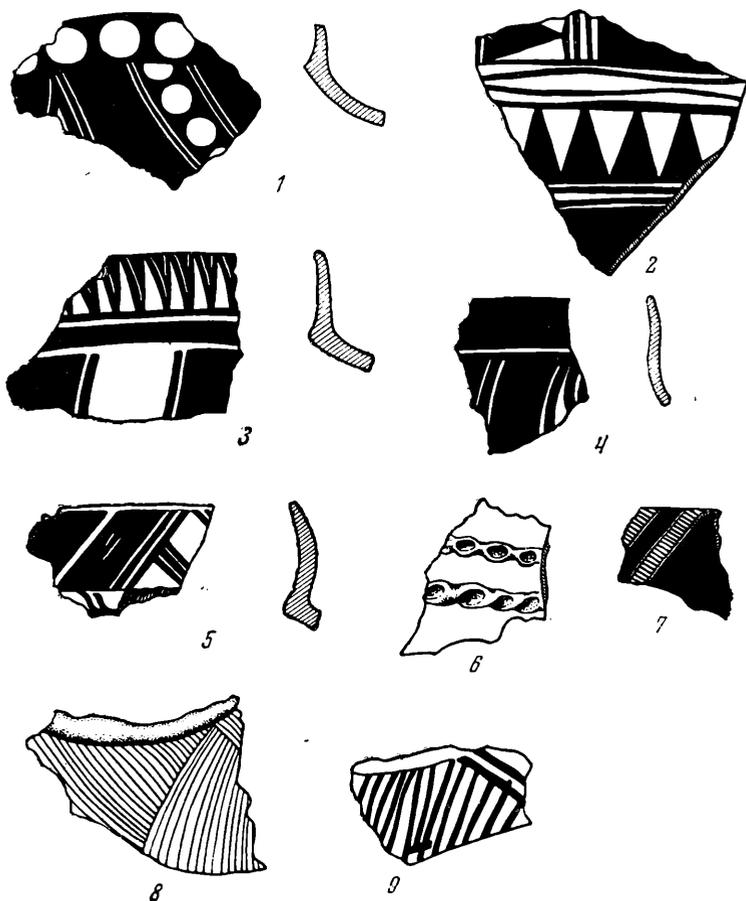

Рис. 9. Дипсийское поселение. Фрагменты энеолитических сосудов

Весьма архаичны и прочие находки из 12-го строительного горизонта. Помимо обычного уплощенного проушного топора из зеленого камня, здесь найден клиновидный топор, форма которого характерна для конца неолита и самого начала энеолита (Караново IV) ¹⁸. Кроме того, найдены: часть полированного молота из черного камня ¹⁹, кремневые долота ²⁰, ножи и концевые скребки, костяные шилья и булавки, основание крупной глиняной статуэтки (возможно, нога человека) ²¹.

Все три строительных горизонта — 10-й, 11-й и 12-й — представляют последовательные этапы развития единой культуры; это доказывается пре-

¹⁶ С. Georgiev. Указ. соч., стр. 78 и сл.; табл. XXIa; цветн. схема V.

¹⁷ Ср.: там же, цветн. схема V.

¹⁸ Ср.: там же, цветн. схема IV; В. Миков. Селишна могила в с. Габарево. «Годишник на народния Музей», книга V. София, 1933, рис. 12.

¹⁹ В. Миков и Н. Джамбазов. Указ. соч., рис. 37, а.

²⁰ Там же, рис. 36, е.

²¹ Ср.: Г. Ил. Гергиев. Энеолитично селище до с. Колена Старозагорско. «Разкопки и проучвания», I. София, 1948, стр. 72, рис. 50.

емственностью основных форм всех категорий находок. Но если верхний — 10-й горизонт дает материал, характерный только для конца энеолита, то 12-й горизонт близок уже к середине энеолитического периода Южной Болгарии.

Если верхние горизонты энеолитического слоя были отнесены к этапу Коджадермен — Салманово — Караново VI — Гумельница II—III, то в 12-м горизонте уже увеличивается число признаков, характерных для этапа Девебарган — Марица — Караново V — Гумельница I. Таким образом, на стратиграфическом раскопе Дипсийского поселения представлен ряд этапов энеолита, когда жизнь поселения протекала без заметных перерывов, как и в бронзовом веке.

Основной раскоп был несколько расширен, площадь его достигла 1300 м². В 1963 г. он был углублен на 40—50 см. Исследовались два уровня сооружений — 5-й и 6-й строительные горизонты.

Общий характер домостроительства в эти периоды жизни поселения был тем же, что и в последующие, представленные 3-м и 4-м горизонтами. Дома здесь были также сравнительно легкой конструкции, основу стен составлял ряд кольев, оплетенных ветвями. Стены обмазывались глиной. В принципе это была та же конструкция, что и у домов более ранних периодов, начиная со среднего неолита. Однако ранние дома, особенно неолитические, четко выявленные раскопками Каранова и Азмашского поселения, гораздо более массивны и долговременны. Колья вкапывались тогда в специальную канавку, слой обмазки был чрезвычайно толстым, фрагменты обмазки, обнаруженные при раскопках, позволяют судить о конструкции стен.

В бронзовом же веке появилась тенденция к упрощению и облегчению конструкции. Колья уже не вкапывались, а просто вбивались в землю, глиняная обмазка стала тоньше, дома чаще перестраивались, ремонтировались и даже строились заново. В связи с этим чаще менялась общая планировка значительных участков поселения, а вместе с ней и строительные горизонты, толщина которых заметно уменьшилась. Все это затрудняет изучение жилищ бронзового века, которые чаще всего фиксируются не по следам стен, а по остаткам печей и прочих внутренних сооружений²².

В 5-м и 6-м горизонтах очень много остатков домов, что свидетельствует о чрезвычайной густоте застройки. Но лишь один раз в южной части площади удалось выявить определенный порядок в расположении ямок от кольев и очертить часть жилища обычной конструкции, ориентированного с юго-востока на северо-запад, где торцовая стена образовывала подобие абсиды.

Лучше сохранились внутренние сооружения — печи, хранилища для зерна, площадки для его сушки и пр. Следует отметить, что и этот внутренний комплекс сохраняется во всех слоях поселений Южной Болгарии — от неолита до бронзового века. В 1963 г. открыты как обычные печи²³, так и большие (диаметром до 2,5 м) тщательно оформленные очаги. Они окружены глиняным валиком, укрепленным в нижней части камнями (рис. 76). Верхняя часть валика иногда орнаментирована. Известные до сего времени на поселениях бронзового века Болгарии открытые очаги²⁴ значительно уступают дипсийским по размерам и тщательности отделки. Возникает вопрос: находились ли большие очаги Дипсийского поселения внутри жилищ, подобно обычным печам, или же они располагались отдельно, под открытым небом или специальными навесами? Если последнее предположение подтвердится, это внесет заметные коррективы в общие

²² В. Миков. Предисторического селище до с. Михалич, Свиленградско. «Разкопки и проучвания», I. София, 1946, стр. 9; В. Миков и Н. Джамбазов. Указ. соч., стр. 100.

²³ Ср.: В. Миков. Предисторического селище до с. Михалич, стр. 9, рис. 1.

²⁴ Там же.

представления о планировке, объяснит чрезвычайную густоту расположения остатков очагов и печей в каждом строительном горизонте.

Весьма интересным представляется наличие определенной преемственности специфики отдельных участков поселения в различных горизонтах. Так находки 4-го горизонта позволили предполагать наличие остатков бронзолитейного производства на северных участках раскопа²⁵. В 5-м и 6-м горизонтах на этих же участках вновь встречены особенно значительные скопления золы и угля и среди них листовидный бронзовый (?)²⁶ нож, верхняя половина второго такого же ножа и чрезвычайно острое квадратное в сечении шило.

Следует отметить, что в период, соответствующий 5-му горизонту, произошла значительная перестройка поселения, видимо, последовавшая за большим пожаром, в котором погибли постройки 6-го горизонта. Ориентировка домов была изменена, соответственно изменилось и положение внутренних сооружений.

Но материал обоих горизонтов имеет единый облик и будет рассмотрен в целом.

Как и в более поздних горизонтах, здесь представлены многочисленные формы сосудов-хранилищ, «кухонной» и «столовой» посуды. Для первой группы основными формами являются большие одноручные и двуручные кувшины с черной грубой, а иногда залощенной поверхностью или пифособразные сосуды без ручек. Эти сосуды и вся группа сосудов-хранилищ очень мало изменяются в слое бронзового века. Более подвержены изменениям две другие группы. Они характерны именно для средних горизонтов, специфика которых установлена еще на стратиграфическом раскопе²⁷. Основные формы — двуручные или одноручные кувшины, кубки, кружки и, особенно, открытые чаши. Орнамент резной, точечный, валиковый и шнуровой. Последний представлен очень обильно и часто сочетается с другими видами орнамента. Характерно также исполнение одних орнаментальных мотивов в разной технике — чаще всего это система «свисающих треугольников», типичная для керамики с поселений типа Михалич²⁸.

Широкие открытые чаши особенно часты и представлены рядом вариантов: низкие с пологими боками, высокие с крутыми округленными боками, без ручек, с одной, двумя и четырьмя ручками, с ложными ручками, «защипами», «кнопками», в единичных случаях с носиком (подражание асковидным сосудам). Одна из чаш особенно богато орнаментирована по внешней и внутренней поверхностям (зигзаг, треугольники, косые кресты) и дну (крест). Орнамент резной и точечный. Как и многие другие находки, этот сосуд отнюдь не подтверждает мнения о резком обеднении орнаментации сосудов при переходе от энеолита к бронзовому веку.

Открытые чаши этого типа справедливо сопоставляются Меллаартом с анатолийскими находками²⁹. Но предложенная им на этом основании синхронизация Михалича, Бубани-Хум II и Гумельницы с ранними горизонтами Трои I неубедительна. Следует иметь в виду длительность периода существования данной формы чаш: в Болгарии она известна на протяжении всего энеолита, и именно эти ранние чаши типа Каранова VI закономерно сопоставлять с материалами Кумтепе I в. Синхронизация же Михалича с Гумельницей полностью опровергнута приведенными выше данными стратиграфического раскопа, где соответствующие поздней Гумельнице горизонты относятся к энеолитическому слою, подстилающему слой бронзового века с находками типа Михалича. Последний же, как и Бубани-

²⁵ Н. Я. Мерперт. Указ. соч.

²⁶ Анализ металла еще не произведен.

²⁷ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 27.

²⁸ В. Мик ов. Предисторическо селище до с. Михалич, рис. 7—8.

²⁹ J. Mellaart. *Anatolia and the Balkans. Antiquity*, 1960, № 136, стр. 27.

Хум II и III синхронизируется не только с Троей I, но и с Троей II—III, что подтверждается и другими данными³⁰.

Среди керамических находок отметим цилиндрические сосуды, прототипы которых известны уже в среднем неолите (Караново IV)³¹. Особый интерес представляет навершие крышки уникального сосуда в виде пятилепестковой розетки, украшенное сложным шнуровым узором (рис. 8, б). Помимо сосудов, найдены пряслица и часть стагуэтки быка³², орнаментированная кружками и насечками.

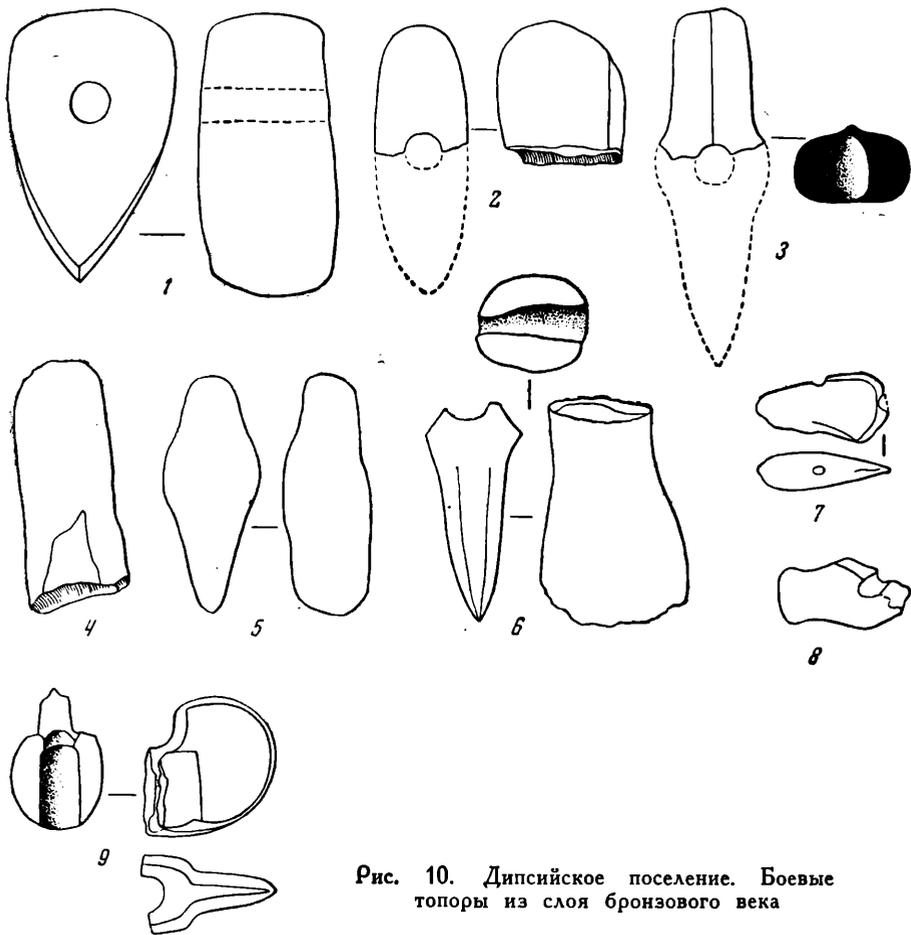

Рис. 10. Дипсийское поселение. Боевые топоры из слоя бронзового века

Каменные изделия представлены проушными топорами разных типов (рис. 10). Среди них тяжелые колунообразные, ладьевидные, с боковыми выступами. Эти топоры заметно отличны от энеолитических и связаны с общим кругом «боевых топоров» раннего бронзового века. Аналогии им в Болгарии известны, поселения Михалич³³. Там же находят аналогии и не однократно найденные нами глиняные модельки топоров³⁴. Более необычен

³⁰ Например, изображением креста на одном из сосудов. Такой же крест известен в Бубани-Хум III, который отнесен М. Гаршаниным к началу периода А, по Рейнке, т. е. к рубежу III и II тысячелетия до н. э. М. Garašanin. Указ. соч., табл. 14, 1, стр. 65.

³¹ G. Georgiev. Указ. соч., табл. V, 3.

³² Ср.: В. Миков. Предисторического селище до с. Михалич..., рис. 11, а.

³³ Там же, рис. 3.

³⁴ Там же, стр. 19, рис. 11, b — d.

топор с высокой лопастью, найденный в 5-м горизонте. Аналогии ему в Болгарии неизвестны.

Кроме топоров, найдены шаровидные булавы, скребки, вкладыши для серпов, зернотерки и терочники. Костяные и роговые изделия представлены мотыгами, молотами, наверхиями, шильями, подвесками.

Кости в подавляющем большинстве принадлежат домашним животным, прежде всего корове и овце; из диких животных должен быть отмечен олень, рога которого неоднократно находили внутри жилищ у очагов.

В ряде домов обнаружены скопления зерна. Анализ показал наличие здесь многорядного ячменя и пшеницы — двузернянки — полбы³⁵.

Подводя итоги раскопкам 1963 г., следует отметить прежде всего наблюдения на стратиграфическом раскопе: выделение строительных горизонтов внутри энеолитического слоя и определение различий между ними. Это крайне важно не только для конкретизации представлений о самом энеолите, но и для выяснения корней ряда культурных явлений, оформившихся в бронзовом веке. Достоин внимания переход от охватывавшей ограниченную территорию неолитической культуры к энеолитической культуре Караново V—VI. Последняя входит в культурно-историческую область Гумельницы, характерной для весьма значительной территории Северо-Западного Причерноморья. Это позволяет говорить об определенном процессе культурной интеграции Западного и Северо-Западного Причерноморья в среднем и позднем энеолите.

С началом бронзового века процесс интеграции сменяется процессом дифференциации, что было обусловлено усилением и перемещением отдельных племенных групп, активизацией северных континентальных связей, заметным ростом роли скотоводства, а следовательно и подвижности населения, наконец, отдельными миграциями. Ранний бронзовый век явился временем взаимодействия различных, даже противоположных явлений: старые традиции еще сохраняются (долговременные поселения, земледелие, жилища, ряд керамических форм и др.), но указанные выше факторы вызывают уже ряд изменений экономики, быта, культуры, а к концу этого периода приводят к прекращению жизни долговременных раннеземледельческих поселений. Изменяются ориентация и характер внешних связей. Среди них определенную роль начинают играть связи с подвижными скотоводческо-земледельческими племенами Северного Причерноморья. Последние проникают все далее на юг, вплоть до Северной Болгарии³⁶, а возможно, и до Северо-Западной Анатолии³⁷. И выработка определенных черт, общих для Северного и Западного Причерноморья оказывается исторически объяснимой: она обусловлена всеми указанными факторами как внешнего, так и внутреннего порядка.

³⁵ Приношу глубокую благодарность А. В. Кирьянову, произведшему определение зерна.

³⁶ В. М и к о в. Последние могилы находки. «Мадара», кн. I. София, 1934, стр. 429 и исл.; Р. П о п о в. Могильник гробов при с. Ендже. «Известия на Българския археологически Институт», том. VI, София, 1932, стр. 89 и сл.

³⁷ Т г о у, v. IV, pt. I. Princeton, 1958, стр. 144—146; pt. 2, табл. 284, 1—24; 285, 1—8.

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ и Д. А. КРАЙНОВ

· НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

С 1956 г. Верхневолжская экспедиция приступила к планомерному и широкому изучению археологических памятников древнейшей истории Верхнего Поволжья. Особое внимание было уделено обследованию Ярославской и Ивановской областей, неолитические памятники которых слабо изучены по сравнению с другими районами Верхней Волги. В Ивановской области, за исключением Сокольской стоянки¹, совершенно не были известны памятники эпохи неолита.

Верхневолжская экспедиция обследовала около 60 поселений и отдельных местонахождений времени неолита и раннего металла² (рис. 11).

На многих из вновь открытых и ранее известных поселений были проведены широкие раскопки (на стоянках Золоторучье I, II, III, Караш I—II, Богоявление I, Уница, Кандалиха, Польцо, Кухмарь I, Дикариха, Ворокса, Сахтыш I, II и др.); стоянки Сомино I, II, Сельцо, Рождественский остров, Воржа, Сахтыш IV, Поляна, Клячино, Мыт I, Введение, Боровое и др. — шурфовались.

Исследованные поселения разновременны. Они располагались на дюнах или вокруг озер. Большинство дюнных стоянок находится по берегам крупных рек, а приозерные стоянки, количество которых значительно больше, в низинных местах, у небольших речек, вытекающих из озер. На берегах оз. Неро зарегистрировано более 20 поселений, на озерах Плещеево и Сомино известно также не менее 20 стоянок, на оз. Караш — четыре поселения, на Вашутинском — три, вокруг оз. Сахтыш — не менее 15 мест древних поселений и т. д.

Большинство приозерных стоянок отличается мощностью культурных наслоений, указывающих на их длительное существование. Местоположение ранних мезолитических и неолитических стоянок на дюнах, а более поздних, неолитических, по берегам мелких рек и озер, возможно, объясняется последовательным расселением племен в связи с возрастающим значением охоты и рыболовства. Среди исследованных стоянок имеются однослойные памятники (Кандалиха, Кухмарь I, Ворокса, Акулово, Моствовье, Клячино, Мыт I, Воржа и др.) и многослойные (Золоторучье, Уница, Караш II, III, Сахтыш I, II и др.). К самым ранним памятникам следует отнести нижние слои стоянок Золоторучье I, III, Коприно, Богоявление, Алтыново I, Скнятино, Нестерово и др. Они датируются време-

¹ Л. Я. Крижевская. Неолитическая стоянка Сокольское I на Волге. МИА, № 110, М., 1963.

² Некоторые стоянки на берегах озер Неро, Плещеево, Сомино были известны ранее, но детальному обследованию не подвергались.

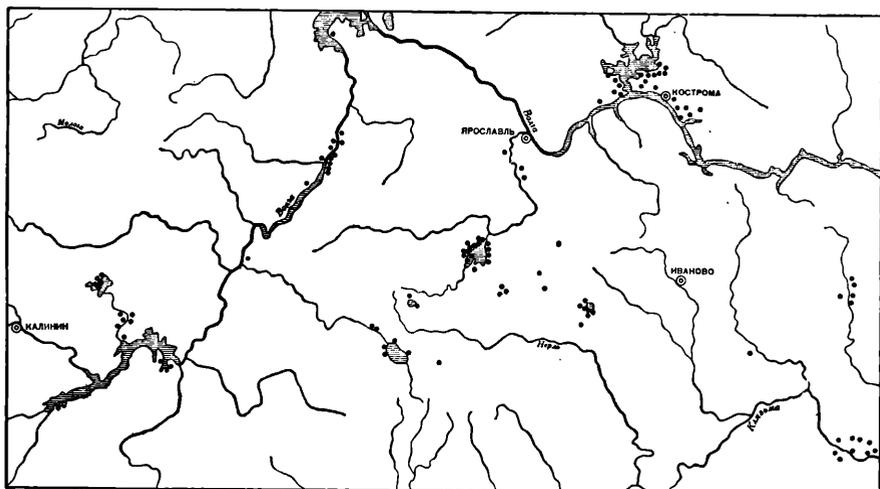

Рис. 11. Поселения эпохи неолита и бронзы, обследованные Верхневолжской экспедицией.

нем позднего палеолита, мезолита и раннего неолита. Кремневый инвентарь этих стоянок содержит больше микролитических форм, чем ранние слои приозерных стоянок. К более поздней поре раннего неолита относятся нижние слои стоянок Польцо, Уница, Сомино, Караш I, Сахтыш I—IV, Поляна, Мыт I. Верхние слои указанных стоянок и поселения типа Родионово, Ворокса, Кухмарь I, Дикариха, Рождественский остров датируются временем позднего неолита и эпохи бронзы.

Многослойные стоянки рисуют единую схему последовательности неолитических культур и культур раннего металла на Верхней Волге. Примером подобных стоянок могут служить Уницкая³ и стоянки на оз. Сахтыш. Поскольку в Ивановской области неолитические памятники до сих пор почти не изучались, остановимся подробнее на характеристике результатов раскопок стоянок Сахтыш I и Сахтыш II.

Обе стоянки находятся в 2 км от с. Сахтыш рядом с поселком Участок № 4 Тейковского торфпредприятия. Стоянка Сахтыш I расположена на правом берегу осушенного русла р. Койки, впадающей в р. Нерль, на небольшой возвышенности, называемой Малым Островком. Стоянка Сахтыш I была открыта в 1930 г. В. И. Смирновым⁴, который отмечал трехслойность стоянки, а в 1957 г. обследована Е. Н. Ерофеевой⁵. Раскопками Верхневолжской экспедиции в 1962—1963 гг. на стоянке была вскрыта площадь около 150 м². Шурфовкой и раскопками установлено, что почти вся территория Островка, площадью около 2 га, была занята древним поселением.

Стоянка Сахтыш II, открытая Верхневолжской экспедицией в 1962 г., расположена в 500—600 м ниже по течению р. Койки на небольшом возвышении ее левого берега, окруженного болотистой низиной. Река огибает стоянку с севера и востока. Общая площадь возвышения, вытянутого с севера на юг, около 20 700 м². Шурфовкой установлено, что стоянка

³ Уницкая стоянка раскапывалась в 20-х годах Д. Н. Эдинггом, а в 1961—1962 гг.— Верхневолжской экспедицией. Установлено, что одновременный археологический материал Уницкой стоянки не может рассматриваться как единый комплекс. Два нижних слоя стоянки содержат материалы раннего (конца III, начала II тысячелетия до н. э.) и позднего неолита.

⁴ В. И. Смирнов. Дневник археологического обследования стоянки на берегу оз. Сахтыш. Личный архив Л. С. Китициной.

⁵ Е. Н. Ерофеева. Отчет о разведочных работах в Ивановской области за 1957 г. Архив ИА АН СССР. Коллекция Ивановского областного музея.

располагалась вдоль берега реки и занимала не менее 3500 м. Основной раскоп площадью 150 м² был заложен на северной стороне возвышенности у реки. Мощность культурного слоя стоянки Сахтыш II не превышает 70 см, тогда как культурный слой стоянки Сахтыш I достигает 1,2 м.

Трехслойность обеих стоянок (Сахтыш I и II) устанавливается стратиграфически и по керамическим комплексам. В первом слое (под дерном) черного рыхлого гумуса до глубины 15—20 см находились культурные остатки раннего железного века и конца эпохи бронзы, состоящие из обломков сетчатой керамики, поздневолосовской, тонкостенной керамики бронзового века и редких находок ямочно-гребенчатой керамики. Во втором слое в темно-сером гумусе с глубины 15—20 см и до глубины 40—50 см были найдены многочисленные обломки волосовской керамики с примесью раковин и в значительном количестве ямочно-гребенчатая керамика. Для третьего культурного слоя (серовато-рыжеватый плотный гумус) с глубины 40—50 см и до 70—120 см характерна ямочно-гребенчатая керамика с редкими находками обломков волосовских ранних сосудов. Первый и второй слои стоянок Сахтыш I и II дали наибольшее количество находок. Третий слой стоянки Сахтыш I относится к более раннему времени, чем третий слой стоянки Сахтыш II.

Стоянки Сахтыш I и Сахтыш II близки не только по стратиграфии, но и по характеру находок. Следует отметить необыкновенную насыщенность культурного слоя стоянок самыми разнообразными поделками из кости, кремня и камня. В большом количестве найдены орудия из костей животных — шилья и проколки, иглы и игольники, различные острия, ложила, долота, кинжалы, наконечники стрел, рыболовные крючки. Гарпуны различных форм найдены во всех трех слоях стоянок (рис. 12, 3, 5—7, 9, 10, 11). Гарпуны с отверстием для привязывания найдены главным образом в верхних слоях. Прекрасной выделкой отличаются пять гарпунов из жилища на стоянке Сахтыш II (рис. 12, 6, 7). Костяные стрелы, найденные в большом количестве, разнообразны по форме — плоские ромбические, длинные игловидные, шигирского типа и др. Из костей птиц изготовлялись игольники и проколки. На многих орудиях имеются простейшие узоры. Рыболовные крючки довольно крупных размеров, найденные во втором и третьем слоях стоянок, орнаментированы зубцами и нарезками (рис. 12, 4). Более сложным геометрическим орнаментом украшена костяная поделка из верхнего слоя стоянки Сахтыш I (рис. 12, 8). Тщательностью выделки отличается проколка, (рис. 12, 1). Украшения представлены подвесками из зубов кабана, лося, медведя, хищников и из челюстей куницы, просверленных или имеющих специальные углубления для привязывания. Большое количество костяных орудий, незаконченных изделий из кости и рога, а также костей со следами работы свидетельствует о высоком развитии техники обработки кости.

Многочисленны и разнообразны кремневые орудия из разноцветного валунного кремня невысокого качества, сохранившие следы многократного использования.

Количественно преобладают скребки и скребкообразные орудия небольших размеров, округлой, подпрямоугольной, трапецевидной формы, сделанные на отщепах и пластинах (рис. 13, 2, 3). Встречаются скребки с высокой спинкой, концевые скребки и микроскробки (рис. 13, 2).

Скобели и ножи изготовлены на отщепах и изогнутых пластинах (рис. 13, 9, 13, 16). Большинство скобелей имеет небольшие выемки и использовалось для обработки мелких костяных или деревянных орудий. Среди проколок и сверл на широких и узких отщепах выделяются орудия волосовского типа, целиком обработанные ретушью, с удлиненной рабочей частью, иногда подправленной резцовыми сколами (рис. 13, 8). Найдены комбинированные орудия — скребок-сверло, сверло-скребок, нож-скобель, скребок-резец (рис. 13, 17).

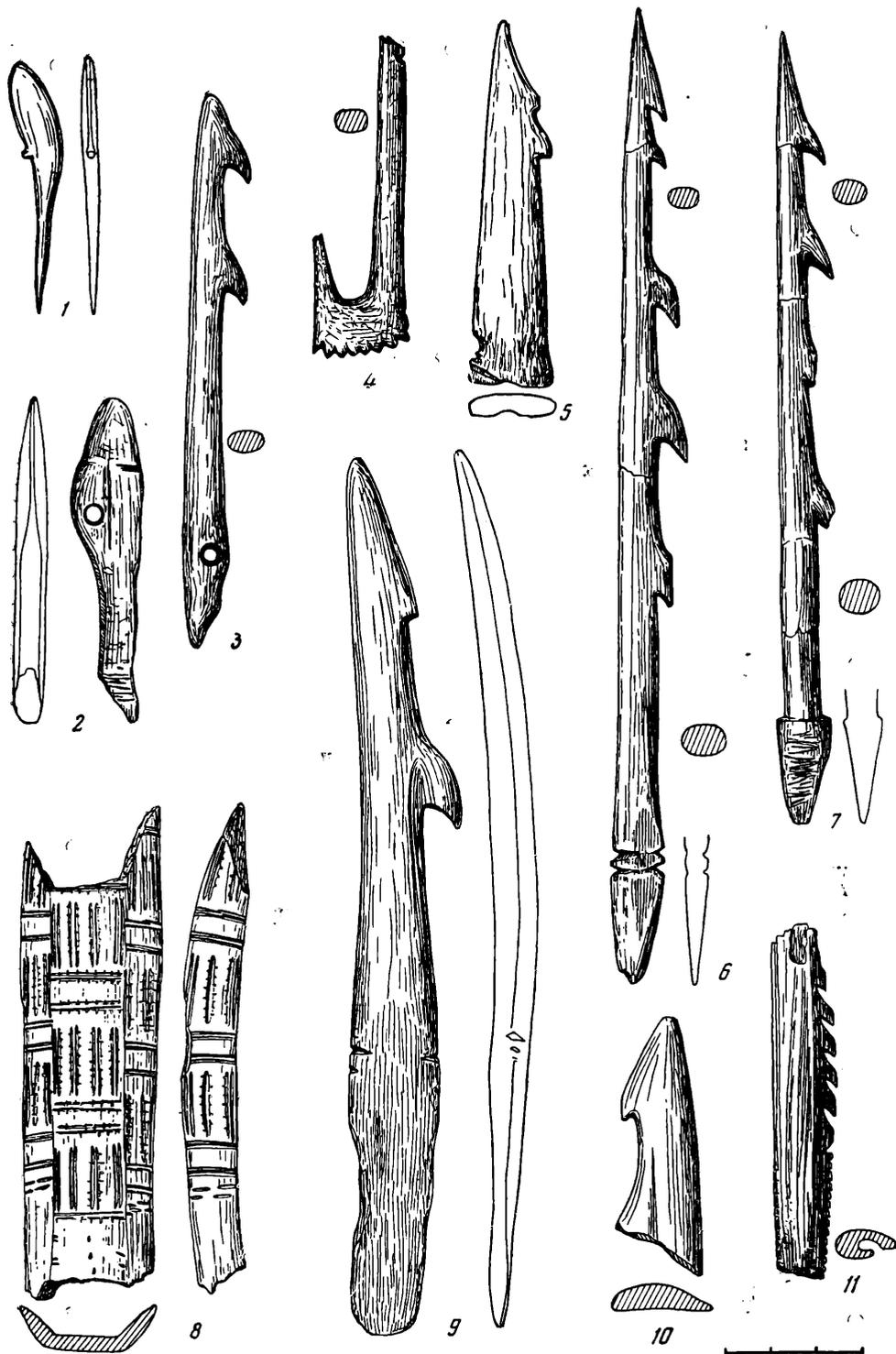

Рис. 12. Костяные предметы из стоянок Сахтыш I (1, 5, 8, 10) и Сахтыш II (2-4, 6, 7, 9, 11).

1 — проколка; 2, 3, 5-7, 9-11 — гарпуны; 4 — рыболовный крючок; 8 — подделка с орнаментом

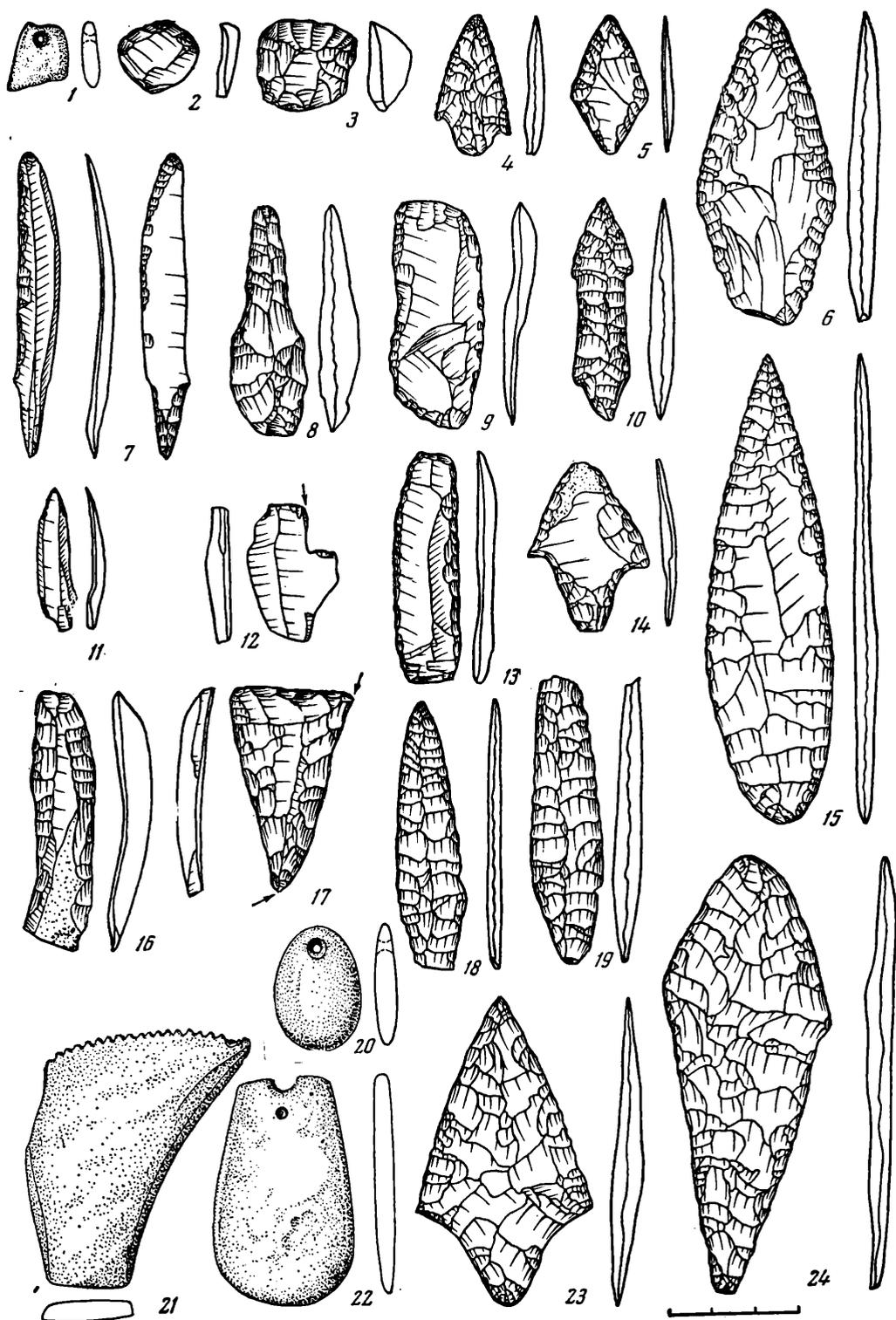

Рис. 13. Предметы из стоянок Сахтыш I (1—15) и Сахтыш II (16—24).

1 — янтарь; 2—19, 23, 24 — кремнь; 20—22 — сланец; 1, 20, 22 — подвески; 2, 3 — скребки; 4—7, 10, 11, 14, 15, 18, 19, 23, 24 — наконечники стрел, дротиков и копий; 8 — сверло; 9, 13, 16 — ножи; 12 — резец; 17 — резец-скребок; 21 — керамический штамп

Наконечники стрел различны по форме и найдены в основном в обломках. Стрелы с двусторонней обработкой, удлинённой листовидной формы преобладают в нижних слоях (рис. 13, 18, 19). Кроме того, встречаются стрелы ромбической (рис. 13, 5) и подромбической формы и треугольно-черешковой формы (рис. 13, 4), сделанные на пластинах (рис. 13, 14). В нижнем слое стоянки Сахтыш I найден небольшой наконечник стрелы архаической формы, на узкой пластинке, с подретушированным с брюшка черешком (рис. 13, 11). Во втором слое обнаружена подобная же длинная

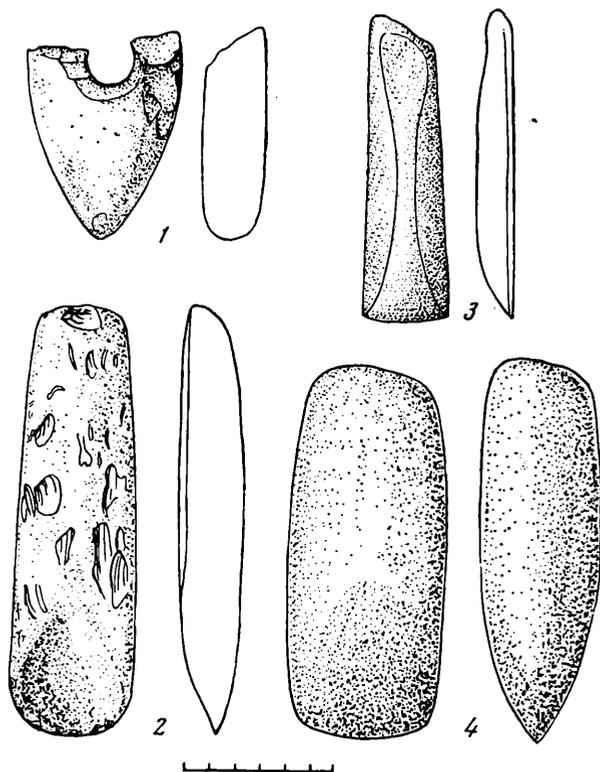

Рис. 14. Каменные орудия из стоянок Сахтыш I (1—2) и Сахтыш II (3, 4)

пластинка, употреблявшаяся как нож (рис. 13, 7). В единственном экземпляре встречен гарпуновидный наконечник с четырьмя шипами, сделанный из розоватого кремня (рис. 13, 10), по форме близкий наконечнику из Панфиловской стоянки.

Наконечников дротиков и копий немного, они треугольно-черешковой формы (рис. 13, 23), ромбической (рис. 13, 6) или удлинённо-липовидной с суженным концом (рис. 13, 15). Особенно интересен наконечник копья с длинным черешком и коротким пером (рис. 13, 24). Резцы и орудия с резцовыми сколами в небольшом количестве найдены в первом и втором слоях стоянок (рис. 13, 12). Помимо законченных кремневых орудий имеется большое количество заготовок, отщепов с подработкой, нуклеидных кусков и т. п.

Крупные орудия, найденные на стоянках, сделаны в основном из камня и сланца, некоторые экземпляры прекрасно заполированы. Массивные каменные полированные топоры клиновидной формы, желобчатые долота, каменный пест, обломок топора со сверлиной происходят из верхнего и среднего слоев (рис. 14, 1—4), сланцевые тесла и долота трапециевидной и прямоугольной формы, размерами от 3 до 12 см — из среднего и нижнего

слоев. В нижних слоях полированные орудия и их обломки встречаются в меньшем количестве, чем в верхних.

Из сланца и камня изготовлены просверленные подвески овальной и подпрямоугольной формы (рис. 13, 20, 22) и керамические штампы (рис. 13, 21). Кроме того, найдены каменные плитки, отбойники, терочники. Из второго слоя стоянок происходят так называемые выпрямители древков стрел, сделанные из песчаника. Среди прочих находок следует упомянуть обломок янтарной подвески из нижнего слоя стоянки Сахтыш I (рис. 13, 1).

Керамика стоянок Сахтыш I и II разнообразна. Наиболее ранняя и самая многочисленная — ямочно-гребенчатая — преобладает в нижних слоях, но встречается и в верхних слоях, претерпевая некоторые изменения в орнаментике и форме. Сделана она из глины с примесью песка и толченого кварца и в зависимости от обжига имеет серый или красновато-желтый цвет. Орнамент состоит из густых рядов мелких и крупных глубоких ямок, разделенных различными оттисками зубчатого штампа или лунницами (рис. 15, 1—3). На некоторых черепках, найденных в верхних слоях, орнамент не сплошной и ямки образуют геометрические композиции. Судя по характеру прямых венчиков и обломков днищ, мелкие и крупные сосуды имели широкое горло и закругленное или острое дно. Находки волосовской керамики с растительной примесью и примесью раковин преобладают во втором слое. Керамика эта желтовато-коричневого цвета, толстенная, орнаментирована различными зубчатыми вдавлениями, оттисками рамчатого штампа, неправильной формы ямками и т. п. (рис. 15, 6, 9, 10). Во втором и третьем слоях в небольшом количестве встречены обломки тонкостенных сосудов из плотной глины с примесью раковин, со слабо отогнутым венчиком и намечающейся шейкой. Орнамент состоит из редких нечетких ямок и вдавлений или вообще отсутствует.

Сетчатая керамика серо-коричневого цвета найдена в небольшом количестве в верхнем слое. Сосуды по тулову орнаментированы редкими нечеткими ямками (рис. 15, 8) и пояском жемчужин под горлом, дно плоское или округлое. Вместе с этой керамикой в небольшом количестве обнаружены обломки сосудов эпохи бронзы. Их отличает коричневый или желтый цвет поверхности, примесь песка и дресвы, наличие невысокой шейки. Орнамент двухзональный, на шейке и плечиках, состоит из оттисков различных коротких зубчатых штампов (рис. 15, 4, 7). Керамика эта близка керамике стоянки Умиление и Алёканово⁶. На стоянке Сахтыш II в верхнем слое встречаются сосуды с хорошо профилированной шейкой, со скошенным внутрь срезом венчика, орнаментированные оттисками штампа. Орнамент образует лесенки, зигзаги, ромбы и параллельные ряды веревочки (рис. 15, 5). Керамика эта напоминает чирковско-сейминскую, по А. Х. Халикову, и относится к концу эпохи бронзы⁷.

На обеих стоянках обнаружено огромное количество кухонных остатков. Большие скопления рыбьей чешуи, кости рыб и разнообразные рыболовные орудия свидетельствуют о большом значении рыболовства в хозяйстве неолитических обитателей стоянки. Не меньшее значение имела охота на диких животных и водоплавающих птиц. В. И. Цалкин определил кости следующих видов диких животных: бобра, куницы, лося, медведя, кабана, северного оленя, косули, зайца, выдры, волка, барсука, ласки, белки, водяной крысы и птицы. По количеству костных остатков и числу определенных особей в двух нижних слоях стоянок Сахтыш I и II, как и на других стоянках⁸, преобладают бобр, лось, куница. Реже встречаются медведь, северный

⁶ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, рис. 99, 8—9.

⁷ А. Х. Халиков и Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы. МИА, № 110, 1963, стр. 254, рис. 12.

⁸ М. Е. Фосс. Стоянка Веретье. Труды ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 29, 30.

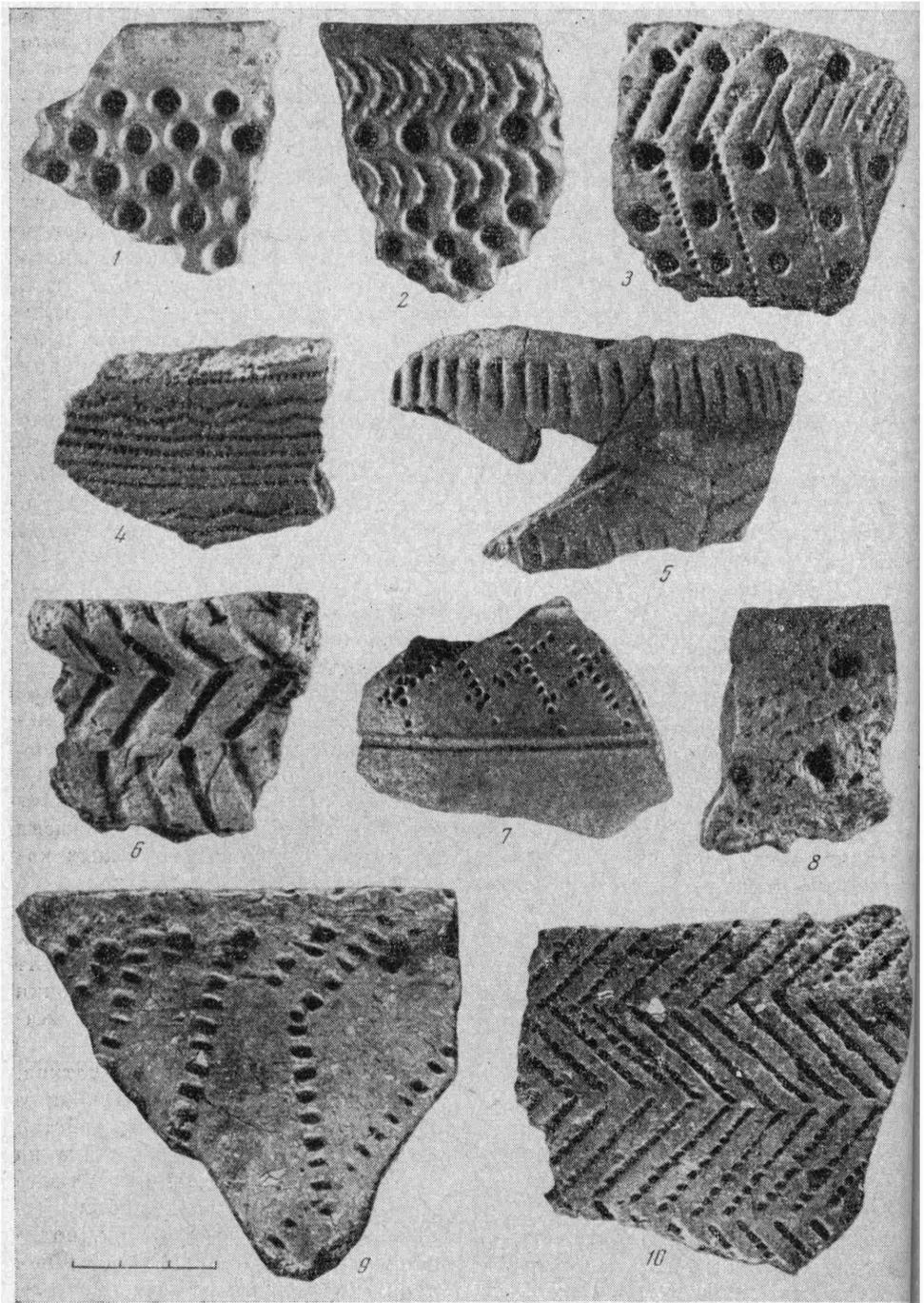

Рис. 15. Керамика из стоянки Сахтыш I.

1—3 — ямочно-гребенчатая; 6, 9, 10 — волосовская; 4, 5, 7 — эпохи бронзы; 8 — сетчатая

олень, кабан и пр. В верхнем слое встречаются все виды указанных животных, но в меньшем количестве.

Домашние животные представлены следующими видами: собака, свинья, мелкий рогатый скот, крупный рогатый скот и лошадь. Кости собаки появляются в нижнем слое и встречаются во втором слое. Найдены они и на других неолитических стоянках⁹. Кости свиньи, мелкого рогатого скота и крупного рогатого скота появляются на стоянках Сахтыш I и II во втором слое, а кости лошади в слое с сетчатой керамикой.

До сих пор считалось, что у волосовцев наблюдаются только первые попытки приручения животных (свиньи)¹⁰, а «единственным прирученным животным была собака»¹¹. Однако находки костей свиньи, мелкого и крупного рогатого скота во втором слое стоянок Сахтыш I и II и на других неолитических стоянках (Уницкой, Золоторучье III, Ворокской и Рождественском острове)¹² приводят нас к выводу о существовании у волосовцев скотоводства.

На стоянках Сахтыш I и II обнаружено четыре жилища разной формы и размеров (Сахтыш I — три и Сахтыш II — одно) с большим количеством находок вещей, костей, горелой бересты и т. п. Два жилища (№ 1 Сахтыш I и № 1 Сахтыш II) имели в плане округло-овальные очертания, вытянутые с юго-запада на северо-восток и с юго-запада на северо-северо-восток. Размеры первого $3 \times 2,5$ м, глубина 1 м, а второго $5,7 \times 3$ м и глубина 70 см. На дне этих жилищ обнаружены были кострища и очаги диаметром от 25 до 50 см. Сильная прокаленность почвы под ними свидетельствует о длительном существовании жилища. Другие два жилища стоянки Сахтыш I, частично исследованные, по-видимому, имели подчетырехугольную форму и отличались большими размерами и глубиной от 1 до 1,2 м. На дне этих жилищ прослежены хозяйственные ямы диаметром до 50 см, глубиной от 20 до 60 см и ямы от столбов, поддерживавших жилище, а также очаги и кострища диаметром до 2,5 м. Над одной из ям встречены большие куски бересты, упавшей, вероятно, с перекрытия крыши жилища.

Все эти жилища относятся к типу полуподземных сооружений и связываются со вторым культурным слоем (волосовским). Подобные им округлые и подчетырехугольные жилища полуземляночного типа встречены и на других стоянках Волго-Окского междуречья (Федоровской, Панфиловском, Володары, Гавриловке и т. д.). Вне жилищ на стоянках обнаружены кострища и очаги, вокруг которых найдены раздавленные сосуды и большое количество различных предметов.

Особый интерес представляют погребения людей, обнаруженные на обеих стоянках в культурном слое на глубине от 25 до 65 см. На стоянке Сахтыш I — три погребения, Сахтыш II — пять одиночных погребений и одно коллективное и отдельные куски черепов, вероятно, от разрушенных погребений. Отсутствие конечностей и черепов в некоторых погребениях, а также следы от ударов и надрезов на костях скелетов заставляют предполагать или преднамеренное расчленение погребенных, или гибель их во время военных столкновений. У большинства погребений ямы не прослежены, за исключением погребения 1 на стоянке Сахтыш I, где на глубине 72 см обнаружен скелет мальчика 12—14 лет, лежавший в сильно скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад и лицом на юго-восток. По-видимому, погребенный был спеленут¹³. Рядом со скелетом найден кремневый короткочерешковый наконечник стрелы сейминского типа, а в

⁹ М. Е. Фосс. Стоянка Верьты. Труды ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 30; И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Труды ГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 40.

¹⁰ О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 71.

¹¹ И. К. Цветкова. Указ. соч., стр. 40.

¹² Osteологический материал этих стоянок определен В. И. Цалкиным.

¹³ По своему положению он напоминает захоронения 12 и 14 из Тимофеевского фатьяновского могильника. Д. А. Крайнов. Фатьяновская культура. САИ, вып. II, М., 1964.

засыпке могилы на глубине 60 см — кости свињи и обломки круглодонного сосуда с зубчатым орнаментом. Возможно, это погребение датируется временем позднего бронзового века. Антрополог Г. В. Лебединская определила, что череп из этого погребения относится к европеоидному типу.

Погребения 2 и 3, обнаруженные в западной части стоянки Сахтыш I на глубине 25 см, относятся, видимо, ко второму культурному слою. Костяки лежали рядом под углом друг к другу, на спине, вытянуто и ориентированы на северо-восток и юго-восток. Кости ног погребенных (по-видимому, мужчины и женщины) были перерублены. Рядом с этими погребениями на той же глубине найдены кости и челюсти медведя и около них кремневый нож и обломки волосовского сосуда. Возможно, кости медведя имеют какое-то отношение к ритуалу погребения.

Погребения стоянки Сахтыш II расположены недалеко от жилища № 1, в культурном слое. Ориентировка погребений различна: на юго-запад — погребения 1, 3, 5; на север — погребение 2; на юго-восток — погребение 6; на юго-запад — скелет В из погребения 4; на северо-восток — скелеты А, Б, Г из погребения 4. Кости некоторых погребений сохранились только наполовину (погребение 1, 2). Особый интерес представляет коллективное погребение 4, содержащее четыре скелета. Три скелета (Б, В и Г) не имели черепов и некоторых костей конечностей. Женский скелет А сохранился в полном анатомическом порядке, череп его имеет европеоидный облик. Костяки А и Г были положены на живот и имели согнутые в локте и поднятые левые руки, при этом в сжатой кисти скелета А найдено тонкое четырехгранное костяное острие. Возможно, что все четыре скелета были захоронены одновременно. Бесспорно, к погребению можно отнести костяное острие в руке костяка А и кремневый треугольночерешковый наконечник дротика, найденный непосредственно под поясничным позвонком костяка Г.

Рядом с коллективным погребением и жилищем 1 на глубине от 45 до 65 см, т. е. на одном уровне с погребением, найдено скопление костей медведей (остатки черепов и тазовые кости). Скопление вытянуто на северо-восток. Рядом лежала колотушка из рога лося. Возможно, скопление костей медведя связано с погребением людей.

Погребения стоянки Сахтыш II почти лишены погребального инвентаря. В погребениях 1 и 4 найдены наконечники дротиков черешкового типа и наконечники стрел; в погребении 1 у черепа найдены трубчатые пронизки из птичьих костей, подобные ожерельям из фатьяновских могильников, и вместе с ними плоская костяная бусина; в погребении 6 — сверленные привески из зубов животных; в погребении 5 — небольшая костяная проколка. В засыпке погребений 2 и 4 найдены черепки волосовской керамики.

Несмотря на то, что погребения совершены на разной глубине, они все же могут быть объединены в одну группу по таким признакам, как преобладание юго-западной ориентировки, наличие красной охры в погребениях 2, 3, 5, вытянутое положение погребенных. Видимо, они относятся ко второму слою стоянки и могут считаться поздними неолитическими погребениями.

Известные в небольшом количестве погребения на других неолитических стоянках (Кубенино, Языково, Панфилово, Федорово, Черная гора) сходны с погребениями стоянки Сахтыш. Так, в Кубенине два погребения были совершены лицом вниз¹⁴, с согнутыми руками, как в погребении 4 Сахтыша.

Вопрос о датировке Сахтышских стоянок решается на основании использования сравнительных материалов с других неолитических стоянок Волго-Окского междуречья, датировка которых считается установленной (Буньково, Бисерово, Волосовская, Борань, Станок, Панфиловская и др.), а также на основании изучения пыльцевых спектров торфяниковых стоянок. Сейчас известны десятки спектров с поселений Волго-Окского между-

¹⁴ М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино. СА, V, 1940, стр. 38.

речь¹⁵. Большинство неолитических стоянок относится к фазе верхнего максимума ели, т. е. к суббореальному времени¹⁶. Ту же картину дает диаграмма пыльцы Сахтышского торфяника¹⁷. Нижний слой стоянок Сахтыш I и II можно датировать концом III — началом II тысячелетия до н. э. на основании пыльцевых диаграмм Бисеровской и Уницкой стоянок¹⁸, близких Сахтышским стоянкам по керамике. Слой с волосовской керамикой, по аналогии с соответствующим слоем Уницкой стоянки, датированной также по пыльце, относится приблизительно к середине II тысячелетия до н. э. Верхний слой датируется концом II тысячелетия — первой четвертью I тысячелетия до н. э. На основании изучения древних поселений, расположенных на территории Ивановской и Ярославской областей, и ранее известных стоянок на Верхней Волге (Николо-Перевоз, Языково, Вашутинской, Борань, Станок I и II, Федоровской и др.) устанавливается последовательная смена одинаковых культур времени неолита и раннего металла. По-видимому, многие из них не были связаны друг с другом генетически.

На указанной территории в конце III и начале II тысячелетия до н. э. повсеместно обитали неолитические племена ямочно-гребенчатой керамики, что подтверждается характером нижних культурных слоев перечисленных выше стоянок. Во II тысячелетии до н. э. на неолитических поселениях Волго-Окского междуречья (льяловских, балахнинских и рязанских) появляется волосовская керамика с примесью раковин и растительной примесью, резко отличная от керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом. Сосуществование волосовской керамики с ямочно-гребенчатой, которая, претерпевая ряд изменений, продолжает господствовать в количественном отношении на стоянках, а также общность кремневого инвентаря этих культур ставит вопрос о мирном проникновении волосовских племен на территорию Волго-Окского междуречья.

Появление волосовской керамики на всех указанных стоянках свидетельствует о широком расселении волосовских племен. Волосовская керамика раннего типа найдена на стоянках Московской, Калининской, Ярославской, Ивановской, Владимирской областей, что указывает на необходимость включения этих районов в границы распространения волосовской культуры и уточнения археологической карты, составленной И. К. Цветковой¹⁹. Изучение краниологического материала стоянок Сахтыш I, II устанавливает европеоидный облик поздненеолитического населения этих стоянок.

Материалы раскопок последних лет позволяют ставить вопрос о возникновении скотоводства у поздненеолитических племен Верхней Волги. По-видимому, наличие домашних животных у волосовских племен связано с появлением на этой территории фатьяновских скотоводческих племен.

Сочетание в верхних слоях многих неолитических стоянок ямочно-гребенчатой и волосовской керамики позднего типа, фатьяновской, поздняяковской, керамики, близкой чирковско-сейминской, и сетчатой керамики свидетельствует о сложном переплетении местных и пришлых культур, приведших, вероятно, к образованию на Верхней Волге ранних городищенских культур дьякова типа.

¹⁵ С. Н. Тюрменов. Археологические находки в торфяных залежах и датировка возраста торфяных отложений. Труды МОИП, т. 3, М., 1960, стр. 291—304; М. И. Нейштадт. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957; Г. Н. Лисицына. Результаты микропалеоботанического исследования образцов торфа Бисерова озера. КСИА АН СССР, вып. 75, 1959.

¹⁶ С. Н. Тюрменов. Археологические находки, стр. 302.

¹⁷ С. Н. Тюрменов. Сохранность пыльцы в торфяных и озерных отложениях голоцена. К первой международной палинологической конференции. Доклады советских палинологов. Изд-во АН СССР, 1962.

¹⁸ Г. Н. Лисицына. Указ. соч.; она же. Анализ пыльцы Уницкой стоянки. Приложение к отчету Верхневолжской экспедиции за 1961 г. Архив ИА АН СССР, № 2335.

¹⁹ И. К. Цветкова. Указ. соч., стр. 24, рис. 1.

В. И. МАРКОВИН, Р. М. МУНЧАЕВ

АРХЕОЛОГИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Северо-Кавказская археологическая экспедиция (СКАЭ) под руководством Е. И. Крупнова уже много лет работает на территории Чечено-Ингушской АССР¹. Эта республика до последнего времени археологически была изучена крайне слабо. Вот почему перед коллективом СКАЭ была поставлена задача изучения археологических источников для решения основных вопросов, освещающих происхождение, этапы истории и сложение культуры аборигенного населения республики — чеченцев и ингушей — с древнейших времен до позднесредневекового периода².

Тремя отрядами экспедиции обнаружено и исследовано множество самых различных памятников, раскрывающих ранее неясные вопросы древней и средневековой истории Северо-Восточного Кавказа, что очень важно не только для изучения истории этой республики, но и для истории всего Кавказа и Юга СССР.

Древнейшие памятники Чечни были открыты в 1961—1962 гг. У сел. Гамурзиево в Ингушетии В. П. Любиным были сделаны первые находки памятников эпохи мустье³. У озера Кезеной-Ам, близ сел. Кезеной⁴ найдены в переотложенном состоянии орудия каменного века: палеолитические дисковидные нуклеусы, пластины, мустьерский остроконечник. Тут же были найдены ретушеры-отжимники неолитического облика⁵. Разновременные орудия говорят о многослойности размытых кезенойских стоянок, найденные материалы близки дагестанским. Стоянки Чечни и Дагестана указывают на существование еще одного особого восточного очага культуры каменного века⁶ на общей карте древнейших культур Кавказа.

Важнейшим результатом работ Северо-Кавказской экспедиции за последнее десятилетие является открытие и исследование на территории

¹ СКАЭ проводит свои работы совместно с Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом истории, языка, литературы и экономики при Совете Министров Чечено-Ингушской АССР и Чечено-Ингушским республиканским музеем краеведения.

² Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961.

³ В. П. Любин, Н. О. Бадер, В. И. Марковин. Первые местонахождения орудий каменного века в Чечено-Ингушетии. КСИА АН СССР, вып. 92, 1962, стр. 54.

⁴ Е. И. Крупнов. Из древней и средневековой истории Северного Кавказа. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, стр. 16.

⁵ В. П. Любин, Н. О. Бадер, В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 51—53, рис. 15.

⁶ В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1962, стр. 18.

Чечено-Ингушетии целой группы памятников III тысячелетия до н. э., переходного этапа от каменного к раннебронзовому веку. К ним относятся Луговое и Сержень-Юртовские поселения, курганы у с. Бамут, ст. Мекенской и с. Бачи-Юрт.

Интересный материал получен при раскопках Лугового поселения, проведенных в 1952, 1955—1957 гг. Это поселение находилось на окраине с. Мужичи в Ассинском ущелье (территория собственно Ингушетии). Здесь были открыты остатки жилищ, очаги, хозяйственные ямы и большой керамический материал. Найдены также орудия труда — каменные зернотерки, терочки и кремневые вкладыши в составные серпы, указывающие на развитие земледелия⁷. Остеологический материал позволяет говорить о большом значении скотоводства в хозяйстве местных племен III тысячелетия до н. э. Выяснилось, что для этого поселения характерны основные признаки культуры так называемого куро-аракского энеолита⁸, яркие памятники которой ранее были открыты в Закавказье. Здесь имеются типичные для этой культуры формы керамики и орнаментальные мотивы в виде рельефных спиралей и концентрических кругов; найдены близкие по форме и характеру очаги, в том числе и с внутренними выступами, а также глиняные очажные подставки культового назначения. Таким образом, впервые было установлено распространение куро-аракской культуры столь далеко на север⁹.

Но этим не ограничивается значение данного памятника. Анализ материала показал, что в нем присутствуют также характерные признаки другой большой культуры Кавказа III тысячелетия до н. э. — майкопской. Выяснилось, что Луговое поселение по некоторым чертам наиболее близко стоит к известному памятнику майкопской культуры — Долинскому поселению в Кабардино-Балкарии¹⁰.

Сочетание в Луговом поселении характерных элементов двух основных культур Кавказа III тысячелетия до н. э. позволяет поставить вопрос о взаимосвязях Закавказья и Северного Кавказа на заре бронзовой эпохи и говорить об определенном этно-культурном единстве населения Кавказа в это время.

Последующие работы (1957—1963 гг.) по изучению памятников Чечено-Ингушетии III тысячелетия до н. э. полностью подтвердили эти выводы. Раскопки двух поселений у с. Сержень-Юрт Шалинского района показали, что культура куро-аракского энеолита была распространена и на территории собственно Чечни. Здесь обнаружены очаги и очажные подставки, глиняная посуда, костяные орудия, наборы кремневых серповых вкладышей и накопчиков стрел, каменные булавы и другие предметы, совершенно аналогичные найденным в памятниках Закавказья III тысячелетия до н. э.¹¹

Отнесение этих памятников к куро-аракской культуре подтверждает и характер самих поселений. Эти поселения занимают естественно укреплен-

⁷ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961.

⁸ Понятие «культура куро-аракского энеолита» является крайне условным, не соответствующим современному уровню знаний о древнейшей культуре Закавказья и определенных областей. Эта культура распространена не только в пределах куро-аракского двуречья, а значительно шире. Она охватывает на юго-западе Восточную Анатолию, а на северо-востоке — Дагестан и Чечено-Ингушетию и характеризует не самый начальный этап освоения металла (энеолит), а в значительной степени уже эпоху ранней бронзы.

⁹ Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. СА, XXII, 1955.

¹⁰ Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 99—100.

¹¹ Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961; Р. М. Мунчаев. Памятники Майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962, № 3; Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. КСИА, вып. 88, 1962.

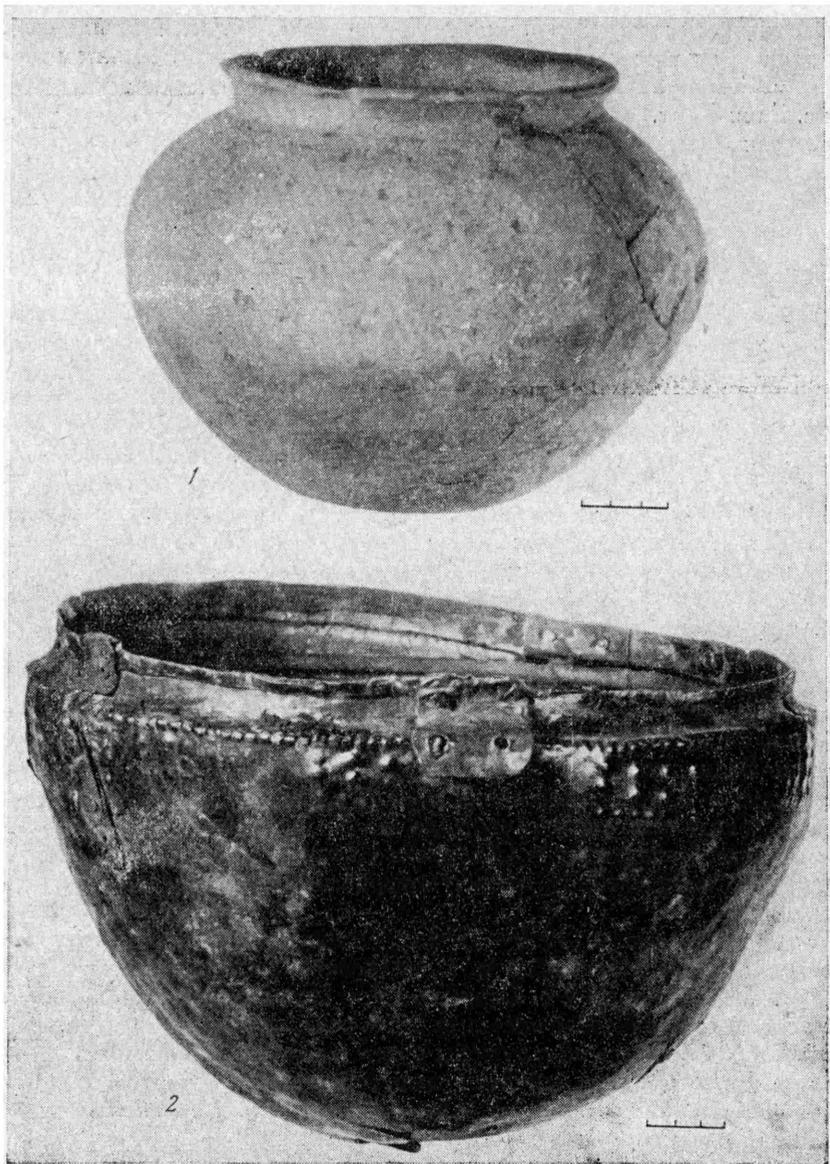

Рис. 16. Глиняный и бронзовый сосуды из курганов у с. Бамут (1, 2)

ные холмы, как и большинство закавказских и дагестанских поселений III тысячелетия до н. э.¹²

Распространение куро-аракской и майкопской культуры на территории Чечено-Ингушетии доказано также раскопками погребальных памятников. Так, исследование в 1961 г. кургана у с. Бачи-Юрт Курчалоевского района показало, что границы майкопской культуры доходят почти до Дагестана¹³. Особенно ценные материалы были получены при раскопках курганов у с. Бамут Ачхой-Мартановского района и ст. Мекенской Наурского района, где открыто около 15 погребений, которые по обряду захоронения и характеру инвентаря, по красно-охристой керамике (рис. 16, 1), в том числе

¹² Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 31—32.

¹³ В. И. Марковин. Археологические разведки в восточных районах Чечни. КСИА АН СССР, вып. 93, 1963, стр. 63—64.

украшенной жемчужным орнаментом, прямо связываются с майкопской культурой. Интересен, например, инвентарь погребения 9 в кургане 9, раскопанном в 1961 г. Он состоял из двух сосудов, бронзового котла, украшенного выпуклинами — жемчужинами (рис. 16, 2), двух бронзовых ножей, шила, крюка со втулкой, каменной ступки и точильного камня¹⁴. Этот комплекс совершенно аналогичен инвентарю из знаменитых подкурганых дольменов у ст. Новосвободной (б. Царская). Спектральный анализ металла из древнейших погребений Бамутских курганов показал, что он и по составу весьма близок ранней прикубанской бронзе¹⁵.

Вместе с тем в Бамутских курганах исследованы и погребения, указывающие на связь племен, оставивших данные погребения, с населением куро-аракской культуры Закавказья. В этих погребениях, например, встречены горшки, украшенные рельефным орнаментом в виде концентрических кругов, и сосуды на четырех ножках¹⁶, аналогичные соответствующим закавказским образцам¹⁷. Любопытно, что в одном из погребений красноохристый сосуд, типичный для майкопской культуры, находился вместе с горшком на четырех ножках¹⁸.

Сочетание в одном погребальном комплексе элементов указанных культур III тысячелетия до н. э. было прослежено и в курганном могильнике у ст. Мекенской на Терек (раскопки 1956, 1959 гг.). Например, в погребении 16, кургана 4, отнесенном исследователями по ряду характерных признаков к памятникам майкопской культуры, имеется небольшой чернолощеный горшочек¹⁹, по форме, цвету и характеру обработки наружной поверхности чрезвычайно близкий к соответствующим образцам керамики закавказских и восточноанатолийских комплексов раннебронзовой эпохи²⁰.

Однако значение курганов у ст. Мекенской не ограничивается наличием в них погребений майкопской культуры и отдельных элементов, указывающих на связь с югом. В Мекенских курганах, кроме того, открыты погребения ямной культуры, в одном из которых даже найден характерный глиняный остродонный сосуд²¹. Это наиболее ранние памятники степных культур эпохи бронзы, исследованные на территории Северо-Восточного Кавказа. Их открытие позволяет широко поставить важный вопрос о древнейших взаимосвязях местных земледельческо-скотоводческих племен и населения степей Юго-Восточной Европы; территория Чечено-Ингушетии являлась, вероятно, одним из составных звеньев цепи, связывавшей древнейшие культуры юга и севера.

После открытия памятников так называемого куро-аракского энеолита на Северо-Восточном Кавказе, в том числе в Чечено-Ингушетии, очевиднее стало культурное единство, которое прослеживается в III тысячелетии до н. э. на значительной территории Кавказа и в примыкающих к нему районах Восточной Анатолии. Эта общность проявляется в характере поселений, жилищ, очагов, бытового и хозяйственного инвентаря, в специфике форм и орнамента керамики, в предметах культового назначения. Естественно, возникает вопрос: чем же объяснить такую общность древней оседлой земледельческо-скотоводческой культуры Кавказа? По мнению

¹⁴ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии, стр. 194—197, рис. 10—13.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961, стр. 52—62, рис. 17, 3, 4.

¹⁷ Т. Чубинишвили. Амиранис Гора. Тбилиси, 1963, стр. 35, рис. 8 (на грузинском языке).

¹⁸ Р. М. Мунчаев, В. И. Сариянди. Бамутские курганы эпохи бронзы. КСИА АН СССР, вып. 98, 1964.

¹⁹ Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у станицы Мекенской. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 20, рис. 6, 10.

²⁰ Там же, стр. 40.

²¹ Там же, стр. 37, рис. 15.

Е. И. Крупнова, это культурное единство отражает безусловно древнюю кавказскую этническую общность. Именно в рассматриваемое время уже сформировалась иберийско-кавказская семья языков. В III тысячелетии до н. э., к которому относятся описываемые нами памятники, начался распад этой общности и выделились отдельные крупные этнические группы, составлявшие кавказскую общность²².

Не менее важны итоги изучения памятников племен эпохи развитой бронзы. К ним относятся впускные погребения, обнаруженные в курганах у сел. Бамут. Все они содержат скорченные костяки, ориентированные большей частью в восточном или западном направлении²³. Такие захоронения очень характерны для памятников второго этапа северокавказской культуры²⁴. Для этого времени очень распространены литые подвески с орнаментом, имитирующим веревочную спиральку и туго сплетенный шнур, удлинненные пронизки, сосуды, покрытые шнуровыми вдавлениями и оттисками различных штампов. Исследования курганов у с. Бамут позволяют конкретнее представить культуру племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, более детально охарактеризовать восточную окраину северокавказской культуры во II тысячелетии до н. э., что очень важно как для изучения древней истории местных племен — предков чеченцев и ингушей, так и для истории всего Прикаспия и Поволжья.

Для изучения контакта древних племен Северного Кавказа и Дагестана во II тысячелетии до н. э. исключительно важное значение имеет могильник Гатын-Кале у сел. Асланбек-Шерипово в высокогорной Чечне (раскопки 1956—1960 гг.)²⁵. Его материалы позволяют проследить древние пути становления Нахской этнической общности, возникшей на границе Дагестана и Северного Кавказа. Связь материалов из Гатын-Кале с предшествующим периодом (керамика содержит черты, характерные для посуды III тысячелетия до н. э.) и с последующим временем (ясно выступает сходство с материалами каякентско-хорочоевской культуры), лишний раз указывает на преемственность в развитии местных племен в течение огромного отрезка времени — около 3—2,5 тыс. лет. Однако сейчас накоплены факты, говорящие о проникновении на территорию Северного Кавказа племен катакомбной культуры. Помимо отдельных случайных находок курильниц, катакомбные комплексы за последние годы обнаружены в курганах у ст. Мекенской и у сел. Бамут (рис. 17, 4).

Большой интерес представляют результаты раскопок памятников позднебронзового и раннежелезного веков. Из них следует отметить два поселения у с. Сержень-Юрт. Поселения эти двуслойные²⁶. Нижние слои относятся к III тысячелетию до н. э., верхние — к IX—IV вв. до н. э.

Широким стационарным исследованием подвергнуто поселение 1. В течение 1957—1963 гг. вскрыто около 2000 м² площади, где выявилось большое количество хозяйственных и мусорных ям (2—2,5 м в диаметре и в глубину).

На поселениях добыт многочисленный и разнообразный материал. Различные глиняные поделки — печати-пинтадеры, множество пряслиц, модели

²² Е. И. Крупнов. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность. М., 1963, стр. 1—9. (Доклад на XXVI международном конгрессе востоковедов).

²³ Р. М. Мунчаев. Памятники Майкопской культуры в Чечено-Ингушетии, стр. 191—193.

²⁴ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.). МИА, № 93. 1960, стр. 50 и сл.

²⁵ В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 49 и сл.

²⁶ Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники..., стр. 27—31; Р. М. Мунчаев. Памятники Майкопской культуры в Чечено-Ингушетии, стр. 177—187; Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 33—34; А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древние поселения у с. Сержень-Юрт. КСИА АН СССР, вып. 94, 1963, стр. 42—53.

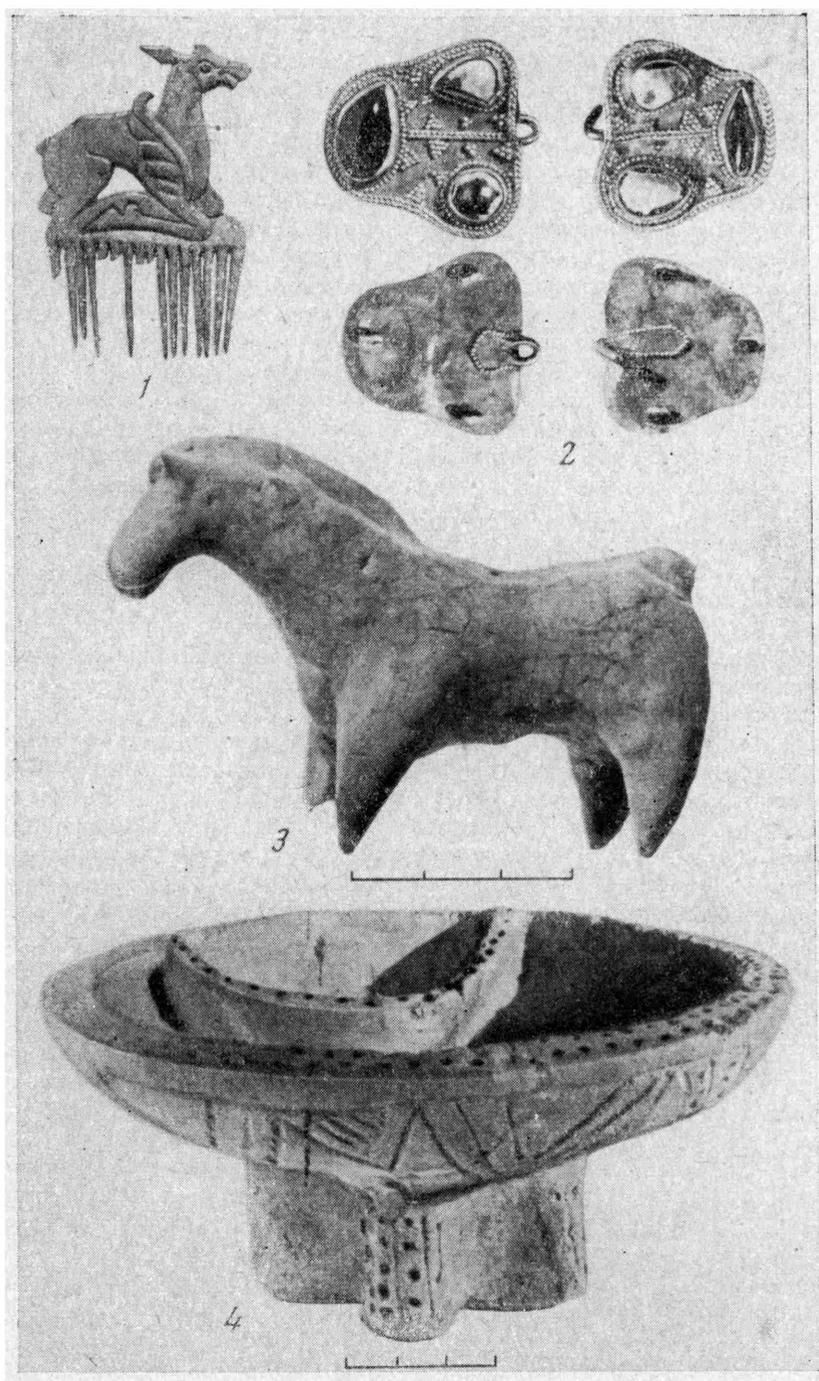

Рис. 17. Предметы из курганов.

1 — костяной гребень (курган у с. Гойты); 2 — золотые застёжки (курган у с. Братское);
 3 — глиняная фигурка лошади (Сержень-Юртовское поселение); 4 — глиняная курьльница
 (курган у с. Бамут)

колес и огромное количество глиняных фигурок людей и животных: свиньи, овцы, лошади (рис. 17, 3), быка, собаки, отличающихся часто большой реалистичностью изображения.

В большом количестве обнаружены роговые и костяные изделия — наконечники стрел, шилья, проколки, мотыги и другие орудия. Osteологический материал позволяет говорить о том, что скотоводство, а особенно свиноводство и овцеводство имели ведущее значение в хозяйстве обитателей Сержень-Юртовских поселений. В хозяйстве определенную роль играло также земледелие. Безусловно, обитатели поселений занимались литьем и производством бронзовых изделий. На это указывают находки клада бронзовых украшений кобанского типа, льячек и форм для отливки металлических изделий (особенно интересна форма для отливки кобанского топора)²⁷. Находки железных предметов (серпов и ножей) доказывают, что жителями поселений использовалось также железо. Исключительный интерес представляют открытые на поселении вымощенные дороги.

Анализ материала показывает, что при всем своем своеобразии Сержень-Юртовские поселения были связаны с синхронными памятниками Ингушетии и Северной Осетии. Этот материал свидетельствует также о связях с племенами позднебронзового века Горной Чечни и Дагестана. Таким образом, удалось обнаружить район, где сочетаются элементы кобанской и каякеитско-хорочоевской культур. На могильнике, оставленном обитателями Сержень-Юртовских поселений, раскопано всего несколько погребений, но они дали довольно яркий и интересный материал²⁸. Среди находок из погребений выделяется необычайностью формы и орнамента бронзовый пластинчатый браслет с шипами²⁹. Подобный же браслет найден в могильнике у сел. Зандак в Чечне³⁰, в сел. Шали и больше нигде на Кавказе не встречен.

Могильник у с. Зандак (бывший Дагбаш) заслуживает большого внимания³¹. Почти каждое погребение (здесь обнаружены могилы в грунте и в каменных ящиках) дает большое количество находок и многие из них являются уникальными. Таковы, например, вещи из захоронения 38 в каменном ящике. Здесь были обнаружены скорченные костяки мужчины и женщины, ориентированные на юго-запад. Костяк мужчины сопровождался бронзовыми удилами, псалями, бляшками от конского убора, бронзовым кинжалом (рядом с ним лежал каменный оселок) и железным копьем (рис. 18, 1, 3, 4, 6).

У женского костяка найдены массивные бронзовые височные подвески, браслеты (рис. 18, 2, 5); подол одежды был обшит бронзовыми спиральками. Материалы могильника (переходный от бронзы к железу) позволяют изучить контакты племен Центрального и Северо-Восточного Кавказа, оставивших памятники двух культур — кобанской и каякеитско-хорочоевской.

Очень интересны итоги изучения памятников середины I тысячелетия до н. э. Таковы склепы, грунтовые погребения, каменные изваяния, обнаруженные в 1958—1962 гг. в Ножай-Юртовском районе Чечни³², и курганы

²⁷ А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 49, рис. 13, 15.

²⁸ Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии, стр. 58—60.

²⁹ Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии, стр. 61, рис. 18, 3.

³⁰ В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. КСИА АН СССР, вып. 96, 1964, стр. 86, 87, рис. 25, 6.

³¹ М. П. Пикุลъ. Дагбашский могильник. Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, т. IX. Махачкала, 1961, стр. 298 и сл.; В. И. Марковин. Новые материалы..., стр. 84—87.

³² В. И. Марковин. Новые материалы..., стр. 87; В. И. Марковин. Р. М. Мунчаев. Каменные изваяния с территории Чечено-Ингушетии, СА, 1964, № 1.

у сел. Старые Атаги и Гойты (Урус-Мартановский район). Изваяния — стелы с изображениями бородатых воинов с акинаками — и особенно материалы из курганов сел. Гойты самым убедительным образом документируют проникновение скифов в восточную часть Северного Кавказа и продвижение их на древний восток. Так, в кургане 4 у сел. Гойты обнаружено захоронение в срубе, окруженном частоколом или плетнем, с могилами рабыни и коня возле этого сруба. Такие погребения не находят аналогий

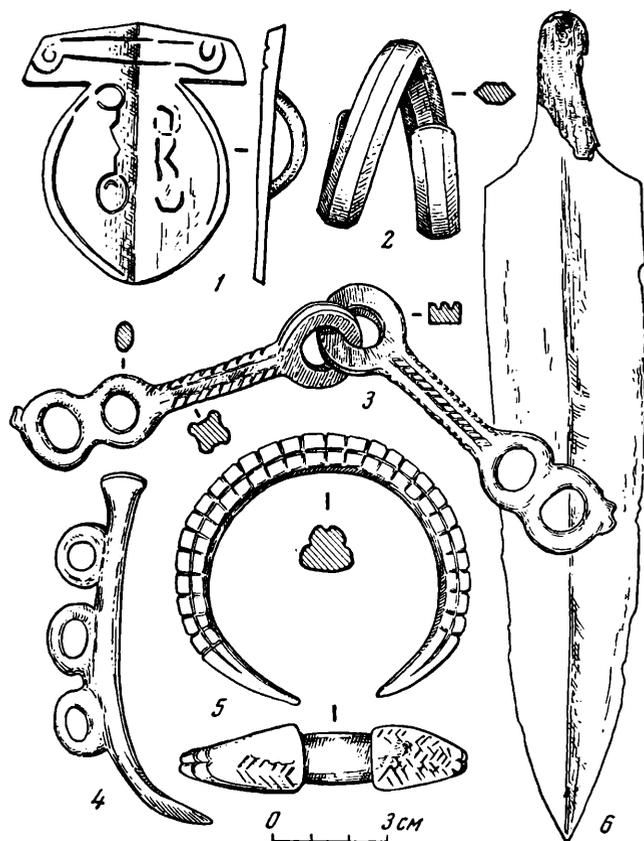

Рис. 18. Бронзовые предметы из погребения № 38 могильника у с. Зандак.

1 — бляха; 2 — височная подвеска; 3 — удила; 4 — псалий; 5 — браслет; 6 — кинжал.

в древностях местных племен, они типичны для скифов. Находки из кургана 4 и других курганов у сел. Гойты — копья, стрелы, золотые пуговицы, подвески, костяные гребни (рис. 17, 1), выполненные в зверином стиле, — также характерны для скифских погребений³³. Это позволяет еще раз и более требовательно поставить вопрос о взаимодействии скифской культуры и культуры населения Северного Кавказа³⁴.

Не менее важное значение имеет исследование Лугового могильника VI—V вв. до н. э. в Ингушетии, проведенное в 1952, 1955—1957 гг. Этот памятник является в настоящее время единственным целиком раскопанным и к тому же самым крупным из исследованных могильников скифского времени на Северном Кавказе (здесь раскопана 161 могила).

³³ В. И. Маркович. Новые материалы..., стр. 88, 89; он же. Скифские курганы у сел. Гойты (Чечня). СА, 1965, № 2.

³⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 356.

В Луговом могильнике найдено огромное количество предметов. Основные — керамика, украшения, оружие — характерны для позднекобанской культуры Северного Кавказа, особенно ее восточного варианта³⁵. Вместе с тем здесь имеются некоторые категории предметов, например, бронзовые двувальные пластинчатые бляхи, часто украшенные пунктирным орнаментом³⁶, железные пряжки, указывающие на определенное самобытное развитие древних племен Ассинского ущелья.

В комплексах Лугового могильника особенно обращают на себя внимание украшения и предметы вооружения типично скифо-савроматских образцов. Это — массивные железные мечи-акинаки с характерной крестовиной и валякообразным или когтевидным навершием рукояти, трехперые бронзовые и железные наконечники стрел, бляшки в виде свернувшихся в кольцо хищных зверей, украшения в виде крыла птицы и другие предметы³⁷.

Вместе с тем здесь обнаружены в огромном количестве разнообразные цветные бусы из стекла и стекловидной пасты, происходящие из ремесленных мастерских Ближнего Востока.

Материалы Лугового могильника характеризуют быт, хозяйство и социальный строй древних племен Ассинского ущелья и всего восточного варианта позднекобанской культуры. Они указывают на связи и сложные взаимовлияния племен местной культуры с носителями древних культур сопредельных и более отдаленных областей, особенно со степной скифо-савроматской культурой, распространенной на обширной территории к северу от Кавказского хребта.

Говоря о памятниках сарматского времени, исследованных за последние годы в Чечено-Ингушетии, нельзя не упомянуть могильник Яман-Су, расположенный неподалеку от сел. Шушия (Новолакский район Дагестанской АССР), на границе Чечни и Дагестана³⁸. Основной материал могильника близок таким памятникам сарматского времени, как Карабудахкент I в Дагестане³⁹.

Следует отметить, что сейчас недостаточно еще изучена культура пришлых для Кавказа сарматских племен⁴⁰. Поэтому заслуживает внимания большой курганный могильник с катакомбными захоронениями, раскопанный в 1963 г. у с. Братское Наурского района (бассейн р. Терек). Несмотря на то, что катакомбы были ограблены, они содержали интересный керамический и металлический комплекс. Среди украшений особенно выделяются золотые застёжки полихромного стиля, изображающие лицо; глаза изображены голубыми камнями, а рот — красным камнем (рис. 17, 2).

Особенный интерес представляют также средневековые памятники Чечено-Ингушетии, исследованные в 1957—1964 гг. Среди них следует отметить курганы XIV—XV вв. (так называемого кабардинского типа) у с. Бамут, позволяющие судить о взаимосвязях в послемонгольское время местного вейнахского населения с адыго-черкесскими народами⁴¹. Но наиболее важны памятники, непосредственно связанные со средневековой историей и культурой чеченцев и ингушей. Это — склепы у сел Мужичи, Бамут, Какадой, Итум-кале, пещерный могильник у с. Советское (бывший

³⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960 стр. 241 и сл.

³⁶ Е. И. Крупнов. Первые итоги археологического изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2; он же. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3.

³⁷ Р. М. Мунчаев. Луговой могильник. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии», стр. 144 и сл., рис. 7, 13—29.

³⁸ Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии, стр. 60; В. Н. Марковин. Новые материалы..., стр. 88.

³⁹ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. МАД, II. Махачкала, 1961, стр. 167 и сл.

⁴⁰ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1962.

⁴¹ Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев. Бамутский средневековый курганный могильник. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии», стр. 00.

Шатой)⁴², а особенно «город мертвых» — Цой-Педе в верховьях Аргуна⁴³ — и разнообразные постройки.

С 1957 г. обмерено и изучено большое количество жилых и боевых башен в ущельях р. Чанты-Аргун, в ущелье Тазбичи, на территории Малхиста, в районе оз. Кезеной-ам и скалистых платформ Макажоя. Сравнение этих чеченских построек с ингушскими позволяет сделать вывод о единстве строительных приемов, конструктивном и архитектурно-декоративном сходстве башен у чеченцев и ингушей⁴⁴. Это еще раз подчеркивает культурную близость вейнахских народов. Склеповые постройки Чечни также очень близки ингушским⁴⁵.

Для суждения об исламизации горной Чечни принципиально важное значение имеет могильник, открытый у сел. Асланбек-Шерипово. Языческий погребальный обряд и могильный инвентарь, в том числе монеты Рудольфа II (1576—1612 гг.), с большой основательностью документируют позднее проникновение мусульманства в Чечню⁴⁶.

Таким образом, за последнее десятилетие усилиями коллектива СКАЭ ликвидировано белое пятно на археологической карте Кавказа и добыт огромный и разнообразный материал, позволяющий воссоздать картину культурно-исторического и социально-экономического развития Чечено-Ингушетии с древнейших времен до позднего средневековья.

⁴² В. И. Марковин. Пещеры — родовые усыпальницы в Шатоевской котловине. КСИА АН СССР, вып. 86, 1961, стр. 101 и сл.; он же. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии», стр. 244—256.

⁴³ В. И. Марковин. Чеченские средневековые памятники..., стр. 256—270; А. А. Исламов. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргуна. Известия Чечено-Ингушского НИИ, т. III, вып. 1. Грозный, 1963, стр. 128 и сл.

⁴⁴ В. И. Марковин. Исследования памятников средневековья в высокогорной Чечне. КСИА АН СССР, вып. 90, 1962, стр. 45—52.

⁴⁵ В. И. Марковин, В. А. Кузнецов. Археологические разведки в ущельях рек Ассы и Аргуна в 1956 г. Известия Чечено-Ингушского краеведческого музея, вып. 10. Грозный, 1961; В. И. Марковин. Исследования памятников..., стр. 52, 53; он же. Чеченские средневековые памятники..., стр. 268, 269.

⁴⁶ В. И. Марковин. Археологические работы в ущелье реки Аргун (Чечня) КСИА АН СССР, вып. 84, 1961, стр. 50—55, рис. 14, 8; 16, 7; он же. Чеченские средневековые памятники..., стр. 270—273.

Н. Н. ГУРИНА

НОВЫЕ ДАННЫЕ
О ДРЕВНИХ ШАХТАХ ПО ДОБЫЧЕ КРЕМНЯ
НА ЗАПАДЕ БЕЛОРУССИИ

В 1963 г. Верхневолжская экспедиция продолжала исследование неолитических шахт близ пос. Красное Село Волковысского района Гродненской области. Данные исследований предыдущих лет опубликованы¹.

Поверхность земли в окрестностях Красного Села в результате добычи мела сильно изрыта карьерами, поэтому поиски шахт с поверхности оказались невозможными.

Для разведки был выбран участок, расположенный между двумя глубокими карьерами третьей меловой линзы.

Здесь была уже снята основная часть слоя — песок, перекрывающий пласты мела сверху. Песок закрывал лишь слой мела, смешанного с меловой крошкой (мощностью не более 80 см). Под действием воды и солнца песок сильно сцементировался. После зачистки бульдозером участка площадью более гектара на белой поверхности мела отчетливо обрисовались пятна округлых очертаний, диаметром 1—1,5 м, расположенные преимущественно группами. По цветности и составу слоя пятна были различны. Одни имели темно-серую окраску с темно-коричневой узкой полоской по контуру, под ними оказались мастерские (рис. 19, 1). Другие пятна белого цвета, заполненные меловой крошкой с незначительной примесью песка, соответствовали устьям шахт-колодцев.

За сезон 1963 г. вскрыто девять шахт. Все они были сравнительно невелики в диаметре, редко более 2 м; глубина не превышала 5 м. Собственно шахта, или колодец, имела вертикальное направление. Выделялось три типа шахт: 1) разведочные, представляющие собой только прямые колодцы; 2) шахты с подбоями; 3) шахты со штреками.

Однако, прежде чем перейти к описанию каждой из перечисленных категорий, необходимо сказать несколько слов о методике исследования. Поскольку шахты по добыче кремня в Советском Союзе изучались впервые, естественно, мы не располагали специфической методикой их раскопок, поэтому последнюю пришлось вырабатывать в процессе исследования.

После снятия бульдозером оставшейся части песка зачистку поверхности произвели вручную. Затем весь участок с шахтами был разбит на квадраты (общим числом 60); каждая сторона квадрата равнялась 4 м. В пределах этой сетки зафиксированы на плане все видимые с поверхности пятна, соответствующие углублениям и шахтам, и сфотографированы.

¹ Н. Н. Гурина и Г. М. Ковнурко. Шахты по добыче кремня на западе Белоруссии. СА, 1964, № 2. Z. Szmit, Ros p. Wolkowyski, kopalnie krzemienia, 1925; Przedhistoryczne kopalnie krzemienia w pow. Wolkowskim na Litwie. Zotchlani Wiekow. dwumiesiecznik poswigcony pradziejom Polski. Roszniki 1—5, 1926—1930, стр. 14.

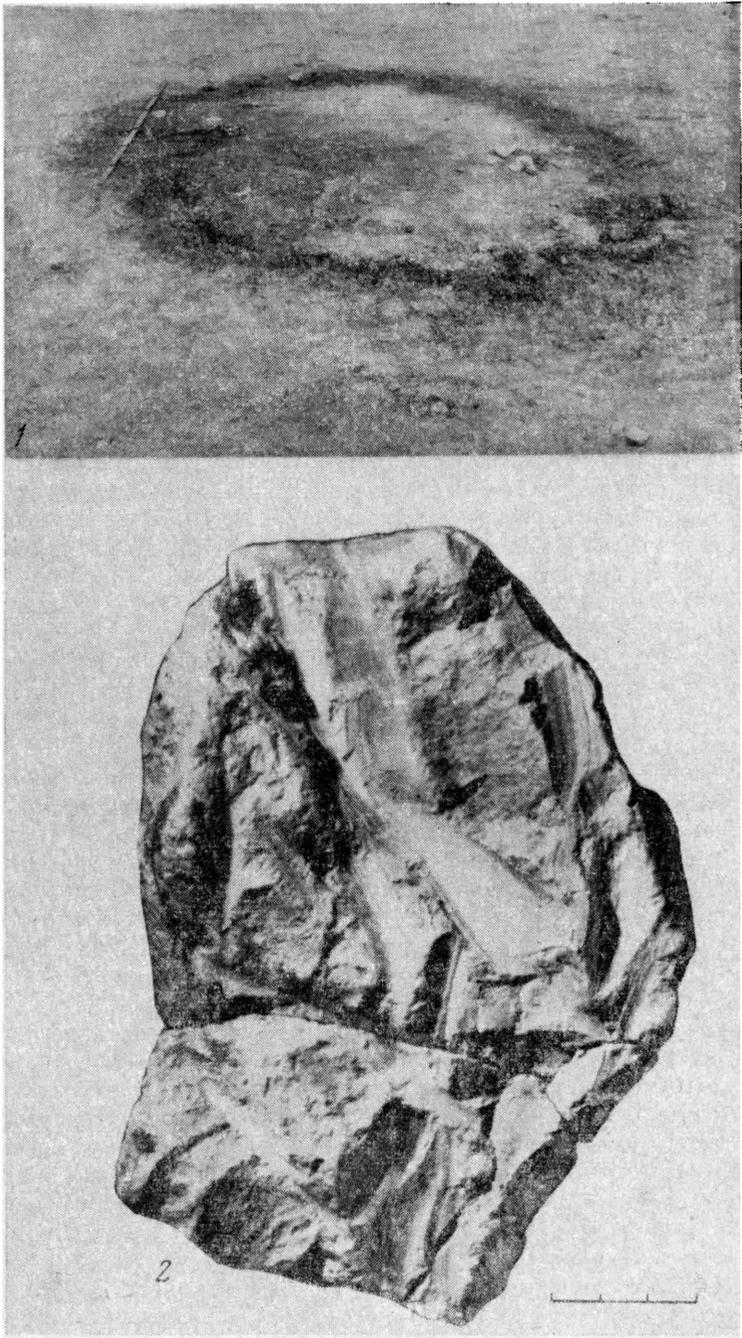

Рис. 19. Устье мастерской, заметное на поверхности мелового слоя (1)
кусок породы со следами от мотыги на стенках штрэков (2)

Затем приступили к выборке грунта в пределах очерченных контуров. В целях предохранения стенок углублений и шахт от повреждения инструментом разборка производилась от центра к периферии. Поскольку средняя часть оказывалась углубленной значительно сильнее (на 20—25 см), чем периферия, при прикосновении к материалу, заполнявшему края шахт, он осыпался, вследствие чего появлялась возможность меловую крошку от стенок шахт брать просто руками. Заполнение подбоев и штреков выбиралось только руками без инструментов, поскольку здесь возрастала возможность обнаружить следы от мотыги древних шахтеров. Для подборки применялись специально изготовленные мелкие инструменты, сходные по форме с неолитическими роговыми кирками шахтеров, с той лишь разницей, что рабочая часть их была железной, а рукоять деревянной. Общая длина их не превышала 30 см, что позволяло производить работу в узких шахтах и штреках, не допускающих сильного размаха рукой. Земля из шахты складывалась в ведра и по веревке поднималась наверх.

После завершения раскопок все шахты остались полыми. Подбои, штреки и места соединения между шахтами с целью предотвращения обвала были укреплены специальными деревянными подпорками, а сверху устья шахт заложены досками и присыпаны землей. Весь исследованный участок во избежание несчастных случаев обнесен столбами с натянутой между ними колючей проволокой.

Раскопки вначале были проведены в восточной части площадки, непосредственно примыкающей к краю действующего карьера. Здесь на поверхности выступали три пятна меловой крошки, смешанной с небольшим количеством желтого песка. Пятна соответствовали устьям трех шахт. Диаметр одной из них (шахта 63) равнялся 1,8 м, второй (шахта 61) — 1,2 м и третьей (шахта 62) — 1,15 м. Стенки шахт имели вертикальное направление, вследствие чего диаметр дна их был немногим меньше диаметра устья. Ни подбоев, ни штреков не обнаружено. Не замечено и прослоек кремневых конкреций, которые должны были пересечь шахты. Лишь в стенке одной из них встречена очень крупная кремневая конкреция, оставленная древними шахтерами, по-видимому, вследствие мало удобной ее формы. Судя по отсутствию в шахтах подбоев и штреков, а в заполнении разбитых конкреций и крупных отщепов кремня, сколотых с нуклеусов, следует думать, что все три шахты были разведочными². Не встретив прослоек кремня, древние горняки забросили шахты.

Основные раскопки в 1963 г. проводились с северо-западного угла площадки (у края карьера), где сохранилось частично несколько объектов. Всего здесь было вскрыто 11 углублений, шесть из которых оказались шахтами и пять — мастерскими. Еще одну мастерскую (59) удалось исследовать в противоположном конце площадки в юго-западном крае участка.

В числе исследованных шахт оказались как единичные, так и связанные друг с другом, при этом каждая из них была отмечена на поверхности мелового слоя пятном округлой формы.

Из числа единичных шахт внимания заслуживает шахта 12. По мере углубления пятна выявилось устье шахты диаметром 1,8 м. До глубины 1,75 м стенки ее имели вертикальное направление, после чего диаметр шахты уменьшался вследствие выступа на одной из стен, затем через 25 см шахта сильно расширилась за счет выкопанного в стенах подбоя, образованного, вероятно, в результате выборки залежавших здесь конкреций кремня. Пол подбоя был очень ровным, и только в средней части его имелось углубление диаметром 0,9 м. Вследствие того, что пол подбоя был совершенно ровным, на дне шахты образовалась удобная ниша. Сильная заглаженность ее стен и пола свидетельствует о том, что ниша, видимо,

² В заполнении шахт обнаружены лишь мелкие и более крупные угли.

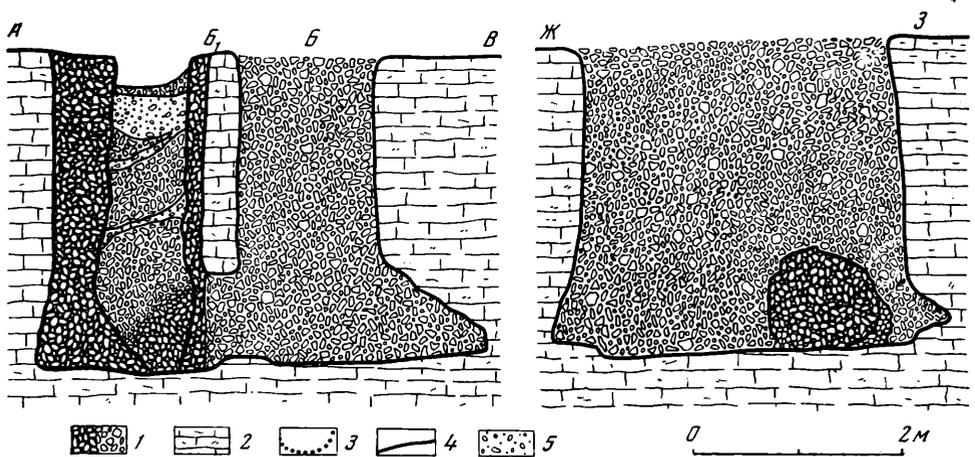
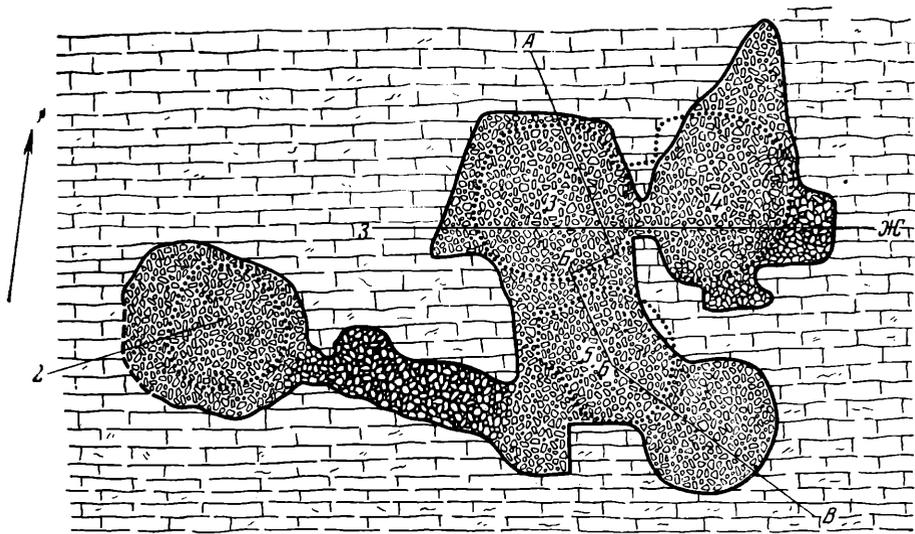

Рис. 20. План шахт 2—5 и разрезы шахт 3, 5 и 3, 4

1 — меловая крошка; 2 — пласты мела; 3 — граница пятак; 4 — граница шахт и подбоев; 5 — мелкий намытый песок

являлась местом, где сидели шахтеры. Углубление в полу, по всей вероятности, следует считать разведочным — попыткой нащупать еще прослойку с кремневыми конкрециями.

Шахта не имела штреков и не соединялась с другими шахтами. В заполнении ее встречено большое количество исключительно крупных кремневых отщепов и частей конкреций, а также несколько грубых заготовок топоров. Особого интереса заслуживает роговая мотыга со сломанной тыльной частью и хорошо заостренным рабочим концом, найденная на полу шахты. Сопоставление ее рабочего конца с многочисленными следами, прослеженными в меловом пласте на потолке и стенах подбоя, не оставляет сомнений, что именно с ее помощью трудился здесь древний шахтер и бросил только после того, как была сломана ее тыльная часть, служившая рукоятью.

Значительно более сложный комплекс был раскрыт в северо-западном углу площадки в непосредственном соседстве с краем карьера (рис. 20, 21). Вскрытые здесь шахты (3, 4 и 5) тесно примыкали друг к другу, имели округлые очертания. Диаметр устья шахты 3 равнялся 1,4 м, колодез имел вертикальные стенки. Плоский пол шахты находился на глубине 2,9 м

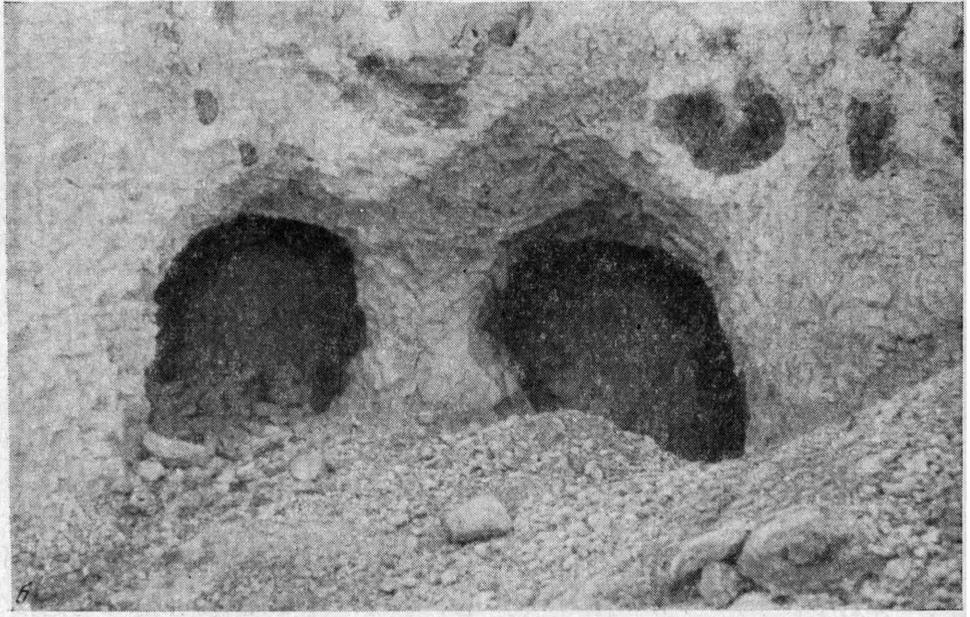

Рис. 21. Шахты.

а — общий вид на шахты 2—5; б — штрек шахты 9 с крепжным столбом

в слое мела. В южной стенке на глубине 2,2 м открылся невысокий арочный вход, пробитый в меловой стене, ведущий в небольшое помещение неправильных очертаний, которое оказалось шахтой 5. Диаметр ее внизу соответствовал диаметру устьевой части. Однако пол имел подчетырехугольные очертания из-за «коридора», соединяющего ее с шахтой 3. В западной части шахты 5 обнаружен подбой длиной 1,25 м, максимальной высотой 0,8 м. Потолок подбоя плавно падал книзу.

На противоположной, восточной стороне шахты почти на уровне пола открыт горизонтальный штрек, округлый в сечении, ширина которого не

превышала 0,6 м при наибольшей высоте 0,65 м. Штрек располагался по отношению шахты 5 под углом, несколько суживаясь в противоположную сторону. Проследить его удалось на расстоянии около 2 м. Штрек соединен был с нижней частью шахты 2, диаметр которой равен 1,22 м. Окончательно выбрать заполнение нижней части шахты 2 по техническим причинам оказалось невозможным, поэтому доисследование ее отложено до раскопок в следующем сезоне.

В средней части восточной стенки описанной выше шахты 3, начиная от верха и до самого пола, отчетливо выявилась полоса меловой крошки с примесью песка, с ярко выраженными двумя песчаными прослойками. Стало очевидно, что это разрез новой соседней шахты (4), также отмеченный на поверхности белым пятном. После удаления меловой крошки очистилось помещение, имевшее в верхней части округлое, а в нижней — неправильное удлиненное очертание; такую сложную форму нижней части помещения обусловили подбой. Наибольшую длину (1,5 м) и высоту (1 м) имел подбой в северной части шахты и несколько меньшую — в восточной и южной. В западной же части существовал свободный проход, ведущий в шахту 3. Как правило, вертикальные стены шахты не сохраняли каких-либо следов от ударов орудий древних шахтеров, что характерно и для шахт Польши. Однако следы эти становились многочисленными и отчетливыми в штреках и подбоях, где можно было увидеть малейшие неровности лезвия мотыги (рис. 19, 2). На стене шахты 3, у прохода, соединяющего ее с шахтой 5, ясно обозначались следы копоти от лучины, с помощью которой освещались шахты, а на полу, близ этого места — остатки самой обгоревшей лучины. Копоть на стенах и обгорелые лучины найдены и в других шахтах.

В заполнении рассмотренных шахт встречено огромное количество крупных кусков кремня, сколотых с нуклеусов и конкреций, а также сами конкреции со сбитыми наиболее резко выступающими на них частями (рис. 22, 1—4).

На дне шахты 3, в южном углу, рядом с остатками лучины обнаружено большое скопление мелких отщепов кремня и несколько кремневых заготовок топоров. Любопытно отметить также сильную затертость в этом месте нижней части стен шахты. Все это позволяет заключить, что здесь шахтеры производили и первичную обработку орудий. В месте прохода в шахту 5 обнаружена крупная костяная игла с прорезанным ушком.

Описанные шахты 3, 4, 5 и 2, будучи связанными друг с другом, представляли, таким образом, целый, весьма сложный комплекс. Очевидно, вначале была выкопана шахта 5. Попав на прослой кремневых конкреций, древние шахтеры расширили нижнюю часть шахты с помощью подбоя в юго-восточную сторону, прекратив его, когда прослой кремня оборвался или когда это создало опасность для их жизни. С противоположной, западной стороны, следуя за прослоем кремневых конкреций, они проложили штрек. В силу того, что последний был очень узким и работа в нем чрезвычайно затруднена и опасна, древние горняки для того, чтобы не отрываться далеко от поверхности земли и облегчить подъем кремня наверх, вырыли шахту 2. Затем шахтеры продолжили выборку слоя далее в северо-западном направлении, в результате чего образовался новый штрек. Как далеко шел он и соединялся ли с другой шахтой (шахтой 1), покажут дальнейшие раскопки.

В связи с тем, что прослой кремня здесь, по-видимому, был мощным, шахтеры, выбирая его, сделали широкий подбой и в северной стороне шахты, а затем, попав, по-видимому, на значительное скопление конкреций, с целью более удобной добычи их и подачи наверх, опустили колодец (шахту 3), затем расширив его в нижней части в западную сторону. Обилие кремня заставило людей выкопать еще новый колодец (шахту 4), значительно увеличив его в нижней части за счет далеко протянувшихся под-

Рис. 22. Орудия, найденные в шахтах.

1 — кремневое; 2 — каменный топор; 3, 4 — кремневые орудия; 5 — роговая мотыга;
6 — костяное шило

боев. Шахта 4 явилась последней в рассмотренном комплексе. О том, что она была заброшена людьми и не засыпана ими в процессе рытья новых шахт, свидетельствует ее заполнение. Резко выраженное чередование прослоек песка с прослойками меловой крошки, а также характер их залегания (косое направление вниз и вогнутое в верхней части) указывают на то, что шахта оказалась заполненной в основном весьма интенсивными водными потоками.

Помимо описанных шахт, в 1963 г. удалось вскрыть еще один комплекс более мелких шахт (9, 10, 11), связанных друг с другом.

Считая необходимым получить более полное представление о памятнике в целом, помимо шахт, экспедиция произвела разборку двух из числа многих темных пятен, обнаруженных на поверхности мелового слоя: пятно 7, расположенное в непосредственном соседстве с шахтой 4, и пятно 59— в северо-восточном конце площадки. Оба они в средней части заполнены мелом с большой примесью золы и мелких углей, а по краю оконтурены коричневой торфяниковой массой. Особенно четко это прослеживалось на пятне 7, имевшем правильную округлую форму. В контурах пятна находилось чрезвычайно большое количество тонких кремневых отщепов, резко отличных по величине и форме от крупных отщепов, характерных для заполнения шахт.

Разборка показала, что пятну 7 соответствовала яма диаметром 1,8 м, имевшая округлые очертания, с почти прямыми стенками и плоским дном, на глубине 1,3 м. В заполнении ямы обнаружены угли и большое количество мелких отщепов кремня, несколько небольших конкреций, а также нуклеусов и заготовка кремневого топора. Ни больших конкреций, ни крупных отщепов кремня не встречено. Под вторым пятном (59) оказалось углубление, округлое по форме, с диаметром 2,3 м, вертикальными стенками и неровным дном. В западной стороне его прослежена яма диаметром 1,3 м, глубиной 0,45 м. Таким образом, общая глубина ямы достигала 1,75 м. В заполнении ямы обнаружено скопление камней не крупной величины (от 10 до 40 см), с сильными следами действия огня. Основная масса их, залегающая весьма компактно, располагалась в западной половине, в контурах углубления, хотя отдельные камни найдены и в других частях ямы. Большое количество углей и золы, обнаруженных в скоплении сильно обожженных камней, не оставляло сомнения в том, что в яме был очаг. Рядом с очагом лежали мелкие отщепы кремня, две заготовки кремневых топоров, обломки сверленного топора и кости косулы (европейской). Такого типа углубления, в отличие от шахт, по-видимому, следует рассматривать как мастерские, в которых производилась первичная обработка добытого в шахтах кремня и изготовление заготовок топоров.

Не исключена возможность, что данные углубления имели легкие перекрытия.

Вблизи карьера с шахтами открыта еще одна мастерская по изготовлению заготовок кремневых орудий.

Раскопками 1963 г. положено начало исследования одного из важнейших источников для воссоздания древней истории белорусского народа. Шахты и сопровождающие их мастерские дают ценнейшие материалы для освещения таких сторон деятельности человека, которые бессильны раскрыть обычные поселения и стоянки. Этот вид памятников позволяет поставить и в известной мере решить ряд вопросов, связанных с общественной организацией неолитических племен. Раскопки 1963 г. мы рассматривали лишь как подготовительные к последующим изысканиям³.

Большое историческое значение данного памятника, пока единственного в нашей стране, выдвигает необходимость его консервации и превращения в своего рода музей-заповедник по типу Кшеменок Опатовских в Польше⁴.

Уточнение датировки и определение этнической принадлежности шахт, возможно, будет при завершении полного их исследования. Однако на основании сопоставления наших памятников с аналогичными памятниками

³ В связи с этим было принято решение сохранить участок, содержащий шахты, до полного археологического изучения, на что получено соответствующее разрешение.

⁴ Tadeusz Zurowski. Konserwacja neolitycznych kopalni krzemienia w krzemionkach opawowskich Wiadomości archeologiczne, t. XX, z. 3, стр. 231—293. Warszawa, 1954.

Восточной и Западной Европы⁵ следует предполагать поздненеолитический их возраст. Об этом же свидетельствует и использование красносельского кремня для изготовления орудий, найденных в неолитических стоянках на побережье р. Неман. Вместе с тем уже и теперь очевидно, что ареал распространения кремня и изготовленных из него полуфабрикатов был значительно шире.

⁵ S. K r u k o w s k i. Krzemionki opatowskie. Warszawa, 1939; E. L. C o r n e t et A. B r i a r t. Sur l'age de la pierre polie. CIA, Bruxelles, 1873, стр. 279—299; M. B o u l e. Nouvelles observations sur les puits préhistoriques d'extraction du silex. Matériaux pour l'histoire de l'homme, t. IV, Paris, 1877; M. B o u l e. Découverte de puits préhistoriques d'extraction du silex. Matériaux pour l'histoire de l'homme, t. I. Paris, 1884, стр. 65—75; A. H. L. F o x. Further remarks on the Hill Fortes of Sussex, excavations at Cissbury. Archeologia or Miscellaneous tracts, v. XLII, London, 1869; I. P. H a r r i s o n. Additional discoveries at Cissbury. Journ. of the Antropol. Inst. of Great Britain and Ireland, v. VII. London, 1878, стр. 413—430; W. B. D a w k i n s. Early man in Britain. London, 1880; Чехословацкие профсоюзы, 1963, № 3, стр. 9.

О. Н. БАДЕР

ПЕРВЫЙ ТУРБИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Последние раскопки этого давно известного и почти не опубликованного могильника обогатили сведения по бронзовой эпохе Приуралья огромными новыми материалами. По количеству находок он значительно превосходит знаменитый Сейменский могильник и дает более прочные основания для объединения группы камских могильников турбинского типа с обширной группой хорошо исследованных среднекамских поселений.

Могильник расположен на правом высоком берегу Камы у г. Перми против устья Чусовой. После первой случайной находки бронзового вислобушного топора еще в конце 80-х годов прошлого века могильник был впервые обследован в 1891 г. С. И. Сергеевым и Н. И. Глушковым¹. Раскопки проводились в 1924—1927 гг. А. В. Шмидтом² и в 1934—1935 гг. Н. А. Прокошевым³.

Если А. В. Шмидтом была раскопана на могильнике площадь в 417 м², а Н. А. Прокошевым 434 м², то в 1958—1960 гг. нами вскрыто 4251 м²; вместе с предыдущими это составляет площадь в 5118 м², по-видимому, почти исчерпавшую территорию могильника⁴.

Наблюдения, сделанные при раскопках, позволяют с уверенностью определить памятник как большой могильник бронзовой эпохи, на месте которого гораздо позднее, в гляденовское время, существовало селище, опубликованное Н. А. Прокошевым⁵.

Несмотря на плохую сохранность костей, на могильнике зафиксированы очертания 10 могил. По расположению вещей реконструирована 101 могила. Можно предположить еще 80—90 могил (по разрозненным предметам на раскопанной площади). Всего, таким образом, могильник состоял не менее чем из 200 отдельных могил.

Часть могил была очень неглубокой; наиболее глубокие захоронения не превышали 1,15 м от современной поверхности; наибольшее число могил падает на глубину 30—40 см. Это делает понятным первоначальное мнение

¹ С. И. Сергеев. Отчет о деятельности Археологического отдела Пермского музея за 1891—1895 гг. ТПУАК, вып. III, Пермь, 1896; А. А. Спицын. Археологический альбом ЗРОРАО, т. XI, 1915, стр. № 234, рис. 19.

² A. Schmidt. Die Ausgrabungen bei dem Dorf Turbina an der Kama. FUF. Anzeiger, Bd. XVIII, 1—3, 1926; А. А. Спицын. Турбинские находки. «Пермский краеведческий сборник», вып. 2. Пермь, 1926, стр. 5.

³ Л. Я. Крижевская и Н. А. Прокошев. Турбинский могильник на р. Каме (по материалам раскопок 1934—1935 гг.). Сб. «Исследования по археологии СССР». Ленинград, 1961.

⁴ О. Н. Бадер. Новые раскопки Турбинского I могильника. ОКВЭ, вып. 1, 1959; он же. Работа Воткинской археологической экспедиции в 1960 г. ВАУ, вып. 2. Свердловск, 1962.

⁵ Н. А. Прокошев. Селище у дер. Турбино. МИА, № 1, 1940.

А. В. Шмидта о поверхностных погребениях в Турбине. Но несколько хорошо прослеженных могил опровергают это предположение.

Почти все могилы, судя по их очертаниям и размерам, служили для одиночных труположений. Преобладает ориентировка могил с северо-востока на юго-запад и с северо-запада на юго-восток. Ориентировка скелета установлена лишь один раз: погребенный был положен головой на юго-запад. Четыре могилы имели подквадратную форму и были, по-видимому, коллективными, что подтверждается и обилием погребального инвентаря в них.

Количество и ценность погребального инвентаря в могилах очень неодинаковы. Погребальные комплексы некоторых богатых могил дают возможность установить принадлежность их мужчинам или женщинам. Для мужских могил характерно обилие боевого оружия (бронзовые вислообушные топоры, топоры-клевцы, копья, кинжалы, кремневые наконечники стрел); для женских — серебряные и бронзовые украшения, ножи, шилья. Бронзовые кельты и клиновидные топоры, функционально соответствовавшие кремневым клиновидным топорам балазовских и фатьяновских погребений, входили в состав и мужских, и женских погребальных инвентарей и служили прежде всего орудиями труда; установлен их поперечный насад на колечатую рукоять. Общеупотребительными были также бронзовые и широкие кремневые ножи, а также и нефритовые кольца, хотя последние чаще встречались в женских могилах.

Коллекция предметов материальной культуры из Турбинского I могильника необычайно богата (рис. 23). Достаточно сказать, что в нем найдено 11 наконечников копий (в том числе одно серебряное), три вислообушных топора, 44 кельта, 40 ножей, 23 височных кольца, 36 нефритовых колец, 51 кремневый нож, 189 кремневых наконечников стрел и т. д.

Сопоставление вещевых комплексов исследованных могильников турбинского типа показывает, что они не тождественны друг другу. Инвентарь в близко расположенных (на расстоянии 3 км) могильниках (Турбинского I, Турбинского II и Усть-Гайвенского) различен. Их особенности следует рассматривать не как локальные, а как хронологические.

Относительно поздние формы кельтов и копья из Усть-Гайвенского могильника⁶, приближающиеся к ананьинским, заставляют считать его позднейшим. С другой стороны, то же копье и кельт, орнаментированный свисающими ромбами, приближают этот могильник к Сейминскому⁷, к которому по кривому ножу с фигурками баранов близок Турбинский II могильник⁸. Наконец, наиболее далеки типологически комплексы Усть-Гайвенского и Турбинского I могильников. Это позволяет установить хронологическую последовательность, в которой древнейшим оказывается Турбинский I могильник, за ним идут Сейминский и Турбинский II и позднейшим будет Усть-Гайвенский⁹.

Абсолютная дата Турбинского I могильника определяется путем синхронизации его с Бородинским кладом (к которому он ближе, чем Сейма) и, далее с шахтовыми гробницами Микен конца XVI — начала XV вв. до н. э. Сейминский могильник, синхронный Покровскому могильнику срубной культуры, датируется серединой XV в. и Усть-Гайвенский — началом XIV в. до н. э. Удревнение начальной даты абашевской культуры Приуралья¹⁰ подтверждает указанную дату Турбина I.

⁶ О. Н. Бадер. Усть-Гайвенский могильник и Подгремячское местонахождение турбинского типа на Каме. УЗПУ, т. IX, вып. 3, Харьков, 1953.

⁷ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Российского исторического музея за 1914 г. М., 1915.

⁸ О. Н. Бадер. Второй Турбинский могильник. КСИА, вып. 86, 1961.

⁹ О. Н. Бадер. Работы Воткинской Археологической экспедиции за 1960 г. ВАУ, вып. 2, 1962, рис. 34.

¹⁰ К. В. Сальников. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии. «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959.

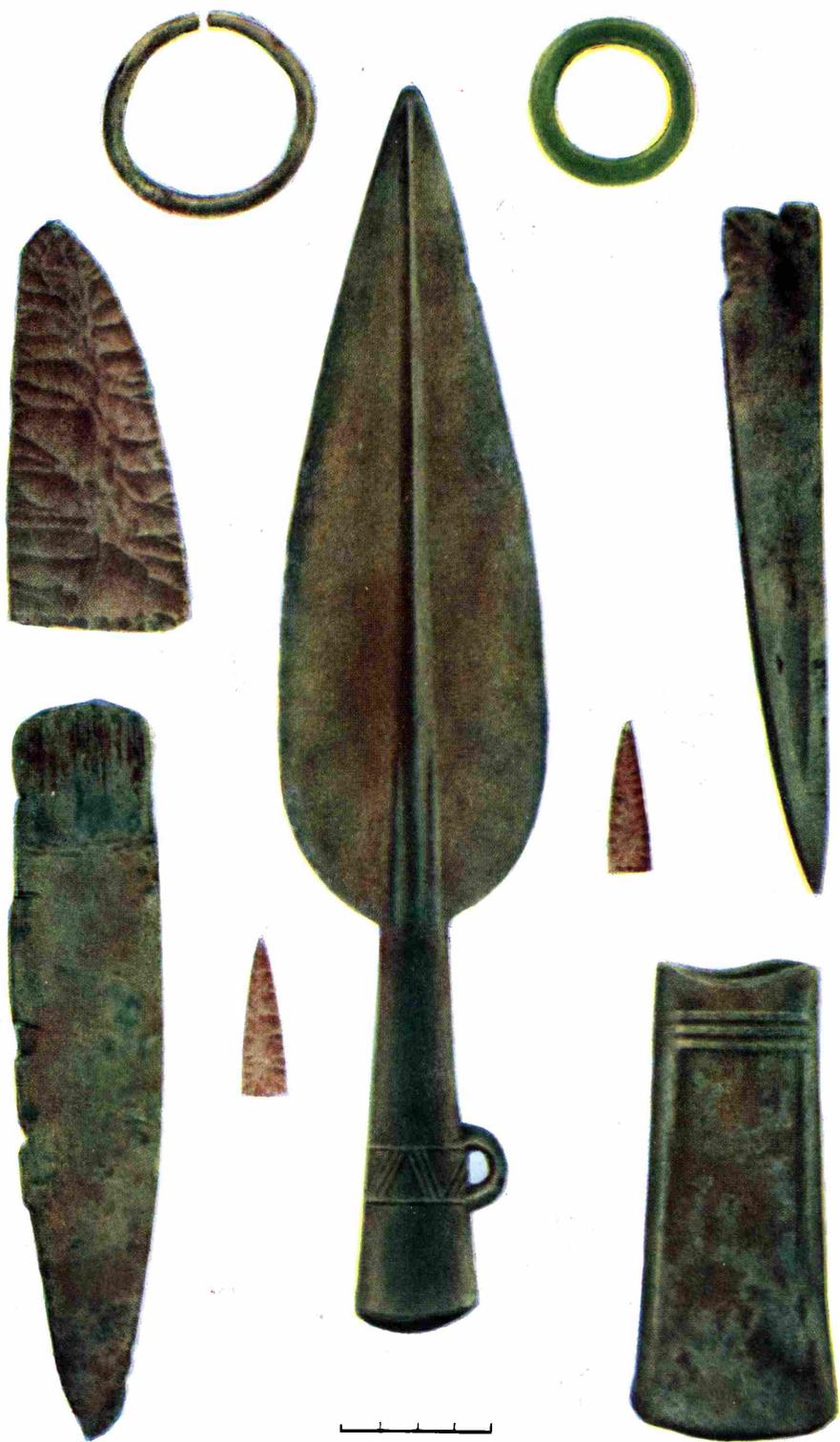

Рис. 23. Вещи из 1-го Турбинского могильника.

Бронзовый нож; копье; клевец; кельт; серебряное височное кольцо; кольцо из зеленого нефрита; кремневый нож; наконечники стрел. Из раскопок О. Н. Бадера в 1959 и 1960 гг.

Каменный инвентарь Турбинского I могильника полностью соответствует формам орудий соседних поселений гаринского типа, что позволяет связывать турбинские могильники с обширной группой хорошо изученных в последние годы поселений¹¹ и выделять их в особую турбинскую культуру¹².

Турбинские племена занимали обширные пространства Среднего Прикамья и в культурном отношении подразделялись на две локальные группы: усть-чусовскую и осинскую. Сформировавшись на основе местного, камского неолита, турбинская культура прошла в своем развитии два этапа: гаринский (с XVIII по XIV в. до н. э.) и борский (с XIV по XII в. до н. э. включительно)¹³. Могильники турбинского типа, следовательно, относятся ко второй половине гаринского этапа.

Турбинская культура имела тесные связи с Зауральем, откуда привозились на Каму по Чусовой бронза¹⁴, по-видимому, нефрит и даже керамика и некоторые каменные изделия.

Но западные связи турбинцев в этническом смысле представляются более тесными. Близость турбинской культуры на ее раннем этапе с воловской культурой Камского и Окского Поволжья и Северо-Запада прослеживается в тождестве форм четырехугольных полуземлянок и по керамике; например, в растительных примесях к глиняному тесту сосудов, в орнаменте в виде «шагающей гребенки» и пр. Этим можно объяснить сходство Сейминского могильника с Турбинскими могильниками на Каме.

Складывается представление о существовании во II тысячелетии до н. э. в Волгокамье обширной сейминско-турбинской историко-культурной области, занятой несколькими родственными культурами. Племена указанной области следует рассматривать как предков позднейшего пермско-финского и волго-финского населения тех же территорий, что отмечено на палеоэтнографической карте Северо-Восточной Европы¹⁵.

¹¹ О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, № 99, 1961.

¹² О. Н. Бадер. Могильники турбинского типа и их связь с поселениями. «Археологический сборник» Государственного Эрмитажа, № 6. Л., 1964.

¹³ О. Н. Бадер. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы. ОКВЭ, 2, 1961.

¹⁴ Ю. М. Абрамович. К вопросу о происхождении металлургического сырья в Прикамье во II тысячелетии до н. э. УЗПГУ, т. XI, вып. 3. Харьков, 1956.

¹⁵ O. Bahder. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMYA, 59, 1. Helsinki, 1957.

М. П. ГРЯЗНОВ

РАБОТЫ КРАСНОЯРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Шесть — девять отрядов Красноярской экспедиции работает ежегодно по берегам Енисея и по некоторым его притокам, в ложе проектируемого водохранилища Красноярской ГЭС. Большая часть зеркала будущего Красноярского «моря» расположится в пределах Минусинской степной котловины. Здесь, в этом наиболее полно и детально исследованном в археологическом отношении районе Сибири, никогда еще не производилось столь обширных раскопок. За четыре года работ экспедиции (1960—1963 гг.) раскопано огромное количество разнообразных памятников всех известных в крае эпох¹. По некоторым периодам исследовано столько же памятников, сколько их было раскопано за все предшествующее время археологических исследований на Енисее, а иногда и в несколько раз больше. Работы экспедиции продолжаются, и результатом их будет прежде всего обогащение сибирской археологии огромным новым материалом по всем периодам истории древних племен Минусинской котловины, превышающим по своему объему все то, что было прежде известно.

В короткой статье невозможно показать весь объем работ экспедиции. Можно отметить только наиболее значительные достижения. Экспедиции удалось разработать методику изучения и реконструкции первоначального вида каменных надмогильных сооружений. То, что прежде представлялось как каменная насыпь или круглые, кольцевые и прямоугольные выкладки, теперь предстает перед нами в виде каменных надмогильных оград точно установленной формы и размеров, а иногда эти сооружения удается реконструировать на месте.

Сплошное вскрытие могильников при детальном исследовании всей площади памятника не только значительно расширило объем фактического материала и полноту представлений о памятнике, но и позволило поставить некоторые новые в археологии вопросы. Удалось, например, произвести интересные наблюдения по палеодемографии. Так, по материалам могильника Гришкин Лог I баиновского этапа (VII—VI вв. до н. э.) устанавливается поло-возрастной состав обитателей древнего поселка. Его можно представить в таком виде — 11 брачных пар до 40-летнего возраста, четыре пары возраста свыше 40 лет и около 15 внебрачных мужчин разного возраста. Малое число женщин и людей преклонного и старческого возраста указывает на высокий процент смертности молодых женщин и очень низкую среднюю продолжительность жизни (М. П. Грязнов и Г. А. Максименков).

Новые материалы и наблюдения получены по всем периодам. Так, впервые в степной части Енисея произведены обширные раскопки пяти много-

¹ Отчеты работ Красноярской экспедиции. Архив ИА АН СССР.

слоистых верхнепалеолитических стоянок на р. Таштык и близ дер. Кокоревой (З. А. Абрамова, С. Н. Астахов). Большие серии каменных орудий, различных костяных изделий, украшений сходны с материалами верхнепалеолитических стоянок Среднего Енисея близ Красноярска и значительно расширяют наши представления об енисейском палеолите. Исключительно интересной оказалась находка лопатки бизона с вонзившимся в нее костяным наконечником копья или дротика (З. А. Абрамова). Сопоставление этой находки с верхнепалеолитическими изображениями раненых бизонов в Западной Европе и со способами охоты североамериканских индейцев на бизона показывает, что еще в верхнепалеолитическое время был найден удачный прием охоты на бизона — вонзить копьё в лопатку. С такой раной зверь не в состоянии бежать, так как засевающее в лопатке острие копья при каждом движении лопатки (ноги) режет мускулы плеча и грудной клетки. Зверь становится легкой добычей охотника. И этот способ пешей охоты на бизона дожил до наших дней. Так, наша енисейская находка позволяет впервые получить конкретное представление об одном из способов охоты людей древнекаменного века.

По неолиту основные работы велись в нижней (северной) части водохранилища, в устье р. Бирюсы (Н. Н. Гурина). Раскопки культурных наслоений на большой площади очень полно охарактеризовали своеобразие енисейского неолита, заключающееся в переживании ряда палеолитических форм орудий и техники их изготовления. В неолитических слоях наряду с обычными неолитическими каменными изделиями в большом количестве находятся дисковидные нуклеусы, скребла, остроконечники и другие изделия характерных сибирских верхнепалеолитических форм и техники. В степной части Енисея до сих пор почти не удавалось найти и исследовать памятники неолита. Экспедиция произвела раскопки на двух стоянках, на р. Карасук и близ с. Батени, однако, полученный материал хотя и вполне выразителен, но все же беден. Зато интересно открытие двух неолитических топоров, вкладышевый нож и другие костяные изделия, череп крупной птицы (А. Н. Богданов). В пункте Карасук II могила в виде земляного плоского усеченного конуса, покрытого как бы панцирем из тонких плит, была заключена в большой каменной квадратной ограде с выложенными по диагонали стенками. При погребенной женщине находилось большое число различных вещей, в том числе костяная фигурка медведя и множество украшений из зубов марала и соболя, причем только на украшение обуви употреблены зубы 260 соболей (М. Н. Комарова). Однако принадлежность последней могилы к неолиту вызывает некоторые сомнения — возможно, она относится к памятникам окуневского типа.

Много нового дали исследования пяти могильников афанасьевской культуры (М. Н. Комарова, А. А. Гаврилова, Л. П. Зяблин, Г. А. Максименков). Большая серия характерной керамики и много разных вещей (из кости и камня, а также меди и серебра) из 77 раскопанных могил значительно дополняют ранее известные материалы. Наблюдениями при раскопках устанавливается, что надмогильные сооружения представляли собой круглые ограды, сложенные из плитняка или составленные из вертикально поставленных плит (рис. 24). Высота их была до 1 м. Над самими же могилами часто насыпался небольшой земляной холм в виде плоской усеченной пирамиды (иногда конуса) высотой также до 1 м и более, облицованной каменными плитами. Характерно, что в центре ограды находится большая квадратная могила (иногда две и даже три) с коллективным захоронением в ней нескольких человек разного пола и возраста. В той же ограде обычно находится еще несколько индивидуальных небольших могил. Случаи погребения в коллективных могилах не трупов людей, а обглоданных животными костей человека и ряд других наблюдений позволяют заключить, что в афанасьевское время практиковался обычай хоронить весной в одной

общей могиле умерших зимой, а летом и осенью покойников предавать земле поодиночке каждого в свое время. Тем самым устанавливается случайный состав погребенных в коллективных могилах и невозможность использования наблюдений над поло-возрастным составом в этих могилах для суждения о матриархальном или патриархальном строе семьи, как это до сих пор делалось исследователями афанасьевской культуры, в том числе и автором этих строк. Сказанное об устройстве могил и о составе погребенных полностью распространяется и на все ранее исследованные памятники афанасьевской культуры.

Одна из наибольших удач экспедиции — это открытие и раскопки 130 могил окуневской культуры. Этот малоизвестный и казавшийся сомнительным период истории древних племен Енисея теперь выявлен как новая яркая и своеобразная археологическая культура, представленная обильным

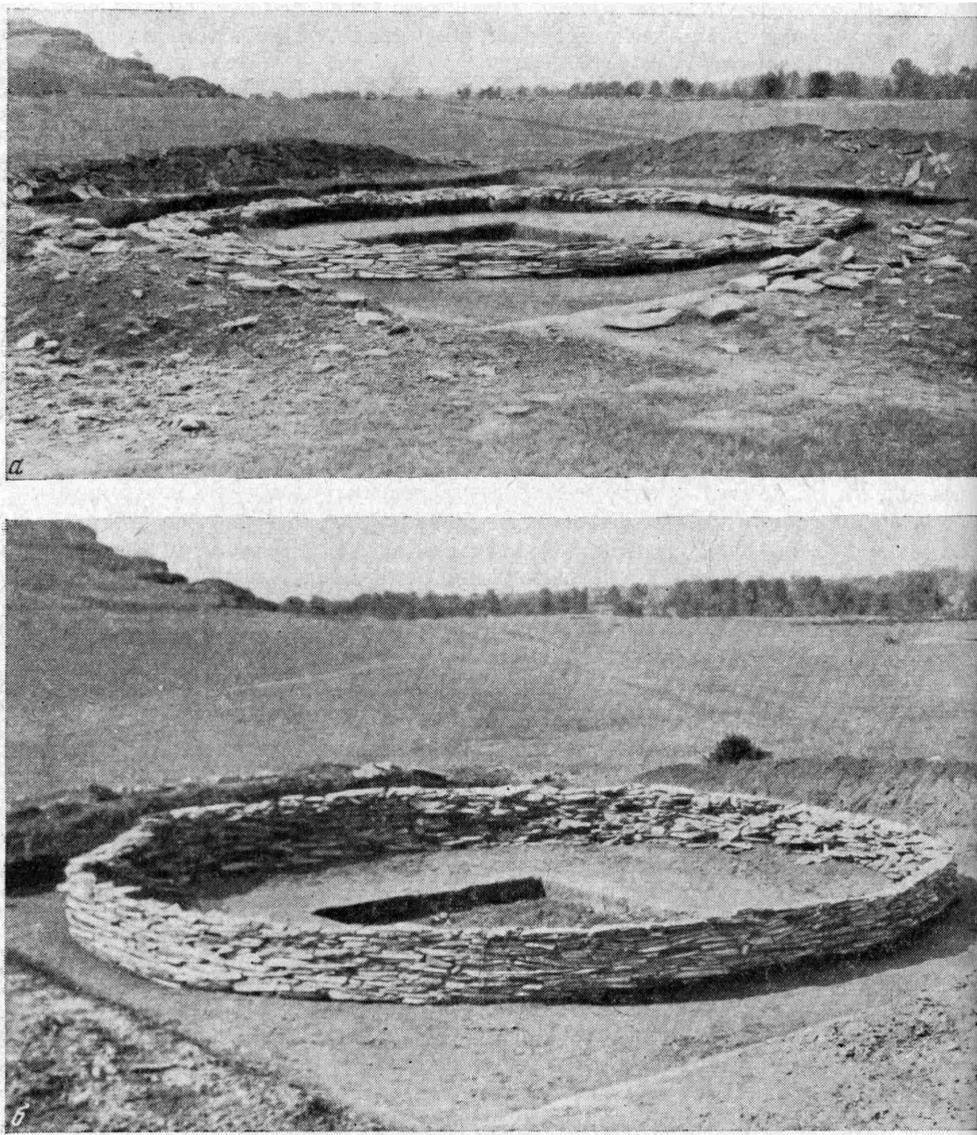

Рис. 24. Могила афанасьевской культуры в Подсуханихе.
а — в раскопанном виде; б — реконструированная (А. А. Гаврилова, 1961 г.)

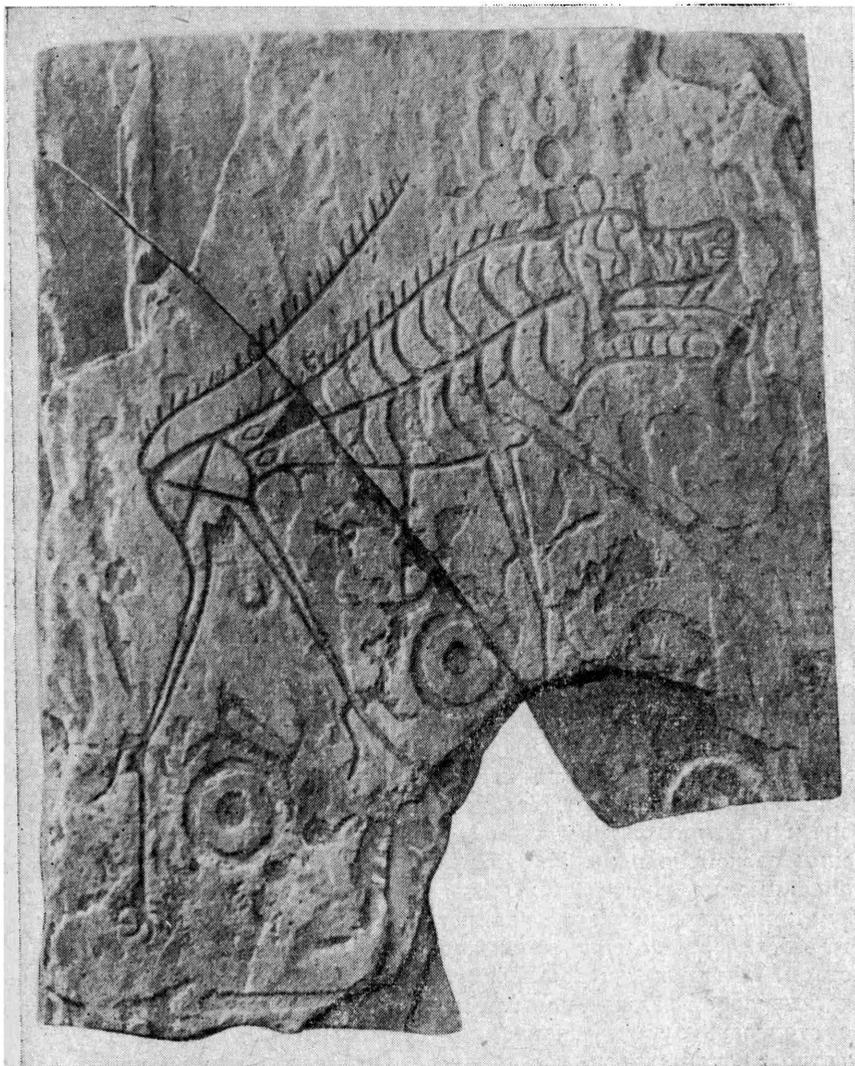

Рис. 25. Обломок стелы из могильника окуневской культуры Черновая VIII (Г. А. Максименков, 1962)

и выразительным материалом, главным образом из раскопок могильника Черновая VIII (Г. А. Максименков) (рис. 25). Ранняя пора бронзового века характеризуется здесь каменными топорами и стрелами, медными ножами, иглами и игольниками. Наряд погребенных с украшениями из зубов медведя и соболя указывает на крупную еще роль в хозяйстве охоты, а находки в могилах костяных острог — рыболовства. Особенно же замечательна большая серия произведений изобразительного искусства. Скульптурные головки женщин, вырезанные из желтого и белого стеатита, костяные пластинки с выгравированными изображениями женщин, роговые предметы, декорированные фигурами зверей, и другие подобные изделия находятся при погребенных. На устройство стен и покрытия могил в большом числе употреблены поломанные стелы хорошо уже известного в Хакасии типа с изображениями антропоморфных личин и обломки плит с различными изображениями зверей и зооморфных чудовищ. Находки на р. Черновэй неожиданно открыли перед нами новый, в общем неведомый нам ранее мир

художественных образов — яркое, своеобразное по стилю, богатое сюжетами и изобразительными приемами искусство енисейских племен начала II тысячелетия до н. в.

Большой и новый материал получен по андроновской культуре. Исследовались три поселения, к сожалению, плохо сохранившиеся. Но могильники оказались интересными. Раскопки велись в пяти пунктах: Ярки I и II, Каменка II (С. Рахимов), Сухое озеро (Г. А. Максименков) и Пристань I близ Новоселова (А. Аскарв). Раскопано 75 могил. Наиболее интересен могильник Пристань I, большая часть могил которого сохранилась в полной неприкосновенности. Некоторые могилы были даже не заполнены землей, и в одной такой могиле уцелели деревянная резная бадейка (рис. 26, 2) с остатками и следами швейных принадлежностей, берестяной туяс, расписанный черной краской, деревянная крышка от горшка, а также фрагменты головного убора и кожаной обуви с медными бусами.

Памятники карасукской культуры в ее классической форме исследовались в 11 пунктах. Раскопано 253 могилы, в том числе в известном могильнике Карасук I, именем которого названа культура, — 132 могилы (М. Н. Комарова), в могильнике Малые Копены — 54 могилы (Л. П. Зяблин) и на Сухом озере — 22 могилы (Г. А. Максименков). Полученный раскопками большой вещевой материал существенных изменений в археологическую характеристику культуры не вносит, но представления наши о погребальных обрядах, архитектуре надмогильных сооружений неизмеримо расширяются, многие вопросы хозяйства, быта и социального строя карасукской культуры полнее освещаются, а в ряде случаев предстают в новом свете. Интересны наблюдения над последовательностью захоронений в семейных группах могил, позволяющие видеть конкретные особенности сложившейся уже патриархальной семьи в карасукском обществе.

Второй удачей экспедиции надо считать открытие поселения и шести могильников позднекарасукского времени (X—VIII вв. до н. э.), названного нами каменоложским этапом по поселению Каменный Лог I. На поселении раскопано пять больших землянок (М. Н. Комарова). Впервые исследованные на Енисее землянки эпохи бронзы дали нам большой и яркий материал для изучения хозяйства и быта позднекарасукских племен. Это было оседлое население, занимавшееся земледелием и пастушеским скотоводством. Интересны находки, проливающие свет на вопрос об освоении коня для верховой езды, — роговые псалии для безудильной узды и характерная стертость зубов у лошади, не знавшей еще металлических удиц. Множество таких находок, как обломки литейных форм, глиняная посуда, разные заготовки, недоделанные и неудавшиеся предметы, фрагменты различных костяных изделий, зернотерки, бронзовые орудия и пр., дают наглядное представление о труде и быте обитателей землянок. Могильники каменоложского этапа исследованы в шести пунктах по р. Карасук (М. Н. Комарова, М. П. Грязнов, Л. П. Зяблин) и на р. Черновой (Г. А. Максименков). Раскопано 76 могил, давших большую серию оригинальной керамики, во многом еще сходной с классической карасукской, но отличающейся от нее обязательной полоской орнамента по верху горлышка (рис. 27). В отличие от классических карасукских могильников бронзовые ножи здесь не «изогнутой» формы, а все без исключения «коленчатые».

Каменоложский этап, представленный не только серией могильников, но и поселением с хорошо сохранившимися жилищами, может изучаться сейчас с такой полнотой и так разносторонне, как ни один другой период эпохи бронзы на Енисее. В последние годы в литературе появились в основе своей правильные указания на наличие на Енисее двух групп памятников карасукской культуры, но вместе с тем появились и совершенно невероятные утверждения о каком-то сосуществовании на протяжении многих столетий якобы этнически разнородных трех групп племен — андроновской, собственно карасукской и «лугавской» (Н. Л. Членова) или

Рис. 26. Предметы из могильников.

1 — черноошенный сосуд с белой инкрустацией из могильника карасукской культуры Карасук I (М. Н. Комарова, 1961 г.); 2 — деревянный сосуд из могильника андроновской культуры Пристань I (А. Аскарлов, 1963 г.); 3 — бронзовый кинжал в кожаном футляре из кургана сарагашенского этапа на Сарагашенском озере (М. П. Грязнов, 1963 г.)

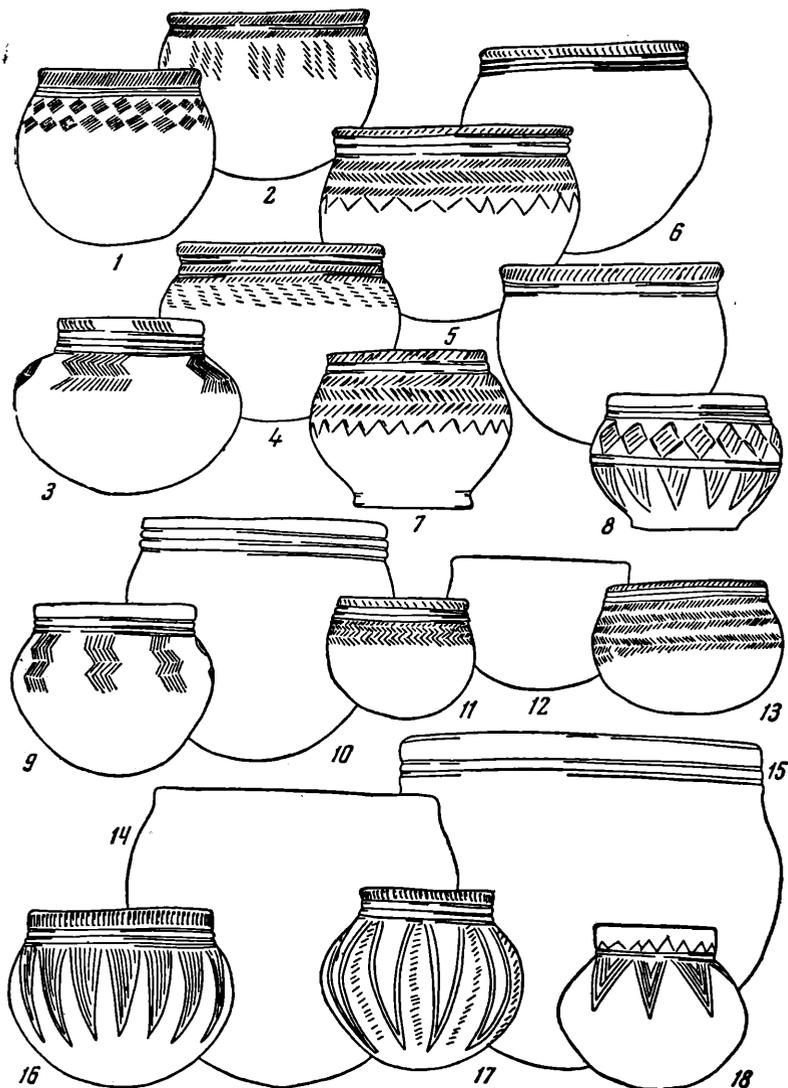

Рис. 27. Глиняная посуда из могильников каменноложского этапа (М. П. Грязнов, 1962 г.)

«бейской» (М. Д. Хлобыстина), по нашему каменноложской. Серии памятников всех этих трех групп, исследованных Красноярской экспедицией, настолько яркие и выразительны, хронологически определены, что, несомненно, опровергают высказанные этими авторами мнения, появление которых можно было бы оправдать только тем, что авторы их не имели в своих руках достаточно полных и надежных комплексов памятников.

Памятники байновского этапа (VII—VI вв. до н. э.) исследованы экспедицией в двух пунктах. В Малых Копенах раскопано несколько могил с типичными для этого этапа формами надмогильных сооружений и бронзовыми копьями с навершием в виде «арки на кронштейне» (Л. П. Зяблин). В Гришкином Логу около с. Батени полностью раскопан могильник, состоящий из 26 групп могильных оград, содержащих 85 могил, в которых было погребено 136 человек (М. П. Грязнов, Г. А. Максименков). Могильник (рис. 28) интересен тем, что вещевой материал его принадлежит частью

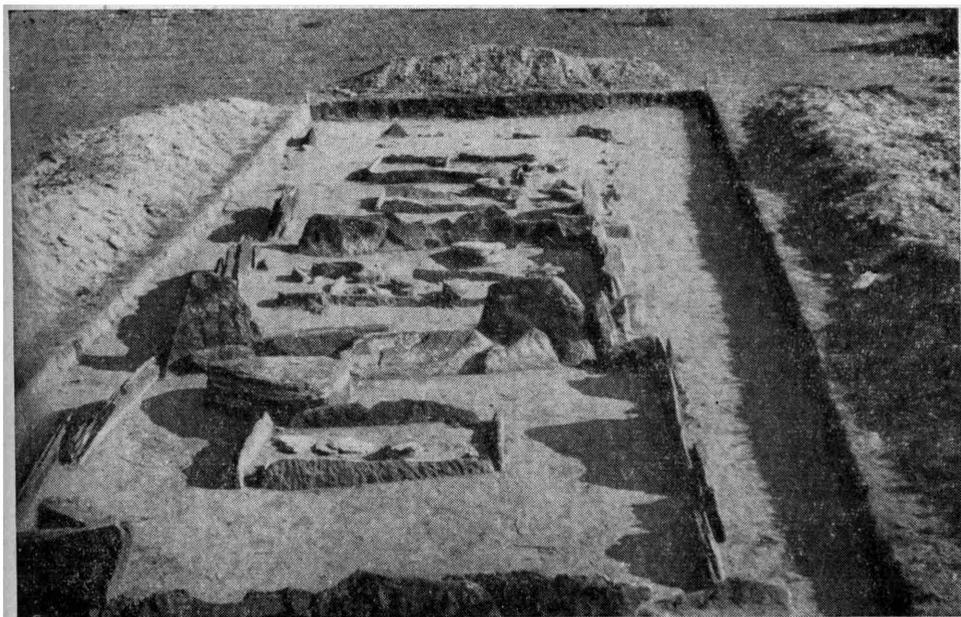

Рис. 28. Могильные ограды в могильнике баиновского этапа Гришкин Лог I
(Г. А. Максименков, 1960 г.)

поздним формам баиновского этапа, частью форм, вполне характерным уже для следующего, подгорновского этапа. Он занимает как бы промежуточное положение между баиновским и подгорновским этапами и служит наглядным подтверждением того, что смена этапов минусинской курганной культуры, в отличие от этапов эпохи бронзы, происходила постепенно в течение длительного времени и что устанавливаемые нами границы между этими этапами в значительной мере условны. Материалы этого могильника, как уже отмечено выше, позволили сделать интересные палеодемографические наблюдения.

В большом числе исследованы и курганы подгорновского этапа (VI—V вв. до н. э.), самая многочисленная группа памятников в степях Хакасии, встречающихся буквально на каждом шагу и издали видимых по высоким угловым камням могильных оград. В 18 пунктах раскопано 92 кургана, содержащих более 200 могил. Наиболее значительные раскопки произведены на Подгорном озере, именем которого назван этап (Г. А. Максименков, А. В. Давыдова), а также в могильниках Каменка I (Я. А. Шер), Туран I (А. Д. Грач) и на р. Черновой (Г. А. Максименков). Наибольшее число прежде раскопанных курганов и хранящихся в музеях собраний бронзовых изделий относится именно к этому наиболее детально изученному в Хакасии периоду. Тем не менее и наши раскопки дали много нового. Мы получили полное и правильное представление о своеобразной архитектуре надмогильных сооружений, чего не имелось в предшествующих исследованиях. В могилах при погребениях нашли серию бронзовых кельтов, что позволяет уточнить вопросы датировки кельтов, изучавшихся до сих пор только типологически из-за отсутствия находок их в комплексах. Большое количество вещевого материала и наблюдения над погребальным ритуалом позволяют теперь значительно расширить наши представления о культуре этого периода.

Давно уже внимание исследователей привлекали так называемые коллективные погребения в курганах сарагашенского этапа (IV—III вв. до н. э.). Было много раскопано могил с десятками погребенных в них людей, выска-

зывались различные предположения о причинах, вызвавших устройство коллективных могил, но из-за отсутствия хорошо исследованных памятников этого рода все споры о них оставались беспочвенными. Экспедиция впервые произвела тщательные раскопки этих памятников. Исследовано 15 курганов в четырех пунктах. В них оказалось 24 больших могилы с коллективными погребениями. Наиболее значительные раскопки произведены у горы Туран (А. Д. Грач) и в Малых Копенах (Л. П. Зяблин). С совершенной определенностью устанавливается, что это были склепы, вероятно, родовые, куда в течение некоторого времени хоронили одного за другим многих покойников, что отчетливо прослежено в неграбленных могилах у г. Туран и в могиле у пристани Новоселово, содержавшей более 80 человек. При полном исследовании курганов нами открыто, кроме основных могил, 76 малых могил с индивидуальными погребениями и получен, таким образом, новый материал для рассмотрения некоторых вопросов социального состава оставившего курганы общества. В этом отношении интересен и самый большой из исследованных нами курган на оз. Сарагаш, именем которого назван этот этап (М. П. Грязнов). В трех больших основных могилах кургана было погребено по одному человеку — женщина, полуторговавшая девочка и юноша 14 лет, сопровождавшиеся относительно богатым инвентарем. В исследованных курганах найдена большая серия характерных бронзовых предметов — ножи, кинжалы, небольших размеров декоративные чеканы, бляшки в виде «скифского оленя» и многие другие. Многие бронзовые изделия украшены фигурами зверей и птиц в скифо-сибирском стиле.

Неожиданным явилось открытие двух поселений и литейной мастерской сарагашенского этапа. На поселении в Гришкином Логу раскопано две землянки, квадратные в плане, площадью по 20—30 м². Одна с наращенными по бортам котлована сложенными из плитняка стенами, у другой стены укреплены вертикально поставленными плитами (М. Н. Комарова). На поселении в Лобике, близ с. Батени, исследовано обширное с пристройками наземное жилище со стенами, сложенными из плитняка (С. Рахимов). Культурный слой обоих поселений относительно беден находками. Видимо, это были недолговременные поселки. «Мастерская» на р. Таштык дала хорошую серию обломков литейных форм для изготовления бронзовых ножей, шилев и других изделий. Как и в одновременных поселениях на Верхней Оби, отливка производилась в монолитных глиняных формах, оттиснутых по модели.

В меньшей мере исследованы памятники тесинского этапа (III—II вв. до н. э.). Они дали небольшой, но выразительный материал. Тесинский этап известен лишь по нескольким огромным курганам, в больших могилах которых погребено по 100 и более человек. Это, по-видимому, основной вид погребений. Нами же в четырех пунктах раскопана 41 могила в маленьких, как бы деградированных оградках. При погребенных очень характерный инвентарь — железные ножи с кольцом, ложечковидные пронизки, железные кольца и др. (М. П. Грязнов, Е. Ф. Седякина, А. Н. Богданова). Наличие разнотипных кладбищ указывает на более сложную социальную структуру общества на тесинском этапе.

В изучении таштыкской культуры новым является открытие трех поселений (Таштык А, Карасук VIII и Крестик близ дер. Потрошиловой), в культурном слое которых собраны значительные серии керамики и некоторые другие предметы (М. П. Грязнов). Керамика всех трех поселений однородна и не находит соответствия в предлагавшихся хронологических подразделениях таштыкской культуры. Детальное изучение полученных материалов, позволит внести существенные уточнения в наши представления о хронологии таштыкской культуры. В этом отношении представляет интерес и небольшая серия погребений, раскопанных на р. Карасук в могильниках Барсучиха II и Барсучиха IV (Е. Ф. Седякина, Л. П. Зяблин).

Памятники времени Кыргызского государства на Енисее исследованы в Гришкином Логу на р. Карасук (Л. П. Зяблин, М. П. Грязнов). Здесь на расстоянии всего нескольких десятков метров друг от друга расположены три отдельных могильника и одна одиночная могила, принадлежащие лицам разных социальных групп и соответственно различающиеся по устройству надмогильных сооружений и по погребальному обряду. Основное кладбище представляет собой обычного типа так называемый Чаа-Тас, т. е. группу относительно больших каменных курганов с высокими столбовыми камнями у основания, окруженную со всех сторон многими малыми могилами. Курганы оказались развалинами овальных и прямоугольных оград, сложенных из плитняка. Могилы в них содержали погребения пепла сожженных людей. Около каждой кучки пепла находилась так называемая кыргызская ваза, два других сосуда и остатки обильной мясной пищи. Это могилы предшественников кыргызской аристократии. Остальная площадь могильника была занята множеством бедных могил, преимущественно детских, с погребениями по обряду трупосожжения и труположения. В другом могильнике были грунтовые могилы, покрытые массивными плитами; и в них погребения взрослых, сопровождавшиеся немногими вещами и небольшими грубой работы горшками. Третий могильник состоял из наземных могил, окруженных небольшой оградой из плитняка.

В двух пунктах — на р. Черновой и под горой Суханиха близ дер. Потрошиловой — раскопаны могилы начала II тысячелетия, наиболее трудно находимые на Енисее (А. А. Гаврилова). Это были могилы рядового кыргызского населения, в которых мужчины были погребены с седлом и уздой, женщины с ножом и скромными украшениями.

Наконец, в могильнике Черновая V вскрыта серия старых хакасских могил XVIII в. В деревянных колодах при погребенных находили медные христианские крестики и берестяные табакерки (А. А. Гаврилова).

В оставшееся до образования Красноярского «моря» время будет исследовано еще много различных памятников разных эпох. Но и после этого огромное количество археологических памятников уйдет, если не навсегда, то на очень долгое время, под воду. Однако то, что сделано и будет сделано в ближайшее время по исследованию скрытых под землей следов жизни человека древних эпох на Енисее, сохранит для науки бесценный исторический материал, изучением которого будут заниматься в течение многих лет не только участники Красноярской экспедиции, но и другие исследователи древней истории Сибири.

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

УРАРТСКАЯ КРЕПОСТЬ ТЕЙШЕБАИНИ (КАРМИР-БЛУР)

(к 25-летию раскопок)

В 1936 г. археологическая экспедиция Комитета охраны исторических памятников Армянской ССР впервые провела разведочные работы около холма Кармир-Блур (юго-западная окраина Еревана), где случайно был найден обломок камня с остатками клинописи, сохранившей имя урартского царя Русы, сына Аргишти (VII в. до н. э.). 25 лет назад, в 1939 г. здесь начались систематические раскопки, которые проводит экспедиция Академии наук Армянской ССР при участии Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры (ныне Институт археологии) АН СССР.

За 22 археологических сезона (в 1942—1944 гг. работы были прерваны) почти полностью исследована цитадель, находящаяся на холме Кармир-Блур, и раскопаны значительные участки древнего города, располагавшегося у подножья холма с юга и запада.

Цитадель представляет собою громадное сооружение с обширным двором, площадью около 4 га (рис. 29). Стены ее сложены из крупных сырцовых кирпичей на каменном цоколе и толщина их достигает иногда до 3,5 м, а высота от 4 до 7 м. Первый этаж цитадели, полностью сохранившийся, содержал около 140 помещений разного назначения и разных размеров, от небольших кладовых, где складывались глиняные кувшины, до обширных винных погребов. Кроме кладовых, в цитадели находились также мастерские по изготовлению кунжутного масла, пивоварня, мелкие ремесленные мастерские, в частности, ткацкая и для обработки кости. Обнаружены также кладовые для зерна, общей емкостью не менее 750 т. Кладовые для вина хранили около 4000 дел вина разных сортов.

В городе у цитадели раскопано несколько кварталов с жилищами населения различных рангов. В одних из них были жилища из двух помещений с открытым двором, без хозяйственных помещений, в других раскопаны дома с кладовыми, содержащими крупные сосуды. В 1961 г. в городе было исследовано большое здание площадью около 1800 м², состоящее из четырех 11-комнатных квартир, одинаковых по плану. Входы в эти квартиры располагались на одном из длинных фасадов здания. Характер городских построек указывает, что город был построен по общему плану и в него были поселены жители, доставленные из других мест. Город носил название Тейшебаини («город бога Тейшебы»), его имя сохранилось в клинообразной надписи на бронзовой части запора, найденной в одной из кладовых цитадели, а в 1961—1962 гг. в южной части крепости был обнаружен развал крупных камней цоколя храма, на котором были вырезаны две пространственные надписи. Первая из них, занимавшая девять камней (22 строки,

длиною по 2,2 м), сохранилась почти полностью. Она рассказывает о том, что Руся, сын Аргишти, в городе Тейшебаини, находящемся в стране Аза, построил храм «суси» и еще четыре других здания. Нижняя часть надписи перечисляет урартских богов и полагающиеся им жертвы. От второй надписи, содержавшей формулу проклятия против разрушителей постройки, сохранились лишь два целых камня и отдельные обломки, к которым относится и кусок камня, найденный в 1936 г.

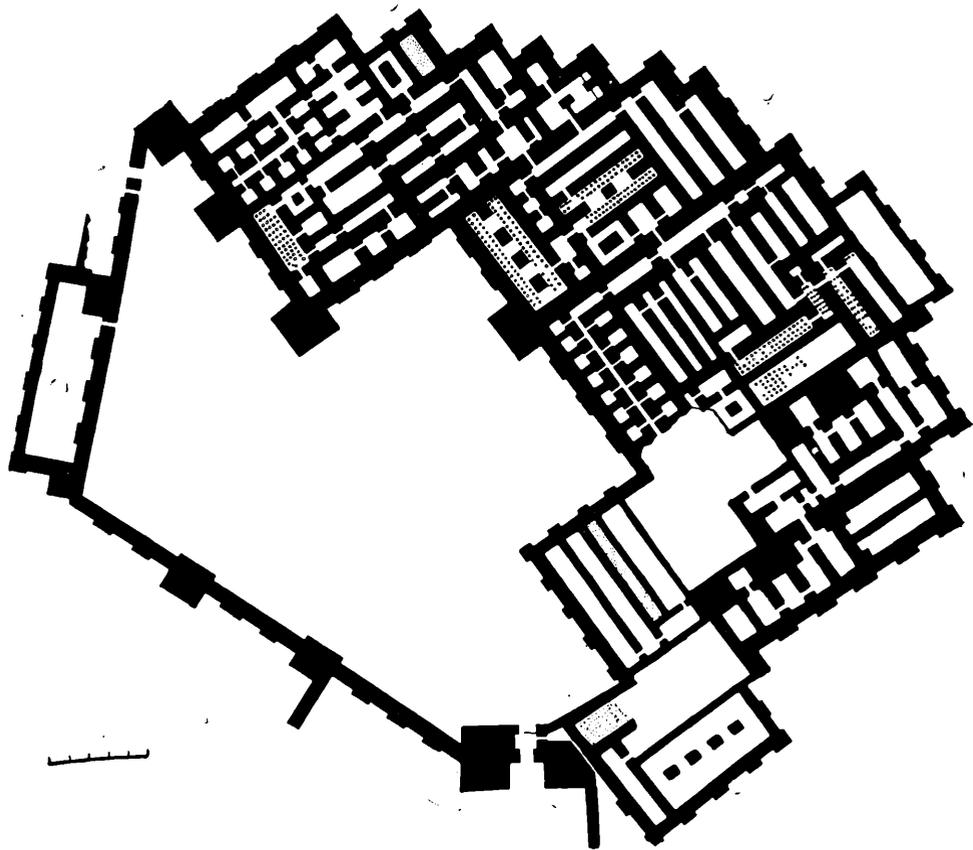

Рис. 29. Общий план цитадели Тейшебаини (раскопки 1939—1963 гг.)

Урартские письменные источники не упоминают этот город, но археологические исследования позволяют выяснить его характер и проследить его короткую жизнь, оборвавшуюся в начале VI в. до н. э.

Тейшебаини, названный по имени бога войны Тейшебы, был крупным урартским административно-хозяйственным центром, сменившим в VII в. до н. э. прежние центры Эребуни и Аргиштихинили, находившиеся также в стране Аза. В нем пребывал наместник урартского царя, стоял гарнизон, а в цитадель свозилась дань, собранная в окрестных областях, которая тут же перерабатывалась в мастерских и хранилась в кладовых. Город был окружен полями, садами и виноградниками, о чем рассказывает надпись Русы, сына Аргишти, вырезанная на каменной стеле, некогда стоявшей напротив города, на правом берегу р. Раздан, около канала, о сооружении которого она рассказывает. Судя по большому списку жертв, пола-

гавшихся разным богам, каналу этому, пробитому в толще скалы, придавалось большое значение. Канал сохранился и доныне, он уже более 26 веков орошает земли над ущельем правого берега реки. Раскопки цитадели дали громадный материал, характеризующий хозяйство Тейшебаини — земледелие и скотоводство. В ее кладовых обнаружены запасы зерна (пшеница, ячмень, просо, кунжут), остатки плодов (сливы, виноград различных сортов, яблоки, айва, вишня, гранат). Найдены также целые костяки животных (крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, ослов, кошки и др.), погибших в пожаре, возникшем при штурме крепости.

В Тейшебаини хранился и архив документов, состоящий из глиняных табличек, покрытых клинописью и иногда скрепленных еще печатью, носящей имя урартского царя или чиновника из центра Урарту. В дни гибели крепости архив был растащен, и в разных местах цитадели было найдено шесть полных документов и пять обломков. Из них только одна табличка относилась к хозяйственному архиву, а остальные документы представляли собою распоряжения урартского царя, присланные из столицы.

Раскопки Кармир-Блура дали громадное количество предметов, характеризующих культуру Урартского государства. Это глиняные и бронзовые сосуды, различные бронзовые и железные изделия, каменные, деревянные и костяные предметы, обрывки тканей, золотые и серебряные украшения. Из бронзовой скульптуры выделяются фигура бога Тейшебы, служившая навершием военного штандарта, и головка коня, украшавшая дышло колесницы. Без преувеличения можно сказать, что в развалинах Тейшебаини открыт богатейший музей урартских древностей, позволяющих обрисовать различные стороны культуры древнего государства и дать представление о памятниках его искусства.

Многие бронзовые художественно выполненные предметы вооружения имеют клинообразные надписи урартских царей, точно устанавливающие их дату.

В цитадели Тейшебаини обнаружено 17 крупных бронзовых щитов с надписями царей VIII в. до н. э. (Аргишти I, Сардури II, Руса I), пять из них украшены изображениями быков и львов, размещенными в концентрических поясах; 20 бронзовых шлемов ассирийского типа с надписями Аргишти I и Сардури II по нижнему краю, девять из них были украшены изображениями священных деревьев, богов, боевых колесниц и всадников. Изображения колесниц и всадников помещались также на многих из 20 бронзовых колчанов, снабженных посвятельными надписями тех же царей VIII в. до н. э., указывающими, что колчаны, так же как и другие предметы роскошного вооружения, были посвящены богу Халди. На нескольких бронзовых щитах надпись особо указывает, что они были изготовлены царем Аргишти, сыном Менуа, для города Эребуни, а в 1963 г. в цитадели Тейшебаини была найдена бронзовая подставка от несохранившейся статуэтки (бога или царя) с надписью, отмечающей, что этот предмет был изготовлен «когда город Эребуни был построен». Таким образом, становится ясным, что художественные бронзовые предметы более раннего времени, а именно VIII в. до н. э., были перенесены в Тейшебаини, построенный в VII в. до н. э., из других центров Закавказья, в частности из Эребуни (Аринберд), потерявших во второй период истории Урарту свое прежнее значение.

На одном из камней цокольной части храма, найденном отдельно в 1961 г. в южной части цитадели, встречается упоминание священного оружия в связи с «воротами бога Халди» (рис. 30). По-видимому, этот текст, полностью не дошедший, рассказывал именно о перенесении в Тейшебаини из Эребуни бронзовых предметов вооружения с посвятельными надписями богу Халди, найденных в цитадели. Раскопки Эребуни (Аринберд), начавшиеся в 1950 г., открыли остатки дворцовых, храмовых и хозяйственных сооружений, обнаружили большое количество строительных надписей.

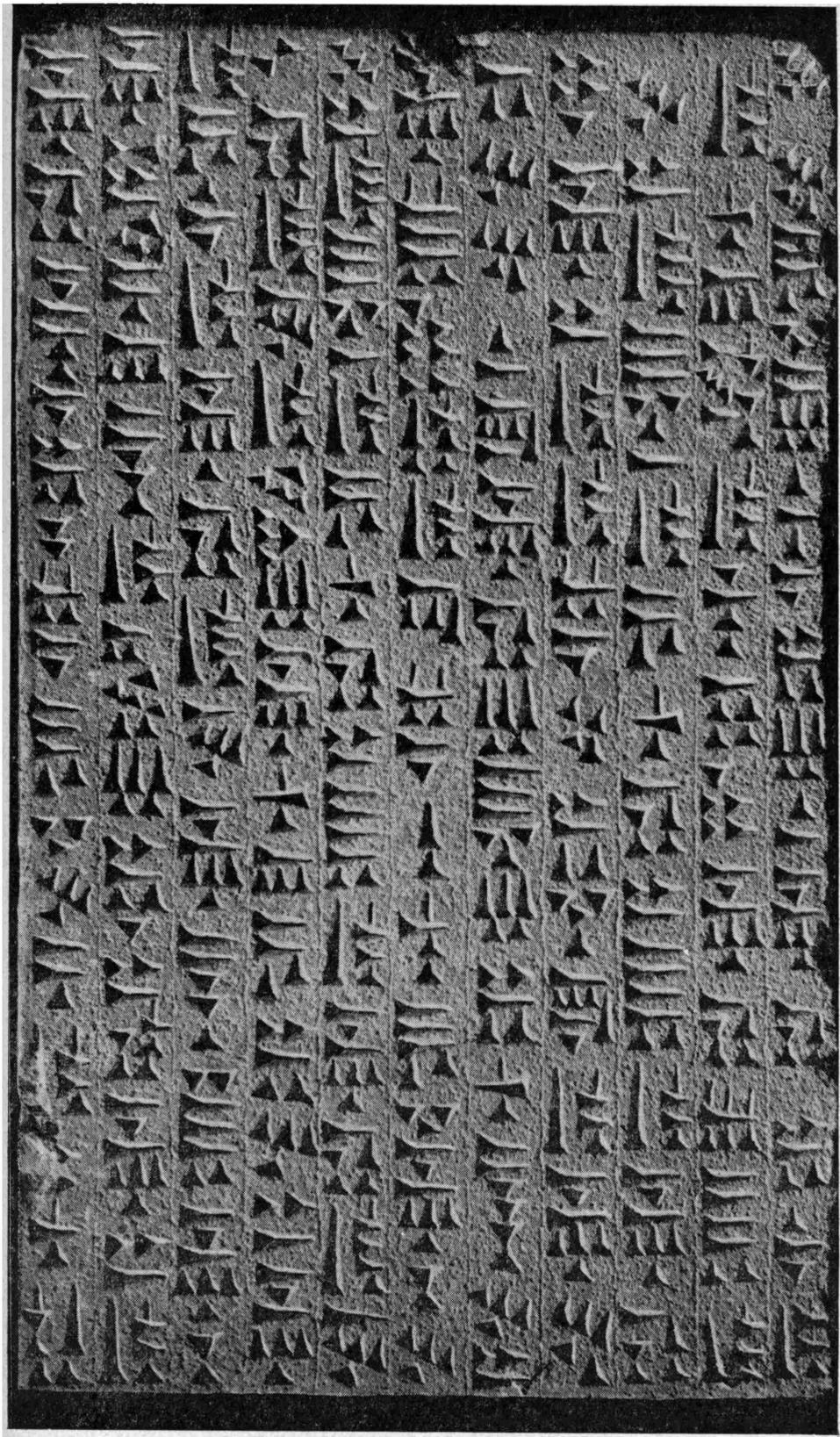

Рис. 30. Камень с клинообразной надписью о приношении священного оружия (из раскопок 1961 г.)

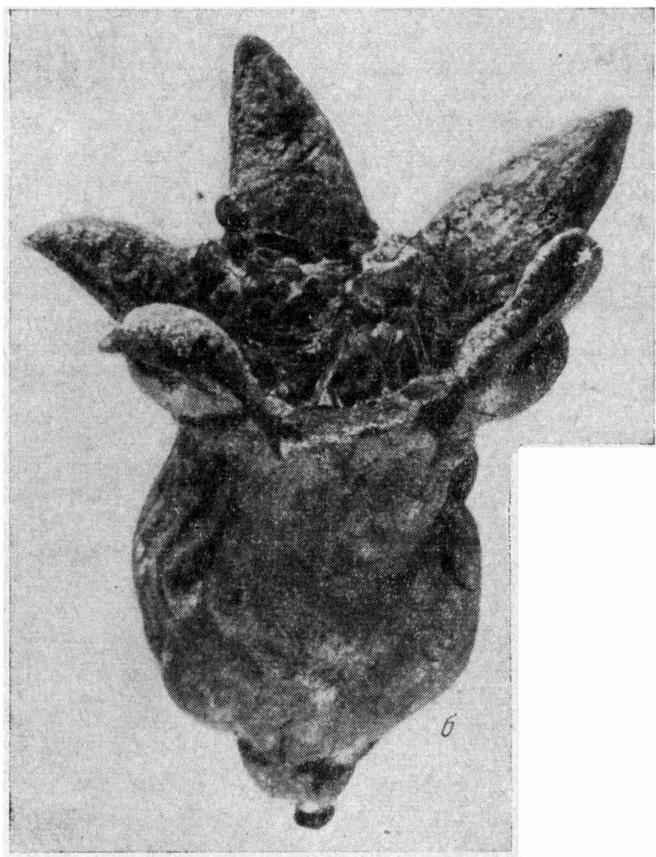
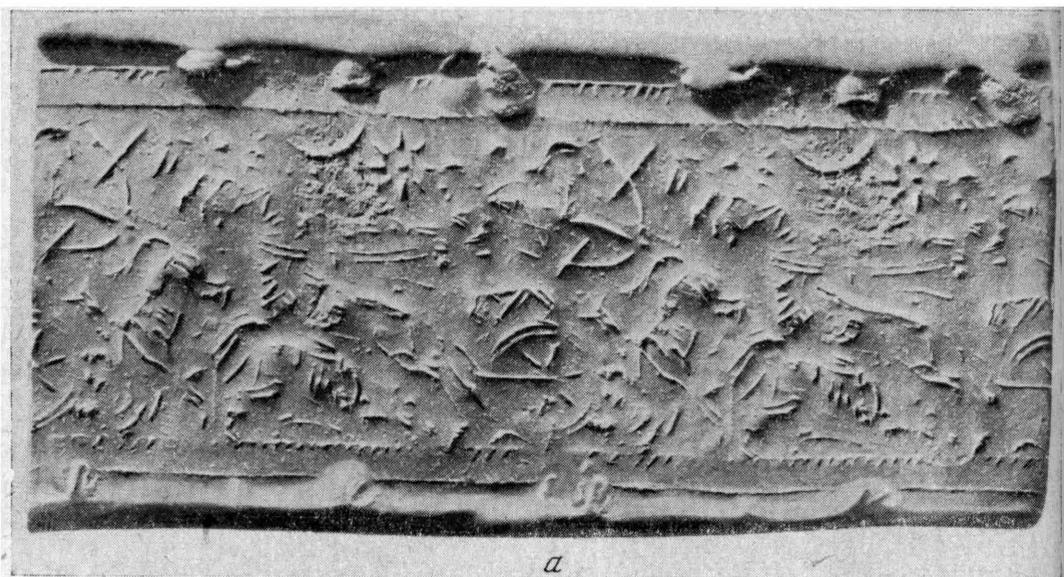

Рис. 31. Находки в цитадели Тейшебаани.
а — оттиск ассирийской цилиндрической печати; б — цветок гранатового дерева

но дали совершенно незначительный археологический материал. В VII в. до н. э. Эрбуни опустел и содержимое из его кладовых было перевезено в новый центр, в Тейшебаини.

Раскопки Кармир-Блур обнаружили много предметов, характеризующих связи древних урартских центров Закавказья со странами древнего Востока. Найдены превосходные образцы ассирийских цилиндрических печатей, среди которых выделяется сердоликовая печать времени Саргонидов с изображением царя, охотящегося с колесницы на диких быков (рис. 31, а). Многие фаянсовые печати и пронизки, найденные на Кармир-Блуре, имеют полные аналогии в материалах из раскопок ассирийской столицы — города Ашура. Вероятно, часть бронзовых чаш-фиал из Тейшебаини также окажется ассирийского происхождения.

О связях со странами Малой Азии и со Среднеземноморьем урартского центра Закавказья свидетельствует серебряный кувшин с пальметкой под ручкой и иероглифической надписью, повторяющей надпись на одной из бронзовых чаш, а также золотые серьги в форме калачика, украшенные зернью. Геометрическая роспись по белому фону, имеющаяся на одном из сосудов в форме аска, вероятно, должна быть сопоставлена с росписью именно малоазийской керамики. Обломок фаянсового фигурного сосуда с поливой, изображавшего сидящую женщину, ближайшие аналогии находят на о-ве Родос. Из Египта или же из северной Сирии могли быть доставлены фаянсовая статуэтка-амулет, изображающая богиню Сохмет, и скарабеиды с египетскими иероглифическими знаками. Детальное изучение каменных бус расширит наше представление о широких связях урартских центров со странами древнего Востока.

В кладовых цитадели Тейшебаини оказались также и скифские предметы, не только скифов Северного Кавказа, но и Приднепровья. К последним относятся железные удила с костяными пластинчатыми псалиями, украшенными в верхней части головкой животного — барана или лошади (на кармир-блурских псалиях верхняя часть не сохранилась), — а внизу копытом. Скифскими следует признать полушаровидные фаянсовые бусы, украшенные рубчиками, и роговые пряжки для перекрестия ремней в виде головок барана, хорошо известные по Келермесским курганам. Наряду с плоскими урартскими наконечниками стрел (бронзовыми и железными), имеющими длинный черенок для насадки на древко, в кладовых Кармир-Блур было найдено большое количество бронзовых двуперых и трехгранных наконечников скифского типа.

Нет сомнения, что скифы были в тесных сношениях с урартским закавказским центром Тейшебаини, через него осуществлялись связи скифов со странами древнего Востока. Возможно, некоторые предметы скифского типа изготовлялись и в самом Тейшебаини. Около главных, южных ворот цитадели находилось помещение привратника, погибшее так же, как и вся крепость, в пожаре.

Раскопки показали, что привратник занимался резьбой из рога. Были найдены распиленные рога оленя, заготовки для изделий и головка грифона в скифском стиле. Эта головка имела следы потертости от долгого употребления и поэтому не может рассматриваться как изделие костереза Тейшебаини, а, вероятно всего, была моделью.

На урартских предметах из Тейшебаини, в частности, на бронзовых поясах, встреченных и в других местах Закавказья, имеется много орнаментальных элементов, как, например, изображения характерных по стилизации священных деревьев, связывающих искусство одной группы изделий Саккызского клада (Зивийе) с группой памятников скифского искусства, представленных золотыми обкладками ножен акинаков из Келермесского и Мельгуновских курганов. Теперь уже невозможно изучать вопросы связей скифов со странами древнего Востока без учета кармир-блурского материала.

Раскопки Тейшебаини отчетливо обрисовывают картину его гибели в начале VI в. до н. э. (около 590—585 гг. до н. э.), когда центральная власть урартов уже пала под ударами мидян. Цитадель Тейшебаини была разрушена и сожжена при ночном штурме, произведенном не через главные, хорошо укрепленные ворота, а через боковые, северо-западные. Перед штурмом цитадель была обстреляна, и сырцовые кладки стен ее у северо-западных ворот сохранили бронзовые трехгранные наконечники стрел скифского типа. Можно с уверенностью предположить, что среди врагов урартов были и их прежние союзники скифы.

Город был покинут, и защитники Тейшебаини заперлись в цитадели, устроив во дворе и в помещениях крепости свои временные жилища, где было обнаружено большое количество продовольствия. Именно в это время, по-видимому, защитники цитадели растащили имущество из кладовых, поделили его между собою и спрятали свои сокровища в разных местах, иногда заваливая их ветками и зерном, а иногда зарывая в земляной пол. Эти кучи запрятанных вещей носят следы дележа. Обнаруживается одна золотая серьга, половина серебряной гривы с золотой фигуркой льва на конце, части бронзовых котлов, некомплектные предметы конской сбруи. В таких кучах бывали и отдельные клинописные таблички архива. Защитники крепости, несомненно, рассчитывали после снятия осады забрать все эти вещи. На стене помещения, около зарытых в земляной пол щита и меча, была обнаружена метка в виде креста, нанесенная красной краской. Но судьба решила иначе. Крепость была взята штурмом и погибла в пожаре, рухнувшие перекрытия на долгие годы погребли под собою то, что не успело догореть. В кладовых юго-восточной части цитадели было обнаружено несколько обгорелых костяков людей и золотой браслет. От пожара сохранились остатки ткани, шерстяная пряжа, циновка, трава и даже цветок граната с тычинками и пестиком. Уцелели чашелистики, но лепестки, разумеется, опали (рис. 31, б).

После гибели Тейшебаини жизнь в нем не возобновилась и холм Кармир-Блур, как и территория прилегавшего к нему города, был надолго заброшен. Но прежде оставленные урартские центры, как, например, Эрбуни, не прекратили своего существования, и в Эрбуни раскопки открыли хорошо сохранившиеся образцы постройки VI—IV вв. до н. э., которые включили в свой ансамбль старые урартские строения с клинообразными надписями урартских царей VIII в. до н. э.

Д. Б. ШЕЛОВ

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ТАНАИСА

Систематические археологические исследования Танаиса были начаты Нижне-Донской экспедицией в 1955 г. и с тех пор регулярно проводятся каждый год. Эти работы дали самые разнообразные материалы, характеризующие хозяйство, быт, культуру, этническую и даже политическую историю древнего города.

Танаис занимал особое место среди античных городов Северного Причерноморья благодаря некоторым специфическим условиям его возникновения и существования. Прежде всего он, единственный из всех крупных центров Северного Причерноморья, был основан не греками, приехавшими из Малой Азии или материковой Греции, а местными боспорскими эллинами¹. Он возник на два-три столетия позже других городов как опорный торговый пункт, глубоко вклинившийся в земли, заселенные варварскими племенами. Танаис лежал на крайнем северо-востоке античного мира, вдали от других античных центров, в окружении меотских, скифских и сарматских племен. Это особое положение обусловило прежде всего преимущественно торговый характер древнего города. Ни для одного другого города Северного Причерноморья письменные источники не подчеркивают так настойчиво торговый характер, как для Танаиса². Данные раскопок полностью подтверждают характеристику Танаиса как значительного торгового центра³.

Другим следствием особого положения Танаиса среди причерноморских городов явилась очень большая роль в его жизни, в его культуре негреческих этнических элементов. Варварский характер строительства Танаиса был отмечен еще первым исследователем Недвиговского городища П. М. Леонтьевым⁴. Яркую картину сочетания в Танаисе греческих и варварских черт в различных проявлениях городской жизни дают нам надписи из Танаиса, на что неоднократно обращали внимание многие исследователи⁵. Археологические материалы, полученные за последние годы, содержат также замечательные свидетельства эллино-варварского синкретизма, ха-

¹ Strabo, XI, 2, 3.² Strabo, VII, 4, 5; XI, 2, 3, 11; Steph. Byz. s. v. Τάναϊς³ Д. Б. Шелов. Экономическая жизнь Танаиса. Сб. «Античный город», М., 1963, стр. 115 и сл.⁴ П. Леонтьев. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. Прописки, IV, М., 1854, стр. 416.⁵ В. В. Латышев. Почт. жд. СПб., 1909, стр. 128; С. А. Жебелев. Боспорские этюды. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 43—44; К. М. Колобова. К вопросу о сарматском языке. ИГАИМК, вып. 100, 1933, стр. 416 и сл.; Т. Н. Книпович. Танаис. Историко-археологические исследования. М.—Л., 1949, стр. 95; L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördliche Schwarzmeerküste. Praha, 1955, стр. 173 и сл.

ракторного для всей материальной и духовной культуры города⁶. Эти особенности в развитии Танаиса делают его очень благоприятным объектом для изучения при рассмотрении вопроса взаимодействия греческой и варварской культур в Северном Причерноморье, в конечном счете основного вопроса всей античной археологии нашей страны.

Свидетельства античных авторов о Танаисе очень отрывочны и скудны, они сводятся лишь к констатации факта основания города боспорцами, к весьма лаконичной характеристике его как торгового пункта и к упоминанию о разрушении города Полемоном⁷. Больше дают эпиграфические памятники Танаиса. Но все они относятся лишь к одному периоду в жизни города — к концу I — первой половине III в. н. э., — и касаются только некоторых аспектов жизни города⁸. Поэтому определяющее значение для создания общей картины экономической, политической и культурной жизни Танаиса на всем протяжении его существования должны иметь археологические материалы.

Недвиговское городище было едва ли не первым античным городищем нашего юга, подвергшимся широкому археологическому раскопкам. Работами П. М. Леонтьева в 1853 г. и позднее раскопками В. Г. Тизенгаузена, П. И. Хицунова и Н. И. Веселовского была вскрыта большая площадь на городище и открыто до 200 погребений в грунтовом некрополе. Однако добытый этими раскопками очень значительный вещевой материал дошел до нас далеко не полностью. Как правило, сохранялись только целые вещи, массовый же материал выбрасывался. Но самым досадным является почти полное отсутствие полевой документации этих раскопок: планов, чертежей, рисунков, описаний. Такая документация либо совсем не составлялась, либо до нас не дошла. Сохранившиеся отчеты носят суммарный характер⁹. Это обстоятельство в значительной степени обесценивает сохранившиеся материалы и не позволяет в полной мере использовать их как источник для восстановления многих сторон жизни и истории древнего города. Все выводы, которые можно было сделать на основании этих материалов, были сделаны Т. Н. Книпович в специальной монографии, посвященной Танаису¹⁰. Для дальнейших исследований требовались новые раскопки.

Организованная в 1955 г. Институтом археологии АН СССР и Ростовским областным музеем краеведения при участии ряда других учреждений Нижне-Донская археологическая экспедиция имела в качестве главной своей задачи раскопки Недвиговского городища и некрополя Танаиса. В ходе девятилетних раскопок (1955—1963 гг.) на городище вскрыто более 3000 м² площади, а в грунтовом некрополе — более 200 могил¹¹. В результате получен огромный археологический материал, позволяющий не только составить общее представление об облике города, о быте и хозяйстве горо-

⁶ Д. Б. Шелов. Эллинические и варварские элементы в Танаисе в свете новых данных. Сб. «Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes». Berlin, 1961, стр. 112 и сл.

⁷ Alex. Polyhist., 36; Strabo, VII, 4, 4—5; XI, 2, 3, 11; Steph. Byz., s. v. Tanaic.

⁸ IOSPE, II, 421—467; IV, 446—451.

⁹ П. Леонтьев. Указ. соч.; Извлечение из отчета об археологических розысканиях в 1853 г. СПб., 1855; архив ИА АН СССР, ф. 9, дело 25, 1853; ОАК, 1867, стр. XIX—XX; ОАК, 1870—1871, стр. XXIII; архив ИА АН СССР, дело ИАК, № 10, 1869; № 10, 1886; ОАК, 1908, стр. 122; Н. Веселовский. Танаис младший. «Гермес», 1909, № 6, стр. 246 и сл.; ОАК, 1909—1910, стр. 139; архив- ИА АН СССР, дело 1908 г., № 60; дело 1909 г., № 41.

¹⁰ Т. Н. Книпович. Указ. соч.

¹¹ Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1955 г. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 74 и сл.; он же. Раскопки Танаиса в 1956 г. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 62 и сл.; он же. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1957—1958 гг. КСИА АН СССР, вып. 83, 1961, стр. 126 и сл.; он же. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1960 г. КСИА АН СССР, вып. 91, 1962, стр. 78 и сл.; он же. Исследования Танаиса в 1961 г. КСИА АН СССР, вып. 95, 1963, стр. 91 и сл.

жан в разные эпохи существования Танаиса, но и решить многие вопросы его политической, социальной и этнической истории.

Добытые материалы позволяют установить, что Танаис был основан в III в. до н. э. Самыми ранними находками являются обломки чернолаковых сосудов III в. и даже два-три фрагмента керамики конца IV в. до н. э. Из более точно датируемых материалов отметим родосские керамические клейма, принадлежащие к первой хронологической группе (конец IV или самое начало III в. до н. э.), по Грейс¹², и пантикапейскую монету первой четверти III в. до н. э. На основании этих отдельных находок можно все же предположить, что город (или по крайней мере поселение на месте позднейшего города) возник еще в первой половине столетия, хотя наиболее ранние строительные остатки, открытые раскопками, относятся уже ко второй половине III в. до н. э.

Основанный в III в. до н. э. Танаис продолжал жить и развиваться на том же месте до конца античной эпохи. Твердое установление этого факта окончательно снимает рожденный ошибкой П. М. Леонтьева вопрос о существовании двух одновременных поселений с этим названием, о перенесении Танаиса с одного места на другое¹³. Существование эллинистического Танаиса на месте Недвиговского городища подтверждено не только множеством самых разнообразных найденных вещей III—I вв. до н. э. из раскопок городища, но и открытыми жилыми постройками, целыми кварталами города, оборонительными сооружениями, относящимися к этому времени¹⁴ (рис. 32, а), а также многими эллинистическими погребениями в грунтовом некрополе Танаиса¹⁵.

Новое истолкование в свете результатов раскопок получило засвидетельствованное Страбоном¹⁶ разрушение Танаиса боспорским царем Полемоном. И свойственное прежним исследователям Танаиса преувеличенное представление об этом разрушении, якобы вызвавшем даже перенесение города на другое место, и гипперкритическая версия С. А. Жебелева, вообще отрицавшего разрушение Танаиса¹⁷, оказались ошибочными. Раскопки показали, что приблизительно на рубеже нашей эры, т. е. как раз во времена Полемона имело место частичное разрушение города, после которого пришел в запустение весь западный район Танаиса и были произведены многие перестройки в других местах. Особенно сильно были разрушены оборонительные сооружения, вероятно, чтобы лишить непокорный город возможности в дальнейшем сопротивляться центральной власти Боспора. Но разрушения Полемона отнюдь не имели тотального характера, и после них Танаис продолжал существовать, а материалы из некрополя свидетельствуют даже об известном подъеме благосостояния и культуры города в I в. н. э.

Совершенно новым фактором в истории Танаиса, не получившим отражения в письменных источниках, является разгром и полное уничтожение города в III в. н. э. На всех исследованных участках очень ярко представлен слой пожарищ и разрушения, отчетливо датируемый находками монет сороковыми годами III в. н. э.¹⁸ Поскольку это разрушение являлось общим для всего города, поскольку в III в. н. э. отмечается прекращение жизни и в других нижнедонских городах, поскольку Танаис после этой катастрофы не восстанавливается в течение более 100 лет, можно предполагать, что разрушение это было связано не со стихийным бедствием, а со взятием и разгромом города неприятелем. Следы этого разгрома обнаружил еще

¹² V. Gracе. Timbres amphoriques trouvés à Delos. BCH, LXXXVI, 1952.

¹³ См.: Д. Б. Шелов. К истории Танаиса. ВДИ, 1959, № 1, стр. 119—120.

¹⁴ А. И. Болтунов а. Ранний Танаис (III—II вв. до н. э.). Сб. «Археологические раскопки на Дону». Ростов-на-Дону, 1962, стр. 78 и сл.

¹⁵ Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, № 98, 1961, стр. 47 и сл.

¹⁶ Strabo, XI, 2, 3.

¹⁷ С. А. Жебелев. Указ. соч., стр. 37 и сл.

¹⁸ Д. Б. Шелов. К истории Танаиса, стр. 126.

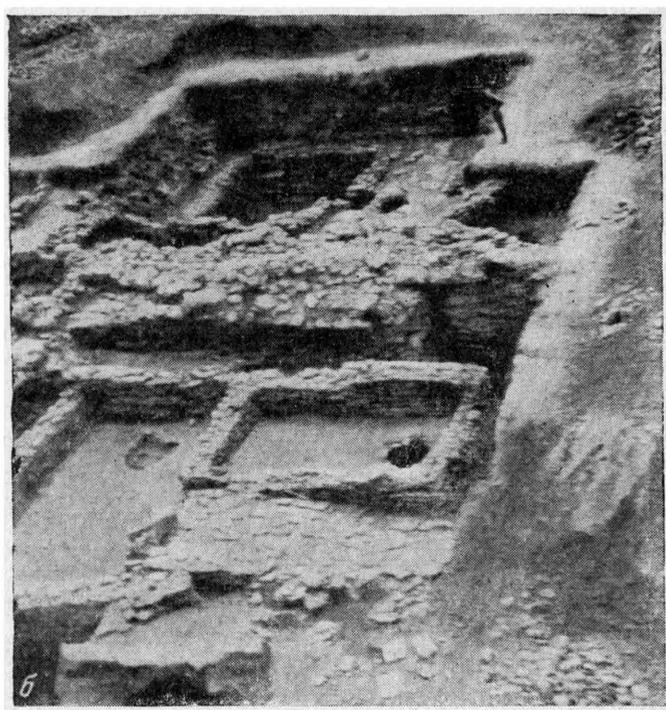

Рис. 32. Раскопки Танаиса.

а — оборонительная стена Танаиса III—I вв. до н. э.; б — общий вид раскопок юго-западного участка Танаиса

П. М. Леонтьев, но он ошибочно приписывал его гуннам и датировал 375 г.¹⁹ На самом деле это разрушение города неприятелем, вероятно, надо связывать с продвижением племен, принадлежавших к готскому союзу. Спустя два с половиной десятилетия эти племена, бораны, герулы и другие, обрушиваются на Керченский полуостров, на центральные области Боспора, где наблюдается такое же разрушение многих населенных пунктов²⁰. Полное отсутствие монет второй половины III и первой половины IV в. н. э. на Недвиговском городище свидетельствует о запустении города в это время²¹. Видимо, только в 70—80-х годах IV в. в Танаисе возродилась жизнь; об этом говорят немногочисленные находки римских монет, стеклянных изделий и керамики этого времени. Но этот последний период в жизни города известен нам очень плохо, так как верхние слои городища почти совсем разрушены многолетней добычей камня. Неизвестны и время, и обстоятельства окончательной гибели города; вероятно, это произошло в самом конце IV в. Во всяком случае 375 г., год вторжения гуннов, как думал П. М. Леонтьев²², не был роковым в жизни Танаиса — город продолжал еще существовать в 80-х годах IV в.

Раскопки подтвердили данную Страбоном характеристику Танаиса как крупного торгового центра. Для III—I вв. до н. э. основным видом привозной керамики являются амфоры, в огромном своем большинстве родосские, редко — синопские, косские, херсонесские и др., а также поздняя чернолаковая и ранняя краснолаковая керамика, рельефная посуда, главным образом «мегарские» чаши. Подавляющее большинство этого керамического материала происходит либо из малоазийских, либо из боспорских мастерских. Связи Танаиса с причерноморскими и средиземноморскими центрами осуществлялись, скорее всего, не непосредственно, а через центральные города Боспора; состав найденных в Танаисе керамических клейм, и некоторые другие данные позволяют предпологать, что торговля Танаиса шла главным образом через Фанагорию²³.

Расцвет торговли Танаиса падает на I—III вв. н. э. Открытые Нижне-Донской экспедицией обширные подвалы под жилыми и хозяйственными постройками, наполненные амфорами с товарами, относятся к этому времени. О содержимом этих амфор — вине, масле, зерне — мы можем судить иногда по надписям и рисункам на амфорах. Эти хранилища принадлежали, скорее всего, танаисским купцам, снабжавшим привозными товарами окружающие Танаис племена. Центры, откуда Танаис импортировал продукцию в амфорах, пока не всегда могут быть точно установлены, но, по всей вероятности, это были прежде всего города Боспора и Южного Причерноморья. Оттуда же поступала и большая часть импортной краснолаковой посуды²⁴ и стеклянных изделий²⁵. Но в торговле Танаиса первых веков нашей эры заметную роль играл привоз изделий западного происхождения — италийских бронзовых сосудов и утвари, рейнского стекла, галльских фибул. Часть из этих изделий, например, бронзовая утварь помпеянского типа²⁶, стеклянные чаши, кубки и флаконы кельнских мастерских²⁷, находила примене-

¹⁹ П. Леонтьев. Указ. соч., стр. 438; Извлечение из отчета..., стр. 103—104.

²⁰ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря. СА, XXV, 1956, стр. 254; она же. Исследование сельской территории Европейского Боспора. СА, 1957, № 1, стр. 231; она же. Исследование сельских поселений античных государств юга СССР. Acta archaeologica Hungarica, 14, 1962, стр. 230; она же. Города Боспора в III в. н. э. Сб. «Античный город». М., 1961, стр. 70.

²¹ Д. Б. Шелов. Денежный рынок Танаиса. ЗОАО, I, 1960, стр. 135—136.

²² П. М. Леонтьев. Указ. соч., стр. 438.

²³ Д. Б. Шелов. Экономическая жизнь Танаиса, стр. 116 и сл.

²⁴ Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 68—71.

²⁵ Н. П. Сорокина. Стеклянные изделия из Танаиса. Сб. «Древности Нижнего Дона». М., 1965.

²⁶ Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 50 и сл., рис. 8—11; П. С. Уварова. Бронзовая ручка из Недвиговского городища. АИЗ, VII, 1899, стр. 360—361.

²⁷ Н. П. Сорокина. Указ. соч.

ние в самом городе, другая часть сбывалась сарматам Нижнего Подонья. Вероятно, большинство бронзовых и серебряных ваз, ковшей, ситул италийского или галльского происхождения, находимых в погребениях Нижнего Подонья, Поволжья и даже Прикамья, поступало в эти районы через посредство танаисской торговли²⁸. Интересно отметить, что только часть этого западного импорта могла попадать в Танаис через города Боспора. Другая часть достигала Танаиса, несомненно, другим путем — сухопутным, через причерноморские степи из Подунавья, минуя северочерноморские античные города²⁹.

Производственная деятельность жителей Танаиса освещена археологическими материалами гораздо хуже, чем торговля. Обитатели этого города, как и жители других античных городов, занимались и сельским хозяйством. О занятии земледелием говорят находки железных серпов и открытие в городе многочисленных ям-зернохранилищ. Некоторые из них были выкопаны в глинистом грунте, другие даже высечены в скале. При раскопках найдено также много остатков зерна — ячменя, проса, мягкой пшеницы и яровой ржи. Особенно интересны находки зерен ржи, свидетельствующие о том, что в начале нашей эры рожь уже стала входить в число культурных растений Приазовья. Анализ костных остатков из культурного слоя городища и из мусорных свалок позволяет установить состав городского стада³⁰. Из промыслов в Танаисе было особенно развито рыболовство, о чем свидетельствуют находки рыболовных грузил, каменных и керамических, а также огромное количество рыбьей чешуи и костей в культурном слое. Изучение этих рыбных остатков показало, что главными объектами лова в Танаисе были осетр, севрюга, сом, сазан, судак и др.³¹

Производственные сооружения в Танаисе пока еще не открыты, но находки отдельных вещей, связанных с производственной деятельностью горожан, позволяют судить о существовании некоторых ремесел. Так, найдены литейные формочки для отливки украшений и глиняный тигель, свидетельствующие о наличии в Танаисе ювелирного производства. Очень любопытны находки незаконченной бронзовой фибулы и заготовок для изготовления фибул. Костерезное ремесло представлено находками опилочных костей и отдельных костяных изделий³². В Танаисе, несомненно, существовало и гончарное производство. Обжигательные печи были открыты при раскопках П. И. Хицунова³³, но, к сожалению, ни подробного описания, ни графической фиксации их мы не имеем. Вероятно, к области домашнего производства относилось изготовление лепной керамики, чрезвычайно распространенной в Танаисе³⁴, а также прядение и ткачество, засвидетельствованные находкой множества пряслиц и ткацких глиняных грузил.

Раскопки последних лет позволили получить представление о Танаисе как о городе, о характере и планировке городских построек, об устройстве и внешнем виде домов, о крепостных сооружениях. Выяснилось, что все дома в городе были возведены из камня; постройки из сырцового кирпича или широко распространенные на других городищах Нижнего Дона по

²⁸ А. М. Волкович. К южным связям Прикамья в последние века до х. э. и первые века х. э. ТОИПКГЭ, I, 1941, стр. 231, 233 и сл.; В. П. Шилова. Капиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 486.

²⁹ Д. Б. Шелов. Западноримские импорты в Нижнем Подонье в первые века нашей эры. ЗОО, II, 1965.

³⁰ В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, № 58, 1960, стр. 88—89.

³¹ Е. А. Цепкин. Рыбы городища Танаис. «Вопросы ихтиологии», 1961, т. I, вып. (20), стр. 448 и сл.

³² Д. Б. Шелов. Экономическая жизнь Танаиса, стр. 127, 129, рис. 10.

³³ Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 28 и сл.

³⁴ Т. М. Арсеньева. Местная керамика из Танаиса. СА, 1958, № 3, стр. 20 и сл.; она же. Лепная керамика Танаиса. I. Открытые сосуды. Сб. «Древности Нижнего Дона», М., 1965.

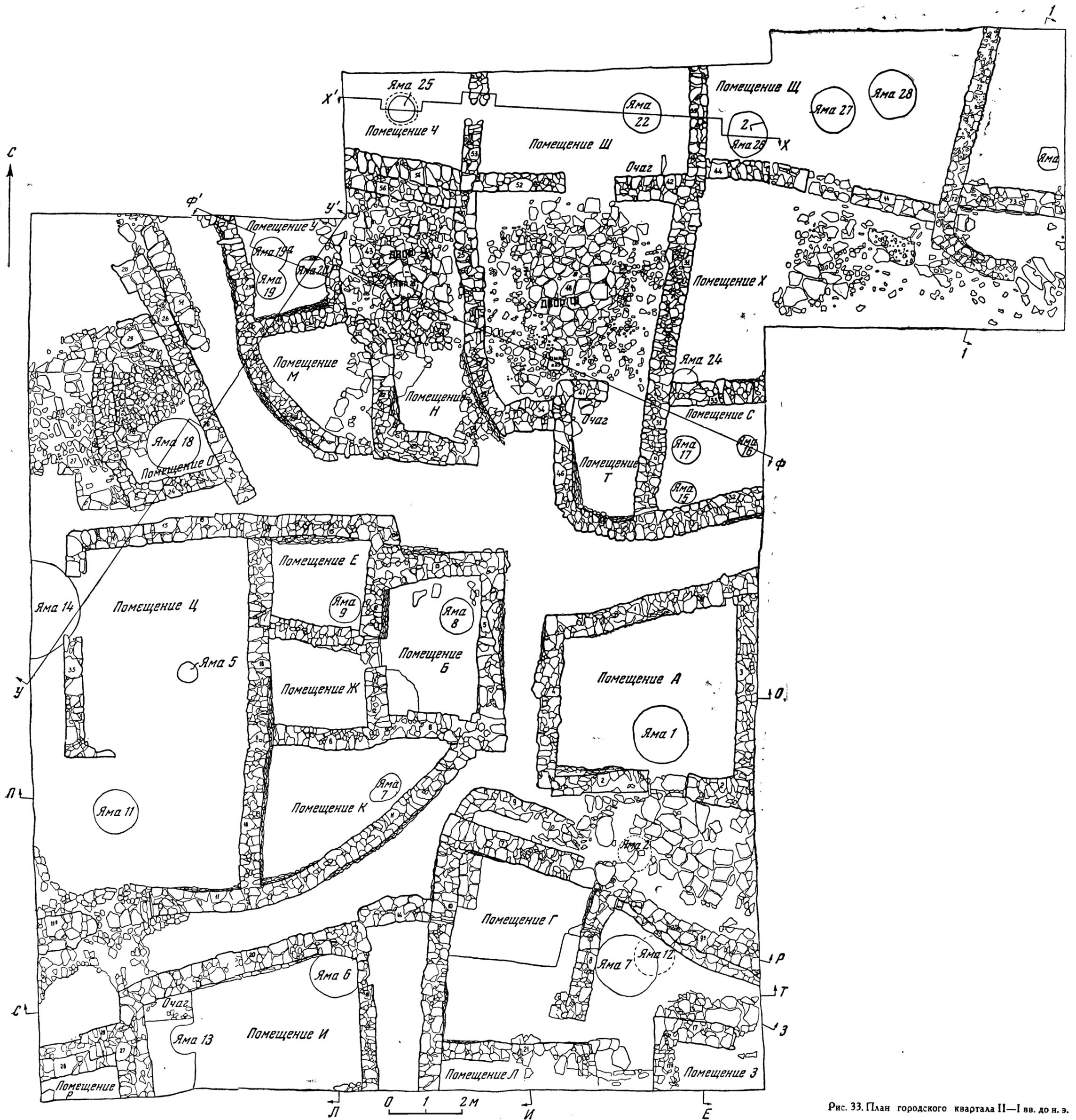

Рис. 33. План городского квартала II—I вв. до н. э.

стройки из камышовых каркасов, обмазанных глиной³⁵, применялись в Танаисе очень редко. Жилые усадьбы и хозяйственные помещения в Танаисе все сооружены из рваного камня неправильных очертаний; тесаные известняковые блоки в строительстве почти не применялись. Очень показательны также для общей характеристики строительных приемов и то, что стены домов Танаиса нередко были не прямыми, а изгибающимися; поэтому и переулки между домами получались иногда извилистыми³⁶ (рис. 33). Для танаисских домов характерно расположение помещений вокруг внутренних мощеных дворики. Полы в помещениях либо мостились каменными плитами, либо были глинобитными или деревянными; под наземными помещениями нередко устраивались подвалы хозяйственного назначения, облицованные камнем. Характерно почти полное отсутствие в Танаисе черепицы: по-видимому, почти все здания в городе, за редкими исключениями, покрывались соломой или камышом. Дома в городе были, видимо, только одноэтажные: нигде не встречено остатков лестниц, ведущих во второй этаж. Да вряд ли могли выдержать тяжесть второго этажа танаисские стены, сложенные из нерегулярного камня на глинистом растворе.

Уже в III в. до н. э. Танаис был обнесен каменной оборонительной стеной. Позднее оборонительные сооружения города неоднократно перестраивались, дополнялись и обновлялись. Об этом нам известно как из строительных надписей, найденных при раскопках Недвиговского городища в XIX в.³⁷, так и из наблюдений над самыми крепостными стенами при последних раскопках (рис. 32, б). Оборонительные стены Танаиса были сложены из необработанных или слегка подтесанных больших камней неправильной формы, на глинистом растворе. Основной пояс укреплений имел толщину 2,5—3 м, но он нередко усиливался путем создания дополнительного наружного каменного панциря или путем подсыпки грунта с внутренней стороны³⁸. На углах крепости и вдоль куртин располагались массивные башни, сложенные из огромных каменных глыб. В первых веках нашей эры вдоль линии оборонительных стен проходил широкий и глубокий ров, нижняя часть которого была высечена в материковой скале.

Изучение открытых раскопками строительных остатков и анализ найденного вещевого материала приводит к убеждению в том, что Танаис не был обычным античным городом, но являлся в культурном отношении городом варварским, где греческие элементы заметно уступали туземным. Видимо, в населении города эллины также составляли меньшинство. Смешение различных этно-культурных элементов особенно явно выступает в материалах танаисского некрополя, где оно проявляется и в конструкции могильных сооружений, и в обряде погребения, и в составе погребального инвентаря. Наиболее заметными, помимо греческих, здесь являются меотские и сарматские культурные элементы³⁹. Однако вопросы этнической интерпретации многих явлений в жизни и культуре Танаиса пока еще не могут считаться решенными и требуют дальнейшего накопления как археологических, так и эпиграфических свидетельств.

³⁵ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии наук в 1923 г. ИГАИМК, IV, 1925, стр. 12, 17, 20; он же. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. СГАИМК, I, 1926, стр. 120; он же. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1926 и 1927 гг. СГАИМК, II, 1929, стр. 95—96; Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 134, 141; Д. Б. Шелов. Сухо-Чалтырское городище. ВДИ, 1953, № 2, стр. 189; И. С. Каменецкий. Нижне-Гниловское городище. Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея, т. I, 1957, стр. 125.

³⁶ А. И. Болтунова. Указ. соч., план на стр. 83.

³⁷ IOSPE, II, 427—436; IV, 447.

³⁸ Д. Б. Шелов. Руины Танаиса. ИРОМК, I (3), 1959, стр. 33, 36; А. К. Корovina и Д. Б. Шелов. Исследования юго-западного участка Танаиса в 1956—1957 гг. Сб.: «Древности Нижнего Дона», М., 1965; Д. Б. Шелов. Северо-восточный участок Танаиса (раскопки 1955—1957 гг.). Там же.

³⁹ Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, стр. 83 и сл.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ СИНДСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ

В мае 1963 г. в докладе на заседании сектора античной археологии я сделал попытку выделить среди памятников боспорской скульптуры синдскую скульптуру. Поводом тому послужила статуя-полуфигура¹ из известняка, изображающая бородатого воина в высокой шапке, найденная в 1961 г. на одном из курганов вблизи г. Кепы. Изучение ранее найденных памятников и систематизация их по группам, времени и месту находки привела к выводу о значительном развитии надгробной скульптуры у синдов под сильным влиянием греческой пластики, о существенных особенностях синдской скульптуры, главными видами памятников которой были надгробные статуи-полуфигуры и рельефные надгробия. Более того, была высказана мысль о решающей роли синдов в развитии местной боспорской скульптуры в эпоху эллинизма, той скульптуры, которая изображала местное, негреческое население.

В дореволюционный период скульптура античных государств Северного Причерноморья и окружающих их племен изучалась мало. Только в советский период ей было уделено надлежащее внимание. В этом направлении большую работу проделали М. М. Кобылина, А. П. Иванова, П. Н. Шульц (последний в области скифской скульптуры). Однако боспорская местная скульптура, несмотря на интерпретацию отдельных памятников как синдо-меотских, на выделение отдельных черт, присущих местной скульптуре азиатского Боспора, рассматривалась в целом как «боспорская», «распространенная в среде этнически смешанного населения боспорских городов»². В настоящее время мне кажется возможным пойти далее в анализе и оценке роли составных частей боспорской скульптуры, в истории ее формирования. С этим и связано выделение памятников собственно синдской скульптуры.

Таманская экспедиция в июне 1963 г. открыла новую серию скульптур на территории Синдики, которая, как нам кажется, ярко подтверждает высказанные ранее соображения. Анализ этих находок даст возможность расширить наши представления о скульптуре синдов.

Осенью 1962 г. на юго-западном берегу Ахтанизовского лимана при устройстве насыпи для дороги была срезана часть косогора, представлявшего собою крутой южный берег древней водной полосы; которая некогда соединяла современный Ахтанизовский лиман с Таманским заливом; этот высохший проток Страбон называет рукавом Антикита (Кубани). При земляных работах бульдозером было вывернуто и расколото несколько рельефных надгробий, подобранных тогда же А. К. Коровиной. Земляные работы здесь были приостановлены. При прибытии на место Таманской

¹ В настоящее время находится в экспозиции ГИМ.

² А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961, стр. 89.

Рис. 34. Остатки раскопанных в 1963 г. фундаментов, сложенных из скульптурных памятников.

экспедиции в конце мая 1963 г. нами были получены сообщения о том, что в означенном месте производится выборка камня. Произведенный осмотр обнаружил раскоп, из которого были выбраны остатки фундамента и камни увезены. На месте остались только мелкие обломки нескольких надгробий. Положение заставило начать исследование нового памятника.

Раскоп, занявший площадь 90 м², был разбит вдоль вертикального среза 1962 г. в направлении с севера на юг. Материк залегал в среднем на глубине 1—1,2 м от современной поверхности почвы. На раскопе обнаружены остатки фундаментов сооружения (рис. 34), которое, судя по толщине стен, представляло собою небольшую крепость, ориентированную строго по странам света. Лучшее всего сохранился отрезок южного фундамента, длиной 3,6 м; ширина его 1,6 м, высота 0,48 м. Фундамент был сложен из камней на глиняном растворе так, что наиболее крупные блоки образуют два панциря; между панцирями плотно уложена забутовка из более мелкого камня. Верхняя плоскость фундамента ровная и, несомненно, служила постелью для глиняных стен. Точно так же был сложен и восточный фундамент, но от него сохранились только три коротких отрезка внутреннего панциря; остальная часть стены выбрана и снесена бульдозером при устройстве дорожной насыпи. На месте свежего раскопа (его северный участок) обнаружена постель северной стены с отпечатками блоков на материке, мелким камнем и крошкой. Фундаменты сооружения лежали на материке, оно было построено на незаселенном до того месте.

Таким образом, раскопками вскрыта восточная часть помещения, ширина внутреннего пространства которого составляла с севера на юг 7,5 м; с востока на запад оно открыто на 6,4 м. Южная часть помещения была покрыта плотной вымосткой из необработанных камней, среди которых обнаружена небольшая база колонны из известняка. Вымостка, видимо, покрывала все помещение, но в северной части разрушена; она лежала на материке. Посреди открытой части помещения находились остатки сильно разрушенного очага в виде горизонтальной площадки из обожженной глины; вблизи обнаружено много кусков печин, зола и сажа. Самым Примеча-

тельным оказалось то, что фундаменты сооружения были сложены в основном из камней вторичного использования, среди которых оказалось много статуй-полуфигур, рельефных надгробий, а также несколько пьедесталов, жертвенных столиков и эсхар. Эти обрывки необычного фундамента оказались поистине складом скульптурных памятников.

Неизбежно встает вопрос о том, когда и кем воздвигнуто это сооружение? Без ответа на него трудно понять открытые памятники скульптуры. Находки, обнаруженные на горизонте фундаментов и немного выше, не очень многочисленны; они представляют собою в основном довольно мелкие фрагменты керамики. Среди них немного осколков красноглиняной черепицы, несколько фрагментов пифосов, фрагмент лутерия. Преобладают фрагменты амфор, главным образом светлоглиняных с двустольными ручками, наибольшее распространение которых падает на I в. до н. э. Встречаются фрагменты позднеэллинистических синопских, коричневоглиняных II—I вв. до н. э. и других, судя по фактуре, относящихся к позднеэллинистическому времени. Есть фрагменты кувшинов, мисочек, изготовленных на гончарном круге, также характерных для позднеэллинистической эпохи. Число обломков лепной посуды невелико. Имеется некоторое количество фрагментов краснолаковых сосудов (кувшинов, тарелок, чашек), буро-красного неблестящего лака, характерного для I в. до н. э. и не заходящего далее грани I в. до н. э.—I в. н. э. Отдельно упомянем оригинальное грузило треугольного сечения с двумя дырочками, два горшочкообразных светильника с длинными носиками, также характерных для II—I вв. до н. э., кусок нижней плиты жернова, часть большого точильного камня, несколько фрагментов сероглиняных чернолаковых сосудов и край чашки, покрытой коричневым лаком позднеэллинистического времени. Если не считать одного венца хиосской амфоры V в. до н. э., находок ранее II—I вв. до н. э. нет. Но нет и находок более позднего времени. Некоторые виды найденной керамики (например, светлоглиняные амфоры с двустольными ручками, коричневоглиняные) нередко встречаются при раскопках античных городов в слое I в. до н. э.—I в. н. э. наряду с находками I в. н. э. Но здесь не встретилось ни одной находки, которую определенно можно было бы датировать I в. н. э. или более поздним временем. Здесь нет ни одного осколка стеклянной посуды, блестящей краснолаковой и т. д. Исходя из всего этого, можно думать, что здание сооружено в I в. до н. э. Ранее оно также не могло быть сооружено, судя по характеру некоторых надгробий, заложенных в фундамент.

Жизнь здания не вышла за пределы I в. до н. э., оно погибло, видимо, в конце этого столетия.

Если наше определение времени и характера сооружения как оборонительного правильно, а о последнем говорит не только толщина стен, но и расположение его на водном рубеже, на незаселенном месте, а также спешность постройки, при которой камень привозился не с каменоломен, можно сделать попытку ответить на вопрос о том, кто его создал. Трудно думать о жителях ближайших городов (Фанагории и Кеп) как о строителях укрепления. Было бы естественным, если бы в случае большой военной опасности фанагорийцы и кепиты укрепили городские стены, используя даже надгробия, как это имело место в Херсоне (башня Зенона). Но речь идет о постройке укрепления на новом месте, хотя и недалеко от Фанагории, но отдаленном от ее земель водным рубежом, на территории Синдики. Тесные дружественные связи синдов и фанагорийцев сложились давно, и у нас нет никаких сведений о расприх боспорцев с синдами во II—I вв. до н. э. Поэтому мы думаем, что укрепление было сооружено другим, новым для этих мест народом, который не был связан с традициями прежних обитателей, которому недороги были могилы и надгробные памятники из ближайших окрестностей, некоторые из них были изваяны незадолго до постройки укрепления. Таким новым народом здесь были аспургиане.

Согласно Страбону, аспургиане занимали пространство в 500 стадиев между Фанагорией и Горгиппией³. Аспургиане, сарматское племя⁴, были здесь пришельцами и заняли эти территории примерно во II—I вв. до н. э., поскольку их знает Страбон, но они не упоминаются среди племен азиатской стороны Боспора, названных античными писателями и в эпиграфических документах IV—III вв. до н. э. Если учесть сведения Страбона о враждебных отношениях между боспорскими царями и аспургианами в конце I в. до н. э., приведшими к ожесточенной войне, в которой погиб боспорский царь Полемон⁵, то принадлежность укрепления у Ахтанизовского лимана аспургианам выглядит наиболее правдоподобной. Действительно, укрепление было рассчитано на оборону южного берега протока против северного берега, где располагалась Фанагория. Древний проток к югу от Фанагории должен был быть естественной границей занятых аспургианами земель, поскольку к северу от него были собственно городские земли Фанагории с ее курганным некрополем и святилищами. Здесь, под стенами Фанагории, второго по величине и значению города Боспорского царства, аспургиане жить не могли.

Укрепление могло быть построено аспургианами в ранний период их пребывания на Таманском полуострове, т. е. на грани II—I вв. до н. э. Но более вероятно предположение о том, что оно построено в короткий период 14—8 гг. до н. э., в годы, когда произошла междоусобная война на Боспоре, связанная с борьбой за престол.

Обстоятельства ее были таковы. Боспорский царь Полемон неожиданно развелся с царицей Динамией⁶ и женился на дочери Пифодора из Тралл. Оскорбленная и властная Динамия не смирилась и вместе с сыном Аспургом начала борьбу против Полемона, опираясь на поддержку населения азиатского Боспора и прежде всего аспургиан⁷, с которыми она была тесно связана, так как ранее состояла в браке с Асандром, по-видимому, возглавлявшим аспургиан, а затем ставшим правителем Боспора (47—17 гг. до н. э.). Сын Асандра и Динамии носил племенное имя аспургиан и, возможно, был знаменем борьбы, являясь будущим претендентом на боспорский престол. Полемон, по словам Страбона, хотел напасть на аспургиан «под прикрытием дружбы, но его намерение не укрылось»⁸ от последних. Таким образом, подготовка к борьбе с Полемоном Динамией и аспургианами могла вестись заранее. В пользу версии о сооружении укрепления именно в эти годы говорит спешность постройки, хорошее качество кладки, осуществлявшейся людьми из окружения Динамии и Аспурга, и главное, кратковременность существования крепости. После гибели Полемона в 8 г. до н. э., с воцарением Динамии, а затем Аспурга укрепление потеряло свое значение. Возможно, оно было разрушено в период столкновения в 8 г. до н. э.

Естественно, что предложенное решение является рабочей гипотезой, однако полностью отвечающей нашим скудным сведениям по истории Боспора этого времени.

Раскопки укрепления способны поэтому пролить свет на важные исторические события, в частности, на сложный вопрос о роли аспургиан и об их взаимоотношениях с боспорскими правителями, городами и синдским населением.

Остановимся теперь на скульптурах, открытых в фундаментах укрепления. Здесь нами обнаружено всего 47 памятников или их крупных фрагмен-

³ Strabo, XI, 2, 11.

⁴ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 316.

⁵ Strabo, XI, 2, 11.

⁶ М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст царицы Динамии и история Боспора в эпоху Августа. Древности, т. XXV, 1914, стр. 18.

⁷ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 316

⁸ Strabo, XI, 2, 11.

тов. Из них — 12 статуй-полуфигур, 20 рельефных надгробий, четыре пьедестала для статуй и надгробий; пять жертвенных столиков, три эскары, две «головы» от антропоморфных надгробий и одна база колонки.

Все эти памятники сделаны из местного камня — ракушечника. Они связаны с некрополями и представляют собой памятники надгробной скульптуры или принадлежность погребального ритуала. Сохранность их разная, все они имеют те или иные дефекты, поскольку были грубо использованы в строительстве. Выяснено, например, что головы некоторых статуй-полуфигур для удобства укладки преднамеренно отбивались, причем торс шел на выкладку панцирей фундамента, а голова в забутовку.

Вследствие этого голов большинства статуй не обнаружено в сохранившихся частях фундамента. Выполнение скульптур грубоватое, выдающее руку мастера не грека, однако есть экземпляры достаточно хорошего исполнения.

Все скульптурные памятники можно разбить на следующие группы.

Статуи-полуфигуры

1. Три мужские статуи-полуфигуры, к сожалению, без голов, изображающие вооруженных воинов в плаще и кафтане с длинными рукавами (рис. 35, 4). Под плащом виден пластинчатый панцирь, слева горит, в левой руке лук, в правой — средней длины меч, талию охватывает широкий боевой пояс. Головы этих статуй легко представить по подобным скульптурам, найденным в 1896 и 1961 гг. Они имели бородатое лицо и высокую шапку⁹. Эти статуи-полуфигуры изображали синдов и являются наиболее ярким примером синдской скульптуры. Две головы от других подобных статуй найдены в забутовке, но они очень сильно обтерты.

2. Мужская статуя-полуфигура, одетая в плащ, крупными складками спускающийся с плеч и окутывающий руки вплоть до кистей. Правая рука сильно согнута у груди, левая полуопущена (рис. 35, 3). Этот тип статуи был достаточно широко распространен в надгробной греческой скульптуре эпохи эллинизма¹⁰.

3. Мужская статуя-полуфигура, являющаяся вариантом и развитием предыдущего типа. Особенностью ее является то, что плащ не окутывает всей фигуры, а перекинут через левое плечо. Открытый торс позволяет видеть плотно облегающую тело рубашку с короткими рукавами (рис. 35, 2). Вариант редкий, иллюстрирующий местную переработку греческого типа.

4. Пять женских статуй-полуфигур. Женщины изображены в спокойно-торжественной позе с согнутой у груди правой рукою, придерживающей край покрывала, и полуопущенной левою, также держащей конец покрывала или какой-то округлый предмет. С головы спускается длинное покрывало, окутывающее, подобно плащу, всю фигуру. На груди виден ворот и складки хитона. Нижняя часть статуй обработана суммарно и нередко имеет тумбообразный вид. Широкое и полное лицо резко отличается от женских изображений греческой скульптуры, всегда в некоторой степени идеализованных. Особенно характерен островерхий головной убор под покрывалом. По общему типу эти статуи очень близки двум женским статуям-полуфигурам, найденным около Фанагории в 1871 г. и относящимся к IV—III вв. до н. э.¹¹ Вновь найденные статуи дают еще более яркий образ синдской женщины (рис. 36).

⁹ М. М. Кобылина. Скульптура Боспора, МИА, № 19, 1951, стр. 184, рис. 8, 3, 4.

¹⁰ M. Collignon. Les statues funéraires dans l'art grec. Paris, 1911, стр. 301—302.

¹¹ А. П. Иванов. Указ. соч., стр. 78—79, рис. 25, 26.

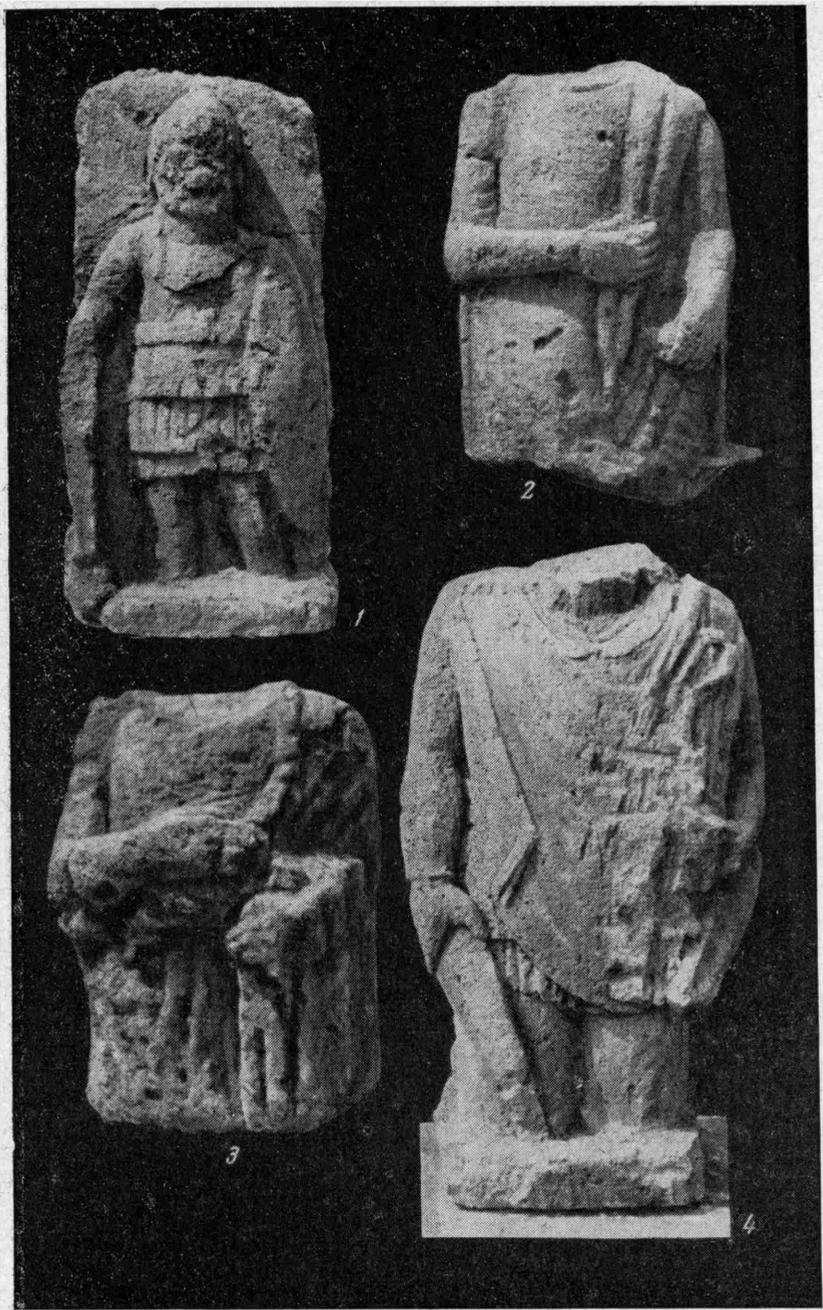

Рис. 35. Мужские статуи-полуфигуры.

1 — 1-я группа; 2 — 2-я группа; 3 — 3-я группа; 4 — горельеф, тяжеловооруженный воин-синд

Рис. 36. Женская статуя-полуфигура;
а — вид спереди; б — вид сбоку

Рельефные надгробия

1. Четыре надгробия с изображением мужчин-воинов, повторяющие тип статуй-полуфигур в рельефе, но содержащие дополнительные очень яркие этнографические детали, например, изображение воина в шапке со свисающим верхом (рис. 37) и воина в шлеме и со щитом (рис. 35, 1). Можно выделить два варианта. В одном случае рельеф вырезан в углублении стелы, края которой оформлены в виде портика храма, в другом — горельеф расположен на прямоугольной плите без бортиков.

2. Надгробие с изображением в рельефе мужской полуфигуры, закутанной в плащ, с непокрытой головою. Горельеф расположен на прямоугольной плите без бортиков.

3. Пять надгробий с изображением мужских фигур в полный рост. Рельеф расположен в углублении плиты, края которой оформлены в виде портика храма. Фигура закутана в плащ. Еще есть вариант изображения мужчины с плащом, перекинутым через левое плечо, в рубашке с короткими рукавами (рис. 38а, 2) подобно тому, как на одной из статуй-полуфигур. Этот тип надгробия широко известен на Боспоре¹².

4. Семь надгробий с изображением женской полуфигуры в длинном

¹² G. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.

Рис. 37. Рельефное надгробие с изображением воина-синда

покрывале, окутывающем большую часть фигуры, являющиеся повторением женской статуи-полуфигуры в рельефе (рис. 386, 2). Края стелы оформлены в виде портика храма. Чрезвычайно характерно широкое лицо, манера изображения складок и краев покрывала, спускающихся с головы. До недавнего времени надгробий с подобным женским изображением было известно два, из которых одно беспаспортное хранилось в Керченском музее¹³, другое в бывшем Таманском музее¹⁴. В 1955 г. нами было обнаружено надгробие с таким же изображением на горе Бориса и Глеба у Ахтанизовского лимана¹⁵. А. П. Иванова отметила сходство изображений этих трех надгробий. Однако у нее не было еще материала для выделения груп-

¹³ А. П. Иванова. Указ. соч., стр. 87, рис. 34.

¹⁴ Н. П. Розанова. Неизданные надгробные стелы Таманского музея. ВДИ, 1951, № 3, стр. 93, рис. 4.

¹⁵ Н. И. Сокольский. Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове. СА, 1957, № 1, стр. 245, рис. 3.

Рис. 38а. Рельефные надгробья.

1, 2 — с изображениями в полный рост

Рис. 38б. Рельефные надгробья.

1, 2 — с изображениями полуфигур

пы надгробий как специфически синдской¹⁶. Недавно подобное надгробие из Фанагории было опубликовано М. М. Кобылиной¹⁷. Сравнение такого типа надгробий между собою и с женскими статуями-полуфигурами с Таманского полуострова дало нам возможность рассматривать всю группу как группу синдских надгробий. Вместе с новыми находками в фундаментах укрепления у Ахтанизовского лимана теперь их нам известно более 15. Большее число их происходит из района Фанагория — Ахтанизовский лиман. На Керченском полуострове находок надгробий с такого типа изображениями не зарегистрировано.

Этой группой надгробий ярко отражен тип местной женщины азиатского Боспора. Если ранее мы только подозревали, что у женщин на этих надгробиях должен быть островерхий головной убор, подобный имеющемуся у женских статуй-полуфигур, то находкой 1963 г. это доказано. Среди обнаруженных памятников есть надгробие с изображением трех полуфигур (рис. 386, 1), по-видимому, матери и двух дочерей по сторонам от нее. Боковые фигуры (дочерей) этого надгробия высечены в полоборота. При этом четко виден островерхий головной убор.

5. Два надгробия с аналогичным изображением женщины, но фигуры на них даны в полный рост (рис. 38а, 1).

6. Надгробие с изображением всадника.

Характер скульптуры и типы персонажей красноречиво говорят о том, что подавляющее число вновь обнаруженных памятников изображает коренных жителей Таманского полуострова, синдсов. Об этом же говорят обстоятельства находки. Обнаружена только небольшая часть фундамента укрепления, поэтому можно думать, что здесь было собрано памятников во много раз больше, чем открыто. Откуда собраны памятники? По-видимому, камень собирался с ближайших синдских курганов и некрополей поселений, расположенных к югу от древнего протока и населенных синдами. Характерно, что ни на одной из открытых скульптур нет надписей, часто встречаемых на надгробиях городских жителей.

Новые памятники не только подтверждают широкое распространение каменной скульптуры у синдсов, но и сильно расширяют наши представления о скульптуре этого народа.

Основным видом синдской скульптуры были надгробные памятники в виде статуй-полуфигур и рельефных надгробий; по-видимому, этим объясняется фронтальность изображений и плоскостность памятников. Развитие скульптуры у синдсов происходит, несомненно, под влиянием греческой скульптуры боспорских городов, но синдская скульптура отходит от греческих канонов в зависимости от традиций и вкусов синдского населения; в ней наблюдается стремление к точной передаче этнографических черт и деталей; она дает ярко выраженный местный негреческий тип персонажей. Все изображение подчинено изображению лица и это выдает несомненное стремление к портретности. Несмотря на большое сходство отдельных памятников, черты лица и выражение его, а также ряд других деталей индивидуальны. Грубость техники, схематичность изображений по сравнению с классической эллинской скульптурой, нередкое нарушение пропорций не заслоняют общей выразительности этнографического типа. На азиатской стороне Боспора большой популярностью пользовались статуи-полуфигуры, что подтверждается не только количеством находок, но и тем, что полуфигуры часто изображались в рельефах надгробий. Заметим, что статуи-полуфигуры совершенно не характерны для других государств Северного Причерноморья. На Боспоре же их нам известно 60, из них на Таманском полуострове, в треугольнике Фанагория — Горгиппия — Тузла, найдено 37,

¹⁶ А. П. Иванова. Указ. соч., стр. 87—88.

¹⁷ М. М. Кобылина. Надгробие из Фанагории. КСИА АН СССР, вып. 89, 1960, стр. 112—114, рис. 43.

на Керченском полуострове (в основном вокруг Пантикапея) — 13 и остальные 10 утеряли данные о месте их находки.

Ряд черт синдской скульптуры находит параллели в скульптуре народов, живших на периферии античного мира. Это объясняется сходными процессами во взаимодействии античной культуры и культуры варварских племен, близостью хозяйственных форм и идеологических представлений. Тем не менее синдская скульптура дает нам особый вариант скульптуры античного мира, один из наиболее ранних примеров греко-варварской пластики. Памятники синдской скульптуры сильно отличаются от скифских изваяний.

Несомненно, что вновь найденные памятники неодновременны. Среди них нет более поздних, чем I в. до н. э., когда было построено укрепление. Все эти скульптуры относятся к эпохе эллинизма, к периоду — IV—I вв. до н. э. Этот вывод важен для датировки боспорских надгробий и статуй-полуфигур, многие из которых, по-видимому, ошибочно отнесены к более позднему времени.

В заключение подчеркнем значение открытых памятников в качестве исторического источника. Ранняя и сильная эллинизация синдского общества отмечалась всеми исследователями, занимавшимися историей Боспора. Греческие вещи, особенно керамика, находимая при раскопках, сильно заслоняют элементы собственно синдской культуры, особенности которой до сего времени выделены слабо. Долгое время ведется спор об этнической принадлежности погребений в Таманских курганах. Новые находки памятников синдской скульптуры в значительной степени могут облегчить решение этих вопросов. Значение памятников синдской скульптуры заключается не только и не столько в том, что они подтверждают значительную эллинизацию синдов, сколько в том, что дают яркое представление о специфических чертах их культуры, о сохранении синдами культурных традиций и уклада жизни в течение долгого времени. Перед нами раскрывается этнографический тип; комплекс скульптур проливает свет на идеологические воззрения; отдельные детали и одежда — на быт и вкусы. В этом отношении чрезвычайно импозантны статуи вооруженных синдов, несомненно, пользовавшихся известной самостоятельностью в рамках государства и составлявших одновременно серьезную военную силу его.

Развитие боспорской скульптуры, изображающей местных жителей, негреков, стимулировалось, по нашему мнению, прежде всего синдской зажиточной верхушкой. Заметное развитие такого рода местной боспорской скульптуры начинается с IV в. до н. э.¹⁸, что совпадает со временем включения Синдики в состав Боспора. Наиболее ранние статуи-полуфигуры найдены на территории Синдики, а количество их превышает количество статуй-полуфигур с Керченского полуострова. Все это соответствует той огромной роли, которую играла Синдика в политической истории и экономике Боспорского государства, возглавлявшегося в эллинистический период полусиндской династией¹⁹, уделявшей большое внимание азиатскому Боспору²⁰.

¹⁸ А. П. Иванова. Указ. соч., стр. 89.

¹⁹ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 59—62.

²⁰ Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 218—219.

Ю. В. КУХАРЕНКО

МОГИЛЬНИК БРЕСТ-ТРИШИН

Грунтовый могильник, результаты раскопок которого кратко излагаются в настоящей заметке, находится в дер. Тришине — восточном пригороде г. Бреста. Расположен он на небольшой песчаной возвышенности, вплотную примыкающей к пойме правого берега р. Мухавец. Площадь могильника занята различными постройками, садами и огородами. Через могильник, кроме того, проходит шоссе Брест — Москва. Открыт могильник случайно местными жителями несколько лет тому назад. В 1960—1961 и в 1963 гг. раскопки на могильнике производились Полесским отрядом ИА АН СССР совместно с Брестским областным краеведческим музеем и Государственным Эрмитажем. Был вскрыт участок общей площадью в 846 м², на котором обнаружено 70 погребений и несколько больших ям, заполненных золою и пережженными камнями-валунами.

Все погребения, вскрытые на могильнике, содержали остатки трупосожжений. Захоронения произведены в небольших округлых ямах диаметром около 0,5 м. Глубина ям составляла в среднем от 0,5 до 0,8 м от уровня современной поверхности. В некоторых погребениях на дне ямы находились небольшие камни-валуны — по одному, реже по несколько.

Почти во всех погребениях находились глиняные сосуды (от одного до шести в погребении), костяные гребни, бронзовые фибулы и предметы поясного набора, глиняные пряслица. В подавляющем большинстве погребений эти предметы в той или иной степени повреждены огнем. В 46 из 70 погребений, помимо вещей, находились и остатки погребального костра: зола и мелкие древесные угольки.

Погребения, вскрытые на могильнике, по обряду делятся на две основные группы: ямные и урновые. Кроме того, обнаружено несколько погребений смешанного характера, в которых часть обломков костей покойника находилась в урне, часть — на дне ямы около урны.

В преобладающих на могильнике ямных погребениях (46 из 70 вскрытых) обломки пережженных костей покойника ссыпаны непосредственно на дно ямы. В большинстве случаев они перемешаны с остатками погребального костра. Среди остатков костра находились и вещи, сопровождавшие покойника. Почти всегда они повреждены огнем; глиняные сосуды фрагментированы и во многих случаях представлены лишь несколькими обломками. В ямных погребениях без остатков погребального костра глиняные сосуды почти всегда целые и находятся возле костей покойника, реже сверху на них. Урновые захоронения на могильнике встречаются реже ямных. Обломки пережженных костей в этих погребениях находятся в глиняных сосудах — урнах. В погребении обычно находится одна урна. Урны сверху ничем не прикрывались, исключая урну из погребения 45, которая была прикрыта сверху миской, опрокинутой вверх дном. Сопровождающий инвен-

тарь всегда находится внутри урны, как и в ямных погребениях, которые в большинстве случаев повреждены огнем. Остатки погребального костра в урновых погребениях встречаются реже, чем в ямных. Смешанные погребения на могильнике единичны. В одном из них кости покойника тщательно очищены от остатков погребального костра, в остальных — перемешаны с золою, под которой на дне ямы находится урна.

По количеству и разнообразию вещей, найденных в погребениях, самыми богатыми на могильнике являются ямные погребения, особенно погребения с остатками погребального костра. Кроме глиняных сосудов, фибул, гребней, пряслиц и поясных пряжек, встречающихся и в урновых захоронениях, в ямных погребениях мы находим обломки сплавившихся стеклянных сосудов, наконечники ремней, иголки, замки-запоры, подвески, бусы, кольца, не известные в урновых погребениях.

Разные по типу захоронения, судя по инвентарю, встречались на всей исследованной площади могильника, при этом захоронения без остатков костра локализовались в его юго-западной части. Может быть, последние принадлежали одному роду.

Среди вещей, найденных в погребениях, преобладают глиняные сосуды. Почти все они лепные. Обломки гончарного сосуда — большой «вазы» так называемого черняховского типа — были обнаружены лишь в одном погребении. Лепные сосуды сделаны из глины, содержащей примеси песка и дресвы. Цвет сосудов в большинстве случаев светло-коричневый. Наружная поверхность их обработана различным образом. У одних сосудов она лощеная или же тщательно сглаженная, у других — шершавая и очень бугристая. Причем у сосудов с очень бугристой поверхностью шейка, а иногда и нижняя часть, как правило, лощеные (рис. 39, 2, 5; рис. 40, 13). Многие сосуды орнаментированы бороздками и пролощенными линиями, косыми насечками и вдавлениями. Довольно обычны также валики и небольшие уступы по плечу (рис. 39, 3). Чаще всего встречаются миски, реже — горшки, кувшины, кружки и сосуды других форм. Миски представлены двумя основными видами: воронковидные (рис. 39, 2) и биконические (рис. 39, 4; рис. 40, 13). У многих мисок имеются небольшие ушки. Горшки также представлены двумя видами: биконические с приподнятыми плечиками и слабо отогнутым наружу венчиком и приземистые сосуды с шаровидным туловом с загнутым внутрь венчиком (рис. 39, 5). Кувшины отличаются тщательностью отделки и почти всегда богато орнаментированы (рис. 39, 3). Кружки с большими ушками сравнительно невелики по размерам (рис. 40, 12). К редко встречающимся формам относятся ситуловидные остросеребристые сосуды (рис. 40, 11), кубок, по форме подражающий римским стеклянным кубкам, небольшой сосудик в виде черпака.

Фибулы, найденные в погребениях, все бронзовые. Большинство из них — массивные литые с поперечными выступами на спинке (рис. 40, 1—3), остальные — подвязные (рис. 40, 4). Из бронзы сделано также и большинство предметов поясного набора: пряжки (рис. 40, 7, 10), наконечники ремней (рис. 40, 4), некоторые обоймы-скрепы. Среди предметов украшений, найденных на могильнике, имеются подвески, кольца, бусы и браслет. Подвески были обнаружены в трех погребениях. В двух из них это были римские субэратные монеты с отверстиями для подвешивания¹, в третьем — миниатюрные железные ножик, ключик и топорик — так называемый молоток Тора. Кольца железные, пластинчатые, с несоединенными концами. Во внутрь одного из колец была вставлена янтарная жерновидная бусина. Янтарная же бусина, но конусовидная была найдена и в толще песка вне погребений. Имеется также одна серебряная полая биконическая

¹ Одну из монет удалось определить — денарий Траяна. Определение Л. Н. Беловой.

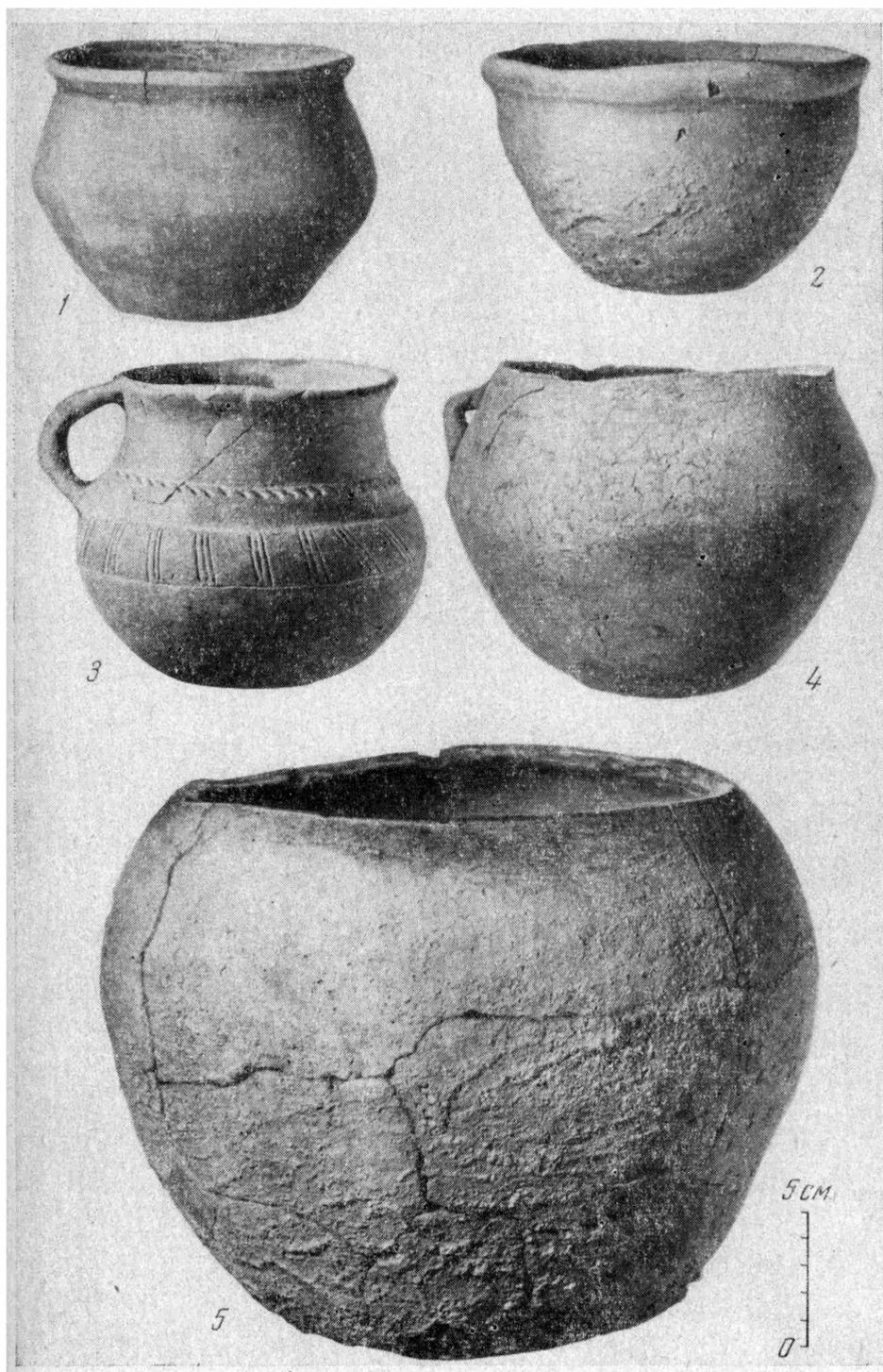

Рис. 39. Глиняные сосуды из погребений.

1 — погребение 6; 2 — погребение 1; 3 — погребение 9; 4 — погребение 10; 5 — погребение 7

Рис. 40. Вещи из погребений.

1, 3, 11 — на разрушенных погребениях; 2, 7 — погребение 1; 4 — погребение 8; 5, 10 — погребение 7;
 6 — погребение 2; 8, 13 — погребение 6; 9 — погребение 5; 12 — погребение 4;
 1—5, 7, 10 — бронза; 6, 8 — кость; 9, 11—13 — глина

бусина. Все остальные бусы стеклянные голубого, синеватого и светло-зеленого цветов. Браслет, точнее его обломок, сделан из плоской серебряной пластинки, орнаментированной по наружной стороне рельефными валиками, покрытыми псевдозернью.

В нескольких погребениях были обнаружены железные пластинки от замков-запоров. Из металлических орудий труда на могильнике найдены железный нож и бронзовые иголки. Последние ритуально согнуты. Имеются на могильнике и вещи из глины и кости. В десяти погребениях были обнаружены глиняные пряслица. Почти все они биконические и только одно жерновидное. Некоторые из пряслиц орнаментированы точечными углублениями или бороздками (рис. 40, 9). Довольно часто (почти в трети погребений) встречались костяные гребни. Большинство из них однопластинчатые с полукруглой или треугольной спинкой (рис. 40, 8), остальные — составные, скрепленные продольными железными стерженьками (рис. 40, 6) или поперечными бронзовыми заклепками. Из кости же сделаны и небольшие гвоздевидные булавки, найденные в погребениях.

Вещи, обнаруженные в погребениях, представлены в основном типами, характерными для памятников так называемой готско-гепидской культуры низовьев Вислы. Помимо вещей нижневисленских типов, в порядке исключения встречались вещи пшеворского и черняховского типов. На основании сравнительного анализа вещей, а также учета их взаимовстречаемости погребения, вскрытые нами на могильнике, датируются периодом с конца II в. н. э. и примерно до середины IV в. н. э.

Могильник Брест-Тришин не единственный памятник этого типа на территории Полесья. Подобные могильники имеются у деревень Величковичи, Скорбичи, Збунин, Велемичи, Любомль, Колки. Известны также поселения, одновременные могильникам (Милашевичи), и находки отдельных вещей (Сушично, Вефир, Залужье, Иванчицы и др.). Еще больше таких памятников известно на соседней с юга территории Волини. Я имею в виду так называемую Волинскую группу полей погребений, вопрос о характере которой неоднократно уже подымался в нашей литературе (М. Ю. Смишко, М. А. Тиханова, Ю. В. Кухаренко, Е. В. Махно, И. С. Винокур). К сожалению, почти все эти памятники очень плохо изучены и известны главным образом по отдельным находкам. Более или менее значительные раскопки производились лишь на некоторых из них (Дитыничи, Деревянное, Лисбомль, Раковец Чесноковский, Викныны Великие, Лепесовка, Пряжев).

Судя по тем материалам, которыми мы располагаем в настоящее время, все эти памятники относятся в основном к тому же времени, что и могильник Брест-Тришин. В археологическом отношении они составляют одно целое с памятниками так называемой готско-гепидской культуры Нижнего Повисленья и появились на нашей территории в результате переселения сюда какой-то части нижневисленского населения. Имеются некоторые основания полагать, что среди пришельцев находились также и славяне, поскольку именно такая картина этнической чересполосицы, а иногда и смешанности наблюдается и на исходной территории, занятой памятниками готско-гепидской культуры. Продвижение племен в Полесье и на Волинь происходило, по-видимому, довольно мирно, поскольку земли эти почти не были тогда заселены, а пришельцы продвигались по пограничной полосе между различными племенами, а не через их территорию. Часть пришельцев, как видим, осела в Полесье и на Волини. Остальные, как известно, сразу же двинулись против спалов и, победив их, достигли, наконец, Черного моря.

Е. В. ВЕЙМАРН, А. П. СМЕРНОВ

СОСУД С РОСПИСЬЮ ИЗ МОГИЛЬНИКА У СЕЛА СКАЛИСТОЕ

За последнее десятилетие изучение средневекового Крыма значительно продвинулось вперед. Систематические раскопки на холме Тепсень поселений восточного и южного берега Крыма и, наконец, могильников юго-западного Крыма дали большой материал по истории населения в I тысячелетии н. э.

Больших успехов добились крымские археологи в изучении могильников Инкерманской долины, где удалось получить не только могильные комплексы, но и всесторонне изучить погребальные сооружения и обряд захоронения. Такие могильники, как Инкерманский, Чернореченский, «Сахарная головка», могильник у Загайтанской скалы¹, могильник близ средневекового городища Чуфут-Кале², а также полностью раскопанный могильник у с. Скалистое, значительно углубили и расширили наши знания. Это позволяет поставить решение вопроса об этническом составе населения юго-западного Крыма на твердую основу.

При раскопках Баклинского могильника у с. Скалистое³, материалы которого еще не изданы, был найден интересный сосуд с изображением трех уток в круге, напоминающем изображения на памятниках сасанидского искусства. Этот сосуд был обнаружен в числе других находок в склепе 307а. Свод склепа обвалился, от костяка сохранились отдельные кости. На возвышении на дне склепа были найдены шесть сосудов типа ойнохои, кинжал в ножнах, пара серег, пряжки, колокольчики, трубочка для амулета, бусы (рис. 41).

Найденные ойнохои красноватого цвета, хорошего обжига, сформованы из хорошо отмученного теста с примесью песка. Все они одноручные, наибольшее расширение тулова на середине высоты, пропорции одни и те же, отношение высоты к наибольшему диаметру — три к двум. Эти пропорции, как показывает материал могильников I тысячелетия н. э. как античных городов, так и могильников горного Крыма, степей Причерноморья и Подунавья, не имеют хронологических признаков и сосуществуют с сосудами других пропорций как более приземистых, так и вытянутых. Эта форма, широко распространившаяся на значительных пространствах южной поло-

¹ Археологічні пам'ятки УРСР, т. XIII. Київ, 1963.

² В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма. СА, XXVIII, 1958, стр. 198—218; он же. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение. СА, 1959, № 1, стр. 181—194.

³ Раскопки производились в 1958—1960 гг. Институтом археологии АН УССР и Бахчисарайским историко-археологическим музеем. Могильник расположен у восточной окраины с. Скалистое Бахчисарайского района, на территории Альминского карьера. Здесь на площади около 4 га вскрыто до 800 земляных склепов и подбойных могил. Общая датировка могильника конец IV — начало IX в.

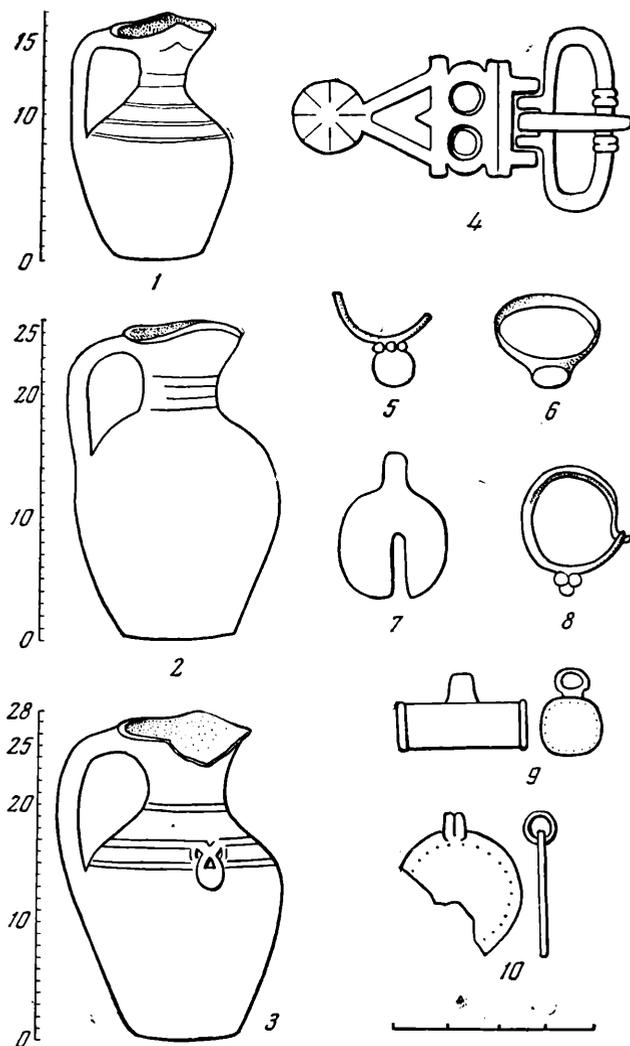

Рис. 41. Находки из склепа 307.

1—3 — ойнохон; 4 — бронзовая пряжка; 5 — серьга; 6 — перстень; 7 — бубенчик; 8 — серьга; 9 — трубочка для амулета; 10 — монетообразная привеска

вины Европы, возникла под влиянием античных центров. Аналогичные ей формы имеются в могильниках Северного Кавказа⁴, салтовской культуры⁵, в могильниках Болгарии⁶. Склеп датируется на основании бронзового инвентаря. Особого внимания заслуживает медная поясная пряжка с прорезным щитком треугольной формы, который заканчивается диском. На дужке приплюснутой формы — два выступа, ограничивающие иглу. Такой тип пряжки распространен довольно широко в памятниках средневекового Крыма, Венгрии, Греции, Сицилии, Албании⁷. Существует хорошо аргументи-

⁴ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, М., 1900, стр. 211.

⁵ А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Труды XII АС, т. I, М., 1905.

⁶ Станчо Станчев. Некрополь до Нови Пазар Българска академия на науките. София, 1957, табл. XVI, XVII.

⁷ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, М.—Л., 1959, стр. 274.

Рис. 42. Расписная ойнохоя.

1 — вид со стороны ручки; 2 — вид сбоку; 3 — вид спереди

рованное мнение о византийском происхождении этих пряжек. Дата их определяется от VI—VIII вв. н. э.⁸ К этому же времени относятся и серьги в виде кольца с припаянными мелкими шариками и одним крупным снизу. Как показывают могильники Северного Кавказа и Крыма, они характерны для VII—VIII вв. н. э. Этой дате не противоречат и щитковые перстни с овальным и круглым щитком, однопрорезные бубенчики, серьга в виде кольца с припаянной пирамидкой из трех мелких шариков зерна и с запором в виде крюка⁹. Хронологические рамки трубочки для амулета, как и монетообразных привесок, довольно широки.

Среди этого обычного инвентаря, характерного для рядовых погребений могильников западного Крыма конца I тысячелетия н. э., выделяется ойнохоя с очень интересной росписью. Это сосуд довольно хорошего обжига, с поверхностью, покрытой желтоватым ангобом, на которую нанесена дополнительная роспись (рис. 42). По горлу проведены три широких горизонтальных полосы коричневатого тона. На тулове — три круга диаметром 16 см, обрамленные полосой, которая орнаментирована кружками более светлого тона. Внутри кругов изображены идущие влево утки с округлым корпусом. Фигуры переданы контурной линией. Нижняя часть ног покрыта коричневатой краской — точно так же, как и голова. В слегка изогнутом клюве утки держат ветки. На шее — шарфы с широкими развевающимися концами, орнаментированными тремя-четырьмя поперечными линиями. Крылья уток овальной формы, с заостренными концами и широкой поперечной линией разделены на две неравные части. Основание крыла обведено полукруглой широкой коричневой линией; вторая половина крыла продольными линиями разделена на три части раскрашенными разной интенсивности коричневым цветом и дополнительно орнаментированными поперечными штрихами. Концы крыльев несколько приподняты над корпусом

⁸ В. Б. Деопик. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. МИА, № 114, М., 1963, стр. 128.

⁹ Там же, стр. 130, 132.

утки. Левая лапка начинается несколько ниже крыла и показана тонкой контурной линией. Пространство между кругами заполнено орнаментом в виде тюльпана, в центре которого изображен темный треугольник, боковые изогнутые листья отмечены контурной линией. Тюльпан¹⁰ является одним из наиболее излюбленных орнаментальных мотивов в сасанидском искусстве¹¹. Сосуд, найденный в могильнике у с. Скалистое, не уникален, подобные ему известны в различных местах. Так, фрагмент сосуда с изображением уток в кругах, раскрашенных темной краской, происходит из Преславля и в настоящее время хранится в национальном музее в Софии¹². Н. Мавродиноу упоминает сосуд с такой же композицией: в кругах вместо утки изображен свернувшийся в круг дракон¹³. Изображение утки в круге широко распространено в средневековом декоративном искусстве. Этот излюбленный мотив встречается на поливной посуде раннего средневекового Херсонеса и других провинций Византии¹⁴, а также в материалах позднего Херсонеса¹⁵. Изображение птицы в кругах и ромбах, в частности утки, известно и в архитектуре; в Херсонесе они встречаются в мозаиках базилик¹⁶. Этот мотив, распространенный в позднеантичном прикладном искусстве¹⁷, известен и в средневековой росписи Средней Азии, примером чего может служить дворцовый комплекс Варахши¹⁸ и роспись Кызыла¹⁹. Знает этот образ и сасанидское искусство. Так, например, утка, наряду с другими птицами, изображена на блюде, найденном в 1913 г. в дер. Пешигорт Пермской области²⁰. Этот мотив известен на рельефах в Таке и Бостане, где фигуры уток и голубей украшают одежды всадников²¹. Круги, квадраты, ромбы, включающие фигуры, получили широкое распространение с V в. н. э. и существовали в течение долгого времени²². Они встречаются в архитектуре, живописи, скульптуре и, наконец, на тканях²³. Однако трактовка круга бывает различной. Встречаются круги или овалы изолированные, соединенные при помощи дополнительных небольших кружков, многогранников или плетенкой. Самая контурная полоса круга бывает или однотонной, или орнаментирована кружками. Несмотря на плохую сохранность сосуда из могильника у с. Скалистое можно заметить, что на полосе, обрамляющей круг, имеются небольшие круглые пятна более светлого тона. Это заставляет вспомнить произведения византийского или иранского искусства времени сасанидов²⁴. Таковы круги с утками на изображении ткани из стенной росписи в Кызыле в Восточном Туркестане²⁵, росписи Варахши²⁶. Таковы же круги с драконами²⁷. Так же декорирован сосуд из авар-

¹⁰ E. Herzfeld. *Am Tor von Asien*. Berlin, 1920, стр. 128; F. Sarre. *L'art de la Perse ancienne*. Paris, стр. 58.

¹¹ А. П. Смирнов. Новый сасанидский золотой сосуд. КСИИМК, вып. XIV, М., 1947, стр. 40.

¹² N. Mavrodinov. *Le tresor protobulgar de Nagiszenmiklos*, Budapest, 1943, стр. 135.

¹³ Там же, стр. 32—33.

¹⁴ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, М., 1959, стр. 340 и сл.

¹⁵ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, № 17, М.—Л., 1950, табл. XXXII.

¹⁶ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 232, 233.

¹⁷ Г. Д. Белов. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг., МИА, № 4, М.—Л., 1941, стр. 209.

¹⁸ В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, табл. XV, XVI.

¹⁹ F. Herzfeld. Указ. соч., табл. LXIII.

²⁰ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 29.

²¹ F. Sarre. *Iranische Felsreliefs*. Berlin, 1910, стр. 209.

²² N. Mavrodinov. Указ. соч., стр. 32.

²³ H. Schlunk. *Kunst der spätantike im Mittelmeerraum*. Berlin, 1939, фиг. 235.

²⁴ А. Роупе, Р. Аскерман. *A survey of persian art*, v. IV. Oxford, 1938, табл. 200.

²⁵ F. Herzfeld. Указ. соч., табл. LXIII.

²⁶ В. А. Шишкин. Указ. соч., табл. XV, XVI.

²⁷ А. Роупе, Р. Аскерман. *A survey of persian art*, v. 1. Oxford, 1938, стр. 695.

ского погребения VII в.²⁸ Этот же прием орнаментации встречается в сасанидском металле²⁹. Иногда круги и овалы декорируются иным способом, оживляя его гладь³⁰. С произведениями сасанидского искусства сосуд из могильника у с. Скалистое сближает не только орнаментированная кружками обрамляющая полоса, но главным образом детали изображения самой утки. Для памятников иранского искусства, начиная с сасанидской эпохи и более позднего времени, характерно изображение некоторых животных и птиц с шарфами, у которых расширяются концы. Такие шарфы характерны для царских головных уборов. Концы их, как правило, орнаментированы поперечными полосами³¹. Аналогичные шарфы изображены на шеях павлинов ладьевидной чаши из Бартыма, датируемой III—IV вв. н. э.³² Нельзя не отметить также найденный при раскопках средневекового Дагестана в Мингечауре камень с изображением двух павлинов и надписью на верхнем карнизе. Павлины с развевающимися шарфами на шее стоят по обе стороны цветка тюльпана, заменяющего жертвенник³³. Этот камень исследователи датируют V—VI вв. н. э.

Утки на сосуде из могильника у с. Скалистое держат во рту ветки — деталь, также распространенная в иранском искусстве³⁴. В иных случаях птицы держат во рту ожерелья, например, утки на ткани, изображенной на росписи Кызыла³⁵. В росписи Варахши голубь держит во рту также ожерелье. Роспись восточного зала, как установил В. А. Шишкин, относится ко второму строительному периоду, к VIII в. н. э.³⁶ Птицы, чаще всего утки или павлины, с шарфами встречаются неоднократно в росписи тканей и относятся к VII—IX—X вв. н. э. У наиболее поздних (IX—X вв.) из числа опубликованных Сарре шарф изображен в виде прямой полосы, которую трудно признать за изображение шарфа³⁷. Как отмечено выше, утки баклинского сосуда изображены в кругах. Этот мотив в украшении тканей прослеживается приблизительно с V—VI вв. н. э.; он живет в продолжение весьма длительного времени³⁸ и широко распространен в Византии, Египте, Сирии и Иране. Реминисценции этого декора встречены далеко на востоке, в пределах Китая и Японии³⁹. Анализируемый нами памятник не позволяет ставить вопрос (а тем более решать его) о происхождении этого текстильного орнамента.

Роспись сосуда из могильника у с. Скалистое, если взять ее в целом, может быть связана только с иранским искусством и восходит к сасанидским образцам. Только там можно встретить на обрамляющей полосе круга светлые кружки, а внутри круга — уток округлых форм, у которых на шее повязаны шарфы с расширяющимися концами, орнаментированными поперечными полосами. Только с сасанидским искусством связывают ветки в клювах изображенных уток. Все это вместе взятое дает основание датировать расписной сосуд VII—VIII вв. и говорить о проникновении в это время иранского влияния на Крым. На это обратили внимание искусствоведы; влияние искусства сасанидского Ирана хорошо прослежено в при-

²⁸ T. Horvath. Die avarischen Gräberfelder von Üllö und Kiskorös. *Archeologia Hungarica*, XIX. Budapest, 1935, фиг. 27.

²⁹ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 68, 66, 41.

³⁰ Там же, табл. 20, 28, 26, 25; N. Mavrodinov. Указ. соч., табл. III—V.

³¹ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 15, 13, 11, 10, 9, 7.

³² О. Н. Бадер и А. П. Смирнов. Серебро закавказского первых веков нашей эры. М., 1954, стр. 19, рис. 7.

³³ Р. М. Ваидов, В. П. Фаменко. Средневековый храм в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана, т. II. Баку, 1951, стр. 97, 98, 100.

³⁴ A. Pore, P. Askerman. Указ. соч., v. IV, табл. 216.

³⁵ F. Herzfeld. Указ. соч., табл. 63.

³⁶ В. А. Шишкин. Указ. соч., стр. 83, 84.

³⁷ Sagge. *Kunst der alten Persien*. Berlin, 1923, табл. 100, 100.

³⁸ В. А. Шишкин. Указ. соч., стр. 188.

³⁹ Там же, стр. 221.

кладном средневековом искусстве Херсонеса: композиция из кругов, ромбов и квадратов с фигурами птиц встречается в сасанидском металле, где этот сюжет весьма нередок.

Материал могильника у с. Скалистое, аналогичный другим средневековым памятникам Крыма, по керамическому материалу напоминает средневековые могильники Болгарии, такие как Нови Пазар. Он близок могильникам Северного Кавказа и Салтовскому комплексу. Юго-восточная Европа, Крым и Подунавье, несомненно, испытали на себе влияние сасанидского Ирана, о чем свидетельствует сосуд из могильника у с. Скалистое.

В. В. КРОПОТКИН

МОГИЛЬНИК ЧУФУТ-КАЛЕ В КРЫМУ

История средневекового Крыма изучена крайне неравномерно. Особенно плохо исследованы актуальные проблемы перехода от рабовладельческого общества к феодализму, зарождение и рост феодальных отношений в эпоху раннего средневековья, возникновение средневековых городов, этническая история Таврики и многие другие проблемы раннефеодального общества. В связи с фрагментарностью и чрезвычайной скудностью письменных источников изучение этих проблем возможно только путем широкого и всестороннего привлечения археологического и нумизматического материала, накопленного наукой к настоящему времени. Ценные фактические данные для исследования многих вопросов истории раннего средневековья дали раскопки пещерных городов Таврики и многочисленных могильников Крымского нагорья IV—X вв. н. э.

Археологические раскопки средневекового могильника на юго-западном склоне вытянутого скалистого плато, где находятся развалины знаменитого пещерного города Чуфут-Кале, начались в 1946 г. и с небольшими перерывами продолжались до 1961 г.¹

В нижней части склона, где можно было ожидать наиболее древние погребения, раскопки производились на двух участках; небольшой разведочный раскоп был заложен в верхней части могильника, выше старой ныне заброшенной дороги в Чуфут-Кале (см. генеральный план 1 раскопа — рис. 43). На трех раскопах за эти годы было исследовано 93 склепа, 21 подбойная могила и две грунтовые могилы. Склепы и могилы расположены очень густо и в некоторых случаях новые могильные сооружения перерезают старые погребения. Большая часть склепов и подбойных могил была ограблена в древности.

Каменные христианские надгробия различной формы, обнаруженные при раскопках, свидетельствуют о распространении христианства среди местного населения, они говорят также о том, что могилы имели наземные признаки².

¹ Могильник был открыт в 1946 г. Я. А. Дубинским. В 1946—1948 гг. исследование могильника проводил Музей пещерных городов (ныне Бахчисарайский историко-археологический музей). Руководителем экспедиции в 1946—1947 гг. являлся П. П. Бабенчиков, а в 1948 г. Е. В. Веймарн. За три года раскопок было изучено 16 склепов и три подбойных могилы. С 1952 по 1961 г. раскопки могильника производились совместной экспедицией Института археологии АН СССР и Бахчисарайского историко-археологического музея (руководитель В. В. Кропоткин). Исследование городища Чуфут-Кале в 1928—1929 гг. проводилось У. А. Боданинским и Б. Н. Засыпкиным, а в 1957—1959 гг. Е. В. Веймарном.

² В. В. Кропоткин. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение. СА, 1959, № 1, стр. 187, рис. 1.

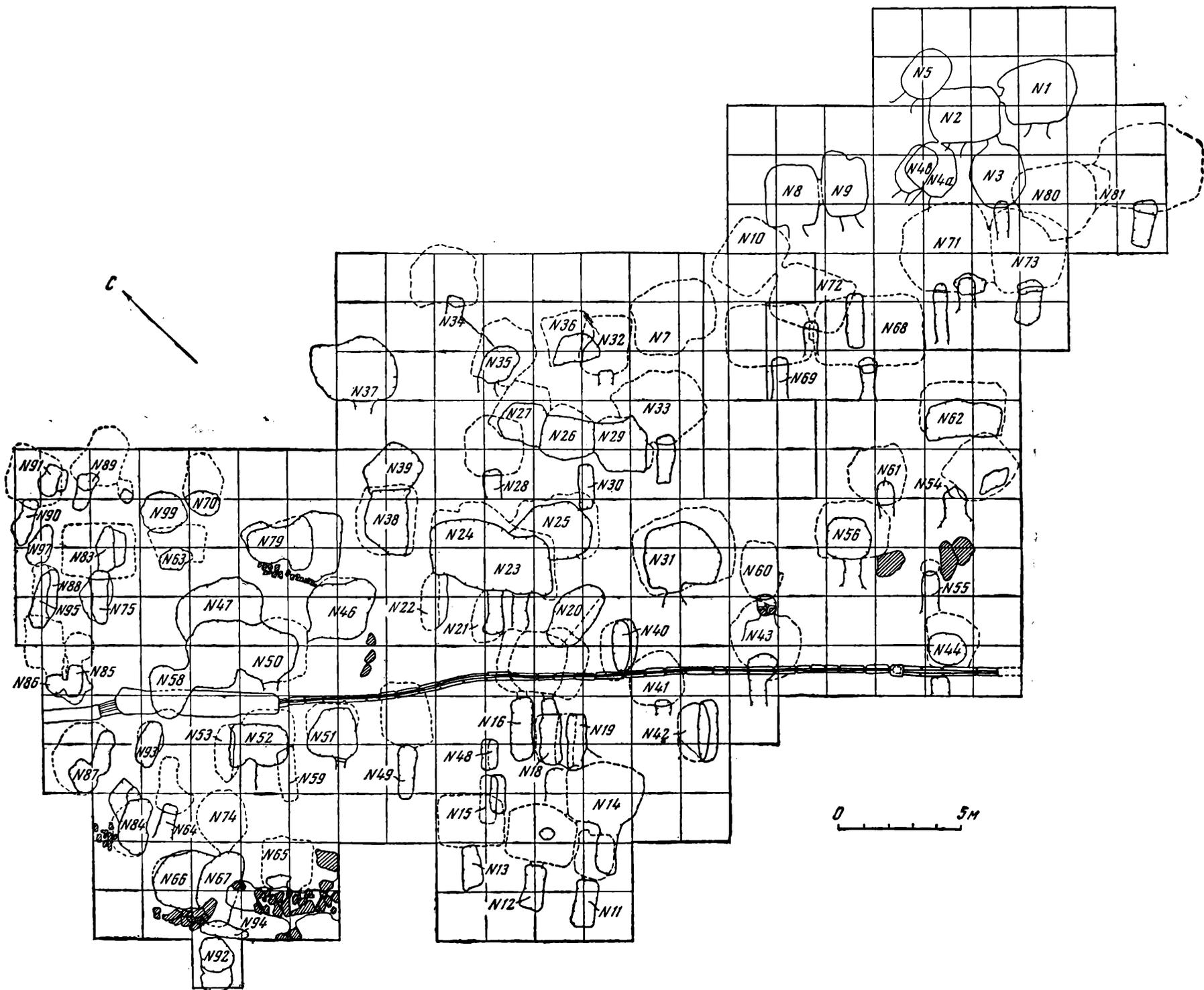

Рис. 43. Могильник Чуфут-Кале. Генеральный план первого раскопа

Склепы являются наиболее распространенными погребальными сооружениями в Чуфут-Кале, составляя 76,9% от числа всех могил. Это небольшие прямоугольные или овальные камеры с коробовыми или уплощенными сводами. В камеру ведет узкий дромос, небольшое входное отверстие закрывалось закладной плитой из местного известняка. Некоторые закладные плиты вырублены очень тщательно, на одной плите высечен крест. Склепы являлись коллективными, семейными усыпальницами. Погребенные лежат головой ко входу, на спине, конечности вытянуты. Число погребений в склепах различно (от трех до девяти). Однако ограбление могил и плохая сохранность костяков, в особенности детских, нередко затрудняют и точный подсчет погребений и определение их пола.

Подобные могилы встречаются в Чуфут-Кале значительно реже, чем склепы, составляя 17,4% от числа всех погребальных сооружений. Подбойные могилы имеют во всех случаях одинаковую ориентировку длинной стороной по склону. Могильная яма отделена от подбоя закладом из камней или плит известняка. В могиле, как правило, помещался один погребенный на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. Только в одной подбойной могиле (42) находились остатки двух костяков, причем кости одного погребения были частично сдвинуты в угол подбоя. Своеобразие этой могилы состоит также в том, что в могильную яму было поставлено массивное антропоморфное надгробие с крестом из местного известняка. Женский непотревоженный костяк, лежащий в подбое, имеет череп с сильной деформацией.

Могилы вырубались небольшим железным теслом в толще глинистого материка. Следы инструмента, которым работали могильщики, сохранились на стенах и потолках многих склепов.

Изучение топографии и конструктивных деталей погребальных сооружений позволяет сделать ряд важных исторических наблюдений. Если склепы, которые были коллективными усыпальницами, встречаются на всей площади раскопов, то подбойные могилы сосредоточены только в нижней части склона. Много подбойных могил обнаружено в восточной, по-видимому, наиболее древней части могильника, на раскопе III.

Два интересных склепа с лежанками также были открыты на нижних участках склона (склепы 75 и 122). В склепе 75 одна лежанка, вырубленная в скальном грунте, находится слева от входа в камеру; на стене против входа в камне высечен равноконечный византийский крест, заключенный в круг. Слева от входа в камеру на южной стене сделана небольшая ниша, куда, вероятно, ставили светильник. Недалеко от склепа было найдено массивное христианское надгробие из местного известняка.

Склеп 122 имеет три невысокие лежанки, расположенные вдоль стен; на лежанках находились остатки истлевших костяков, а на дне — три черепа плохой сохранности. Склеп ограблен и датировка его затруднена, но его конструктивные особенности (прямоугольная форма, плоский потолок и три лежанки) свидетельствуют о ранней дате его сооружения. В некрополях Пантикапея и Херсонеса склепы с лежанками появляются в римский период, в первые века нашей эры и исчезают к раннему средневековью.

Таким образом, подбойные могилы и склепы с лежанками мы считаем наиболее древними погребальными сооружениями некрополя.

Антропологические материалы из могильника Чуфут-Кале были переданы на определение антропологам К. Ф. Соколовой³ и А. Н. Пуляносу. Исследование краниологических материалов Чуфут-Кале позволило К. Ф. Соколовой прийти к заключению, что «все черепа рассматриваемой серии европеоидного строения, черепов с монголоидными признаками не обнаружено. Серия характеризуется мезодолихокранной формой с незначи-

³ К. Ф. Соколова. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 63 и сл.

тельной примесью брахикранных черепов в женской группе»⁴. Как установлено, около 50% черепов в могильнике — деформированы, но если черепа в подбойных могилах всегда имеют сильную деформацию, то захоронения в склепах наряду с деформированными черепами имеют недеформированные черепа. Деформация наблюдается как на мужских, так и на женских черепах.

Обычай деформации черепов существовал у местного населения с самого начала существования могильника, с V—VI вв. н. э. В последующие столетия, в VII—VIII вв., этот древний языческий обычай продолжал сохраняться, но в связи с распространением христианства в Таврике искусственная деформация черепов стала практиковаться не столь широко, как в предшествующий период.

Как мы уже упоминали выше, большинство склепов и подбойных могил Чуфут-Кале подверглось массовому ограблению в древности. Несмотря на это, непо потревоженные погребения и некоторые ограбленные склепы дали массовый вещевой материал, который позволяет дать характеристику материальной культуры местного населения, установить время существования могильника и поставить важный вопрос об этнической принадлежности погребенных в могильниках типа Чуфут-Кале и Суук-Су.

Систематические раскопки некрополя Чуфут-Кале дали также ценные материалы для изучения местного ремесленного производства. Керамика могильника представлена как лепной посудой, так и сосудами, изготовленными на гончарном круге. Лепная и гончарная посуда бытовала одновременно и, как правило, те и другие сосуды находят вместе в одном и том же погребальном комплексе⁵. Например, в наиболее позднем склепе (110), который датируется золотым солидом императора Константина V Копронима (741—775 гг.) и золотой субэратной монетой — варварским подражанием солиду Константина V Копронима (рис. 44, 1—3; рис. 45, 3), были найдены два краснойглиняных кувшина со сливом и небольшой лепной кувшинчик, изготовленный из грубой глины с примесью крупной дресвы. В некоторых склепах были найдены также обломки стеклянных сосудов. Фрагменты рюмок из тонкого прозрачного зеленоватого стекла обнаружены в склепах (98, 110, 118), которые по сопровождающему инвентарю и монетам хорошо датируются VII—VIII вв. н. э.⁶

До последнего времени мы не располагали материалом для характеристики военного дела и вооружения обитателей юго-западного Крыма в VII—IX вв. н. э. за исключением крепостного строительства в раннем средневековье. Могильник Чуфут-Кале дал ценные находки для изучения оружия и доспехов. Наиболее частой находкой в погребениях являются железные ножи с деревянной рукояткой, которые использовались и для хозяйственных нужд, и как оружие. В склепе 34 был найден небольшой обломок железного меча или кинжала. Массивные железные трехлопастные наконечники стрел обнаружены в трех склепах (56, 80 и 118). В погребении воина-дружинника (склеп 80) найдены обломки железной кольчуги и пластины от железного шлема.

В мужских погребениях часто встречаются серебряные или бронзовые поясные наборы⁷ (рис. 44, 11—14), которые дают представление о социальном и имущественном положении умершего. Этнографические материалы

⁴ К. Ф. Соколова. Указ. соч., стр. 64.

⁵ В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы). СА, XXVIII, М., 1959, стр. 211, рис. 2 и 4; Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958, стр. 550.

⁶ Н. П. Сорокина. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 153, рис. 9; Н. И. Репников. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, Л., 1932, стр. 168, рис. 36.

⁷ В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма, стр. 210—211, рис. 5а.

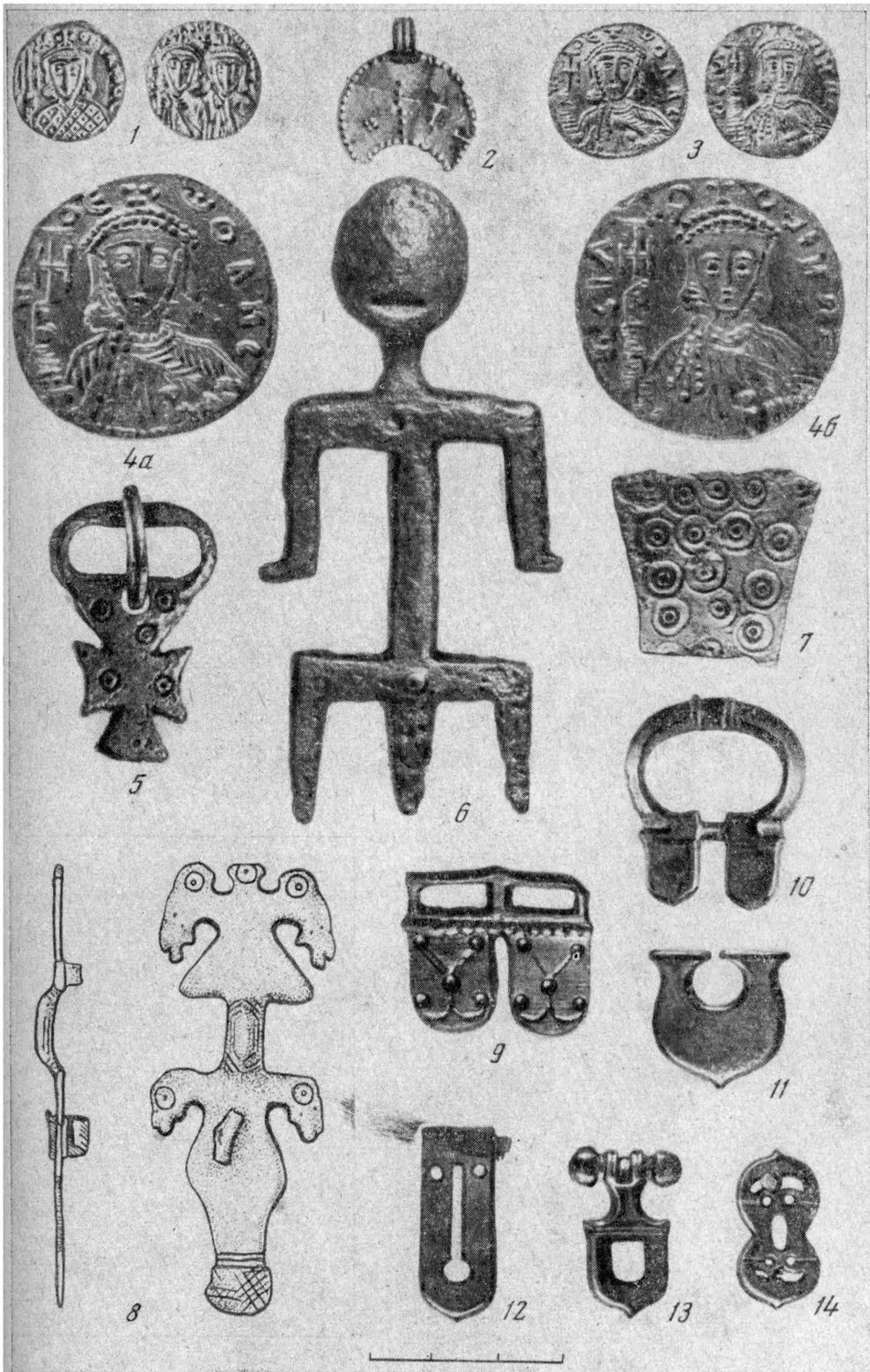

Рис. 44. Находки из могильника Чуфут-Кале

1 — византийский солид императора Константина V Копронима (741—775); 2 — серебряная лунница (склеп 104); 3 — 4а, 4б — золотая субэратная монета — варварское подражание византийскому солиду Константина V Копронима (741—775), 4а, 4б — увеличено в 2 раза; 5 — бронзовая пряжка (склеп 43); 6 — бронзовая антропоморфная подвеска (склеп 118), увеличено в 1,9 раза; 7 — обломок бронзовой фибулы (склеп 98); 8 — бронзовая зооморфная фибула (случайная находка 1956 г.); 9 — бронзовая пряжка (склеп 98); 10 — бронзовая пряжка (склеп 41, погребение 2); 11—14 — серебряные наконечники и бляшки от поясного набора (склеп 41, погребение 2)

свидетельствуют, что знатные люди носили более богатые пояса, украшенные золотыми или серебряными бляшками⁸.

В женских погребениях могильника Чуфут-Кале встречается разнообразный и богатый погребальный инвентарь. Наиболее ценными находками женского убора являются поясные пряжки и фибулы.

Поясные пряжки, найденные в могильнике, можно разделить на две группы по форме кольца и язычка. В первую группу входят четыре пряжки с массивным, круглым в сечении кольцом и загнутым на конце язычком (рис. 45, 1, 2, 4). Вторая группа состоит из трех пряжек с плоским орнаментированным кольцом и фигурным, загнутым на конце язычком (рис. 45, 5). Поясные пряжки первой группы, найденные в подбойных могилах (21 и 117) и в склепах (41 и 50), датируются VI в. н. э.

Серебряная позолоченная пряжка из подбойной могилы 21 (рис. 45, 4) по форме и орнаментации прямоугольного щитка может быть сопоставлена с пряжкой из Чернореченского могильника (склеп 64)⁹ и с пряжкой из могильника Суук-Су (случайная находка)¹⁰. Серебряные поясные пряжки с равноконечным византийским крестом на щитке (склепы 41 и 50, подбойная могила 117) находят точные аналогии в могильнике у с. Скалистое недалеко от пещерного города Бакла¹¹ и в некрополе средневекового Херсонеса¹².

Большая серебряная пряжка из склепа 98 (рис. 45, 5) имеет близкие аналогии среди пряжек Артекского могильника¹³ и могильника Суук-Су¹⁴.

Пряжка из Чуфут-Кале украшена вставками светло-зеленого стекла и грубыми орнаментальными узорами, как и пряжки из Артека и Суук-Су¹⁵. Пряжка в древности подвергалась починке, с оборотной стороны ее были прикреплены для прочности медные пластинки и часть бронзовой фибулы с кружковым орнаментом (рис. 44, 7). Обломок фибулы и другой сопровождающий материал (пряжки и бляшки от поясного набора) датируют склеп VII в. н. э. Фибулы в женских погребениях Чуфут-Кале встречаются сравнительно редко. Серебряные пластинчатые фибулы с полукруглым щитком были найдены в склепе 50 (2 экз.) и в подбойной могиле 21 (1 экз.). Бронзовая зооморфная фибула (рис. 44, 8) с двумя парами звериных головок, к сожалению, не связана с определенным комплексом¹⁶. Она была найдена в 1956 г. на поверхности земли, в выбросе, недалеко от склепа 46, но ее принадлежность к этому склепу установить невозможно. Близкая по форме зооморфная фибула была найдена в могильнике Суук-Су (склеп 131)¹⁷, но с одной парой звериных головок.

Редкой находкой являются бронзовые пластинчатые фибулы (склеп 16) и железные фибулы с дугообразным щитком (склепы 13 и 65, подбойная могила 124).

Датировка могильника Чуфут-Кале может быть установлена при помощи типологического и статистического анализа массового археологического материала (пряжки, поясные наборы, бусы и пр.).

⁸ G. Laslo. Etudes archéologiques sur l'histoire de la société des Avars. *Archaeologica Hungarica*, t. XXXV. Budapest, 1955, стр. 16, 51, 56.

⁹ В. П. Бабенчиков. Чернореченский могильник. АП УРСР, т. XIII, 1963, стр. 118—119, табл. VII, 5.

¹⁰ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 64, табл. IX, 1.

¹¹ Раскопки Е. В. Веймарна, материал не издан.

¹² Катакомба 620. См.: ОАК, 1896, стр. 78, рис. 17.

¹³ Н. И. Репников. Некоторые могильники..., стр. 63, табл. VIII, 2 (случайная находка).

¹⁴ Н. И. Репников. Некоторые могильники..., часть II. ЗООИД, вып. XXVII. Одесса, 1907, стр. 141, табл. XIV, 4 (случайная находка).

¹⁵ Длина пряжки 17 см, ширина 6,3 см.

¹⁶ Фотография фибулы опубликована в статье автора «Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение». СА, 1959, № 1, стр. 189, рис. 4.

¹⁷ Н. И. Репников. Некоторые могильники..., часть II, стр. 144, рис. 131.

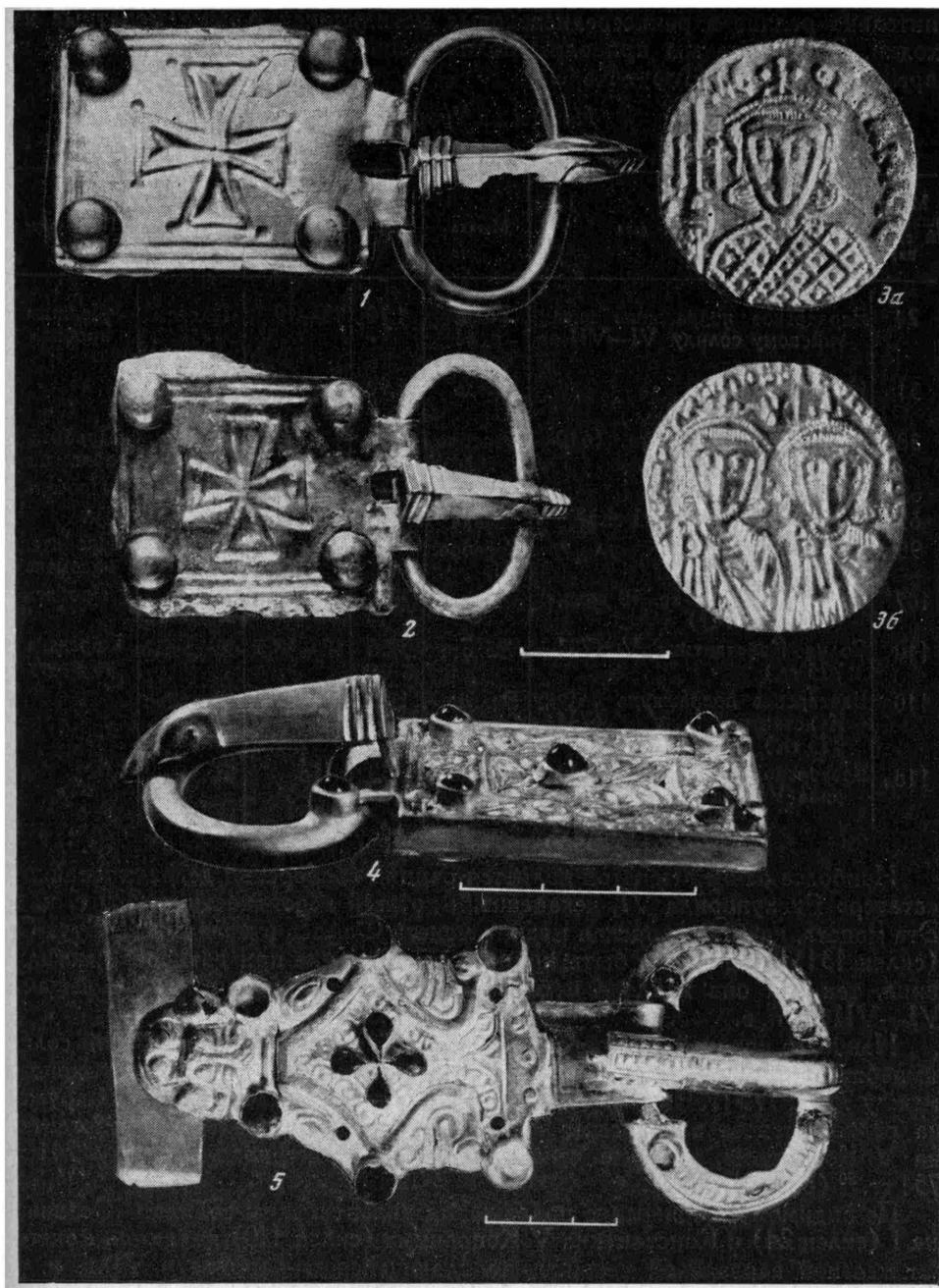

Рис. 45. Находки из могильника Чуфут-Кале

1 — серебряная пряжка (склеп 41, погребение № 4); 2 — серебряная пряжка (склеп 50); 3а, 3б — византийский солид императора Константина V Копронима (741—775), увеличено в 2 раза; 4 — серебряная позолоченная пряжка со вставкой из красных стекол (подбойная могила 21); 5 — серебряная пряжка, вставки из светло-зеленых стекол (склеп 98)

Но опорные точки для установления абсолютной хронологии дают сравнительно редкие в раннесредневековых могильниках Крыма монетные находки. В таблице мы приводим полный список монет, обнаруженных во время раскопок в Чуфут-Кале.

Монеты из Чуфут-Кале

Т а б л и ц а

Место находки № склепа)	Определение и дата	Металл	Вес, г	Диаметр, мм	Сохранность	Примечание
24	Варварское подражание византийскому солиду VI—VII вв.	Золото, ядро медное	1,70	18—19	Плохая	Дважды пробита
31	Не определенная	Медь	1,94	15	Очень плохая	
38	Гексаграмма Иракия (610—641 гг.)	Серебро	—	19—21	То же	Пробита, обломана
62	Не определенная	—	—	20—22	» »	Пробита
65	Феодосий I (379—395 гг.)?	Медь	4,86	21	Плохая	
96	Не определенная	Серебро	—	—	Очень плохая	Пробита, обломана
107	Византия V—VI вв. 10 нуммов (Юстиниан I?)	Медь	—	15	То же	Пробита
110	Солид Константина V (741—775 гг.)	Золото	3,66	18—18,5	Хорошая	Обрезана по кругу
110	Варварское подражание солиду Константина V (741—775 гг.)	Золото, ядро медное	1,85	20	Средняя	
118	Боспорский «статер» Рискупорида VI 622 г. (325 г. н. э.)	Медь	5,58	18	Плохая	

Наиболее ранней монетой является ранний боспорский деградированный «статер» Рискупорида VI, чеканенный, по всей вероятности, в 325 г. н. э. Эта монета, как и боспорская медная монета Фофоса в могильнике Суук-Су (склеп 131)¹⁸, не может быть принята во внимание при датировке могильника, так как она найдена в более позднем комплексе вместе с вещами VI—VII вв. н. э.

Наиболее поздней датированной находкой является византийский солид императора Константина V Копронима, чеканенный в Константинополе между 751 и 775 гг.¹⁹ (рис. 44, 1, и 45, 3). В том же склепе (110) обнаружена редкая монета варварской чеканки — подражание солидам Константина V Копронима, которые чеканились в Константинополе между 741 и 751 гг.²⁰ (рис. 44, 3—4).

По-видимому, варварские подражания византийским солидам Юстиниана I (склеп 24) и Константина V Копронима (склеп 110) являются монетами местной варварской чеканки, появляющейся в Таврике в VI в. н. э. Анализ погребального инвентаря и нумизматических материалов из могильника Чуфут-Кале позволяет утверждать, что этот некрополь существовал длительное время — со второй половины V в. до начала IX в. н. э.

¹⁸ Н. И. Репников. Некоторые могильники..., часть II, стр. 111—112.

¹⁹ Монета обрезана по кругу, в связи с этим ее вес (3,66 г) меньше веса обычного византийского солида. И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. VIII. СПб., 1914, стр. 956, табл. 67, № 33—34. См. также: W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. v. 11, London, 1908, стр. 379, № 7—10, табл. XLIII, 23л, XLIV, 1.

²⁰ W. Wroth. Указ. соч., стр. 378, № 1, табл. XLII, 22.

Ценные свидетельства о времени прекращения захоронений на могильнике были получены в 1958 г. На III раскопе были найдены остатки постройки и многочисленные обломки средневековой черепицы IX—XII вв. н. э. (свыше 1000 фрагментов). Вероятно, постройка с черепичным перекрытием была сооружена после прекращения функционирования могильника. Во время раскопок удалось проследить, что ров от фундамента здания перерезал один из склепов. Все это позволяет определить верхнюю дату могильника IX в. н. э.

До последнего времени было принято считать, что пещерный город Чуфут-Кале также возникает где-то на рубеже V—VI вв. н. э., как и другие пещерные города Крыма (Эски-Кермен, Мангуп, Инкерман, Бакла и др.)²¹. Однако археологические раскопки Е. В. Веймарна в Чуфут-Кале показали, что массовый археологический материал и постройки на городище не могут быть отнесены к более раннему времени, чем X—XI вв. н. э.²²

Вопрос об этнической принадлежности могильника Чуфут-Кале, как и других средневековых могильников юго-западного Крыма, вызывает в науке существенные разногласия. Многие историки и археологи увязывали эти могильники с крымскими готами (Ж. де-Бай, Н. И. Репников, Ю. В. Готье и др.)²³. Но в последнее время эта гипотеза была поставлена под сомнение. По мнению К. Ф. Соколовой, «население раннесредневекового Чуфут-Кале принадлежало к сармато-аланской группе, сходной по морфологическим признакам со скифами, или же к позднескифской группе, усвоившей сарматский обычай деформации черепов»²⁴. А. Н. Пулянос пришел к выводу, что «население средневекового Чуфут-Кале довольно гомогенное, оно принадлежит, по-видимому, к одной этнической группе»²⁵. К. Ф. Соколова и А. Н. Пулянос полагают, что «антропологический материал из могильника Чуфут-Кале не дает никаких указаний на этническую связь с готами»²⁶.

Сравнительный анализ погребальных обрядов и инвентаря женских захоронений позволил автору прийти к заключению, что «могильник Чуфут-Кале принадлежал смешанному алаано-готскому населению горного Крыма»²⁷. Как известно, остготы и их союзники в 370 г. были разбиты гуннами. Основная масса остготов ушла на запад; небольшая часть племени была оттеснена в горную часть Таврики, где она перемешалась с сохранившимся после гуннского погрома местным скифо-сарматским населением полуострова.

Поразительное сходство женских украшений из крымских могильников и остготских погребений Северной Италии, отмеченное многими западноевропейскими и русскими археологами, заставляет нас более осторожно формулировать свое мнение об этнической принадлежности могильника Чуфут-Кале, чем мы это делали ранее. Очевидно, что только углубленное историко-археологическое исследование позволит высказать истинное суждение по этому запутанному вопросу.

²¹ В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма, стр. 198 и сл.; А. Л. Якобсон. К вопросу о локализации города Фуллы. СА, XXIX—XX, М., 1959, стр. 110 и сл.

²² Материалы из раскопок Е. В. Веймарна еще не изданы. Автору удалось неоднократно осматривать раскопки и просмотреть археологический материал благодаря любезному содействию Е. В. Веймарна, которому выражаю за это искреннюю благодарность.

²³ J. de Baye. Les tombeaux de Goths en Crimée. «Memoires de la Société National de Antiquaires de France, v. LXVII. Paris, 1907; Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 17 и сл.; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 63 и сл.

²⁴ К. Ф. Соколова. Указ. соч., стр. 70.

²⁵ А. Н. Пулянос. Древние и средневековые черепа из Крыма. Доклад, прочитанный на антропологической сессии Института этнографии АН СССР в апреле 1962 г.

²⁶ К. Ф. Соколова. Указ. соч., стр. 69.

²⁷ В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма, стр. 211.

И. И. ЛЯПУШКИН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН¹

Наименование «восточные славяне» по отношению к славянскому населению Восточной Европы возникло сравнительно поздно, в связи с классификацией славянских языков, и по своему содержанию равнозначно термину «русские славяне». Постепенно этот термин получил у исследователей широкое распространение применительно к славянскому населению Древней Руси. В письменных источниках, как отечественных, так и иноземных, относящихся к I и началу II тысячелетия н. э., славяне на территории Восточной Европы длительное время выступали сначала под «племенными» наименованиями — кривичи, дреговичи, северяне и др., а позднее — под собирательным именем Русь. Наименование «восточные славяне» в древних письменных источниках неизвестно.

В наши дни термин «восточные славяне» применяется очень широко, без учета того, что представляет собою в этническом отношении рассматриваемое общество. Этим именем называют и население конца I тысячелетия до н. э. и начала I тысячелетия н. э., оставившее на территории Восточной Европы археологические памятники зарубинецкой культуры², и славянские племена, впервые упоминаемые в письменных источниках на территории Восточной Европы (анты Иордана)³, и славянское население Восточной Европы времени образования Древнерусского государства⁴ и т. д. Признать это закономерным, естественно, нельзя.

Как известно, древнейшая история славян не совсем ясна. В ней очень много спорного. Почти нечего сказать о формировании славянской этнической группы в целом. Неясной является территория, на которой протекала ранняя жизнь славян. Очень мало данных для решения вопроса о путях и времени сложения трех ветвей славянства — восточной, западной и южной. Все это наложило соответствующий отпечаток на историческую литературу. Каждый автор новой книги или новой статьи рисует эту историю по-своему. Терминологическая неопределенность усложняет процесс исследования и, кроме путаницы, ни к чему не приводит.

¹ Настоящая статья является кратким изложением вводной главы работы автора «Восточные славяне накануне образования Древнерусского государства», доложенной на заседании группы славяно-русской археологии Института археологии (Ленинград) АН СССР 26 декабря 1961 г. и на объединенном заседании кафедр археологии и истории СССР исторического факультета ЛГУ 20 февраля 1962 г.

² Славяне. БСЭ, т. 39. Изд. 2-е, 1956, стр. 292; П. Н. Третьяков. Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье. *Slavia antiqua*, т. VII, стр. 16.

³ Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. *ИЖ*, 1943, № 11—12, стр. 73—80; Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945, стр. 24 и др.; Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958, стр. 52—89; 90—98; 100—109; 137—150.

⁴ Очерки истории СССР, III—IX вв., стр. 787—830.

Настоящей работой мы хотим привлечь внимание исследователей к поставленному нами вопросу, одновременно изложив наше понимание некоторых, с нашей точки зрения, наиболее существенных его сторон, а именно: 1) о соотношении восточных славян с остальным славянским миром и 2) о времени и путях сложения восточных (русских) славян как единого целого.

Коротко наши взгляды по этому вопросу сводятся к следующему: восточных славян мы рассматриваем как ветвь славянского народа, связанную с ним общностью происхождения и близостью языка. Образование восточной группы славян не было одноактным выделением единого целого из общеславянского мира, а явилось результатом распада последнего на многочисленные племена и последующей длительной и сложной их перегруппировки, начавшейся в середине I тысячелетия н. э. и закончившейся не ранее рубежа VIII—IX вв.

Ниже сжато излагаются основания этих выводов.

* * *

Славяне как особая этническая группа впервые засвидетельствована в письменных источниках в первых веках нашей эры под именем венедов. Место обитания их — где-то в бассейне р. Вислы⁵. О том, что народ, именовавшийся в это время венедами, были славяне, мы узнаем из источников более поздней поры, VI в.⁶ Существенно отметить, что северные и северо-западные соседи славян — финны и германцы — вплоть до наших дней называют славян венедами⁷, что косвенно подтверждает тождество этих двух наименований.

Все попытки более точного определения местоположения венедов на основе других видов источников нельзя признать удовлетворительными. В частности, с венедами связывают археологические памятники пшеворской и зарубинецкой культур III в. до н. э.—III—IV вв. н. э., причем зарубинецкие памятники считают принадлежащими восточной ветви славян, а пшеворские — западной, полагая тем самым, что славяне как единое целое в это время уже не существовали. Однако изучение этих культур, в особенности зарубинецкой, которая для нас интересна более всего, показывает, что в том виде, в каком она известна в настоящее время, сомкнуть ее с достоверно славянскими археологическими памятниками последующей поры, а тем самым подтвердить принадлежность ее славянам-венедом, пока что невозможно. К этому имеется ряд причин: во-первых, между культурой зарубинецкой и известными нам достоверно славянскими памятниками территории Восточной Европы существует большой, не менее двух столетий, хронологический разрыв, а, во-вторых, по своему содержанию (характеру материальных остатков) зарубинецкая культура ни в какой мере не увязывается ни с одной группой наиболее ранних достоверных славянских памятников, известных нам в настоящее время на территории Восточной Европы.

⁵ Г. Плиний Секунд. Естественная история. В кн.: В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. II, вып. 1. СПб., 1904, стр. 176; Корнелий Тацит. Германия. Там же, стр. 250; Клавдий Птолемей. Географическое руководство. Там же, т. I, вып. 1, стр. 231.

⁶ Иордан. О происхождении и деянии гетов. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960, стр. 71—72.

⁷ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. 1. СПб., 1818, примечание 28; А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901, стр. 17; М. Грушевский. Киевская Русь, т. 1. СПб., 1911, стр. 80, 81; Ф. П. Филин. Происхождение и развитие русского языка. Л., 1954, стр. 7, 8.

В наших заключениях по этому вопросу мы опираемся на археологические данные, систематизированные советскими исследователями буквально в последние годы⁸.

Таким образом, в вопросе об определении археологической культуры венедов начала нашей эры мы пока ничего положительного сказать не можем, а тем самым у нас нет возможности дополнить сведения, содержащиеся в письменных источниках о них. В силу этих причин вопрос об уточнении местоположения венедов начала нашей эры остается одной из основных задач исторической науки. Решение этой задачи, с нашей точки зрения, возможно только с помощью археологических материалов, поиски которых необходимо продолжить. Думается, что наиболее целесообразно в этой работе следовать от известных достоверно славянских памятников. Не может же быть такого положения, чтобы известная нам славянская культура второй половины I тысячелетия н. э. на территории Восточной Европы возникла внезапно, на пустом месте, из ничего. Корни у нее должны быть, и мы уверены, что они найдутся.

В последующее время, вплоть до VI в., письменные источники почти не содержат упоминаний о славянах. Лишь в так называемых Певтингеровых таблицах, судя по всем данным, памятнике в хронологическом отношении очень сложном, но в целом относящемся, по-видимому, ко времени не позднее IV в. н. э.⁹, в двух местах отмечены венеды: к северо-западу от Карпат, за бастарнами — «венеды-сарматы» и при устье Дуная, на левом берегу — просто «венеды»¹⁰. Как ни кратки эти сведения — они весьма любопытны. Если Тацит, писавший в конце I столетия, отмечает проникновение венедов к югу и востоку от Повисленья («между певкинами и феннами») лишь путем разбойничьих набегов¹¹, то на Певтингеровых таблицах мы находим при устье Дуная (близ певкинов), очевидно, уже поселения венедов, хотя, по-видимому, немногочисленные, поскольку других упоминаний для этой поры о них мы пока не знаем. Правда, при рассмотрении этого вопроса нельзя не учитывать одного весьма важного момента — сложившейся в этом районе в конце IV—в V в. обстановка в связи с гуннским нашествием, затмившим собой все остальные события, в том числе и продвижение славян к Дунаю. Косвенные подтверждения этого мы находим в сказаниях Приска Панийского о поездке в ставку Атиллы, где им засвидетельствованы такие слова в языке местного населения, как «медос» и «страва»¹², рассматриваемые многими исследователями и в прошлом и сейчас как славянские, и на этой основе сделан вывод о том, что в этом районе (восточная Венгрия) в V в. уже обитали славяне¹³.

⁸ П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958, стр. 14—22; П. Н. Третьяков. Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье. *Slavia antiqua*, т. VII, стр. 13—34; Ю. В. Кухаренко. Памятники пражского типа на территории Приднепровья. *Slavia antiqua*, т. VII, стр. 112—124; И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4, стр. 33—46; В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, № 1, стр. 47—62.

По вопросу о соотношении зарубинецких памятников и памятников второй половины I тысячелетия н. э. (достоверно славянских) и П. Н. Третьяков и Ю. В. Кухаренко высказывались неоднократно. В нашей работе мы пользуемся взглядами, изложенными в их последних работах.

⁹ А. Л. Погоди́н. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901, стр. 10.

¹⁰ Konrad Miller. Weltkarte des Castorius genannt die Peutinger'sche Tafel. Ravensburg, 1888, ч. VIII, 1 и 4.

¹¹ В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 250.

¹² Г. С. Дестунис. Сказания Приска Панийского. Ученые записки второго отделения Академии наук, кн. VII, вып. 1. СПб., 1861, стр. 46; Иордан. Указ. соч., стр. 117.

¹³ А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868, стр. 36—42; М. Грушевский. Киевская Русь, т. 1. СПб., 1911, стр. 195; Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 51—56; С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 77, 78.

Начиная с VI в. письменные известия о славянах быстро нарастают. Все византийские источники этой поры наполнены сообщениями о славянах. Не единичные поселения при устье Дуная, как это было еще не так давно, а вся территория к северу от Дуная до Вислы, древнейшего местоположения славян-венедов, оказывается занятой славянами в это время. По-видимому, уход гуннов с северного берега Дуная открыл славянам возможность вплотную подойти к Восточной Римской империи.

В этих границах современники (Иордан) отмечают три большие группы славян: 1) склавинов, живущих к северу от Дуная на территории между Днестром, средним течением Дуная и верховьями Вислы; 2) антов, занимающих междуречье Днестра и Днепра на изгибе Черного моря и 3) венедов¹⁴. Исходя из свидетельства Иордана и письменных данных предшествующей поры следует полагать, что венеды обитали к северу от склавинов и антов — в бассейне Вислы. Это подтверждается и некоторыми косвенными данными: северо-западные и северо-восточные соседи славян — германцы и финны, — как отмечалось выше, называют славян и по сей день — венедями. Существенно отметить, что византийцы совершенно не упоминают венедов. Они говорят лишь о склавинах и антах, т. е. тех группах славян, с которыми они сталкивались на юге¹⁵.

По Прокопию, анты обитают, с одной стороны, — на северном берегу Дуная¹⁶, с другой — к северу от утигуров, живущих по восточному побережью Азовского моря¹⁷. Считаю, что свидетельства Иордана и Прокопия не противоречат друг другу.

В силу каких причин в VI в. возникли для отдельных групп славян, ранее называвшихся венедями, разные имена — венеды, склавины, анты и, по-видимому, другие — сказать трудно. В источниках не содержится данных, которые позволили бы противопоставить одну группу другой и на этой основе осмыслить их деление. Больше того, источники довольно согласно и настойчиво объединяют их, подчеркивают их близость, единство: у них один и тот же язык, они ничем не отличаются друг от друга по внешнему виду, одинакова их жизнь и законы, и в прошлом они имели и одно имя — споры¹⁸.

Эти данные свидетельствуют о том, что деление на склавинов и антов было основано не на внутренних различиях, в том числе и не на языковых, а на каких-то внешних признаках, возможно, на территориальном размещении, что в какой-то мере подтверждается Иорданом в его сообщении, что «...их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами»¹⁹.

Существенно отметить, что эта близость отдельных племен по письменным памятникам подтверждается и большой близостью материальной культуры славянских племен лесостепных районов (где обитали анты и склавины), переходящей в отдельных случаях в полное тождество²⁰.

Некоторые исследователи усматривают в этой группировке славян VI в. три ветви славянского мира: венеды — это западные славяне; скла-

¹⁴ Иордан. Указ. соч., стр. 71, 72, 80, 115.

¹⁵ Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перевод с греческого С. П. Кондратьева. М., 1950, стр. 156, 210, 244, 294—298, 319, 337, 357, 364—366, 369, 370, 372, 373, 459. Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, стр. 35, 75, 139, 141, 143, 144, 146—148, 154, 155, 157, 168, 178, 180.

¹⁶ Прокопий из Кесарии, стр. 156, 298.

¹⁷ Там же, стр. 384.

¹⁸ Прокопий из Кесарии, стр. 294—298; С. А. Жебелев. Маврикий (Стратег). Известия о славянах VI—VII вв. Исторический архив, т. II. М.—Л., 1939, стр. 35—37.

¹⁹ Иордан. Указ. соч., стр. 71, 72.

²⁰ И. И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян. Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь профессора М. И. Артамонова. Л., 1961, стр. 203—209.

вины — южные, а анты — восточные, не приводя в обоснование никаких данных²¹, да их по существу и нет.

Утверждая, что анты — «восточные славяне» исследователи, однако, вкладывают в это соотношение разное понимание. Одни полагают, что анты — предки всех восточных славян и даже больше того — просто восточные славяне²², другие считают, что анты это южные племена восточных славян²³. В последнем случае ряд исследователей отождествляет антов с конкретными восточнославянскими племенами Повести временных лет — с уличами и тиверцами²⁴, а М. Грушевский идет дальше. Он полагает, что анты это предки только украинского народа²⁵.

К сожалению, прямых данных для решения вопроса о том, что собою представляют анты и каковы их взаимоотношения с восточными (русскими) славянами, нет. Поэтому мы хотим попытаться привлечь к выяснению этого вопроса памятники материальной культуры и некоторые косвенные данные.

Принято считать, что под именем «анты» славяне упоминаются в письменных источниках в период VI—VII вв. (527—602 гг.), т. е. на протяжении около одного столетия. Ряд исследователей пытается проследить бытование этого имени до III—IV вв.²⁶ Однако достаточных оснований для отнесения времени появления наименования одной из групп славян «антами» к периоду ранее VI в. пока нет²⁷. Исходя из этих хронологических данных, мы будем решать и вопрос о так называемых древностях антов.

Вопрос о древностях антов в нашей литературе один из наиболее спорных. В свое время А. А. Спицын выделил среди археологических памятников юга нашей страны группу вещей, относящихся к VI—VII вв. и обнаруживаемых в весьма своеобразных условиях — или в виде кладов, или в виде отдельных случайных находок. Он назвал эти вещи древностями антов. В своих выводах и заключениях о них А. А. Спицын был весьма осторожен. В работе, посвященной этому вопросу, он изложил скорее план разысканий антских древностей — поселений (городищ), могильников, керамики и т. д., — чем исследование самих древностей антов. А. А. Спицына несколько удивляло то обстоятельство, что «наиболее определенно эта культура при данных условиях... выступала в виде кладов вещей...»²⁸.

Под именем «древности антов» эти вещи значатся в археологическом обиходе и по сей день. Правда, в последние годы Б. А. Рыбаков переименовал их в «древности русов», рассматривая русов как часть антского обще-

²¹ А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. 1. Западно-славянские языки. М., 1941, стр. 4.

²² А. Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901, стр. 27; А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, стр. 12.

²³ Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 141.

²⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 1. Изд. 5-е. М., 1874, стр. 56.

²⁵ М. Грушевський. Історія України — Руси, т. 1. Київ, 1913, стр. 172—186. Ср.: М. Грушевський. Київська Русь. СПб., 1911, стр. 208—210, 464.

В прошлом А. Куник, а вслед за ним и ряд других исследователей пытались утверждать, что анты не были славянами, но и он отрицал славянскую принадлежность лишь правящей верхушки (так называемых династов), полагая, что последняя подчиняла себе все же черноморских славян. (Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. 1. СПб., 1878 г., стр. 147). Династов он считает азиатского (черкесского?) происхождения.

²⁶ А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901, стр. 1; А. Л. Погодин. Сборник статей по археологии и этнографии. СПб., 1902, стр. 162—165.

²⁷ Ю. Кулаковский, А. Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901. ИОРЯС, 1903, т. VI, кн. 4, стр. 345. (Рецензия); М. Грушевський. Київська Русь, т. 1. СПб., 1911, стр. 206; Konrad Miller. Указ. соч., ч. VIII, 1 и 4; Ср. Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 70, 71, примечание 71.

²⁸ А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 492—495.

ства²⁹, к чему, кстати сказать, нет никаких оснований, ибо никакие русы среди славянских племен вплоть до середины IX в. в источниках вообще не упоминаются. Вместо выделенных А. А. Спицыным древностей антов Б. А. Рыбаков предложил связать с антами иной круг древностей — памятники культуры полей погребений черняховского типа³⁰. Это предложение в послевоенные годы было энергично поддержано многими исследователями Москвы, Ленинграда и особенно Украины³¹. Однако исследования последних лет с достаточной очевидностью показали полную несостоятельность этого положения, и ряды защитников такого взгляда постепенно начали таять³². Поводом к этому явилось то обстоятельство, что на территории (между Днестром и Днепром), засвидетельствованной письменными источниками (Иордан) как антской, постепенно стали выявляться памятники VI—VII вв., совершенно отличные от памятников культуры полей погребений черняховского типа III—IV вв. и генетически не связанные с ними.

Облик памятников VI—VII вв. начал раскрываться во всей полноте лишь в последние годы, после того, как было преодолено представление об особом характере славянских древностей VIII—X вв. в области Правобережья по сравнению с славянскими древностями других районов Восточной Европы³³. Памятники эти представляют остатки поселений и могильники второй половины I тысячелетия н. э. Они обнаружены на территории юго-запада нашей страны (между Днепром и Прутом) и смежных районов Румынии, Чехословакии, Балкан, т. е. в той области, где в VI в. Иордан помещает антов и склавинов. Принадлежность этих памятников славянам определяется не только тем, что они находятся на территории, которая по письменным источникам была занята в это время склавинами и антами, но и тем, и это мы считаем самым главным, что эти памятники в своем дальнейшем развитии отчетливо увязываются с достоверно славянскими памятниками VIII—X вв., а последние с древнерусскими X—XIII вв. с той же территории. Последнее обстоятельство особенно важно, ибо оно свидетельствует о том, что восточнославянские (древнерусские) племена своими корнями уходят в общеславянский мир, однако оно еще не дает ответа на вопрос, были ли анты уже восточными славянами или еще нет.

К северу и северо-западу от Днепра, в лесной зоне Восточной Европы, где по летописным данным обитали восточнославянские племена — кривичи и славяне новгородские, — археологические памятники имеют несколько иной характер. Наиболее зримое отличие их заключается в наземном устройстве жилых и хозяйственных построек (судя по материалам IX—X вв.; более ранних поселений там неизвестно). По своему облику они ближе к славян-

²⁹ Б. А. Рыбаков. Проблема образования древнерусской народности. ВИ, 1952, № 9, стр. 49—62; он же. Древние Русы. СА, XVII, 1953, стр. 40—42.

³⁰ Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. ИЖ, 1943, № 11—12, стр. 74—76.

³¹ П. Н. Третьяков. Восточные славянские племена. М., 1948, стр. 52—57; М. И. Артамонов. Происхождение славян. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Ленинграде в 1950 г. Л., 1950, стр. 21 и сл.; М. Ю. Брайтчевский. Основные вопросы археологического изучения антов. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 60—81; М. Ю. Смишко. Раннеславянские памятники на территории западных областей Украинской ССР. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953 г., стр. 82—93.

³² М. И. Артамонов. Славяне и Русь. Тезисы доклада, прочитанного в ЛГУ. Л., 1955; Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, М., 1960, стр. 159—172; П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958, стр. 23—27.

³³ И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. Вестник ЛГУ, 1956, № 20, стр. 45—60; Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 112—124; И. И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян. Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь профессора М. И. Артамонова. Л., 1961, стр. 202—209. Ряд статей, содержащих материал, характеризующий славянскую культуру второй половины I тысячелетия н. э., опубликован в 1962 и 1963 гг. См.: МИА, № 108, М.—Л., 1963, стр. 16—50; 138—242; 283—385.

ским археологическим памятникам лесной полосы Польши, чем к южным (антским) лесостепным памятникам Восточной Европы. Таким образом, археологические памятники, как будто, свидетельствуют о том, что корни восточных славян находятся не только в славянских племенах юга (антских), как это утверждается некоторыми исследователями³⁴.

* * *

Помимо археологических памятников это положение косвенно подтверждается древнерусскими письменными источниками. Мы имеем в виду ту часть летописи, где повествуется о том «откуда есть пошла Русская земля...» По этим данным одна часть древнерусских племен (поляне, древляне, дреговичи, полочане, славяне новгородские и северяне) переселилась в Восточную Европу с Дуная, другая (радимичи и вятичи) — пришла с запада, от ляхов. О появлении остальных славянских племен, обитавших на территории Восточной Европы (дулебов, тиверцов, уличей, хорватов), летописец ничего не сообщает. Не исключено, что в VI—VII вв. они сидели более или менее «на своих местах».

Принято считать, что летописные свидетельства о переселении восточных славян с Дуная и о происхождении радимичей и вятичей от ляхов — ни более ни менее как легенда³⁵. Однако беспристрастный анализ этих известий вынуждает признать, что наряду с легендарными элементами какое-то зерно истины в них содержится.

Сообщение летописи о переселении славян в Восточную Европу с Дуная исследуется, как правило, с точки зрения Дунайской прародины славян, т. е. является ли Дунай древнейшей территорией обитания славян в Европе? Между тем летописец вовсе не утверждает этого. В его повествовании о том, что «По мнозѣх же временѣх сѣлѣ суть Словени, по Дунаеви, где есть ннѣ Оугорская земля и Болгарская. От тѣх Словен разидошася по земли, и прозвашася имены своими...»³⁶ совсем не говорится о каких-то доисторических временах. Уже то, что летописец называет конкретные места поселений славян (где ныне Угорская и Болгарская земли), подсказывает нам, что описываемые события относятся отнюдь не к такому далекому прошлому. Вероятнее всего, в них запечатлен один из этапов засвидетельствованного в источниках (Тацит — Певтингеровы таблицы — Приск Панийский — Прокопий) продвижения славян первоначально к Дунаю и на Балканы, а затем под давлением болгар, аваров, угров и других кочевников из Подунавья к северу, востоку и северо-востоку. Думается, что предания об этих событиях еще могли быть живы и они-то и послужили основанием для летописного сказания о расселении славян с Дуная.

С нашей точки зрения, это сообщение летописца является как бы продолжением иноземных известий (Иордан, Прокопий, Феофилакт Симокатта и др.) о жизни славян-антов на территории нашей страны, обрывающихся в начале VII в. (602 г.). Правда, в летописи мы не находим ни антов, ни венедов. Летописец знает лишь общее наименование — славяне — и имена отдельных племен — поляне, древляне, северяне и др. Но имеющиеся в нашем распоряжении археологические памятники позволяют утверждать, что летописец говорит о тех же племенах, о которых писали Иордан, Прокопий и др.

Одним из таких преданий, отражающим связь с Дунаем славян Поднепровья, мы считаем летописную запись о пребывании Кия на Дунае, по-

³⁴ А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений, стр. 27; А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, стр. 12; А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 4.

³⁵ Повесть Временных лет, ч. II. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Статьи и комментарии. М.—Л., 1950, стр. 225; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. 2-е. М., 1953, стр. 7—19; 238—245.

³⁶ ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стр. 5.

строении городка с целью осесть (поселиться) там: «...хотяше съѣсти с родом своим...»³⁷. В этом предании нельзя не усмотреть один из эпизодов отмеченного нами движения многочисленных славянских племен (склавинов и антов) на Балканы. Очевидно, одним группам славян удавалось проникнуть за Дунай и закрепиться там, другим — нет. К числу последних, по-видимому, принадлежал и Кий с родом своим, положивший позднее основу приднепровских полян. Кию не дали там осесть: «...и не даша ему близ живущии...»³⁸, и ему пришлось отступить на северо-восток, в район безопасный от кочевников, куда вынуждены были передвинуться анты. Однако мы не склонны утверждать, что приднепровские славяне это только анты. Не исключено, что за Дунай не проникли и некоторые группы славян-склавинов, и их дальнейшая судьба могла слиться с судьбой антской группы славян, которая во второй половине VI — начале VII в. оказалась, очевидно, в довольно трудном положении. Это было время, когда в Подунавье вторглись авары, сильно ограничившие свободу действия склавинов и антов. Авары, как и другие кочевники, были далеки от мирного сожительства. Склавином и антам, стремящимся сохранить свою независимость от аваров, все время приходилось вести с ними борьбу. Авары не раз при содействии Византии подвергали районы обитания склавинов сплошному опустошению. Судя по византийским источникам, в этих операциях с аварской стороны принимали участие десятки тысяч воинов (до 60 000).

Особенно же серьезная для антов обстановка сложилась во второй половине VI в. Не случайно анты вынуждены отправить своего посла к аварам. Менандр Византиец так характеризует их положение: «Властители антские приведены были в бедственное положение и утратили свои надежды. Авары грабили и опустошали их землю. Угнетаемые набегами неприятелей анты отправили к аварам посланником Мезамира, сына Идаризиева, брата Келагастова, и просили допустить их выкупить некоторых пленников из своего народа»³⁹. Все хорошо знают судьбу Мезамира. Он был убит аварами, и «с тех пор больше прежнего,— заключает Менандр,— стали авары разорять землю антов, не переставая грабить ее и порабощать жителей»⁴⁰, а в начале VII в. (602 г.), по сообщению Феофилакта Симокатта, аварский каган направил свои войска «...с приказанием истребить антов, которые были союзниками римлян»⁴¹. После этого имя антов исчезает из византийских хроник совсем.

С конца VI в. и в последующее время в жизнь нижнего Подунавья все заметнее начинают вновь вмешиваться, то по приглашению Византии, то по собственной инициативе, гунно-болгарские орды (утигуры, кутригуры и др.), а во второй половине VII в. (678—679 гг.) они оседают на нижнем Дунае и создают Болгарское государство, включившее в себя славянские племена, обитавшие в этих районах. Именно к этому времени (рубеж VI—VII вв.) в области Днепровского лесостепного Правобережья (правый берег среднего Днепра и его притоков) относятся наиболее ранние из известных нам археологических памятников славян, аналогичных памятникам Подунавья. По-видимому, под давлением сначала аваров, а затем гунно-болгарских орд славянское население, обитавшее по левому берегу Дуная и в прилегающих к нему с севера и востока районах, было вынуждено передвинуться в более безопасные от кочевников районы. Такими районами была прежде всего лесостепь, тянувшаяся широкой полосой от Дуная к Днепру. Ее, по-видимому, и начали, как показывают археологические памятники

³⁷ ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стр. 8.

³⁸ Там же.

³⁹ А. В. М и ш у л и н. Древние славяне. М., 1900, стр. 247.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Ф е о ф и л а к т С и м о к а т т а. История, стр. 180.

VI—VII вв., занимать славяне (склавины и анты), как те, которые не смогли пробраться на Балканы, так и те, которые обитали в более северных районах и не желали покориться аварам и гунно-болгарам.

Весьма любопытно известие летописца о радимичах и вятичах, племенах, вошедших в состав восточных славян. Летописец выводит их происхождение от ляхов: «...Радимичи бо и Вятичи от ляхов. Бѣста бо два брата в лясѣх, Радим а другой Вятюк и пришедша сѣдоста. Радим на Съжю и прозвашася Радимичи, а Вятюк сѣде с своим родом по Оуѣ, от него призвашася Вятичи...»⁴². По поводу этого летописного известия среди исследователей существуют значительные расхождения. Одни признают его достоверность⁴³, другие отрицают, полагая, что это не больше как легенда⁴⁴. С последним трудно согласиться, ибо никто до сих пор не обосновал этого положения, в то время как в подтверждение известия летописца многие языковеды приводят довольно серьезные данные⁴⁵.

С нашей точки зрения, сообщение летописца о том, что «радимичи и вятичи от ляхов», следует понимать не в прямом значении, что они «польского», а не «русского» происхождения, а в смысле прихода их из западных районов обитания славян, а не с юго-запада, из Подунавья, откуда киевский летописец выводит основную часть русских славян.

Радимичи и вятичи в момент переселения в Восточную Европу (которое мы относим, исходя из летописных данных и археологических памятников, к рубежу VII—VIII вв.) не были ни русскими (восточными), ни ляхскими — польскими (западными) славянами, ибо ни те, ни другие в то время еще не сформировались. Летописец XII в. перенес отношения между славянскими племенами его времени (дифференциация славян на русских и ляхов) ко времени переселения радимичей и вятичей, когда славянский мир состоял из отдельных разрозненных племен и племенных групп. Судя по некоторым данным, радимичи и вятичи принадлежали к северной, венедской группе. Не случайно имя одного из переселившихся племен — «вятичи», по заключению многих лингвистов, есть производное от имени «венеды»⁴⁶.

Археологические памятники вятичей VIII и последующих столетий позволяют несколько уточнить район, откуда они могли переселиться. Характер жилых и хозяйственных построек в виде полуземляночных сооружений (если мы верно определяем древности вятичей)⁴⁷ ведет нас в южные венедские районы — в пограничье со склавидами и антами — к верхнему Повисленью (т. е. в районы современной Малой Польши).

⁴² ПСРЛ, т. II, стр. 9.

⁴³ С. М. Середонин. Историческая география. Пг., 1916, стр. 133—135; А. А. Спицын. Русская историческая география. Пг., 1917, стр. 17, 18, 22; А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, стр. 37—39; Ср.: Очерки истории СССР, под редакцией Б. А. Рыбакова. М., 1958, стр. 828.

⁴⁴ Б. А. Рыбаков. Радимичи. Праць сэкцыі археалогіі, т. III. Менск, 1932, стр. 127—136; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 131—134. Изд. 2-е, М., 1953, стр. 245; Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, ч. II. М.—Л., 1950, стр. 225.

⁴⁵ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия славянской филологии, вып. 11, 1, Пг., 1915, стр. XXI, XXII; 317—320; 324—330, 347—349. Ср.: С. М. Середонин. Указ. соч., стр. 133—135.

⁴⁶ О. Браун. Разыскания в области готто-славянских отношений, т. 1. СПб., 1899, стр. 331, 332, 334; А. А. Шахматов. Южные поселения вятичей. Известия Академии наук, VI серия, 1907, № 16, стр. 728; А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 152. Ср.: Franciszek Bujak. Skąd przyszli radymicze i wjatycze na Ruś? Swiatowit, t. XX, Warszawa, 1949, стр. 59—114.

А. А. Шахматов в вопросе о происхождении вятичей не раз менял свою точку зрения. В последней своей работе — «Древнейшие судьбы русского племени» (стр. 37, 38) он, однако, признал летописное сказание.

⁴⁷ Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка. СА, 1957, № 3; она же. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, М., 1959, стр. 53—79.

К сожалению, мы пока не можем ничего сказать о материальной культуре радимичей, так как их памятников ранней поры мы не знаем. Если же судить по материалам X и последующих веков, они обитали в лесной полосе⁴⁸. Однако нельзя забывать, что такой характер культуры в X в. мог выработаться у них уже на новом месте, в бассейне р. Сож, под воздействием окружающей их физико-географической среды.

* * *

Нами затронуты лишь некоторые факты, относящиеся к предпосылкам возникновения восточной (русской) ветви славян. Они далеко не исчерпывают всей сложности исследуемого процесса. Но мы все же считаем, что и этих фактов вполне достаточно для того, чтобы показать, что восточные славяне есть составная часть славянской семьи народов, связаны с ней единством происхождения и что восточная ветвь славян образовалась не в результате одноактного, прямолинейного выделения единого целого из общеславянского мира, а в процессе распада славян на многие племена и последующей длительной и сложной перегруппировки их при расселении.

В результате расселения часть славянских племен, оказавшаяся обособленной в границах Восточной Европы, постепенно в силу различных причин, а в первую очередь в силу общности происхождения и территориальной связи, вновь объединяясь, образовала восточную ветвь.

К какому же времени следует отнести сложение восточных славян как единого целого? Как видно из изложенного, процесс этот начался довольно рано, где-то в начале второй половины I тысячелетия, но получил более или менее законченное выражение лишь на рубеже VIII—IX вв., а может быть даже в IX в. Отдельные моменты консолидации славянских племен прослеживаются в древнерусской летописи. Если во вводной части Повести временных лет летописец стремится подчеркнуть, что все славянские племена, обитающие на территории Восточной Европы, живут обособленно⁴⁹, то уже с середины IX в. можно заметить, что в отдельных районах они начинают сближаться и выступать как единая сила. Здесь мы имеем в виду прежде всего единство действий славян новгородских и кривичей, образовавших в IX в. свое государство, затем образование государства на среднем Днепре с центром в Киеве и т. д. В конце IX в. север и юг сливаются в единое государство. Как бы ни были еще слабы эти связи, они свидетельствуют, что объединительные тенденции среди славянских племен Восточной Европы взяли вверх. К этому же времени, как известно, относится первое упоминание имени Русь, которым стали называться как единое целое славянские племена Восточной Европы. К IX веку многие языковеды относят сложение языка восточных славян⁵⁰.

⁴⁸ И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской Левобережной экспедиции 1961 г. Архив ИА АН СССР, Р-12376.

⁴⁹ ПВЛ, ч. 1, ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 13—15.

⁵⁰ Ф. П. Филин. Происхождение и развитие русского языка. Л., 1954, стр. 19. Ср.: Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 275, 290—292.

Б. А. РЫБАКОВ

ВЛАДИМИРОВЫ КРЕПОСТИ НА СТУГНЕ

Подводя итоги первой половине княжения Владимира Святославича, киевский летописец в конце X в. красочно описал построение нескольких оборонительных линий на левом и правом берегах Днепра. Крепости по Суле, Трубежу, Десне, Остру и Стугне должны были охранять ядро Руси от печенегов, закрыть собою Киев. Гарнизоны этих порубежных крепостей набирались в далеких землях северных славянских племен, которым печенеги непосредственно не угрожали.

Интерес историков к этим городам повышается в связи с тем, что киевский цикл былин, воспевающих оборону Руси при Владимире, часто упоминает и «заставы богатырские». Разумеется, что только археологические раскопки могут помочь нам раскрыть облик Владимировых крепостей. Исключительно важны раскопки города Воиня на устье Сулы, оказавшегося гаванью X в. для днепровских флотилий, укрывавшихся здесь от степняков.

Многое могут дать раскопки курганных групп типа Липлявы, Белогорья, Гочева и др., идущих от Днепра до земли Курян, «сведомых кметий». Здесь встречены вещи радимичей, дреговичей, вятичей, северян и даже мордвы, что подтверждает летописные сведения о разноплеменном составе пограничных городов.

Река Стугна — правый приток Днепра, протяжением около 60 км, течет с запада на восток и впадает в Днепр в 40 км ниже Киева, у Триполья. На север от Стугны лежит «бор велик», окружающий Киев; на юг от нее — огромная степная поляна в 5000 км² — «Перепетово поле», тянущееся почти до Роси. Крепости по Стугне, соединенные между собой длинными валами, должны были отразить печенегов в том случае, если бы им удалось перейти Днепр Витичевым бродом или иным способом оказаться на Перепетовом поле. Стугна была последним рубежом перед Киевом; только три часа быстрой скачки отделяли ее от столицы.

Экспедиция Института археологии АН СССР вела работы на Стугне и близ ее устья в Витичеве на протяжении трех лет, в 1961—1963 гг.

Первая крупная крепость на Стугне — Василев (современный Васильков), город, носивший имя христианского патрона князя Владимира (рис. 46). Здесь Владимир отбивался от печенегов 6 августа 996 г. и после ухода врагов он начал здесь традицию своих знаменитых всенародных пиров, воспетых былинами. За восемь дней празднования было выпито 300 «провар» меду. Василевская крепость состоит из детинца и посада. Небольшой детинец (250 × 220 м) окружен могучим валом, сложенным наполовину из сырцового кирпича, подобного кирпичу Переяславля и Белгорода (991 г.). Подкова вала сохранилась только на северо-востоке; остальные части размыты, очевидно, еще в средние века (может быть, после татарского нашествия?).

На территории детинца и посада много подъемного материала X—XI вв. Посад огражден с востока валом длиной около 700 м. Раскопок в 1961—1963 гг. в Василькове экспедиция не производила.

В случайном продольном разрезе укреплений посада обследована его конструкция. Стена была сложена из массивных дубовых срубов шириною в 280—300 см. Бревна (судя по отпечаткам в глине) имели в диаметре 30—35 см. Срубы были засыпаны глиной на разную высоту: два соседних сруба засыпались почти до верха, а третий — лишь наполовину. Таким образом, создавалась система 1—2—1—2 и т. д., при которой полузасыпанные

Рис. 46. Городища X—XI вв. по Стугне

срубы являлись как бы башенками с внутренними перекрытиями и помещениями для воинов на разных ярусах, а сдвоенные глухие срубы служили опорой для них. Эта же система прослежена и в Витичеве, где она датируется рубежом X и XI вв.

Следующая по течению Стугны крепость Ханбиков расположена у с. Заречье на высоком коренном берегу над поймой. Это — самая небольшая из стугнинских крепостей, ее детинец всего 100×120 м, а посад — 400 м.

Раскопки 1963 г. выявили здесь такую же систему чередования полузасыпанного сруба и двух засыпанных полностью. Но размеры срубов здесь крупнее — 400×400 см. Тылный вал в северной части сложен из сырцового кирпича, на котором зиждились массивные дубовые конструкции стен.

Самым интересным объектом здесь в раскопках 1963 г. явились ворота, ведущие в детинец с посада. Ворота представляли собой узкий укрепленный дубовыми стояками тоннель шириной в 240 см и длиной (судя по толщине вала) свыше 15 м. Над воротами находилась двухъярусная башня. В проеме ворот был найден серебряник Владимира Святославича начала XI в. с изображением князя на троне, трезубца и с традиционной надписью: «Владимиръ на столе а се его сребро». Немногочисленный вещевой материал городища относится к концу X — началу XI в. Крепость погибла при сильном пожаре.

Полное обследование городищ по Стугне позволяет определить древнее имя крепости в Заречье. Это единственное городище X—XI вв. по соседству с Василевым, о котором сказано, что он расположен рядом с

«Новгородом Малым»: «Преподобный Феодосий Киевских пещер, родом от града Василева близ Малого Новгорода в земле Русей...»¹.

Городище у Заречья расположено действительно близ Василькова, всего в 8 км от него. Кроме того, это самое маленькое городище из всех окрестных и к нему вполне подходит название Новгорода Малого. Городок был поставлен на пустом месте, а не на поселении, и имя его было нарицательным. Так как он был уничтожен еще в XI в., то его название нигде более не встречалось.

В 10 км ниже Заречья стоит прекрасная крепость у с. Старые Безрадици, построенная, очевидно, в конце XI в. Никаких следов укреплений эпохи Владимира I здесь пока не найдено².

Раскопки 1963 г. выявили сходство этого городища по материалу и типу конструкций с Южным Витичевским городищем — Новгородом Святополчьим, построенном в 1095 г. Возможно, что гарнизоны этих крепостей, построенных против половцев, в значительной мере состояли из новых союзников Руси — торков, «черных клобуков». Одна из частей в Безрадицах носит название «Торч».

Устье Стугны запиралось крепостью Триполь, построенной (или дополнительно укрепленной) в 1031 г. Высокий обрывистый останец, окруженный поймой Стугны, тянется вдоль Днепра на 800 м и имеет ширину 200 м. Раскопки на городище в Триполье в 1961—1963 гг. не велись. Раскапывалось славянское святилище на особо стоящей высокой Девичь-Горе. Там обнаружены погребения зарубинецко-корчеватовского времени и в центре святилища — печь-жертвенник с девятью ковшеобразными углублениями.

Со стугнинской оборонительной линией связан один из старейших русских городов на Днепре — Витичев (современное с. Витачев), упомянутый еще Константином Багрянородным. Крепость была поставлена для охраны одного из важнейших днепровских бродов, открывавшего кочевникам путь на Перепетово поле.

Раскопки в Витичеве велись в 1961—1962 гг. Городищенский комплекс на плане напоминает славянскую букву *л*, низ которой упирается в обрывистую кручу днепровского берега. Правый нижний отсек «юса» занимает детинец (160 × 140 м) левый — посад, а верхний треугольник — второй посад (250 × 250 м).

Слой середины X в. здесь есть, но слабо выражен. Основной археологический материал относится к концу X — началу XI в., т. е. эпохе Владимира Святославича³.

Каждая часть городища имела свои укрепления, а сверх того все три части были охвачены общим кольцом, протяжением около 1100 м.

Наиболее интересны следующие объекты:

1. Ворота города. Въезд был расположен недалеко от пристани со стороны широкой балки в южной части города. От ворот уцелела часть башни, которая, судя по количеству потолочных засыпок, была трехъярусной.

2. Складские помещения. В восточном углу посада недалеко от ворот найдены длинные, похожие на ров углубления, шедшие вдоль стены с внутренней стороны. Они были тщательно вырыты в материковом лёссе и закрыты накатом. Ни фортификационного, ни бытового значения эти подвалы у стен иметь не могли. Остается допустить, что они предназначались для хранения каких-то товаров в этом важном речном порту.

3. «Твердь» — убежище. Влево от въезда в город, в восточной части Витичева, удаленной от реки (замкнутый треугольник буквы юс),

¹ ПСРЛ, том III, стр. 210.

² См.: П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, М.—Л., 1956, стр. 61, 98—101, 137, рис. 101.

³ П. А. Раппопорт это основное Витичевское городище оставил неизвестным. Исследователь вел работы только на Южном Витичевском городище XI—XIII вв. См.: Указ. соч., стр. 25 и 173.

раскопки обнаружили большое количество костров в ямах с керамикой X в. Очевидно, эта внутренняя часть крепости предназначалась для беженцев, для окрестных смердов, укрывавшихся здесь во время набегов печенегов.

4. Крепостная стена. Укрепления детинца состояли из разной ширины прямоугольных срубов длиной в 360—450 см. Широкие срубы имели внутри помещение для воинов, а узкие — были сплошь засыпаны землей; чередование было таким же, как и в других крепостях этого времени: один сруб пустой — два сруба забитых лёссом. Возможно, что пустые срубы с внутренним помещением для стражи были несколько выше соседних опорных частей стены.

5. Башня — «слух». В том месте, где внутренняя линия укреплений детинца подходит к обрыву берега (средняя ножка буквы юс), раскопана угловая башня с счень мощными земляными потолочными засыпками и незначительной «обитаемой» площадью. Большая часть башни была без признаков культурного слоя. Под узким помещением с очажком и зольными прослойками оказалась большая яйцевидная искусственная пуста, вырытая в материке, тщательно заглаженная и заполненная глиной. Вертикальный диаметр ее 197 см, поперечный — 152 см. По всей вероятности, это — «слух», огромный подземный резонатор, позволявший улавливать звуки подкопа по двум линиям укреплений детинца — вдоль берега и между детинцем и посадом. С таким акустическим назначением связана, очевидно, и необитаемость башни. В эпоху Владимира подкопы широко применялись при осадах, что мы знаем, например, из описания осады Корсуни.

6. Сигнальная башня. В северной части детинца имеется округлая в плане насыпь высотой в 3—4 м, наверху с ровной площадкой диаметром 50 м. В центре пустой площадки найдены остатки башни, частично врытой в землю. Внутри башни находилась печь на срубе и следы многочисленных подпор, державших потолок; по сторонам — ямки от скамей или столов.

Конструкция башни была своеобразна: она представляла собою примерно куб со стороной 460 см. На плоский бревенчатый накат крыши был насыпан толстый слой земли несколько более 100 см; верхний пласт этой насыпи прокален до черно-сизого цвета. Поверх слоя прокала лежал мощный (до 40 см) слой прессованной золы (солома, ветви), свидетельствующий о колоссальных кострах, зажигавшихся много раз на земляной кровле башни.

Когда башня рухнула под тяжестью насыпи (несмотря на подпоры), то костры разводили на том же месте прямо на развалинах башни. Любопытно, что все здания внутри крепости были покрыты толстым слоем земли, предохранявшим их от искр этих костров. Назначение башни с костром становится ясным, если мы учтем, что именно отсюда, с площадки, возвышавшейся над стенами крепости, виден Киев. Хотя расстояние до Киева равно 40 км, но в ясную погоду отсюда отчетливо невооруженным глазом видна колокольня Печерской лавры.

Очевидно, в Витичевской крепости, охранявшей важный стратегический брод, огнем сигнального костра давали знать в Киев о приближении опасности.

В другую сторону с вершины крепости открывался вид на Каневскую возвышенность, охранявшую другой стратегический брод — Зарубский. Появление печенегов у Заруба и Канева (т. е. в трех днях конного пути от Киева) при посредстве Витичевской сигнальной башни могло через 10—15 минут стать известным в столице.

М. К. КАРГЕР

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЗОДЧЕСТВА XII ВЕКА В ТУРОВЕ

Систематические археологические исследования древнерусских городов, широко развернувшиеся в последние десятилетия, необычайно обогатили наши представления о материальной и духовной культуре древней Руси во всех ее многообразных проявлениях. Среди наиболее выдающихся археологических открытий одно из первых мест по праву принадлежит многочисленным памятникам русского каменного зодчества древнейшего периода. Открытые раскопками последних трех-четырех десятилетий руины древних построек Киева, Чернигова, Путивля, Переяславля-Русского, Вышгорода, Галича, Владимира-Волынского, Смоленска, Полоцка, Гродно, Новогрудка, Минска, Новгорода, Пскова, Рязани, Владимира, Боголюбова, Суздаля, Ростова и многих других больших и малых городов древней Руси позволили воссоздать сложную картину развития каменного зодчества эпохи Киевской Руси и периода феодальной раздробленности. Яркое самобытное зодчество даже таких крупнейших городов, как Киев, Чернигов, Новгород, Владимир, архитектурные памятники которых достаточно хорошо сохранились и давно уже привлекали к себе внимание исследователей, в результате новых открытий предстало в совершенно ином свете. Что касается таких городов, как Переяславль Русский, Вышгород, Гродно, Новогрудок, Минск, то древний архитектурный облик их раскрылся в результате археологических исследований буквально впервые. Однако есть еще отдельные крупные древнерусские города, архитектура которых остается донныне загадочной, хотя, судя по летописным известиям, города эти играли далеко не последнюю роль в экономической, политической и культурной жизни Древнерусского государства.

К числу таких городов до недавнего времени принадлежал Туров — столбный город Турово-Пинского княжества.

Первые летописные упоминания о Турове относятся к 980 г. В X и в первой половине XI в. Туров уже был видным политическим центром, играя большую роль в оживленных связях древней Руси с Польшей. Походы Владимира Святославича на ятвягов и Литву, а также борьба Владимира и Ярослава с польскими князьями за червенские города заставляли киевских князей держать Туров все время под своим контролем. Владимир Святославич отправил в Туров в качестве посадника своего старшего сына Святополка. Позднее Ярослав Мудрый посадил в Турове своего сына Изяслава¹. В полной зависимости от себя держали Туров киевские князья Всеволод Ярославич, посадивший там своего племянника Ярополка Изяславича, Святополк Изяславич, Владимир Мономах и его сын Мстислав

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. М., 1953, стр. 415.

Владимирович. В дальнейшем Туров не раз фигурировал в ожесточенной борьбе князей за киевский стол.

Лишь в середине XII в. Туров вышел из подчинения Киеву и в нем осела самостоятельная княжеская династия. В конце XII — начале XIII вв. Турово-Пинское княжество разделилось на ряд мелких феодальных княжеств — Туровское, Пинское, Слуцкое, Клецкое — и потеряло свое бывшее политическое значение².

О достаточно крупном значении Турова свидетельствует основание в нем самостоятельной епископии. Летописные упоминания о Турове очень отрывочны и случайны и не дают возможности изучить внутреннюю жизнь города.

В дореволюционное время Туров ни разу не был объектом специальных археологических исследований, хотя однажды случайная находка послужила поводом для небольших любительских раскопок. В июне 1909 г. при рытье могил на Борисоглебском кладбище, расположенном неподалеку от современного городка, был обнаружен большой каменный саркофаг³. В конце августа того же года члены Минского церковного историко-археологического комитета с разрешения Археологической комиссии раскопали этот саркофаг, состоявший из шести шиферных плит, и перенесли его по частям в кладбищенскую церковь. Внутри саркофага были найдены отдельные человеческие кости и золотые нити парчи⁴.

Незначительные раскопки разведочного характера, проведенные на Туровском городище в 1927 г. А. З. Коваленей и С. С. Шутовым, серьезного научного значения не имели⁵.

Впервые мне удалось посетить Туров в 1954 г. Осмотр городища позволил сделать одно важное наблюдение: при земляных работах, проводившихся незадолго до моего приезда на школьном дворе, расположенном на южной (большей) части городища, из ямы, глубиной 1,0—1,5 м, были выброшены обломки древней плинфы и, что еще важнее, мелкие куски известкового раствора с примесью цемьянки. Наличие поблизости руин древней постройки не вызывало сомнений. В 1960 г. в небольшой хозяйственной яме, вырытой на школьном дворе, была обнаружена древняя кирпичная кладка, которая в следующем, 1961 г. была повторно раскрыта М. Д. Полубояриновой при участии П. А. Раппопорта небольшим разведочным шурфом (1 × 1 м²)⁶.

В 1962 г. автором настоящей статьи были проведены разведочные раскопки, которыми был открыт отлично сохранившийся северо-западный столб храма; по технике кладки его можно было с уверенностью отнести к середине или второй половине XII в. Необходимость полного раскрытия памятника стала очевидной.

В августе — сентябре 1963 г. Галицко-Волынской архитектурно-археологической экспедицией ЛОИА АН СССР и Ленинградского университета под руководством автора руины древнего храма в Турове были раскрыты полностью.

Вскрытые раскопками 1963 г. руины представляют нижние части стен большого трехнефного шестистолпного храма, сохранившиеся в основном на высоту 30—50 см (рис. 47). Значительно выше стена средней апсиды, южная половина которой сохранилась на высоту около 2 м; на такую же

² Там же, стр. 416.

³ ИАК, Прибавление к вып. 32 (Хроника и библиография, вып. 16). СПб., 1909, стр. 80.

⁴ ИАК, Прибавление к вып. 34 (Хроника и библиография, вып. 17). СПб., 1910, стр. 98.

⁵ А. З. Коваленя и С. С. Шутаў. Матер'ялы з дагісторыі Тураўшчыны. Разьведкі краязнаўчай экспэдыцыі Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту у 1927 г. Запіскі аддзелу гуманітарных навук (Працы архэалёгічнай Камісіі, т. II). Менск, 1930, стр. 373—374.

⁶ П. А. Раппопорт. Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв. СА, 1962, № 2, стр. 71.

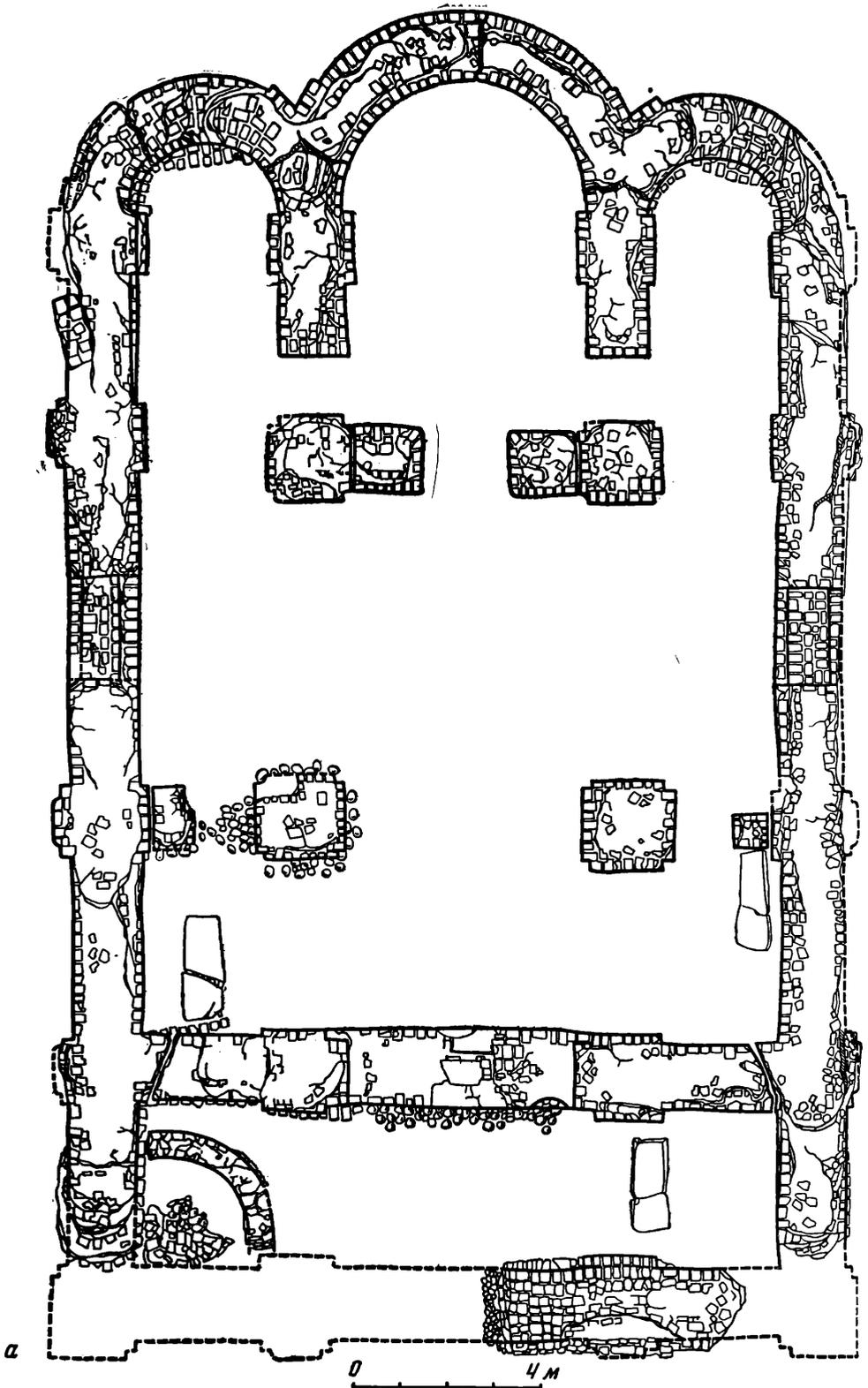

Рис. 47. Храм XII в. в Турове (план)

высоту сохранилась северная половина южной апсиды.

Стены сложены из плинфы (размером $25 \times 18 \times 4,5$ см) на растворе извести с обильной примесью толченого кирпича (цемянки) (рис. 48). По технике кладки (так называемая «равнослойная кладка») туровский храм не отличается от кирпичных построек, широко распространенных в киевском, черниговском, волынском и смоленском зодчестве середины и второй половины XII в. Несмотря на тщательное исследование фасадной поверхности стен, нигде не удалось обнаружить каких-либо следов известковой обмазки (штукатурки). Однако я не решился бы безоговорочно утверждать, что ее действительно не было в древности.

Под кирпичной кладкой стен, ниже уровня древней дневной поверхности повсюду сохранился фундамент, сложенный насухо (без раствора) из валунов. Глубина заложения фундамента достигает 1,2 м от древнего горизонта. Кирпичная кладка стен на уровне древнего горизонта имеет небольшой выступ, состоящий из двух-трех рядов кирпича и предохранявший фундамент от дождевой и талой воды. Следует, однако, заметить, что этот кирпичный выступ лежит на грунте, ибо бутовая кладка фундамента по ширине равна кирпичной кладке стен и выступающего обреза не имеет.

Западная пара подкупольных столбов имеет самостоятельные фундаменты, не связанные с фундаментами стен храма. Фундаменты восточной пары подкупольных столбов связаны с фундаментами апсид. Ленточных фундаментов, связывающих здание по основным осям, нет. Западные столбы туровского храма примыкают к северной и южной стенам, кирпичная кладка их, как и бутовая кладка фундаментов под столбами, перевязана с кладкой северной и южной стен. Только в среднем нефе между столбами был широкий проход из замкнутого помещения нартекса в основное помещение храма.

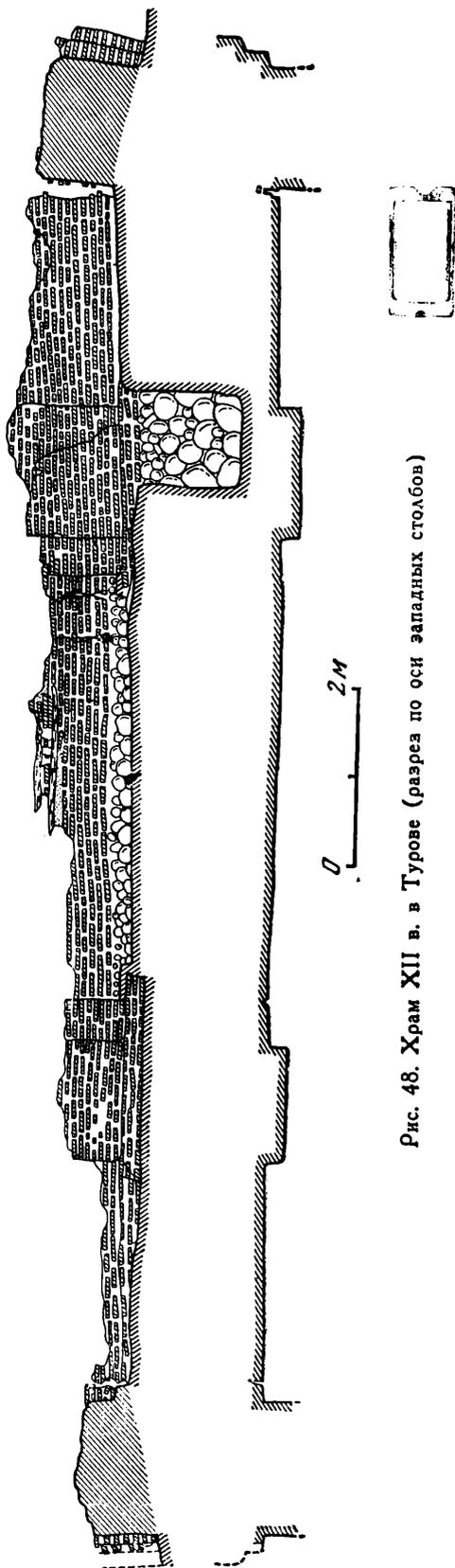

Рис. 48. Храм XII в. в Турове (разрез по оси западных столбов)

Рис. 49. Общий вид северо-западной части храма

Северный и южный фасады расчленены лопатками на четыре, а западный — на три части в соответствии с внутренними членениями здания. Лопатки средних членений фасадов имеют двухступчатый профиль, причем углы второго уступа мягко скруглены, придавая этому уступу сходство с уплощенной полуколонной. Угловые лопатки южного, северного и западного фасадов, к сожалению, не сохранились. На плане они гипотетически реконструированы в виде двухступчатых плоских лопаток без скругленных углов у второго уступа на основании многочисленных аналогий в кирилловском, черниговском, волинском и смоленском зодчестве XII в. Фасады лопаткам соответствуют плоские лопатки на внутренней поверхности свода.

Западная стена, в отличие от остальных, сохранилась лишь частично. Ее северная половина и южный угол полностью уничтожены глубокими ямами. Не удалось обнаружить даже следов фундаментов и фундаментных ступеней. Гибель этой части здания особенно прискорбна потому, что в результате ее затруднительно понять до конца одну интереснейшую особенность здания. В северо-западном углу нартекса сохранились остатки древней кладки, представляющей четверть окружности, упирающейся концами в западную и северную стены храма (рис. 49). По-видимому, это остатки круглой лестничной башни, располагавшейся в основном внутри притвора, но возможно, частично врезанной в северную и западную стены храма.

Развалины туровского храма несут на себе печать крупной строительной катастрофы и последующего восстановления. Широкие трещины, прорезающие не только кирпичную кладку стен, но и бутовую кладку фундаментов на всю глубину, разорвали основную конструкцию здания. Такие трещины разрывают кладку юго-западного столба на участке примыкания его к южной стене, кладку северо-западного столба на участке примыкания его к северной стене, кладку северной апсиды на участке примыкания к северной стене. Глубокая трещина разрывает на две части кладку по окружности средней апсиды. Оторвалась кладка полукружия средней и боковых апсид от кладки продольных стенок, отделяющих алтарь от жертвенника и диакона. Причины появления всех перечисленных трещин наглядно объясняются состоянием основных стен здания. Южная стена по

на всем ее протяжении накренилась к югу, что хорошо видно на плане по положению сменившихся к югу лопаток. Северная стена на всем ее протяжении накренилась к северу. Особенно сильно сместилась ее восточная часть, что хорошо видно по отклонению верхней части кладки на участке между двумя восточными лопатками. Кладка всех трех полукружий сильно накренилась на восток. Здание в силу каких-то причин как бы разорвалось, и стены его накренились на все четыре стороны. По-видимому, причина этой строительной катастрофы была вызвана неудачной конструкцией фундаментов, несмотря на весьма значительную глубину их заложения. Следует отметить, что фундаменты здания на всю их глубину лежат в рыхлом культурном слое, только подошва их опирается на материковый грунт (песок).

Исследованием руин туровского храма не удалось точно установить время его катастрофы. Однако нельзя сомневаться в том, что это произошло еще в глубокой древности. Тщательное изучение кирпичной кладки развалин позволило убедиться, что в составе их есть отдельные части, выполненные в технике, несколько отличающейся от техники кладки основного массива здания. Это касается прежде всего подкупольных столбов, которые сложены из плинфы, по размеру и керамическим качествам отличной от лиффы, использованной в кладке стен храма и западной пары столбов. Еще более заметно отличается примененный в кладке этих столбов известковый раствор с примесью цемьянки. И плинфа, и раствор, несомненно, относятся к домонгольскому периоду, но, по-видимому, к несколько более поздней его поре. Эти же материалы применены при перестройке западной части храма. Широкий проход между западными столбами был в это время заложен. Вместо него в средней части закладки была устроена дверь из нартекса в храм, порог которой выслан большими шиферными плитами (рис. 50, а). Следует заметить, что в это время уровень пола в храме и нартексе был значительно поднят. Немногочисленные обломки сильно обгоревших майоликовых половых плиток, обнаруженные в храме, лежат на уровне кирпичного выступа стены, прикрывающего фундамент, а шиферные плиты в дверном проеме — значительно выше. Описанные ранее строительные материалы применены и в кладке простенков между западными подкупольными столбами и северной и южной стенами.

По характеру примененных строительных материалов кладка мощных контрфорсов, которые были пристроены впритык к восточной паре подкупольных столбов, в результате чего был значительно сужен проход из подкупольного пространства в алтарь, существенно отличается как от кладки описанных выше более поздних частей, так и от кладки основного массива здания. Эта прикладка выполнена также в технике равнослойной кладки из плинфы на растворе извести с цемьянкой и, безусловно, сделана также не позже XIII в.

Таким образом, из изложенного следует, что и первая капитальная перестройка здания с полной заменой подкупольных столбов, по-видимому, вызванная какой-то строительной катастрофой, и укрепление восточной пары вновь выстроенных столбов имели место еще в домонгольское время.

Нельзя не обратить внимание еще на одно важное обстоятельство в истории туровского храма: не только на сохранившихся стенах здания, но и в мощном завале древних строительных материалов раскопками не было обнаружено ни одного фрагмента штукатурки с фресковой росписью. Этот факт позволяет считать, что туровский храм, в отличие от значительного большинства известных нам древнерусских храмов XII в., не был почему-то расписан фресками. Может быть, этот факт следует связать с тем, что уже вскоре после окончания постройки обнаружилось неполадки, послужившие затем причиной разрушения храма.

Выше отмечалось, что немногочисленные сильно пережженные фрагменты майоликовых плиток пола, уложенных на древнем горизонте постройки,

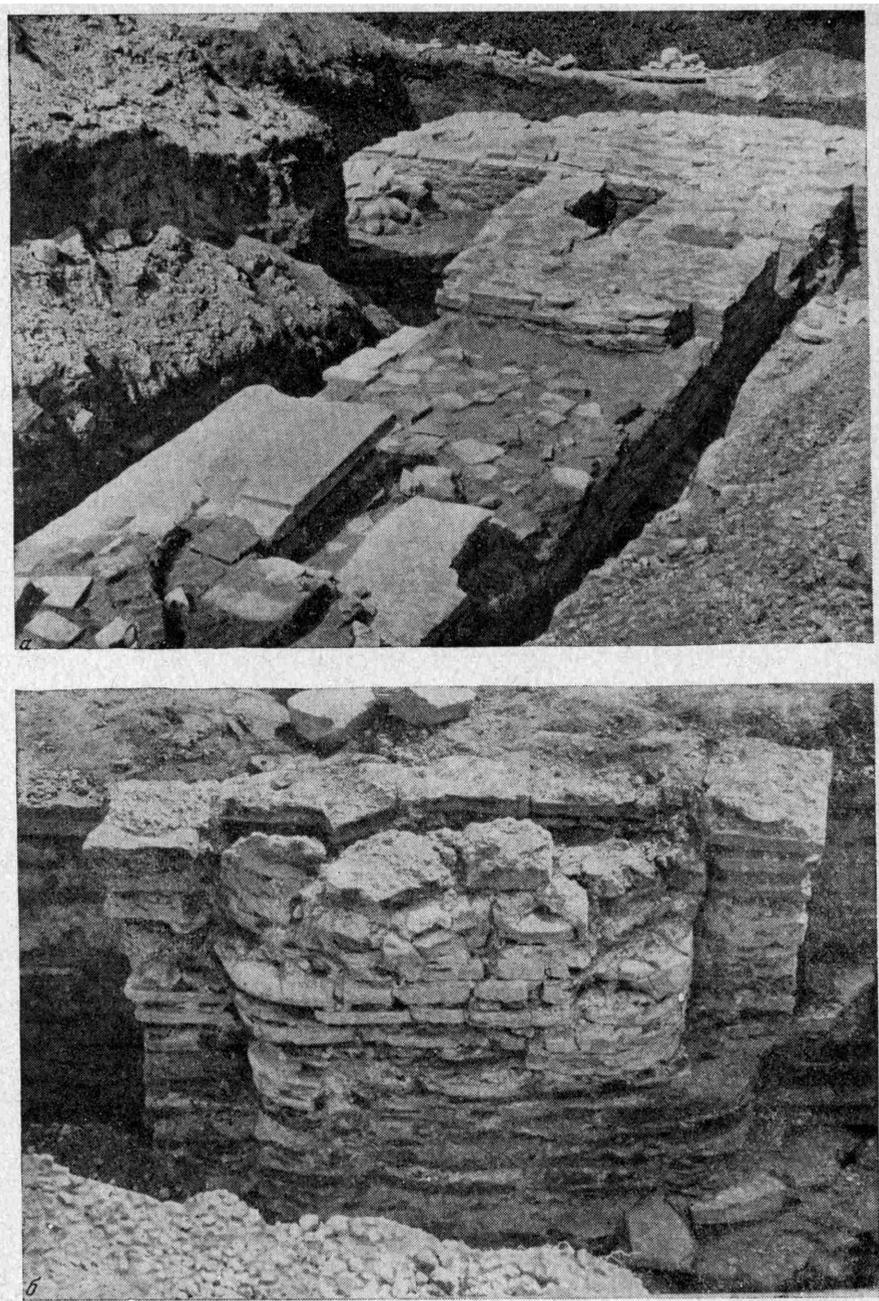

Рис. 50. Детали плана.

а — заложенный проем между западными столбами; б — лопатка северной стены

через некоторое время оказались засыпанными строительным щебнем, на котором был, очевидно, сделан новый, более скромный пол, не сохранившийся ни в одной своей части.

В юго-западном и северо-западном углах основного помещения храма и в юго-западном углу нартекса сохранились древние саркофаги, сложенные из гладких шиферных плит. Погребения в них оказались нарушенными. Саркофаг в северо-западном углу оказался заполненным кучей человеческих костей от нескольких скелетов.

Выше уже отмечалось, что вновь раскопанный туровский храм в строительно-техническом отношении и прежде всего по технике кладки может быть с уверенностью отнесен к памятникам древнерусского зодчества XII в.

Архитектурно-художественный образ туровского храма в основных его особенностях близок к большой серии построек, широко распространенных в древнерусском зодчестве периода феодальной раздробленности. Этот тип храма в сложившемся виде представлен уже памятниками киевского зодчества конца 20-х — начала 30-х годов XII в. (церковь Федора Вотча монастыря и церковь Богородицы Пирогошей, выстроенные князем Мстиславом Владимировичем, первая — в 1129, вторая — в 1132 г.⁷ Дальнейшим развитием этого типа является выстроенная между 1146 и 1171 г. церковь Кирилловского монастыря и в 1144 г. — церковь Георгия в Каневе⁸. Постройки эти по своему художественному облику значительно проще, скромнее, чем монастырские соборы Киева второй половины XI в. Именно в этих зданиях, по-видимому, впервые смешанная кладка из чередующихся рядов рваного камня и плинфы с применением рядов «утопленной плинфы» заменяется так называемой равнослойной кирпичной кладкой. В эту же пору отмирает старая система украшения фасадов многоуступчатыми нишами, выложенными из кирпича меандрами, крестами и пр.⁹

Названные выше памятники киевского зодчества 20—40-х годов XII в. имеют многочисленные аналогии среди памятников волынского, черниговского, смоленского и рязанского зодчества второй половины XII в. (Успенский собор и «Старая кафедра» во Владимире-Волынском, Борисоглебский собор на Смядыни в Смоленске, Успенский, Благовещенский и Борисоглебский храмы в Чернигове, Успенский и Борисоглебский храмы в Старой Рязани). При общности происхождения от киевской художественной традиции середины XII в. многие из этих памятников представляют результат самостоятельной творческой переработки этой традиции в условиях складывавшихся в эту пору местных архитектурных школ периода феодальной раздробленности¹⁰.

По основным пропорциям плана туровский храм стоит ближе всего к Успенскому собору во Владимире-Волынском. Оба они, в отличие от киевских, черниговских и рязанских храмов XII в., имеют несколько более удлиненные пропорции. Подобно Владимиру-Волынскому собору, в туровском храме западная пара столбов примыкает к южной и северной стенам, образуя замкнутое помещение нартекса.

Следует отметить, что туровскому храму присущи некоторые отличительные черты, выделяющие его из ряда памятников охарактеризованной выше группы. Неповторимой особенностью туровского храма прежде всего является башня, расположенная в северо-западном углу нартекса. Цилиндрическая или прямоугольная башня с лестницей внутри, ведущей на полати, была распространена в южнорусском зодчестве XI — начала XII вв. Но начиная с 20-х годов XII в. в киевских храмах описанного выше типа башня заменяется лестницей, расположенной в толще западной или северной стены. Этот же прием устройства лестниц характерен и для храмов XII в. в Чернигове, Смоленске, Рязани. Башня, расположенная в нартексе туровского храма, представляет для XII в. необъяснимый возврат к архаическим традициям и имеет лишь одну аналогию — башню в юго-западном углу Нижней церкви в Гродно¹¹.

⁷ М. К. Каргер. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города, т. II. М.—Л., 1961, стр. 479.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 480.

¹¹ Н. Н. Ворони и н. Древнее Гродно. МИА СССР. № 41, 1954, стр. 106. От башни, частью врезанной в стены храма, сохранились лишь незначительные остатки.

Своеобразен декор фасадов. Как уже говорилось выше, лопатки, членящие фасады, имеют двухступчатый профиль, причем второй уступ имеет мягко скругленные углы, придающие этому уступу некоторое подобие уплощенной полуколонны (рис. 50, б). Применение подобного уступа со скругленными углами известно в некоторых памятниках конца XII — начала XIII вв. (церкви Василия в Овруче, Параскевы-Пятницы в Чернигове, Бориса и Глеба в Гродно, Михаила архангела в Смоленске, развалины храма на Вознесенском спуске в Киеве); однако во всех названных памятниках скругленный уступ применяется в составе лопатки значительно более сложного профиля.

Особенностью декора туровского храма являются гладкие апсиды, скупо украшенные небольшими плоскими пилястрами в углах, образуемых пересечением апсидных полукружий.

Указанные немногие особенности туровского храма, разумеется, недостаточны для установления новой — «туровской школы» древнерусского зодчества XII в. Туровский храм, открытый раскопками 1963 г., — пока еще одинокий представитель этой школы и засвидетельствовал лишь отдельные ее черты. Выяснение строительно-технических и архитектурно-художественных особенностей этой школы станет возможным лишь в результате дальнейших археологических поисков памятников древнего зодчества Турово-Пинской земли.

М. М. ГЕРАСИМОВ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ИВАНА ГРОЗНОГО

В связи с архитектурно-реставрационными работами в Архангельском соборе Московского Кремля возникла необходимость произвести вскрытие четырех гробниц.

Министерством культуры была создана специальная комиссия под председательством А. П. Смирнова, включавшая ученых различных специальностей: архитекторов, археологов, историков, антропологов, судебных медиков.

Подлежали вскрытию захоронения Ивана Грозного, его сыновей Ивана и Федора и погребение Скопина Шуйского. В мае 1963 г. эти работы были осуществлены. Кроме обычной документации процесса работы, был снят хроникальный фильм.

Подлинность и ненарушенность захоронений документируется состоянием надгробий, наружными эпитафиями и надписями на плитах, непосредственно перекрывающих погребения.

Все погребения были в известняковых белокаменных гробах. Относительно хорошо сохранились ткани покровов — узорчатая красная камка. Хуже сохранилась нательная одежда. Сохранность скелетов относительно хорошая, но во всех случаях были разрушены черепа. Череп Ивана Грозного сохранился очень плохо. Совершенно разрушено его основание и правая височная область. От черепа Федора Ивановича осталась только лицевая часть с лобной частью свода и подбородочная часть нижней челюсти. Череп Ивана Ивановича распался в прах, но одновременно с этим относительно хорошо сохранились волосы и ногти. У Скопина Шуйского сохранился весь скелет, а от черепа только нижняя челюсть.

Череп разрушились, очевидно, от избытка влаги. В весеннее время вода скапливалась в гробах, перекрывая все захоронение. В течение более сухого времени года эта вода, обогащенная растворившимися солями кальция, медленно испарялась. Череп в всех захоронениях занимали самое высокое положение, вследствие этого при испарении влаги соли кальция концентрировались, а потом и кристаллизовались в костях черепа, механически разрывая структуру кости.

Химическое изучение скелетов данных исторических лиц дает возможность по-иному расценивать сведения о их смерти. Например, существует версия, что Иван Грозный был отравлен. Произведенное исследование не дает этому подтверждения. Обнаруженное некоторое количество мышьяка не превышает обычных норм. Зато был обнаружен очень большой процент ртути. В связи с этим напомним, что нередко говорят, опираясь на неясные сведения, о болезни царя Ивана, намекая на то, что у него был люэс. Иссле-

дование скелета дает нам право говорить, что это не так. Ни в костях скелета, ни на черепе нет следов этого заболевания.

После внезапной смерти царя Ивана ходили темные слухи о том, что он был якобы задушен своими любимцами Богданом Бельским и Борисом Годуновым. Хорошо сохранившийся щитовидный хрящ гортани опровергает эти слухи.

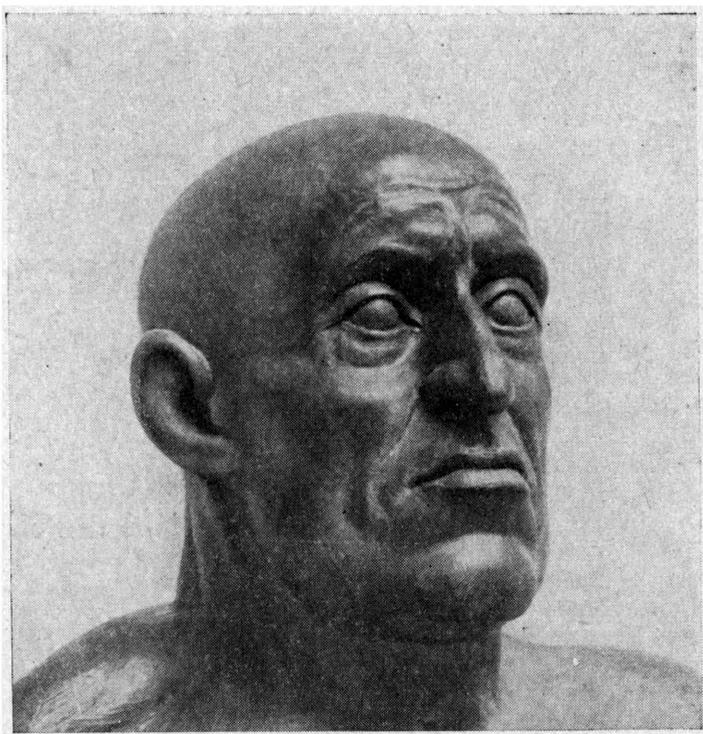

Рис. 51. Реконструкция портрета Ивана Грозного (начальный этап)

Химическое исследование останков Федора Ивановича, Ивана Ивановича и Скопина Шуйского не дает права пока говорить об их отравлении.

Свидетельства современников о внешности Ивана Грозного весьма скудны. Достоверность немногих ранних портретов его сомнительна, хотя бы потому, что они не передают общих черт. Наше представление об образе Ивана Грозного по преимуществу навеяно произведениями художников XIX в.

Как показало предварительное исследование скелета Ивана IV, наше общепринятое представление, как и следовало ожидать, не в полной мере соответствовало действительности. Прежде всего он был высок и дороден (рост — 178 см, вес — не менее 85—90 кг). Судя по степени развития рельефа костей скелета, он был очень силен, смолоду хорошо тренирован. Эти наши наблюдения подтверждаются свидетельством очевидцев. В 1567 и 1577 гг. принц из Бухаве видел царя Ивана в возрасте 45 лет и пишет о нем так: «Он был высокого роста, тело имел полное сил и довольно толстое». При исследовании скелета царя Ивана мы монтировали на воске кости торса. При этом обнаружилось, что правая ключица была короче, левая лопатка больше и массивнее. Весь торс очень асимметричен. Выпрямленная спина с прямой шеей в результате образования многочисленных остеофитов почти утратила свою подвижность. Весь скелет как бы скован

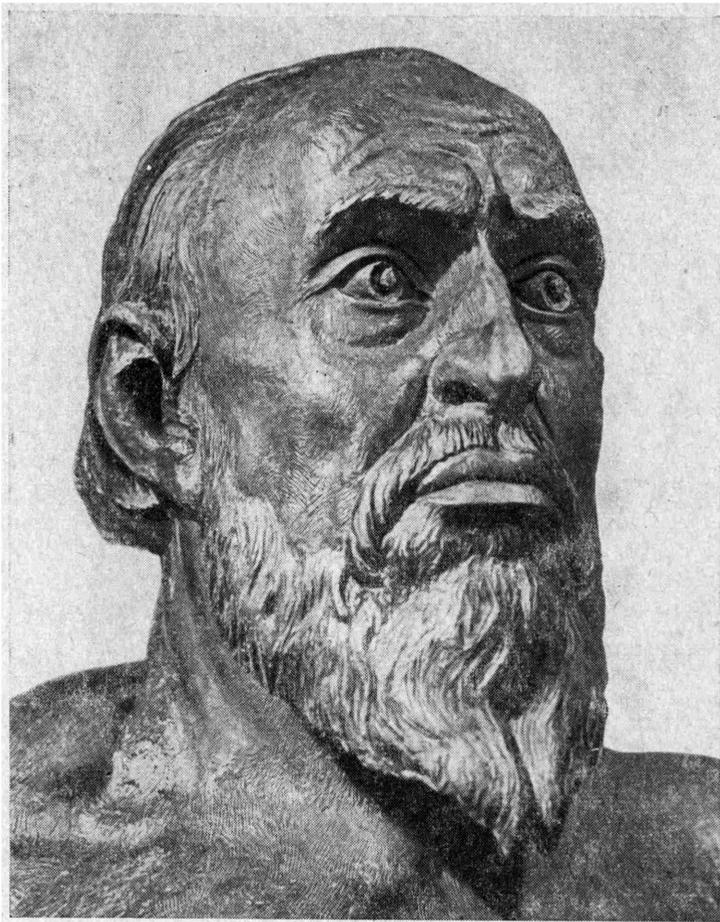

Рис. 52. Скульптурный портрет Ивана Грозного

в едином положении. Остеофиты на позвонках образовали замки. Всякое движение, вероятно, вызывало очень сильные продолжительные боли. Вокруг суставов длинных костей конечностей возникли гребни и наросты остеофитов; особенно сильное разрастание их обнаруживается во всех местах прикрепления мышц. Такого образования остеофитов мы не наблюдали ни у 72-летнего Ярослава Мудрого, ни у адмирала Ушакова в 71 год, ни у Андрея Боголюбского в 63 года, а между тем царю Ивану в год его смерти было всего 54 года.

Такое раннее образование остеофитов можно объяснить, видимо, резким нарушением обмена веществ, в частности солевого-кальциевого, полным отсутствием режима, употреблением алкоголя и неумеренностью в еде. Сильные боли в спине, во всех суставах заставили обратиться Ивана IV к лекарям, которые лечили его, видимо, модными в то время восточными ртутными мазями. Только этим и объясняется столь большое количество ртути, обнаруженное в скелете Ивана Грозного. Изучение скелета указывает на то, что в последние годы своей жизни Иван Грозный сильно пополнил. Трудно себе представить, что он изнурял себя постом и молитвой, так как встать на колени, согнуться в поклоне при молитве вряд ли он мог из-за невероятных физических страданий.

Антропологическое изучение дает возможность говорить, что по своему типу Иван Грозный ближе всего был к динарскому, т. е. основному антро-

пологическому типу, характерному для славян. Однако индивидуальные особенности строения черепа (форма орбит и носа) указывают на влияние каких-то, видимо, южноевропейских кровей. При воспроизведении документального портрета мы пользовались обычными приемами принятой нами методики. Любопытной особенностью лица является большая его асимметрия, неравной величины глаза (правый меньше). При восстановлении причёски мы пользовались его портретами (рис. 51 и 52).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЗ — Археологические известия и записки
АП — Археологічні пам'ятки
АС — Археологический съезд
БАН — Болгарская Академия наук
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗОО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРОИДП — Записки Ростовского общества истории, древностей и природы
ЗОРСА РАО — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗСКОАИЭ — Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии
ИА — Институт археологии
ИАД — Известия на археологическое Дружество
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЖ — Исторический журнал
ИОРЯС — Известия Общества русского языка и словесности
ИРОМК — Известия Ростовского областного музея краеведения
КАЭ — Камская археологическая экспедиция
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МОИП — Московское общество испытателей природы
САК — Отчеты Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
ОКВЭ — Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции
ПВЛ — Повесть временных лет
ПСРЛ — Полное собрание Русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СКАЭ — Северо-Кавказская археологическая экспедиция
ТОИПКГЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ТПУАК — Труды Пермской ученой архивной комиссии
УЗПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
VCH — Bulletin de Correspondance Hellenique
JOSPE — Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja
-

II. ПРИЛОЖЕНИЕ

АЛФАВИТНЫЙ И СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛИ¹

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В КРАТКИХ СООБЩЕНИЯХ О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР,

вып. 51—100

- Абетеков А.* Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-сай. 93, 1963, стр. 93—95.
- Абибуллаев О. А.* Раскопки холма Кюль-Тапа. 51, 1953, стр. 16—45.
- Абрамзон С. М.* О некоторых типах погребальных сооружений у киргизов. 86, 1961, стр. 113—116.
- Абрамова Э. А., Окладников А. П., Седякина Е. Ф.* Археологические исследования в долине реки Ангары в 1956 г. 76, 1959, стр. 33—41.
- Абрамова Э. А.* Изображения животных с палеолитической стоянки Александровка. 82, 1961, стр. 97—103.
- Абрамова Э. А.* К вопросу о женских изображениях в мадленскую эпоху. 76, 1959, стр. 103—107.
- Абрамова Э. А.* Неолитическая «мастерская» кремневых орудий на Волге близ Костромы. 67, 1957, стр. 71—77.
- Абрамова Э. А.* Раскопки палеолитических стоянок на речке Таштык в 1960 г. 92, 1962, стр. 65—70.
- Августиник А. И.* К вопросу о методике исследования древней керамики. 64, 1956, стр. 149—156.
- Агеева Е. А.* Некоторые новые данные по археологии Семиречья. 80, 1960, стр. 65—69.
- Академик Борис Дмитриевич Греков.* 52, 1953, стр. 3—8.
- Акишев К. А.* Шестой Бешшатырский курган. 91, 1962, стр. 61—65.
- Акопова М. К., Пазухин В. А., Чижов В. А.* Могли ли древние мастера выплавлять алюминиевую бронзу? 93, 1963, стр. 114—115.
- Александр Натанович Бернштам.* См. *Заднепровский Ю. А.*—Александр Натанович Бернштам.
- Алексеев Л. В.* Городище Девичья гора в г. Мстиславле. 94, 1963, стр. 73—79.
- Алексеев Л. В.* О работе сектора славяно-русской археологии ИИМК в 1956 г. 72, 1958, стр. 117—120.
- Алексеев Л. В.* Раскопки древнего Браслава. 81, 1960, стр. 95—106.
- Алексеев Л. В.* Сектор славяно-русской археологии (1958 г.). 81, 1960, стр. 125—130.
- Алексеев Л. В.* Сектор славяно-русской археологии в 1959 году. 87, 1962, стр. 118—122.
- Алексеев Л. В.* Три пряслица с надписями из Белоруссии. 57, 1955, стр. 129—132.
- Алексеева Е. П.* Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. 60, 1955, стр. 73—79.
- Алихова А. Е.* Абашевские курганы близ села Земского Рязанской области. 64, 1956, стр. 141—143.
- Алихова А. Е.* Жилище на Саконовской неолитической стоянке. 75, 1959, стр. 138—142.
- Алихова А. Е.* К вопросу о датировке двух городищ у села Южнова. 65, 1956, стр. 31—41.
- Алихова А. Е.* К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посеймья. 77, 1959, стр. 15—20.
- Алихова А. Е.* Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. 59, 1955, стр. 91—99.
- Алихова А. Е.* Могильник кошибеевского типа у с. Польное-Ялтуново. 72, 1958, стр. 37—45.
- Алихова А. Е.* Моисеевское городище в период Киевской Руси. 87, 1962, стр. 83—87.
- Алтысбаев Х. К.* Некоторые результаты изучения кремневых орудий. 74, 1959, стр. 10—16.
- Альбаум Л. И.* Об этнической принадлежности некоторых «балбалов». 80, 1960, стр. 95—100.
- Альбаум Л. И.* Раскопки Балалык-тепе в 1955 году. 73, 1959, стр. 86—91.

¹ Указатели составлены М. Г. Воробьевой.

- Амброз А. К. Обсуждение доклада В. В. Седова. 90, 1962, стр. 23—24.
- Амброз А. К. Сектор славяно-русской археологии в 1960 г., 90, 1962, стр. 5—9
- Амброз А. К. Сектор славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1961 г., 96, 1963, стр. 120—123.
- Амброз А. К. Сектор славяно-русской археологии в 1962 г. 99, 1964, стр. 111—116.
- Андреев Г. И. Археологические исследования на южном и восточном побережье Приморья в 1960 году. 93, 1963, стр. 106—113.
- Андреев Г. И. Исследования в бухте Валентин. 97, 1964, стр. 98—103.
- Андреев Г. И. Поселение на мысе Седловидном в Уссурийском заливе. 74, 1959, стр. 124—130.
- Андреев Г. И., Андреева Ж. В. Работы Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 году. 88, 1962, стр. 93—101.
- Андреева Ж. В. См. Андреев Г. И., Андреева Ж. В. Работы Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 году.
- Анфимов Н. В. Археологические разведки по Среднему Прикубанью. 60, 1955, стр. 45—53.
- Анфимов Н. В. Глиняные курьельницы сарматского времени с Северного Кавказа. 58, 1955, стр. 31—34.
- Анфимов Н. В. Исследования Семибратнего городища. 51, 1953, стр. 99—111.
- Анфимов Н. В. Могилики сарматского времени в долине реки Урупа (по материалам экспедиции 1954 г.): 65, 1956, стр. 88—93.
- Арсеньева Т. М. Раскопки у деревни Ново-Отрадное в 1959 году. 86, 1961, стр. 66—69.
- Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. 59, 1955, стр. 100—117.
- Артемко И. И. Из археологических работ в Верхнем Поднепровье в 1958 году. 84, 1961, стр. 63—68.
- Артемко И. И. Неолитическая стоянка у с. Веть Могилевской области. 97, 1964, стр. 120—126.
- Артемко И. И. О памятниках раннего этапа среднеднепровской культуры. 93, 1963, стр. 38—48.
- Артемко И. И. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья. 78, 1960, стр. 34—42.
- Артемко И. И. Поселения среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья. 88, 1962, стр. 64—73.
- Артемко И. И., Соловьева Г. Ф. Славянские курганы близ с. Ходосовичи. 96, 1963, стр. 101—104.
- Артемко И. И. Фатьяновский могильник на Олочинской горе. 93, 1963, стр. 55—57.
- Артишевская Л. В. Разведка в верховьях Десны. 68, 1957, стр. 85—89.
- Асеев Ю. С. См. Брайчевский М. Ю. и Асеев Ю. С. Археологические исследования в Переяслав-Хмельницком в 1958 году.
- Аскаров А. Поселение Заман-Баба. 93, 1963, стр. 86—92.
- Асланов Г. М. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. 60, 1955, стр. 63—72.
- Ахмеров Р. Б. Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии. 59, 1955, стр. 81—90.
- Бадер Н. О. См. Любин В. П., Бадер Н. О., Марковин В. И. Первые местонахождения орудий каменного века в Чечено-Ингушетии.
- Бадер О. Н. В камеральной лаборатории ИИМК. 74, 1959, стр. 151—153.
- Бадер О. Н. Второй Турбинский могильник. 86, 1961, стр. 108—112.
- Бадер О. Н. Камеральная лаборатория Института истории материальной культуры (1957—1958 гг.). 81, 1960, стр. 132—134.
- Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция. 51, 1953, стр. 82—92.
- Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция. 55, 1954, стр. 117—128.
- Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция. (Работы 1953—1954 гг.). 70, 1957, стр. 49—71.
- Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция в 1956 году. 74, 1959, стр. 110—123.
- Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция в 1957 году. 78, 1960, стр. 90—98.
- Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция в 1958 году. 85, 1961, стр. 73—84.
- Бадер О. Н. Мытищинский могильник фатьяновского типа. 75, 1959, стр. 143—153.
- Бадер О. Н. Первый Турбинский могильник. 100, 1965, стр. 59—61.
- Бадер О. Н. Уникальная палеолитическая фигурка со стоянки Сунгирь. 82, 1961, стр. 135—139.
- Баран В. Д. Бронзовая подвеска из села Черепино. 65, 1956, стр. 136—137.
- Баруздин Ю. Д. и Беленицкий А. М. Бронзовая пластинка из Кара-Булакского могильника. 86, 1961, стр. 21—27.
- Баруздин Ю. Д. и Подольский А. Г. Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника. 85, 1961, стр. 127—129.
- Безбородов М. А. Древнерусские стекла и огнеупорные изделия (Химико-технологическое изучение древнерусских стекол и огнеупоров из археологических раскопок). 62, 1956, стр. 66—82.
- Безбородов М. А. Материалы из раскопок стекольного завода XVII в. 68, 1957, стр. 146—147.
- Белановская Т. Д. Трипольское поселение Красноватка. 69, 1957, стр. 31—39.
- Беленицкий А. М. Археологические работы в Пянджикенте. 55, 1954, стр. 31—47.
- Беленицкий А. М. См. Баруздин Ю. Д. и Беленицкий А. М. Бронзовая пластинка из Кара-Булакского могильника.

- Беленицкий А. М.* Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье. 98, 1964, стр. 35—44.
- Белинский А. М.* О некоторых сюжетах Пянджикентской живописи. 61, 1956, стр. 56—62.
- Беленицкий А. М.* Памяти Михаила Михайловича Дьяконова. 55, 1954, стр. 155—158.
- Беленицкий А. М. и Дьяконов М. М.* Памяти Александра Юрьевича Якубовского. 51, 1953, стр. 166—168.
- Беленицкий А. М.* Работы Таджикской археологической экспедиции в 1956 году. 73, 1959, стр. 92—98.
- Беленицкий А. М.* Раскопки на городище древнего Пянджикента (в 1953 г.). 60, 1955, стр. 80—96.
- Белова Н. С.* Археологические разведки в Китее. 83, 1961, стр. 83—90.
- Бентсвич И. Б.* Плетенные изделия из раскопок на горе Муг. 61, 1956, стр. 65—69.
- Березанская С. С.* Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Сейма. 67, 1957, стр. 28—35.
- Березовец Д. Т.* См. *Брайчевский М. Ю.* и *Березовец Д. Т.* К истории древнеславянского ювелирного ремесла.
- Бернштам А. Н.* К происхождению мавзолея Бабаджи Хатун. 61, 1956, стр. 86—95.
- Бернштам А. Н.* (некролог). См. *Заднепровский Ю. А.*—Александр Натанович Бернштам.
- Бернштам А. Н.* См. От редакции. 80, 1960, стр. 3.
- Бернштам А. Н.* См. Список основных печатных работ А. Н. Бернштама.
- Бибииков С. Н.* Археологические раскопки у селений Попенки и Журы на Днестре в 1952 году. 56, 1954, стр. 104—110.
- Блаватский В. Д.* Второй год работ Синдской экспедиции. 51, 1953, стр. 149—155.
- Блаватский В. Д.* Исследования Раевского городища в 1954 году. 77, 1959, стр. 42—50.
- Блаватский В. Д.* О производстве «мегарских» чаш в Пантикапее. 75, 1959, стр. 174—176.
- Блаватский В. Д. и Кузищин В. И.* Подводные разведки в 1958 г. 83, 1961, стр. 136—138.
- Блаватский В. Д.* Пятый год работ в Синдике. 74, 1959, стр. 41—48.
- Блаватский В. Д. и Шелов Д. Б.* Разведки на Керченском полуострове. 58, 1955, стр. 100—113.
- Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея в 1952 году. 58, 1955, стр. 73—87.
- Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея в 1953 году. 63, 1956, стр. 109—123.
- Блаватский В. Д.* Третий год работ в Синдике. 58, 1955, стр. 88—97.
- Блаватский В. Д.* Фракия и Северный Понт (впечатления об археологических памятниках Болгарии). 89, 1962, стр. 94—96.
- Блаватский В. Д.* Четвертый год раскопок в Синдике. 70, 1957, стр. 118—129.
- Блохина Н. Г.* Анализ углей из палеолитических стоянок в Костенках. 97, 1964, стр. 64—65.
- Блохина Н. Г., Лисицына Г. Н.* Из работ по определению дерева и углей, найденных при раскопках. 92, 1962, стр. 100—102.
- Богданова-Березовская И. В.* Работа лаборатории археологической технологии Института археологии АН СССР в 1960—1961 гг. 94, 1963, стр. 105—106.
- Боголюбовский С. Н.* (Прения по докладу В. И. Цалкина). 58, 1955, стр. 154—156.
- Болтунова А. И.* Строительная надпись из Нимфея. 95, 1963, стр. 104—106.
- Большаков О. Г.* Заметки по исторической топографии долины Зеравшана в IX—X вв. 61, 1956, стр. 17—23.
- Борисковский П. И.* Кремневые мастерские в окрестностях Валуек на реке Оскол. 82, 1961, стр. 104—111.
- Борисковский П. И.* Некоторые спорные вопросы палеолита Костенок. 78, 1960, стр. 3—12.
- Борисковский П. И.* Новые раскопки палеолитической стоянки Валукинского (Костенки XIX). 84, 1961, стр. 30—31.
- Борисковский П. И.* Палеолитическая стоянка под Одессой (раскопки 1959 года). 86, 1961, стр. 28—35.
- Борисковский П. И.* Раскопки палеолитической стоянки Валукинского (Костенки XIX) в 1956 году. 73, 1959, стр. 57—63.
- Брабич В. М.* Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э. 66, 1956, стр. 65—68.
- Брайчевский М. Ю., Асеев Ю. С.* Археологические исследования в Переяслав-Хмельницком в 1958 году. 81, 1960, стр. 112—116.
- Брайчевский М. Ю.* Древнеславянское святилище в селе Иванковцы на Днестре. 52, 1953, стр. 43—53.
- Брайчевский М. Ю.* К вопросу о происхождении Оболонского клада. 66, 1956, стр. 59—64.
- Брайчевский М. Ю. и Березовец Д. Т.* К истории древнеславянского ювелирного ремесла. 53, 1954, стр. 23—28.
- Брашинский И. Б.* Афинский декрет 323/2 года до н. э. (к истории афинско-боспорских отношений). 74, 1959, стр. 3—8.
- Брашинский И. Б.* К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной. 95, 1963, стр. 20—24.
- Брыкина Г. А.* Кайрак (галка) с тюркской писаницей из Ак-Бешима. 76, 1959, стр. 112—114.
- Брыкина Г. А.* Раскопки на городище Карабулак в 1961—1962 гг. 98, 1964, стр. 118—127.
- Бунятов Т. А.* Из истории хозяйства в древнем Азербайджане (к вопросу об изготовлении молочных продуктов). 67, 1957, стр. 36—44.
- Вагнер Г. К.* Два сюжета фасадной пластики Георгиевского собора 1230—1234 годов. 87, 1962, стр. 92—99.

- Ватнер Г. К. Деревянный барельеф XVI в. из с. Путятино Рязанской области. 77, 1959, стр. 10—14.
- Ватнер Г. К. К характеристике рязанских памятников шатрового зодчества XVI в. 71, 1958, стр. 18—27.
- Ватнер Г. К. О эмеевидной композиции на древнерусских амuleтах-эмеевиках. 85, 1961, стр. 26—30.
- Ватнер Г. К. О зооморфных изображениях на древнерусских хоросах. 81, 1960, стр. 25—30.
- Ватнер Г. К. Южный фасад Георгиевского собора (1230—1234 гг.). 96, 1963, стр. 18—24.
- Ваидов Р. М. Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур). 54, 1954, стр. 127—139.
- Варганов А. Д. Обжигательные печи XI—XII веков в Суздале. 65, 1956, стр. 49—54.
- Веймарн Е. В., Смирнов А. П. Сосуд с росписью из могильника у села Скалистое. 100, 1965, стр. 102—107.
- Веймарн Е. В. См. Крис Х. И. и Веймарн Е. В. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая.
- Векилова Е. А. См. Паничкина М. Э. и Векилова Е. А. Исследование Ахштырской пещеры в 1961 г.
- Векилова Е. А. К вопросу о свидерской культуре в Крыму (стоянка Сюрень II). 82, 1961, стр. 143—149.
- Векилова Е. А. Неолитическая стоянка Зуя I под Симферополем. 97, 1964, стр. 33—38.
- Величко А. А. и Федорова Р. В. Об условиях залегания палеолитической стоянки Валукинского (Костенки XIX). 84, 1961, стр. 32—37.
- Виноградов А. В. Неолитические украшения из створок раковин *Didacna* (по материалам раскопок в Северной Туркмении). 59, 1955, стр. 135—139.
- Винокур И. С. Древности Восточной Волыни. 81, 1960, стр. 52—60.
- Винокур И. С. См. Тимощук Б. А., Винокур И. С. Памятники эпохи полей погребений на Буковине.
- Вождарова Ж. (Болгария). Раннеславянская керамика из села Попина. 63, 1956, стр. 142—149.
- Войцеховский В. А. Памятники архитектуры Молдавии XIV—XVIII веков. 56, 1954, стр. 40—49.
- Володченко Э. А. К вопросу о технике черни на Руси. 52, 1953, стр. 10—16.
- Воробьев М. В. О работах Ворошиловского отряда в 1956 году. 73, 1959, стр. 122—125.
- Воронец М. Э. Каменное изображение змей из кишлака Сох Ферганской области. 61, 1956, стр. 48—55.
- Воронин Н. Н. Археологические заметки. 62, 1956, стр. 17—32.
- Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского города. 96, 1963, стр. 3—17.
- Воронин Н. Н. К истории Полоцкого зодчества XII века. 87, 1962, стр. 102—104.
- Воронин Н. Н., Гуссаковский А. П., Никитин А. В., Раппопорт П. А., Седов В. В. Среднерусская экспедиция. 81, 1960, стр. 86—94.
- Воронина В. А. Резные колонны мечети Бокбонли в Хиве. 61, 1956, стр. 96—102.
- Гаврилова И. В. Дюнная стоянка Романовичи. 97, 1964, стр. 113—119.
- Гаврилова И. В. Неолитическая стоянка Кочище на оз. Селигер. 92, 1962, стр. 87—90.
- Гадзьяцкая О. С., Крайнов Д. А. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья, 100, 1965, стр. 29—48.
- Гадзьяцкая О. С. Стоянка Сельцо на озере Неро. 97, 1964, стр. 107—112.
- Гадзьяцкая О. С. Фатьяновские памятники Владимирской области. 93, 1963, стр. 49—54.
- Гадло А. В. Поселение XI—XII вв. в дельте Дона. 99, 1964, стр. 40—45.
- Гайдукевич В. Ф. Керамический комплекс II в. н. э. из Мирмекия. 95, 1963, стр. 25—32.
- Гайдукевич В. Ф., Капошина С. И., Леви Е. Н. Экспедиции Ленинградского отделения Института истории материальной культуры в 1957 году по античной археологии. 78, 1960, стр. 85—89.
- Гамбург Б. Э. и Горбунова Н. Г. Ак-Тамский могильник. 69, 1957, стр. 78—90.
- Гамбург Б. Э. и Горбунова Н. Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. 63, 1956, стр. 85—93.
- Гасюк Н. С. Разведки раннетрипольских поселений у с. Могильна. 54, 1954, стр. 173—175.
- Гвоздосер М. Д. Специфические черты кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки. 82, 1961, стр. 112—119.
- Генинг В. Ф. Бродовский могильник. 52, 1953, стр. 87—98.
- Генинг В. Ф. Новый могильник позднеродановского времени. 55, 1954, стр. 153—154.
- Генинг В. Ф. Памятники харинского времени в Прикамье. 57, 1955, стр. 115—123.
- Генинг В. Ф. Романовский клад. 62, 1956, стр. 159—162.
- Генинг В. Ф. Серебряный браслет из Верхнего Прикамья. 57, 1955, стр. 135—136.
- Генинг В. Ф. Удмуртская археологическая экспедиция. 74, 1959, стр. 92—100.
- Герасимов М. М. Документальный портрет Ивана Грозного. 100, 1965, стр. 139—142.
- Герасимов М. М. Круглое жилище стоянки Мальта. 82, 1961, стр. 128—134.
- Герасимова М. М. Черепя из погребений срубной культуры в Среднем Поволжье. 71, 1958, стр. 72—75.
- Гинзбург В. В. Антропологические материалы из Вуадильского и Ак-Тамского могильников. 69, 1957, стр. 91—93.
- Гинзбург В. В. Антропологические материалы к этногенезу таджиков. 61, 1956, стр. 45—47.

- Гинзбург В. В.* Антропологическая характеристика саков Южного Памира. 80, 1960, стр. 26—49.
- Гиришберг В. Б.* Эпиграфические заметки (граффити на стене церкви Трифона в Напрудном; надпись на могильной плите 1607 года). 52, 1953, стр. 121—131.
- Гитерман Р. Е.* Стратиграфическое значение спорово-пыльцевых спектров четвертичных отложений низовья р. Чусовой. 92, 1962, стр. 18—23.
- Голенко К. В.* Датировка медных монет Пантикапея конца III—II вв. до н. э. 58, 1955, стр. 131—138.
- Голенко К. В.* К датировке пантикапейских тетрадрахм. 63, 1956, стр. 158—161.
- Голенко К. В.* К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI. 66, 1956, стр. 107—115.
- Голенко К. В.* К уточнению датировки одной группы монет Фанагории. 58, 1955, стр. 139—141.
- Голенко К. В.* Херсонесская монета с боспорской надчеканкой. 63, 1956, стр. 156—157.
- Голубева Л. А.* Белоозерская экспедиция. 81, 1960, стр. 77—85.
- Голубева Л. А.* Белоозерская экспедиция 1957 года. 79, 1960, стр. 35—42.
- Голубева Л. А.* Раскопки древнего Белоозера (1959—1960 гг.). 96, 1963, стр. 64—71.
- Горбунова Н. Г.* См. *Гамбург Б. Э.* и *Горбунова Н. Г.* Ак-Тамский могильник.
- Горбунова Н. Г.* См. *Гамбург Б. Э.* и *Горбунова Н. Г.* Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине.
- Горбунова Н. Г.* Роговая пластинка из Ак-Тамского могильника. 80, 1960, стр. 93—94.
- Горюнова Е. И.* Второй Харитоновский могильник. 87, 1962, стр. 78—82.
- Горюнова Е. И.* К истории городов северо-восточной Руси. 59, 1955, стр. 11—21.
- Горюнова Е. И.* Мерянский могильник на Рыбинском море. 54, 1954, стр. 153—163.
- Горюнова Е. И.* Работы Среднерусской экспедиции в 1957 году. Мерянский отряд. 79, 1960, стр. 89—90.
- Горюнова Е. И.* Муромский могильник (к истории города Муром). 52, 1953, стр. 33—42.
- Горюнова Е. И.* Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. 65, 1956, стр. 3—30.
- Гохман И. И.* Палеолитическая стоянка «Пещера» на Бухтарме. 67, 1957, стр. 54—58.
- Граков Б. Н.* Две заметки по скифо-сарматской археологии (новые находки греческих монет с Каменского городища; о каменном алтаре из женской могилы в Оренбургской области). 89, 1962, стр. 38—41.
- Греков Б. Д.* См. Академик Борис Дмитриевич Греков.
- Гришин Ю. С.* (Обсуждение доклада В. С. Титова). 88, 1962, стр. 25—26.
- Гришин Ю. С.* Погребение гунской эпохи у деревни Кункур (к вопросу о памятниках раннего железного века в Восточном Забайкалье). 99, 1964, стр. 73—76.
- Гришин Ю. С.* См. *Марковин В. И., Гришин Ю. С.* Сектор неолита и бронзы в 1959—1960 годах.
- Громов В. И.* Геологический возраст Волгоградской стоянки. 82, 1961, стр. 42—48.
- Гросул Я. С.* Вступительное слово (на расширенном заседании учебных советов ИИМК АН СССР и ИИЯЛ Молдавского филиала АН СССР). 56, 1954, стр. 5—7.
- Грязнов М. П.* К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. 64, 1956, стр. 27—42.
- Грязнов М. П.* Писаница эпохи бронзы из дер. Знаменки в Хакасии. 80, 1960, стр. 85—89.
- Грязнов М. П.* Работы Красноярской экспедиции. 100, 1965, стр. 62—71.
- Грязнов М. П.* Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. 61, 1956, стр. 8—16.
- Гуляев В. И.* Зооморфная рукоять ножа со Старшего Каширского городища. 94, 1963, стр. 101—104.
- Гуревич Ф. Д.* Археологические памятники Великолукской области. 62, 1956, стр. 95—107.
- Гуревич Ф. Д.* Верхнее Понеманье в I тысячелетии и начале II тысячелетия нашей эры (по материалам Прибалтийской экспедиции 1955—1957 гг.). 81, 1960, стр. 13—24.
- Гуревич Ф. Д.* Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке. 99, 1964, стр. 97—102.
- Гуревич Ф. Д.* Каменные идолы Себежского музея. 54, 1954, стр. 176—179.
- Гуревич Ф. Д.* К истории древних прусов в I тысячелетии н. э. 70, 1957, стр. 40—48.
- Гуревич Ф. Д.* О длинных и удлинённых курганах в Западной Белоруссии. 72, 1958, стр. 54—65.
- Гуревич Ф. Д.* О жилищах окольного города древнего Новогрудка. 87, 1962, стр. 70—77.
- Гуревич Ф. Д.* (Работы ЛОИИМК по изучению славяно-русской археологии в 1957 г.). Славяно-литовский отряд Прибалтийской экспедиции. 79, 1960, стр. 95—96.
- Гуревич Ф. Д.* Работы Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 году. 74, 1959, стр. 89—91.
- Гуревич Ф. Д.* Раскопки в Новогрудке (1960—1961 гг.). 96, 1963, стр. 51—54.
- Гуревич Ф. Д.* Раскопки на городище Грачевка. 52, 1953, стр. 80—86.
- Гурина Н. Н.* Археологические исследования в Карелии и в Ленинградской области. 51, 1953, стр. 23—35.
- Гурина Н. Н.* Новые данные о древних шахтах по добыче кремня на западе Белоруссии. 100, 1965, стр. 50—58.
- Гурина Н. Н.* и *Мерперт Н. Я.* Институт истории материальной культуры Акаде-

- мий наук СССР в 1956 г. 71, 1958, стр. 129—136.
- Гурина Н. Н. Институт истории материальной культуры в 1957 году. Сектор палеолита. 78, 1960, стр. 121—123.
- Гурина Н. Н. К вопросу о макролитах Верхней Волги. 92, 1962, стр. 24—28.
- Гурина Н. Н. Неолитическая стоянка Щепочник (к вопросу о происхождении валдайской культуры). 82, 1961, стр. 150—157.
- Гурина Н. Н. Половчинская неолитическая стоянка. 75, 1959, стр. 70—76.
- Гурина Н. Н. Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции. 97, 1964, стр. 88—97.
- Гурина Н. Н. Работа неолитического отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 году. 73, 1959, стр. 64—69.
- Гурина Н. Н. О работе группы античной археологии ЛОИИМК АН СССР в 1956 г. 72, 1958, стр. 110—112.
- Гурина Н. Н. О работе группы славяно-русской археологии ЛОИИМК в 1956 г. 72, 1958, стр. 121—123.
- Гурина Н. Н. О работе сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК в 1956 г. 72, 1958, стр. 113—116.
- Гурина Н. Н. О работе сектора палеолита ЛОИИМК АН СССР в 1956 г. 71, 1958, стр. 137—140.
- Гуссаковский Л. П. См. Воронин Н. Н., Гуссаковский Л. П., Никитин А. В., Раппопорт П. А., Седов В. В. Среднерусская экспедиция. 81, 1960, стр. 86—94.
- Гущина И. И. Несколько украшений конского убора скифского времени. 89, 1962, стр. 66—69.
- Давид Л. А. и Огнев Б. А. Забытый памятник Московского зодчества XV в. 62, 1956, стр. 51—55.
- Давидович Е. А. Владетели Насрабада (по нумизматическим данным). 61, 1956, стр. 107—113.
- Давидович Е. А. Два самаркандских кувшина с датой и именем мастера в надписи. 80, 1960, стр. 109—113.
- Давидович Е. А. Денежная реформа 1708 г. в Бухаре. 66, 1956, стр. 36—46.
- Дарквич В. П. Костяное навершие из Волковыска. 96, 1963, стр. 105—109.
- Даркевич В. П. Образ царя Давида во владимирско-суздальской скульптуре. 99, 1964, стр. 46—53.
- Даркевич В. П. Остерская находка. 87, 1962, стр. 88—91.
- Даркевич В. П. и Пудовин В. К. Раскопки на Севском городище. 79, 1960, стр. 83—88.
- Дашевская О. Д. Скифское городище Красное (Жермен-Жыр). 70, 1957, стр. 108—117.
- Дебец Г. Ф. Череп из позднепалеолитического погребения в Покровском Логе (Костенки XVIII). 82, 1961, стр. 120—127.
- Джанполадян Р. М. Стекланный сосуд из Двина. 60, 1955, стр. 120—124.
- Джапаридзе О. М. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии. 60, 1955, стр. 23—30.
- Дубынин А. Ф. Археологические исследования в Зарядье (Москва). 65, 1956, стр. 119—130.
- Дубынин А. Ф. Археологические исследования 1955 года в Зарядье (Москва). 77, 1959, стр. 90—103.
- Дубынин А. Ф., Соболева Д. А. Археологические работы в Зарядье, Москва (1957—1961 гг.). 96, 1963, стр. 55—63.
- Дубынин А. Ф. Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 году. 79, 1960, стр. 65—79.
- Дубынин А. Ф. К истории Московского посада. 68, 1957, стр. 123—128.
- Дубынин А. Ф. Ковровский фатьяновский могильник. 53, 1954, стр. 50—54.
- Дубынин А. Ф. Работы Московской экспедиции. 57, 1955, стр. 69—77.
- Дубынин А. Ф. Результаты работ Можайской экспедиции. 94, 1963, стр. 54—63.
- Дьяконов М. М. (некролог). См. Беленицкий А. М. Памяти Михаила Михайловича Дьяконова.
- Дьяконов М. М. См. Беленицкий А. М. и Дьяконов М. М. Памяти Александра Юрьевича Якубовского.
- Дьяконов М. М. См. Список печатных трудов М. М. Дьяконова.
- Егоров Н. М. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды. 58, 1955, стр. 53—62.
- Егоров Н. М. Могильник у реки Эшкакон. 64, 1956, стр. 135—140.
- Елагина Н. Г. и Погребова Н. Н. Археологическая разведка по берегам Ингула. 77, 1959, стр. 21—34.
- Елагина Н. Г. Новое позднескифское городище на Нижнем Днепре. 89, 1962, стр. 74—76.
- Елагина Н. Г. См. Погребова Н. Н., Елагина Н. Г. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1959 году.
- Ерохин В. С. Щигровский клад. 53, 1954, стр. 145—147.
- Ефимова А. М. Новые данные о болгарской металлургии. 62, 1956, стр. 135—140.
- Жуков В. Д. Обследование городища Старая Кува в 1956 году. 80, 1960, стр. 80—84.
- Заверняев Ф. М. Археологические находки возле города Почепа. 53, 1954, стр. 143—144.
- Заверняев Ф. М. Неолитическая стоянка Черепеньки под Брянском. 67, 1957, стр. 65—70.
- Заверняев Ф. М. Поселения мезолитического времени на Соже и Десне. 67, 1957, стр. 63—64.
- Заднепровский Ю. А. Александр Натанович Бернштам. 80, 1960, стр. 5—8.
- Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1956 г. 76, 1959, стр. 63—72.
- Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1957 г. 78, 1960, стр. 43—52.
- Заднепровский Ю. А. Городище Шурабагат. 71, 1958, стр. 99—108.

- Заднепровский Ю. А.** Дальверзинское поселение (раскопки 1959 года). 86, 1961, стр. 43—54.
- Заднепровский Ю. А.** Дальверзинское селище. 69, 1957, стр. 50—57.
- Заднепровский Ю. А.** Об этническом составе населения древней Ферганы. 61, 1956, стр. 39—44.
- Заднепровский Ю. А.** Основные этапы истории Карадаринского оазиса. 98, 1964, стр. 18—24.
- Закаря П. П.** К изучению жилых и оборонительных сооружений городища Урбиси. 74, 1959, стр. 131—139.
- Замятин С. Н.** Волгоградская палеолитическая стоянка. 82, 1961, стр. 5—36.
- Замятин С. Н.** (некролог). См. Сергей Николаевич Замятин.
- Захарук Ю. Н.** Поселение культуры воронковидных сосудов на Воляни. 67, 1957, стр. 97—100.
- Зброува А. В.** Могильник Метев-Томак. 72, 1958, стр. 28—36.
- Зеест И. Б.** Античный город Северного Причерноморья. 95, 1963, стр. 3—6.
- Зеест И. Б.** Арханческие слои Гермонассы. 83, 1961, стр. 53—58.
- Зеест И. Б.** Земляные склепы некрополя Тузлы. 51, 1953, стр. 156—158.
- Зеест И. Б.** Раскопки Гермонассы. 58, 1955, стр. 114—121.
- Зеест И. Б.** Раскопки Гермонассы. 74, 1959, стр. 58—63.
- Зеест И. Б.** Раскопки Феодосии. 51, 1953, стр. 143—148.
- Зяблин Л. П.** Археологические работы на Исык-Куле. 69, 1957, стр. 94—101.
- Иерусалимская А. А., Козенкова В. И., Крупнов Е. И.** Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии (по материалам Северо-Кавказской археологической экспедиции 1961 г.). 94, 1963, стр. 42—53.
- Иессен А. А.** Азербайджанская экспедиция в 1956 году. 73, 1959, стр. 78—85.
- Иессен А. А.** Изображение человека на плите из Кызыл-Банка. 94, 1963, стр. 98—100.
- Иессен А. А.** Кавказ и древний Восток в IV и III тысячелетиях до нашей эры. 93, 1963, стр. 3—14.
- Иессен А. А.** Работы Азербайджанской экспедиции в 1957 году. 78, 1960, стр. 99—106.
- Иессен А. А.** Работы Азербайджанской экспедиции в 1953 году. 69, 1957, стр. 115—128.
- Иессен А. А.** Раскопки курганов на Дону в 1951 году. 53, 1954, стр. 61—79.
- Исюмова С. А.** Археологическая разведка в 1951 году в Тульской области. 52, 1953, стр. 68—79.
- Ильин М. А.** Из истории военно-оборонительных мероприятий Московского Руси XVII века. 59, 1955, стр. 29—31.
- Ильинская В. А.** Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы (из раскопок И. А. Линиченко). 54, 1954, стр. 24—41.
- Ильинская В. А. и Тереножкин А. И.** Новая находка блях с эмальями на Киевщине. 60, 1955, стр. 145—149.
- Ильинская В. А.** О происхождении культур раннежелезного века на Левобережье Среднего Днепра. 70, 1957, стр. 14—27.
- Инь Да.** Достижения китайской археологии за 4 года (перевод В. А. Рубина). 63, 1956, стр. 3—13.
- Ионе Г. Н.** Мингечаурские кувшинные погребения с оружием. 60, 1955, стр. 54—62.
- Исаков М. И. См. Марковин В. И. и Исаков М. И.** Древняя костяная статуэтка из Дагестана.
- Исаков М. И.** Таггинский могильник. 67, 1957, стр. 126—132.
- Каманцева А. С.** Гончарная печь в селении Дуба-Юрт. 74, 1959, стр. 146—150.
- Каменецкий И. С.** Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища. 94, 1963, стр. 29—36.
- Капанадзе Д. Г.** Изображение знаков власти на древнегрузинских монетах. 66, 1956, стр. 83—88.
- Капошина С. И.** Одна из групп керамики с Кобьякова городища. 94, 1963, стр. 37—46.
- Капошина С. И. См. Гайдукевич В. Ф., Капошина С. И., Леви Е. Н.** Экспедиции ЛОИМК в 1957 году по античной археологии.
- Карасев А. Н.** Основные результаты работ на ольвийской агоре в 1953 году. 63, 1956, стр. 124—127.
- Крарасев А. Н.** Раскопки на городище Чайка близ Евпатории. 95, 1963, стр. 33—42.
- Каргер М. К.** Новый памятник зодчества XII в. в Турове. 100, 1965, стр. 130—138.
- Каргер М. К.** Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 году. 81, 1960, стр. 61—71.
- Каргер М. К.** Работы ЛОИИМК по изучению славяно-русской археологии в 1957 г. Галицко-Волынская экспедиция. 79, 1960, стр. 100—101.
- Карышковский П. О.** О классификации серебряных статовров Ольвии IV в. до н. э. 66, 1956, стр. 69—77.
- Карышковский П. О.** Ольвия и Родос по нумизматическим данным. 83, 1961, стр. 9—14.
- Кастаная Е. Г.** Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1959 году. 91, 1962, стр. 114—116.
- Кастаная Е. Г.** Группа античной археологии ЛОИА в 1960—1961 гг. 95, 1963, стр. 115—117.
- Каштанов Л. И., Смирнов А. П.** Из истории металлургии Среднего Поволжья и Урала. 72, 1958, стр. 3—13.
- Кипарисова Н. П.** Чебаркульская неолитическая стоянка. 59, 1955, стр. 54—60.
- Кирпичников А. Н.** К истории древнего Белгорода в X—XI вв. 73, 1959, стр. 21—32.
- Кирпичников А. Н.** Русские мечи XI—XIII веков. 85, 1961, стр. 11—25.
- Кирьянов А. В.** Зерна хлебных растений из раскопок древнего Браслава. 81, 1960, стр. 107.
- Кирьянов А. В.** К вопросу о земледелии волжских болгар. 57, 1955, стр. 3—16.

- Кирьянов А. В. Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора. 91, 1962, стр. 92—97.
- Кирьянов А. В. Обработка берестяных грамот (опыт работы полевой лаборатории Новгородской археологической экспедиции). 53, 1954, стр. 127—130.
- Киселев С. В. Некоторые вопросы истории первобытного общества. 88, 1962, стр. 3—9.
- Киселев С. В. См. Пассек Т. С. Памяти Сергея Владимировича Киселева (17.VIII 1905 г.—8.XI 1962 г.).
- Кислов М. Н. Способ прорисовки берестяных грамот и деревянных резных вещей. 53, 1954, стр. 131—133.
- Кисляков Н. А. О некоторых древних поверьях таджиков долины реки Хингоу. 80, 1960, стр. 114—117.
- Книпович Т. Н. Исследования территории римской цитадели в Ольвии. 63, 1956, стр. 139—141.
- Книпович Т. Н. Итоги работ Ольвийской археологической экспедиции. 51, 1953, стр. 112—121.
- Книпович Т. Н. Два фрагмента мраморных плит с греческими надписями из Ольвии. 95, 1963, стр. 13—19.
- Кобылина М. М. Надгробие из Фанагории. 89, 1962, стр. 112—114.
- Кобылина М. М. Новые данные о фанагорийских винодельнях. 74, 1959, стр. 21—24.
- Кобылина М. М. О позднеэллинистической коропластике Пантикапея. 75, 1959, стр. 177—179.
- Кобылина М. М. Раскопки центральной части Фанагории в 1959—1960 гг. 95, 1963, стр. 97—103.
- Кобылина М. М. Раскопки Фанагории. 51, 1953, стр. 122—127.
- Кобылина М. М. Сектор античной археологии в 1961 г. 95, 1963, стр. 112—114.
- Кобылина М. М. Фанагорийский склеп. 70, 1957, стр. 143—146.
- Ковнурко Г. М. К изучению свойств кремня. 92, 1962, стр. 97—99.
- Кожомбердыев И. Новые данные о Кенкольском могильнике. 80, 1960, стр. 71—75.
- Козенкова В. И. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г. 76, 1959, стр. 56—62.
- Козенкова В. И. См. Иерусалимская А. А., Козенкова В. И., Крупнов Е. И. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии (по материалам СКАЭ 1961 г.).
- Козенкова В. И., Крупнов Е. И. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г. 98, 1964, стр. 75—82.
- Колчин Б. А. К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951—1962 гг.). 99, 1964, стр. 3—20.
- Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья. 64, 1956, стр. 93—103.
- Кондрацкий Л. В. См. Погребова Н. Н. и Кондрацкий Л. В. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Бережанского района Николаевской области.
- Коробков И. И. Разведочные работы в Хостинских пещерах в 1961 г. (Черноморское побережье Кавказа). 92, 1962, стр. 44—50.
- Коробкова Г. Ф. Тарденуазская стоянка Гребеники в Нижнем Поднестровье. 67, 1957, стр. 59—62.
- Корзухина Г. Ф. О некоторых находках в древнем Горопце. 87, 1962, стр. 100—101.
- Коровина А. К. Раскопки некрополя Тирамбы в 1959 году. 89, 1962, стр. 70—73.
- Косарев М. Ф. Десятковское поселение. 97, 1964, стр. 81—87.
- Косточкин В. В. См. Раппопорт П. А. и Косточкин В. В. К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества. 59, 1955, стр. 22—28.
- Косточкин В. В. О датировке крепостей Острова и Изборска. 62, 1956, стр. 59—65.
- Косточкин В. В. Русские военно-оборонительные сооружения XVI века у устья реки Наровы. 52, 1953, стр. 25—32.
- Кошеленко Г. А. Раскопки на поселении Джин-депе в 1961 г. 95, 1963, стр. 79—82.
- Крайнов Д. А. Дюнная стоянка Золоторучье I. 75, 1959, стр. 63—69.
- Крайнов Д. А. Кухмарский курганный могильник. 88, 1962, стр. 61—63.
- Крайнов Д. А. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. 97, 1964, стр. 3—19.
- Крайнов Д. А. Новые памятники фатьяновской культуры. 84, 1961, стр. 83—90.
- Крайнов Д. А., Галязуккая О. С. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья. 100, 1965, стр. 29—39.
- Крайнов Д. А. Раскопки Бахчисарайской мустверской стоянки в 1957 году. 78, 1960, стр. 22—33.
- Краснов Ю. А. См. Успенская А. В. и Краснов Ю. А. Новая неолитическая стоянка в Подмосковье. 75, 1959, стр. 90—91.
- Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, вып. 51—59 (содержание). 60, 1955, стр. 160—163.
- Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, вып. 61—69 (содержание). 70, 1957, стр. 155—159.
- Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, вып. 71—79 (содержание). 80, 1960, стр. 118—121.
- Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии, вып. 81—89 (содержание). 90, 1962, стр. 107—110.
- Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, вып. 91—100 (содержание). 100, 1965, стр. 198—202.
- Крис Х. И. и Веймарн Е. В. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая. 71, 1958, стр. 65—71.
- Крис Х. И. О назначении кирпичного со-

- оружения из раскопок в Зарядье (Москва). 77, 1959, стр. 104—108.
- Крис Х. И. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане. 58, 1955, стр. 35—44.
- Крижевская Л. Я. Археологические работы в Башкирии. 51, 1953, стр. 74—81.
- Крижевская Л. Я. Неолитическая стоянка «Прикол» на озере Пирос. 75, 1959, стр. 77—84.
- Крижевская Л. Я. Новые неолитические стоянки Южного Предуралья. 74, 1959, стр. 37—40.
- Крижевская Л. Я. Новые данные по неолиту Южного Урала. 97, 1964, стр. 75—80.
- Крижевская Л. Я. Сектор палеолита в 1959 году. 88, 1962, стр. 102—104.
- Крижевская Л. Я. Сектор палеолита в 1960—1962 гг. 92, 1962, стр. 108—112.
- Крижевская Л. Я. Сосуд ананьинского времени для плавки металла. 77, 1959, стр. 109—111.
- Кропоткин В. В. Византийский сосуд из Южного Приуралья. 87, 1962, стр. 65—66.
- Кропоткин В. В. Новые исследования Бельнецких курганов. 75, 1959, стр. 103—113.
- Кропоткин В. В. О некоторых кладах римских монет, найденных в России (из истории русской нумизматики). 66, 1956, стр. 100—106.
- Кропоткин В. В. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. 68, 1957, стр. 35—44.
- Кропоткин В. В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму. 100, 1965, стр. 108—115.
- Кругликова И. Т. Итоги семилетних раскопок у дер. Семеновки. 95, 1963, стр. 43—51.
- Кругликова И. Т. К вопросу о керамическом производстве в Пантикапее (два пантикапейских клейма). 58, 1955, стр. 26—30.
- Кругликова И. Т. Поселение Золотое Восточное. 70, 1957, стр. 130—137.
- Кругликова И. Т. Поселение у деревни Семеновки. 83, 1961, стр. 73—82.
- Кругликова И. Т. Работы восточно-крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 году. 78, 1960, стр. 64—73.
- Кругликова И. Т. Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 году. 74, 1959, стр. 64—73.
- Кругликова И. Т. и Цветаева Г. А. Раскопки в Анапе. 95, 1963, стр. 66—71.
- Кругликова И. Т. Раскопки Кимерика. 51, 1953, стр. 132—142.
- Кругликова И. Т. Сарматские знаки на амфорах с поселения у дер. Семеновки. 89, 1962, стр. 97—100.
- Крупнов Е. И. См. Иерусалимская А. А., Козенкова В. И., Крупнов Е. И. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии (по материалам СКАЭ 1961 г.).
- Крупнов Е. И. См. Козенкова В. И., Крупнов Е. И. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г.
- Крупнов Е. И. Некоторые нерешенные вопросы первобытной археологии Кавказа. 98, 1964, стр. 3—8.
- Крупнов Е. И. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. 78, 1960, стр. 107—118.
- Крупнов Е. И. О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа. 60, 1955, стр. 3—13.
- Крупнов Е. И. Прикаспийская археологическая экспедиция. 55, 1954, стр. 95—105.
- Крушкоч Ю. С. Патрэйский клад 1950 г. 66, 1956, стр. 116—117.
- Крылова А. А. Новые палеолитические местонахождения в Восточном Казахстане. 76, 1959, стр. 28—32.
- Крылова А. А., Павлюченко И. М. Орудия каменного века в Горном Алтае. 92, 1962, стр. 61—64.
- Кубланов М. М. Археологические разведки в районе Коп-Такиля. 83, 1961, стр. 91—94.
- Кубланов М. М. Золотая бляшка из Чмырева кургана (некоторые черты заупокойного культа у скифов). 58, 1955, стр. 127—130.
- Кузищин В. И. См. Блаватский В. Д. и Кузищин В. И. Подводные разведки в 1958 г.
- Кузнецов В. А. и Милорадович О. В. Археологические исследования в Северной Осетии в 1958 году. 84, 1961, стр. 103—112.
- Кузнецов В. А. и Милорадович О. В. Археологические исследования в Северной Осетии в 1959 году. 86, 1961, стр. 92—100.
- Кузнецов В. А. Археологические исследования в верховьях Кубани (1960—1961 гг.). 96, 1963, стр. 86—93.
- Кузнецов В. А. Глиняные котлы Северного Кавказа. 99, 1964, стр. 34—39.
- Кузнецов В. А. Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае. 76, 1959, стр. 83—89.
- Кузнецов В. А. Раскопки алачских городов Северного Кавказа в 1962 г. 98, 1964, стр. 109—117.
- Кузнецов В. А. Средневековые дольменно-образные склепы Верхнего Прикубанья. 85, 1961, стр. 106—117.
- Кузьмина Е. Е. Андроновские могильники на р. Байту (о некоторых деталях андроновского погребального обряда). 97, 1964, стр. 39—49.
- Кузьмина Е. Е. Андроновское поселение и могильник Шандаша. 98, 1964, стр. 102—108.
- Кузьмина Е. Е. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры. 88, 1962, стр. 84—92.
- Кузьмина Е. Е. Купухта — могильник андроновской знати. 93, 1963, стр. 96—105.
- Кузьмина Е. Е. и Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад шах. 64, 1956, стр. 77—84.
- Кузьмина Е. Е. Результаты работ на Эмбе в 1958 году. 85, 1961, стр. 85—94.

- Кухаренко Ю. В. Из материалов разведки на Воьльни. 72, 1958, стр. 84—87.
- Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин. 100, 1965, стр. 97—101.
- Кухаренко Ю. В. Могильники полей погребений в Верхнем Поднепровье (по данным раскопок 1951—1952 гг.). 53, 1954, стр. 80—85.
- Кухаренко Ю. В. Раскопки на городище и селище Хотомель. 68, 1957, стр. 90—97.
- Кухаренко Ю. В. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья. 57, 1955, стр. 33—38.
- Кухаренко Ю. В. Чаплинские курганы. 72, 1958, стр. 88—89.
- Кухаренко Ю. В. Широкопластинчатые фибулы. 74, 1959, стр. 143—145.
- Кушнарёва К. Х. Сектор Средней Азии и Кавказа в 1960 году. 91, 1962, стр. 116—118.
- Кушнарёва К. Х. Сектор Средней Азии и Кавказа (1961 г.). 93, 1963, стр. 116—118.
- Кушнарёва К. Х. Сектор Средней Азии и Кавказа (1962 г.). 98, 1964, стр. 128—132.
- Кушнарёва К. Х. Раскопки на холме Узерлик-тепе около Агдама (из работ Азербайджанской экспедиции 1954 г.). 69, 1957, стр. 129—135.
- Кызласов Л. Р. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии. 63, 1956, стр. 14—21.
- Кызласов Л. Р. Таштыкские каменные изваяния с изображениями людей. 60, 1955, стр. 139—144.
- Латынин Б. А. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. 64, 1956, стр. 15—26.
- Латынин Б. А., Оболдуева Т. Г. Исфаринские курганы (к вопросу о системе хозяйства древней Ферганы). 76, 1959, стр. 17—27.
- Латынин Б. А. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. 70, 1957, стр. 3—13.
- Латынин Б. А. Эйлатанская расписная чаша. 80, 1960, стр. 90—92.
- Лаушкин К. Д. Раскопки в Старой Ладогге. 81, 1960, стр. 72—76.
- Лаушкин К. Д. Работы ЛОИИМК по изучению славяно-русской археологии в 1957 году. Староладожская экспедиция. 79, 1960, стр. 101—102.
- Левашова В. П. К вопросу о механических свойствах древних орудий. 75, 1959, стр. 46—56.
- Левенок В. П. Работы Деснинского отряда 1956 г. 74, 1959, стр. 25—36.
- Левенок В. П. Раннеолитическая стоянка у с. Долгое на Верхнем Дону. 92, 1962, стр. 76—82.
- Левы Е. И. Две ольвийские надписи с упоминанием храма Аполлона. 95, 1963, стр. 7—12.
- Левы Е. И. Терракоты из цистерны ольвийской агоры. 74, 1959, стр. 9—19.
- Левы Е. И. См. Гайдукевич В. Ф., Капошина С. И., Левы Е. И. Экспедиции ЛОИИМК в 1957 г. по античной археологии.
- Леонов Н. И. См. Окладников А. П. и Леонов Н. И. Первые находки каменного века в Фергане.
- Лесков А. М. Седьмой симферопольский курган. 67, 1957, стр. 109—116.
- Либеров П. Д. Археологические памятники р. Берек. 77, 1959, стр. 35—41.
- Либеров П. Д. Курганы у села Черемушны. 63, 1956, стр. 98—102.
- Либеров П. Д. Новые материалы из курганов у села Черемушны. 83, 1961, стр. 104—109.
- Либеров П. Д. Разведки в пойме реки Оскол. 83, 1961, стр. 95—103.
- Либеров П. Д. Стагуетка собаки из кургана у села Мастюгино. 89, 1962, стр. 60—65.
- Липский А. Н. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи (Хакассия). 54, 1954, стр. 89—98.
- Липский А. Н. Археологические раскопки в Хакассии. 64, 1956, стр. 116—129.
- Липский А. Н. Новый вид каменного изваяния из Южной Сибири. 59, 1955, стр. 157—162.
- Липский А. Н. Раскопки 1953 г. в Хакассии. 70, 1957, стр. 72—77.
- Лисицына Г. Н. См. Блохина Н. Г., Лисицына Г. Н. Из работ по определению дерева и углей, найденных при раскопках.
- Лисицына Г. Н. К вопросу о возрасте террас Средней Камы. 85, 1961, стр. 31—36.
- Лисицына Г. Н. Основные черты палеогеографии Геоксюрского оазиса. 93, 1963, стр. 69—73.
- Лисицына Г. Н. Растительность Южной Туркмении в эпоху энеолита по палеоботаническим данным. 98, 1964, стр. 54—58.
- Лисицына Г. Н. Результаты микропалеоботанического исследования образцов торфа Бисерова озера. 75, 1959, стр. 40—45.
- Лисицына Н. К. Археологические исследования в РСФСР в 1951 г. 52, 1953, стр. 132—146.
- Лисицына Н. К. Археологические исследования в РСФСР в 1952 г. 58, 1955, стр. 142—153.
- Лисицына Н. К. Археологические исследования в РСФСР в 1953 г. 61, 1956, стр. 120—130.
- Лисицына Н. К. Археологические исследования в РСФСР в 1954 г. 66, 1956, стр. 123—136.
- Лисицына Н. К. Археологические исследования в РСФСР в 1955 г. 72, 1958, стр. 124—136.
- Лисицына Н. К. Археологические исследования в РСФСР в 1956 г. 77, 1959, стр. 122—133.
- Лисицына Н. К. Археологические исследования в РСФСР в 1957—1958 годах. 86, 1961, стр. 117—138.
- Лисицына Н. К. Археологические исследования в РСФСР в 1959 г. 90, 1962, стр. 77—97.

- Литвинский Б. А.* Даханинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане. 80, 1960, стр. 47—52.
- Литвинский Б. А.* Новые материалы по археологии Таджикистана. 55, 1954, стр. 139—146.
- Литвинский Б. А.* Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе). 64, 1957, стр. 68—76.
- Литвинский Б. А.* Северная надпись в Варухском ущелье (опыт исторического исследования по данным нумизматики). 61, 1956, стр. 114—119.
- Лосева И. М.* Раскопки цитадели урартского города Ирпуни. 58, 1955, стр. 45—52.
- Лунегов И. А.* Редикарский могильник. 57, 1955, стр. 124—128.
- Любин В. П.* Археологическая разведка в окрестностях города Цхинвали (Юго-Осетия). 60, 1955, стр. 14—22.
- Любин В. П.* Верхнеашельская мастерская Джабер (Армения). 82, 1961, стр. 59—67.
- Любин В. П.* Исследования палеолита в Юго-Осетии (1954 г.). 71, 1958, стр. 28—40.
- Любин В. П.* Мезолитическая стоянка Явора. 84, 1961, стр. 45—48.
- Любин В. П.* Неолитические кремневые мастерские в Дигории (Северная Осетия). 98, 1964, стр. 45—48.
- Любин В. П.* Новое о нижнем палеолите Северной Осетии. 92, 1962, стр. 29—36.
- Любин В. П.* Палеолитические находки в Юго-Осетии (работы 1951—1952 гг.). 54, 1954, стр. 49—61.
- Любин В. П.* Первая находка нижнего палеолита на Ставрополье. 73, 1959, стр. 33—38.
- Любин В. П., Бадер Н. О., Марковин В. И.* Первые местонахождения орудий каменного века в Чечено-Ингушетии. 92, 1962, стр. 51—53.
- Ляпушкин И. И.* Работы ЛОИИМК по изучению славяно-русской археологии в 1957 г. Днепровский левобережный отряд Южно-русской экспедиции. 79, 1960, стр. 96—98.
- Ляпушкин И. И.* Некоторые вопросы предистории восточных славян. 100, 1965, стр. 116—125.
- Ляпушкин И. И.* О жилищах восточных славян Днепровского левобережья VIII—X вв. 68, 1957, стр. 3—13.
- Ляпушкин И. И.* Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны. 74, 1959, стр. 81—86.
- Макалатия С. И.* Погребение эпохи поздней бронзы из селения Двани. 69, 1957, стр. 139—143.
- Макимова А. Г.* Курганы сакского времени могильника Джувантобе. 80, 1960, стр. 60—64.
- Макимова М. И.* Панафинейская амфора из Зеленского кургана. 83, 1961, стр. 15—20.
- Макимова М. И.* Серебряная пряжка из Артюховского кургана. 83, 1961, стр. 139—141.
- Малевская М. В.* Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1962 г. 99, 1964, стр. 116—118.
- Малевская М. В.* Раскопки на Малом Торопецком городище (1960 г.). 96, 1963, стр. 72—78.
- Мальм В. А. и Фехнер М. В.* Раскопки стекольного завода близ деревни Большое Буньково. 68, 1957, стр. 142—145.
- Мандельштам А. М.* К археологии Каратегина. 80, 1960, стр. 76—79.
- Мандельштам А. М.* К истории Бактрии-Тохаристана (некоторые археологические наблюдения). 98, 1964, стр. 25—30.
- Мандельштам А. М.* Могильник Аруқ-тау в Бишкендской долине (Южный Таджикистан). 76, 1959, стр. 73—82.
- Мандельштам А. М.* Отрывок из «Послания Фахту б. Хакану» ал-Джахиза (к истории культуры Средней Азии IX в.). 61, 1956, стр. 24—28.
- Мандельштам А. М.* Послекушанские погребения в Северной Бактрии. 94, 1963, стр. 88—93.
- Марковин В. И. и Твердохлебов А. М.* Акушинский могильник. 60, 1955, стр. 150—154.
- Марковин В. И.* Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан). 67, 1957, стр. 117—126.
- Марковин В. И.* Археологические работы в Аргунском ущелье в 1958 году. 84, 1961, стр. 49—55.
- Марковин В. И.* Археологические разведки в восточных районах Чечни. 93, 1963, стр. 63—68.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М.* Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований. 100, 1965, стр. 40—49.
- Марковин В. И.* Глиняная статуэтка из станции Урупской. 76, 1959, стр. 108—111.
- Марковин В. И. и Исаков М. И.* Древняя костяная статуэтка из Дагестана. 74, 1959, стр. 139—142.
- Марковин В. И.* Исследование памятников средневековья в высокогорной Чечне. 90, 1962, стр. 45—55.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М.* Неолитическая стоянка близ города Буйнакка (Дагестан). 67, 1957, стр. 78—82.
- Марковин В. И.* Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. 98, 1964, стр. 83—91.
- Марковин В. И.* (Обсуждение доклада В. М. Массона). 91, 1962, стр. 13.
- Марковин В. И. и Мунчаев Р. М.* О двух типах каменных орудий Северного Кавказа (клиновидные орудия, каменные мотыжки). 84, 1961, стр. 19—29.
- Марковин В. И.* Памятники эпохи бронзы в ущелье реки Аргун. 88, 1962, стр. 45—50.
- Марковин В. И. См. Любин В. П., Бадер О. Н., Марковин В. И.* Первые местонахождения орудий каменного века в Чечено-Ингушетии.
- Марковин В. И.* Пещеры — родовые усыпальницы в Шатоевской котловине (Чечня). 86, 1961, стр. 101—107.

- Марковин В. И. Сектор неолита и бронзы (1958 г.). 85, 1961, стр. 136—142.
- Марковин В. И., Гришин Ю. С. Сектор неолита и бронзы в 1959—1960 годах. 88, 1962, стр. 104—112.
- Марковин В. И. Сектор неолита и бронзы в 1961 году. 92, 1962, стр. 105—108.
- Марковин В. И. Сектор неолита и бронзы в 1962 г. 97, 1964, стр. 138—140.
- Мартиросян А. А. О древнем поселении и могильнике близ Лениакана. 55, 1954, стр. 106—116.
- Мартынов Г. С. Иссыкская находка. 59, 1955, стр. 150—156.
- Марченко И. Д. Литейная форма конца VI в. до н. э. из Пантикапея. 89, 1962, стр. 51—53.
- Марченко И. Д. Некоторые итоги раскопок на Майской горе. 95, 1963, стр. 86—90.
- Массон В. М. Археологические работы на Мисрианской равнине. 69, 1957, стр. 66—71.
- Массон В. М. Восточные параллели убежденной культуры. 91, 1962, стр. 3—13.
- Массон В. М. Изучение анауских культур в 1956 году. 73, 1959, стр. 70—77.
- Массон В. М. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. 69, 1957, стр. 58—65.
- Массон В. М. О культе женского божества у анауских племен. 73, 1959, стр. 14—20.
- Массон В. М. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. 64, 1956, стр. 63—67.
- Массон В. М. Средняя Азия и Иран в III тысячелетии до нашей эры. 93, 1963, стр. 15—23.
- Массон М. Е. Кладки караханидских медных дирхемов первой половины XII в. из Термеза. 80, 1960, стр. 103—108.
- Матюшин Г. Н. Новые неолитические памятники Башкирии. 92, 1962, стр. 91—96.
- Матюшин Г. Н. Стоянки с микролитическим инвентарем в горной Башкирии. 97, 1964, стр. 66—74.
- Матющенко В. И. К вопросу о бронзовом литье в низовьях реки Томи. 84, 1961, стр. 133—135.
- Матющенко В. И. Новые находки из низовьев реки Томи. 84, 1961, стр. 130—132.
- Махно Е. В. К вопросу о памятниках черняховского типа и прорезных выемчатых эмалях. 62, 1956, стр. 148—151.
- Мачинский Д. А. О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой и одновременных ей культур. 94, 1963, стр. 20—28.
- Мельникова А. С. Клады монет (зарегистрированные Государственным историческим музеем за 1952—1954 годы). 67, 1957, стр. 147—158.
- Мельниковская О. Н. Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы. 56, 1954, стр. 69—75.
- Мельниковская О. Н. Древнейшие городища южной Белоруссии. 70, 1957, стр. 28—39.
- Мельниковская О. Н. Памятники раннего железного века в юго-восточной Белоруссии (Милоградская культура). 94, 1963, стр. 9—19.
- Мельниковская О. Н. Поселение у деревни Барсуки на реке Соже. 87, 1962, стр. 54—56.
- Мелюкова А. И. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье. 94, 1963, стр. 64—72.
- Мелюкова А. И. Курган усатовского типа у села Тудорово. 88, 1962, стр. 74—83.
- Мелюкова А. И. Курганы эпохи бронзы у села Олонешты (Молдавская ССР). 89, 1962, стр. 30—37.
- Мелюкова А. И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. 51, 1953, стр. 60—73.
- Мелюкова А. И. Работы в Поднестровье в 1958 году. 84, 1961, стр. 113—124.
- Мелюкова А. И. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. 56, 1954, стр. 59—68.
- Мерперт Н. Я. и Смирнов К. Ф. Археологические работы в зоне строительства Волгоградской ГЭС (к итогам работ экспедиции 1951—1957 гг.). 84, 1961, стр. 3—11.
- Мерперт Н. Я. Археологические исследования в Южной Болгарии в 1963 г. 100, 1965, стр. 19—28.
- Мерперт Н. Я. См. Гурина Н. Н. и Мерперт Н. Я. Институт истории материальной культуры Академии наук СССР в 1956 г.
- Мерперт Н. Я. Институт истории материальной культуры в 1957 году. Ученый совет. 78, 1960, стр. 119—121.
- Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Институт истории материальной культуры в 1958 году. 81, 1960, стр. 121—125.
- Мерперт Н. Я. и Смирнов А. П. Куйбышевская археологическая экспедиция 1954 г. 65, 1956, стр. 77—87.
- Мерперт Н. Я. Некоторые вопросы истории Восточного Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой. 83, 1961, стр. 3—9.
- Мерперт Н. Я. Первый год работ Советско-Болгарской экспедиции. 93, 1963, стр. 24—32.
- Мерперт Н. Я. Раскопки Сержен-Юртовского поселения в 1960 году. 88, 1962, стр. 33—44.
- Мерперт Н. Я. Ученый Совет Института археологии АН СССР в 1959—1960 годах. 87, 1962, стр. 117—118.
- Месяц В. А. Находки древнепалеолитических орудий в районе Житомира. 92, 1962, стр. 54—55.
- Мец Н. Д. Клады монет (зарегистрированные Государственным историческим музеем за 1945—1952 годы). 52, 1953, стр. 113—120.
- Мец Н. Д. Монеты удельного княжества Кашинского (к истории борьбы за Кашин в период сложения Русского централизованного государства). 65, 1956, стр. 55—67.
- Милорадович О. В. См. Кузнецов В. А. и Милорадович О. В. Археологические исследования в Северной Осетии в 1958 г.

- Милорадович О. В. См. Кузнецов В. А. и Милорадович О. В. Археологические исследования в Северной Осетии в 1959 году.
- Милорадович О. В. Исследование городища Верхний Джулат. 90, 1962, стр. 56—59.
- Милорадович О. В. Новые археологические находки в Грозненской области. 64, 1956, стр. 132—134.
- Милорадович О. В. Раскопки средневекового городища Верхний Джулат (1961 г.). 96, 1963, стр. 94—100.
- Минаева Т. М. Городище Адюх в Черкесии. 60, 1955, стр. 110—119.
- Минаева Т. М. Находки близ станицы Преградной на р. Урупе. 68, 1957, стр. 133—137.
- Минаева Т. М. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях. 59, 1955, стр. 46—53.
- Мнацкян А. О. Археологические находки в селении Басаргечар Армянской ССР. 60, 1955, стр. 39—44.
- Мнацкян А. О. Лчашенские курганы (раскопки 1956 года). 85, 1961, стр. 66—72.
- Мнацкян А. О. Находки предметов бронзового века в селении Толорс (в Зангезуре) Армянской ССР. 54, 1954, стр. 99—104.
- Мнацкян А. О. Раскопки могильников у селения Атарбекян в Армянской ССР. 60, 1955, стр. 31—38.
- Мовша Т. Г. Глиняный штамп раннескифского времени из Плисков-Чернявки. 89, 1962, стр. 57—59.
- Мовша Т. Г. Медные украшения из Кива. 70, 1957, стр. 94—98.
- Мошльников В. А. Работы Иртышского отряда. 94, 1963, стр. 94—97.
- Монлайт А. Л. Работы Среднерусской экспедиции в 1957 году. Рязанский отряд. 79, 1960, стр. 91.
- Моора Х. А. Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике. 53, 1954, стр. 3—22.
- Моора Х. А. Археологические работы в Эстонской ССР в 1951 и 1952 гг. 55, 1954, стр. 52—63.
- Москаленко А. Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. 62, 1956, стр. 84—94.
- Мошинская В. И. Баландинский клад бронзовых инструментов. 67, 1957, стр. 144—146.
- Мошинская В. И. и Чернецов В. Н. Городище Андрюшкин городок. 51, 1953, стр. 93—98.
- Мошинская В. И. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири. 75, 1959, стр. 180—184.
- Мошкова М. Г. О раннесарматских втульчатых стрелах. 89, 1962, стр. 77—82.
- Мошкова М. Г. Сарматские курганы в Оренбургской области. 83, 1961, стр. 115—125.
- Мошкова М. Г. Сектор скифо-сарматской археологии в 1961 г. 94, 1963, стр. 107—110.
- Мошкова М. Г. Сессия Отделения исторических наук АН СССР и Пленум Института истории материальной культуры, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1956 года. 76, 1959, стр. 115—129.
- Мунчаев Р. М. Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г. 71, 1958, стр. 41—52.
- Мунчаев Р. М. См. Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований.
- Мунчаев Р. М., Сараниди В. И. Бамутские курганы эпохи бронзы. 98, 1964, стр. 92—101.
- Мунчаев Р. М. См. Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Институт истории материальной культуры в 1958 году.
- Мунчаев Р. М. Итоги Кавказской археологической конференции. 73, 1959, стр. 3—13.
- Мунчаев Р. М. См. Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Неолитическая стоянка близ города Буйнакса (Дагестан). 67, 1957, стр. 78—82.
- Мунчаев Р. М. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии (из результатов работ Северо-Кавказской экспедиции 1958 года). 84, 1961, стр. 56—62.
- Мунчаев Р. М. См. Марковин В. И. и Мунчаев Р. М. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа (клиновидные орудия, каменные мотыжки).
- Мушегян Х. А. Монетные находки из раскопок Двина. 66, 1956, стр. 89—92.
- Наливкина М. А. Костяная фигурка из Ольвии. 83, 1961, стр. 142—145.
- Наливкина М. А. Раскопки в Евпатории. 51, 1953, стр. 128—131.
- Наливкина М. А. Раскопки в Евпатории. 58, 1955, стр. 63—72.
- Нариманов И. Г. Некоторые данные о древнем поселении в окрестностях г. Казаха (Азербайджанская ССР). 70, 1957, стр. 139—142.
- Недоля И. К. Орудия земледелия эпохи неолита из района Адлера. 67, 1957, стр. 142—143.
- Негматов Н. Н. К вопросу об этнической принадлежности населения Усрушаны. 61, 1956, стр. 29—38.
- Никитин А. В. О начальном периоде города Вологды. 81, 1960, стр. 31—37.
- Никитин А. В. Работы Среднерусской экспедиции в 1957 году. Вологодский отряд. 79, 1960, стр. 90.
- Никитин А. В. Раскопки Братской крепости. 85, 1961, стр. 118—126.
- Никитин А. В. Раскопки в Великом Устюге. 96, 1963, стр. 79—85.
- Никитин А. В. Раскопки в Вологде в 1948 году. 52, 1953, стр. 99—105.
- Никитин А. В. См. Воронин Н. Н., Гуссаковский Л. П., Никитин А. В., Раппопорт П. А., Седов В. В. Среднерусская экспедиция.
- Никольская Т. Н. Археологические исследования в Орловской области. 53, 1954, стр. 91—104.
- Никольская Т. Н. Работа Верхнеокской археологической экспедиции (1960—1961 гг.). 96, 1963, стр. 25—31.

- Никольская Т. Н. Шуклинское городище. 72, 1958, стр. 66—77.
- Обельченко О. В. Бронзовые зеркала Лявандакского могильника. 91, 1962, стр. 48—50.
- Оболдуева Т. Г. См. Латынин Б. А., Оболдуева Т. Г. Исфаринские курганы (к вопросу о системе хозяйства древней Ферганы). 76, 1959, стр. 17—27.
- Оболдуева Т. Г. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. 59, 1955, стр. 145—149.
- Оболдуева Т. Г. Раскопки 1960 года на городище Эйлатан. 91, 1961, стр. 38—49.
- Оборин В. А. Камская археологическая экспедиция 1955 года. 74, 1959, стр. 101—109.
- Оборин В. А. Костяная рукоятка из Анюшара (Кыласово). 57, 1955, стр. 133—134.
- Оборин В. А. Памятники родановской культуры у села Таборы (из работ Камской археологической экспедиции). 65, 1956, стр. 107—118.
- Оборин В. А. Раскопки Орла-городка на реке Каме. 55, 1954, стр. 129—138.
- Овсянников О. В. Орлецкое городище. 96, 1963, стр. 116—119.
- Огнев Б. А. См. Давид Л. А. и Огнев Б. А. Забытый памятник московского зодчества XV в. 62, 1956, стр. 51—55.
- Окладников А. П. См. Абрамова Э. А., Окладников А. П., Седякина Е. Ф. Археологические исследования в долине реки Ангары.
- Окладников А. П. Археологические исследования в 1955 г. на Дальнем Востоке. 71, 1958, стр. 109—118.
- Окладников А. П. Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом. 51, 1953, стр. 16—22.
- Окладников А. П. и Леонов Н. И. Первые находки каменного века в Фергане. 86, 1961, стр. 36—42.
- Окладников А. П. Работы на Дальнем Востоке в 1956 году. 73, 1959, стр. 107—114.
- Окладников А. П. Ходжикентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана. 82, 1961, стр. 68—76.
- Онайко Н. А. Албанская экспедиция 1958 года. 83, 1961, стр. 21—31.
- Онайко Н. А. Конференция 1956 года по истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. 73, 1959, стр. 133—141.
- Онайко Н. А. Краснофигурный фрагмент из Фанагории. 58, 1955, стр. 122—126.
- Онайко Н. А. Раскопки Аполлонии Иллирийской в 1959—1960 гг. 95, 1963, стр. 72—78.
- Онайко Н. А. Раскопки Раевского городища в 1955—1956 годах. 77, 1959, стр. 51—61.
- Орлова Е. П. Археологические находки на Камчатке. 59, 1955, стр. 163—166.
- Орлов С. Н. Вновь открытый раннеславянский грунтовой могильник в Старой Ладоге. 65, 1956, стр. 94—98.
- Орлов С. Н. Городище эпохи раннего железа в низовьях реки Ловати. 87, 1962, стр. 42—45.
- Орлов С. Н. К вопросу о древнем пашенном земледелии Старой Ладоги. 65, 1956, стр. 142—144.
- От редакции (к выпуску, посвященному А. Ю. Якубовскому). 61, 1956, стр. 3.
- От редакции «Кратких сообщений» (памяти М. Е. Фосс). 75, 1959, стр. 3.
- От редакции (к выпуску, посвященному памяти А. Н. Бернштама). 80, 1960, стр. 3.
- От редакции (памяти Я. В. Станкевич). 87, 1962, стр. 3—4.
- От редакции. Поправка (к тексту обсуждения доклада В. С. Титова — КСИА, вып. 88). 92, 1962, стр. 113.
- От редакции (к сотому выпуску Кратких сообщений Института археологии АН СССР). 100, 1965, стр. 3.
- Павлюченко И. М. См. Крылова А. А., Павлюченко И. М. Орудия каменного века в Горном Алтае.
- Пазухин В. А. См. Акопова М. К., Пазухин В. А., Чижов В. А. Могли ли древние мастера выплавлять алюминиевую бронзу? 93, 1963, стр. 114—115.
- Памяти Александра Юрьевича Якубовского (см. Беленицкий А. М. и Дьяконов М. М.). 51, 1953, стр. 166—168.
- Памяти Александра Юрьевича Якубовского. 61, 1956, стр. 5—7.
- Памяти Марии Евгеньевны Фосс. 64, 1956, стр. 157.
- Памяти Михаила Михайловича Дьяконова (см. Беленицкий А. М.). 55, 1954, стр. 155—158.
- Памяти Н. Н. Погребовой. 89, 1962, стр. 3—4.
- Памяти Сергея Владимировича Киселева. См. Пассек Т. С. Памяти Сергея Владимировича Киселева.
- Паничкина М. Э. и Векилова Е. А. Исследование Ахштырской пещеры в 1961 г. 92, 1962, стр. 37—42.
- Паничкина М. Э. Новые палеолитические находки на реке Пескупсе (Кубань). 82, 1961, стр. 49—58.
- Паничкина М. Э. О двух типах верхнепалеолитических нуклеусов (так называемых нуклеусах-скребках и гигантолитах). 75, 1959, стр. 57—62.
- Паничкина М. Э. О двух типах верхнепалеолитических нуклеусов (II — гигантолиты). 76, 1959, стр. 3—9.
- Пассек Т. С. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. 56, 1954, стр. 76—97.
- Пассек Т. С. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 году. 70, 1957, стр. 78—93.
- Пассек Т. С. Памяти Сергея Владимировича Киселева (17.VIII.1905 г.—8.XI.1962 г.). 92, 1962, стр. 103—104.
- Пассек Т. С. Раскопки на поселении у села Флорешты в 1958 году. 84, 1961, стр. 69—82.
- Пассек Т. С. Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре. 51, 1953, стр. 46—59.

- Пассек Т. С. Стоянка комаровской культуры на Среднем Днестре. 75, 1959, стр. 154—162.
- Пассек Т. С., Черныш Е. К. Открытие культуры Гумельницы в СССР. 100, 1965, стр. 6—18.
- Пахомов Е. А. Борьба феодальных династий за Восточное Закавказье с половины XIV в. до начала XV в. по монетным данным. 66, 1956, стр. 47—50.
- Пацевич Г. И. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике. 69, 1957, стр. 111—113.
- Певзнер С. Б. См. Кузьмина Е. Е. и Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад шах.
- Петерс Б. Г. О подводных археологических работах в Ольвии. 95, 1963, стр. 83—85.
- Петренко В. Г. Бронзовая бляха с головой грифона. 89, 1962, стр. 54—56.
- Пиотровский Б. Б. Урартская крепость Тайшебани (Кармир-Блур). 100, 1965, стр. 72—78.
- Плетнева С. А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время. 99, 1964, стр. 24—32.
- Плетнева С. А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца. 79, 1960, стр. 3—20.
- Плетнева С. А. Средневековое поселение на Белой Калитве (по материалам разведки 1960 г.). 90, 1962, стр. 39—44.
- Плешанова И. И. Керамическое надгробие из Псково-Печерского монастыря. 96, 1963, стр. 113—115.
- Погребова Н. Н. и Кондрацкий Л. В. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области. 78, 1960, стр. 74—84.
- Погребова Н. Н. См. Елагина Н. Г. и Погребова Н. Н. Археологическая разведка по берегам Ингула.
- Погребова Н. Н. Некоторые формы закавказского оружия раннескифского времени. 89, 1962, стр. 22—29.
- Погребова Н. Н. (некролог). См. Памяти Н. Н. Погребовой.
- Погребова Н. Н. О работе сектора скифо-сарматской археологии ИИМК АН СССР в 1956 г. 72, 1958, стр. 103—106.
- Погребова Н. Н. Погребение на земляном валу акрополя Каменского городища. 63, 1956, стр. 94—97.
- Погребова Н. Н. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1958 году. 83, 1961, стр. 110—114.
- Погребова Н. Н., Елагина Н. Г. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1959 году. 89, 1962, стр. 6—14.
- Погребова Н. Н. См. Список печатных работ Н. Н. Погребовой.
- Погребова Н. Н. Средневековые памятники на скифских городищах Нижнего Днепра. 89, 1962, стр. 15—21.
- Подольский А. Г. См. Баруздин Ю. Д. и Подольский А. Г. Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника.
- Полевой Л. Л. Нумизматические данные к истории молдавского средневекового города Старого Орхоя. 66, 1956, стр. 78—82.
- Полесских М. Р. Могильник «Армиевского гипа» в Пензенской области. 55, 1954, стр. 147—149.
- Полубояринова М. Д. Раскопки древнего Турова (1961 г.). 96, 1963, стр. 44—50.
- Прасолов Н. Д. Гмелинская стоянка в Костенках. 97, 1964, стр. 59—63.
- Прения по докладу В. И. Цалкина (см. 58, 1955, стр. 3—13). Боголюбовский С. Н. 58, 1955, стр. 154—156.
- Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники в селении Астана-баба. (Из работ ЮТАКЭ 1948 г.). 61, 1956, стр. 70—85.
- Пугаченкова Г. А. Буддийская кумирня в Мерве (из работ архитектурного отряда ЮТАКЭ). 54, 1954, стр. 140—146.
- Пудовин В. К. См. Даркевич В. П. и Пудовин В. К. Раскопки на Севском городище.
- Пядышев Н. П., Хлобыстин Л. П. Новая стоянка в Печорском Заполярье. 92, 1962, стр. 71—75.
- Рабинович М. Г. Великий посад Москвы (по раскопкам 1951 года). 57, 1955, стр. 78—82.
- Рабинович М. Г. Золотое украшение из Тушкова городка. 68, 1957, стр. 45—50.
- Равдина Т. В. Надпись на корчаге из Пинска. 70, 1957, стр. 150—153.
- Равдина Т. В. Поливные керамические плитки из Пинска. 96, 1963, стр. 110—112.
- Ранов В. А. Стоянка Каратумшук (Восточный Памир). 80, 1960, стр. 40—46.
- Раппопорт П. А. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII века (Вышгород, Снепород). 54, 1954, стр. 180—186.
- Раппопорт П. А. Археологические и архитектурные заметки (из работ отряда по изучению крепостей 1959—1961 гг.). 96, 1963, стр. 32—35.
- Раппопорт П. А. См. Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского города.
- Раппопорт П. А. Города Болоховской земли. 57, 1955, стр. 52—59.
- Раппопорт П. А. Группа славяно-русской археологии ЛОИИМК (1958 г.). 81, 1960, стр. 130—132.
- Раппопорт П. А. Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1959 году. 87, 1962, стр. 123—124.
- Раппопорт П. А. Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1960 году. 87, 1962, стр. 125—126.
- Раппопорт П. А. Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1960 году. 90, 1962, стр. 10—11.
- Раппопорт П. А. Группа славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР в 1961 г. 96, 1963, стр. 124—126.
- Раппопорт П. А. Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцово-кладки. 52, 1953, стр. 17—24.
- Раппопорт П. А. Изучение крепостей, проведенное отрядом Среднерусской археологической экспедиции 1956 года. 74, 1959, стр. 87—88.

- Раппопорт П. А. и Косточкин В. В.* К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества. 59, 1955, стр. 22—28.
- Раппопорт П. А.* Мстибегов городок. 87, 1962, стр. 105—107.
- Раппопорт П. А.* Новые данные по исторической географии Воылини. 99, 1964, стр. 54—58.
- Раппопорт П. А.* Оборонительные сооружения Галича Мерьского. 77, 1959, стр. 3—9.
- Раппопорт П. А.* Оборонительные сооружения Торопца. 86, 1961, стр. 11—20.
- Раппопорт П. А.* Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. 62, 1956, стр. 118—128.
- Раппопорт П. А.* Перси Псковского Крома. 62, 1956, стр. 56—58.
- Раппопорт П. А.* Работы Среднерусской экспедиции в 1957 году. Отряд по изучению крепостей. 79, 1960, стр. 91—92.
- Раппопорт П. А., Воронин Н. Н., Гусаковский Л. П., Никитин А. В., Раппопорт П. А., Седов В. В.* Среднерусская экспедиция.
- Раппопорт П. А.* Укрепления раннемосковских городищ. 71, 1958, стр. 12—17.
- Расширенное заседание ученых советов Института истории материальной культуры АН СССР и Института истории языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, посвященных истории материальной культуры на территории Молдавии (информация). 56, 1954, стр. 3—4.
- Раушенбах В. М.* Новые находки на Шигирском торфянике. 75, 1959, стр. 123—131.
- Резолюция расширенных заседаний ученых советов Института истории материальной культуры АН СССР и Института истории языка и литературы Молдавского филиала АН СССР 20—23 мая 1953 г., посвященных истории материальной культуры на территории Молдавии. 56, 1954, стр. 136—138.
- Ремпель Л. И.* Некрополь древнего Тараза. 69, 1957, стр. 102—110.
- Репман А. X.* Фигурный камень с вышневолоцких неолитических стоянок. 67, 1957, стр. 135—137.
- Рикман Э. А.* К вопросу о славянских чертах в народной материальной культуре Молдавии. 56, 1954, стр. 51—58.
- Рикман Э. А.* Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на селищах черняховского типа. 77, 1959, стр. 112—118.
- Рикман Э. А.* Раскопки селищ первых веков нашей эры в Поднестровье. 68, 1957, стр. 75—83.
- Рикман Э. А.* Результаты археологических наблюдений в Зарядье (по раскопкам 1949—1951 гг.). 57, 1955, стр. 83—91.
- Рикман Э. А.* Селища первых веков у сел Загайканы и Делакеу (Молдавия). 90, 1962, стр. 60—68.
- Рогачев А. Н.* Аносовка II — новая многослойная стоянка в Костенках. 82, 1961, стр. 86—96.
- Рогачев А. Н.* Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине. 92, 1962, стр. 12—17.
- Рогачев А. Н.* Основные итоги и задачи изучения палеолита Русской равнины. 92, 1962, стр. 9—11.
- Рогачев А. Н.* Раскопки Костенок I. 51, 1953, стр. 3—15.
- Розанова Н. П.* О золотых монетах с надписью ΚΟΕΩΝ. 66, 1956, стр. 118—122.
- Розенфельд И. Г.* Выхватинский могильник по раскопкам 1951 года. 56, 1954, стр. 98—103.
- Розенфельд И. Г.* К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III — начале II тысячелетия до н. э. 75, 1959, стр. 92—102.
- Розенфельд И. Г.* Неолитические стоянки на Тростенском озере. 97, 1964, стр. 104—106.
- Розенфельд И. Г. и Р. Л.* О некоторых конструкциях московских навесных и врезных замков XIV—XVII веков. 77, 1959, стр. 119—121.
- Розенфельд Р. Л.* Археологические разведки в Московской области в 1960 г. 90, 1962, стр. 33—38.
- Розенфельд Р. Л.* Заметки о древнерусском керамическом производстве. 87, 1962, стр. 108—111.
- Розенфельд Р. Л.* Захряпинские курганы XII—XIII вв. на реке Рузе. 99, 1964, стр. 103—105.
- Розенфельд Р. Л.* Липинский бескурганый могильник. 72, 1958, стр. 90—92.
- Розенфельд Р. Л.* Русский ружейный прибор начала XVII в. 72, 1958, стр. 93—95.
- Розенфельд Р. Л.* Разведки в Московской области. 79, 1961, стр. 57—63.
- Рудинский М. Я.* К вопросу о древнепалеолитических орудиях из кварцита. 73, 1959, стр. 126—132.
- Румянцев Е. А.* Один из способов консервации кожи. 72, 1958, стр. 100—102.
- Румянцев Е. А.* Стабилизация насыщенной влагой древесины, найденной при археологических раскопках. 72, 1958, стр. 95—99.
- Русланова Н. П.* Разведка по реке Уж. 96, 1961, стр. 70—73.
- Рыбаков Б. А.* Владимировы крепости на Стугне. 100, 1965, стр. 126—129.
- Рыбаков Б. А.* Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. 99, 1964, стр. 21—23.
- Рыбаков Б. А.* Работы по славяно-русской археологии. 90, 1962, стр. 3—4.
- Рыбаков Б. А.* Раскопки в Любече в 1957 году. 79, 1960, стр. 27—34.
- Рыгдылон Э. Р.* Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска. 60, 1955, стр. 129—134.
- Сальников К. В.* Новые памятники абашевской культуры в Южной Башкирии. 67, 1957, стр. 83—88.
- Сальников К. В.* Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья (Бабарыкино II). 85, 1961, стр. 3—10.
- Сарианиди В. И. См. Мунчаев Р. М., Сарианиди В. И.* Бамутские курганы эпохи бронзы.

- Сарианиди В. И.* Керамические горны восточноанауских поселений. 93, 1963, стр. 80—85.
- Сарианиди В. И.* Керамические печи древней Маргианы. 69, 1957, стр. 72—77.
- Сарианиди В. И.* Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геокюрского оазиса. 91, 1962, стр. 22—29.
- Сарианиди В. И.* Раскопки жилых комплексов на энеолитическом поселении Геоксюр (по материалам ЮТАКЭ в 1956 г.). 76, 1959, стр. 50—55.
- Сарианиди В. И.* Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы. 98, 1964, стр. 62—67.
- Сахарова И. Г.* О технике настила майоликовых полов. 68, 1957, стр. 138—141.
- Свешников И. К.* Могильник в селе Звенигород Львовской области (культура ленточной керамики). 63, 1956, стр. 57—69.
- Свешников И. К.* Могильники липецкой культуры в Львовской области (раскопки у сел Звенигород и Болотное). 68, 1957, стр. 63—74.
- Свешников И. К.* Памятники культуры шнуровой керамики у села Эдолбица (УССР). 85, 1961, стр. 55—65.
- Свешников И. К.* Поселение культуры шнуровой керамики у с. Городок Ровенской области. 97, 1964, стр. 127—134.
- Седов В. В.* Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской области. 68, 1957, стр. 104—116.
- Седов В. В.* Гончарная печь из раскопок в г. Владимире. 72, 1958, стр. 78—83.
- Седов В. В.* Древнерусские сельские поселения Смоленской земли (по материалам экспедиции 1956—1957 годов). 79, 1960, стр. 43—56.
- Седов В. В.* Древнерусское поселение близ города Вязники. 85, 1961, стр. 95—105.
- Седов В. В.* Из полевых исследований 1961 г. (к изучению оборонительных сооружений Владимира, Свищевские курганы). 96, 1963, стр. 37—43.
- Седов В. В.* К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде. 68, 1957, стр. 20—30.
- Седов В. В.* К вопросу о классификации смоленских курганов. 81, 1960, стр. 3—12.
- Седов В. В.* Курганы с ярусными погребениями. 71, 1958, стр. 3—11.
- Седов В. В.* Некоторые вопросы географии Смоленской земли XII в. (по данным экспедиции 1960 г.). 90, 1962, стр. 12—23.
- Седов В. В.* Новые данные о языческом святилище Перуна (по раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.). 53, 1954, стр. 105—108.
- Седов В. В.* Поселение XII — начала XV в. в Перыне. 62, 1956, стр. 108—117.
- Седов В. В.* Раскопки в Гороховце. 77, 1959, стр. 84—89.
- Седов В. В.* Раскопки 1959 года во Владимирской земле и на Смоленщине. 86, 1961, стр. 73—77.
- Седов В. В.* Работы Среднерусской экспедиции в 1957 году. Смоленский и Владимирский отряд. 79, 1960, стр. 90—91.
- Седов В. В.* См. *Воронин Н. Н., Гуссаковский Л. П., Никитин А. В., Раппопорт П. А., Седов В. В.* Среднерусская экспедиция.
- Седов В. В.* Языческая братчина в древнем Новгороде. 65, 1956, стр. 138—141.
- Седов В. В.* Языческие святилища смоленских кривичей. 87, 1962, стр. 57—64.
- Седова М. В.* Раскопки Ярополча-Залесского. 96, 1963, стр. 48—50.
- Седякина Е. Ф.* См. *Абрамова Э. А., Окладников А. П., Седякина Е. Ф.* Археологические исследования в долине реки Ангары в 1956 г.
- Семенов Л. П.* Шлемы из Северной Осетии. 57, 1955, стр. 60—68.
- Семенов С. А.* К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды (шнуровой и зубчатый орнаменты неолитической керамики Карелии). 57, 1955, стр. 137—144.
- Семенов С. А.* Происхождение абразивной техники и ее значение в древнем хозяйстве. 86, 1961, стр. 3—10.
- Семенов С. А.* Следы работы на орудиях и доказательство работы неандертальцев правой рукой (по материалам Волгоградской стоянки). 84, 1961, стр. 12—18.
- Семенович Н. Н.* Реставрация и экспозиция большого войлочного ковра из Папырыка. 64, 1956, стр. 144—148.
- Сергей Николаевич* Замятнин. 81, 1961, стр. 3—4.
- Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум Института истории материальной культуры АН СССР, посвященные итогам археологических и этнографических экспедиций за 1952 год (информация). 55, 1954, стр. 3—10.
- Сильченко Т. Н.* К вопросу о применении рентгенооскопии для изучения археологических объектов. 57, 1955, стр. 145—149.
- Симонова Е. Н.* Объединенная сессия Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН УССР, Киев. 90, 1962, стр. 97—105.
- Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда Волгоградской экспедиции. 55, 1954, стр. 77—94.
- Синицын И. В.* Работы Заволжского отряда Волгоградской археологической экспедиции. 63, 1956, стр. 76—84.
- Синицын И. В.* Ровненский курганный могильник. 84, 1961, стр. 91—102.
- Скуднова В. М.* Комплекс находок из раскопок святилища кабиров в Нимфее. 63, 1956, стр. 128—138.
- Скуднова В. М.* Раскопки Нимфея в 1958 году. 83, 1961, стр. 59—65.
- Смирнов А. П.* Археологические работы ИИМК АН СССР на новостройках. 55, 1954, стр. 17—30.
- Смирнов А. П.* Бронзовое очелье из Поволжья. 89, 1962, стр. 115—117.

- Смирнов А. П. Группа финно-угорской археологии (1958—1959 гг.). 85, 1961, стр. 138—142.
- Смирнов А. П. Заключительное слово на расширенном заседании ученых советов ИИМК АН СССР и ИИЯЛ Молдавского филиала АН СССР. 56, 1954, стр. 133—135.
- Смирнов А. П. См. Каштанов Л. И., Смирнов А. П. Из истории металлургии Среднего Поволжья и Урала.
- Смирнов А. П. К вопросу о месте производства шаманских привесок. 99, 1964, стр. 59—64.
- Смирнов А. П. См. Мерперт Н. Я. и Смирнов А. П. Куйбышевская археологическая экспедиция 1954 г.
- Смирнов А. П. Некоторые нерешенные задачи археологии раннего железного века. 94, 1963, стр. 3—8.
- Смирнов А. П. Работы Поволжской экспедиции 1960 г. 90, 1962, стр. 25—32.
- Смирнов А. П. Сектор скифо-сарматской археологии (1958 г.). 85, 1961, стр. 131—133.
- Смирнов А. П. Сектор скифо-сарматской археологии в 1959—1962 годах. 89, 1962, стр. 118—125.
- Смирнов А. П. Сектор скифо-сарматской археологии (1962 г.). 98, 1964, стр. 132—136.
- Смирнов А. П. См. Веймарн Е. В., Смирнов А. П. Сосуд с росписью из могильника у с. Скалистое.
- Смирнов А. П. Чувашская археологическая экспедиция. 84, 1961, стр. 125—129.
- Смирнов Г. Д. Археологические исследования Старого Орхеля. 56, 1954, стр. 24—39.
- Смирнов К. А. Городище у деревни Митино. 81, 1960, стр. 49—51.
- Смирнов К. А. О работе группы финно-угорской археологии за 1960—1961 гг. 94, 1963, стр. 111—113.
- Смирнов К. Ф. См. Мерперт Н. Я. и Смирнов К. Ф. Археологические работы в зоне строительства Волгоградской ГЭС (к итогам работ экспедиции 1951—1957 гг.).
- Смирнов К. Ф. Новые сарматские памятники на Бузулуке. 89, 1962, стр. 83—93.
- Смирнов К. Ф. Работа первого Нежневолжского отряда Волгоградской экспедиции. 55, 1954, стр. 64—76.
- Смирнова Г. И. Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой области. 70, 1957, стр. 99—107.
- Смирнова Г. И. Работы Западно-Украинской экспедиции в 1954 году. 67, 1957, стр. 101—108.
- Смирнова О. И. Неизданный фельс из раскопок на городище древнего Пянджикента. 61, 1956, стр. 103—106.
- Смирнова О. И. Монеты городища Пянджикента (краткая общая характеристика). 66, 1956, стр. 93—99.
- Смирнова О. И. Монеты древнего Пянджикента. 55, 1954, стр. 48—51.
- Смирнова О. И. Монеты древнего Пянджикента. 60, 1955, стр. 97—100.
- Соболева Д. А. См. Дубынин А. Ф., Соболева Д. А. Археологические работы в Зарядье, Москва (1957—1961 гг.).
- Соколовский Н. И. Каменные крышки амфор. 89, 1962, стр. 108—111.
- Соколовский Н. И. Новые памятники скифской скульптуры. 100, 1965, стр. 86—96.
- Соколовский Н. И. О боспорских щитах. 58, 1955, стр. 14—25.
- Соколовский Н. И. Работы в Кечах в 1958 году. 83, 1961, стр. 66—72.
- Соколовский Н. И. Раскопки античного поселения около станицы Таманской. 74, 1959, стр. 49—57.
- Соколовский Н. И. Раскопки в Кечах в 1957 году. 78, 1960, стр. 53—63.
- Соколовский Н. И. Раскопки в Кечах в 1959 году. 86, 1961, стр. 55—65.
- Соколовский Н. И. Раскопки в Кечах в 1960 году. 91, 1962, стр. 83—91.
- Соколовский Н. И. Раскопки городища Кепы в 1961 г. 95, 1963, стр. 52—59.
- Соколовский Н. И. Раскопки Пантикапея. 83, 1961, стр. 32—45.
- Соловьева Г. Ф. См. Артеменко И. И., Соловьева Г. Ф. Славянские курганы близ с. Ходосовичи.
- Сорокин В. С. Археологические памятники северо-западной части Актюбинской области (экспедиция 1955 г. в районы освоения целинных земель). 71, 1958, стр. 78—85.
- Сорокин В. С. Жилища поселения Тасты-Бутак. 91, 1962, стр. 51—60.
- Сорокин В. С. Могильник Тасты-Бутак I (раскопки 1956—1957 гг.). 80, 1960, стр. 53—59.
- Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника. 64, 1956, стр. 3—14.
- Сорокин С. С. О некоторых приемах нивелировки при археологических раскопках. 53, 1954, стр. 121—126.
- Сорокина Н. П. Раскопки некрополя Гермонасы в 1956—1957 годах. 83, 1961, стр. 46—52.
- Сорокина Н. П. Раскопки некрополя в Кечах в 1959—1960 годах. 91, 1962, стр. 98—106.
- Сорокина Н. П. Раскопки некрополя в Кеп в 1961 г. 95, 1963, стр. 60—65.
- Сорокина Н. П. Стекланный сосуд из Нижнего Поднестровья. 89, 1962, стр. 103—107.
- Сотникова М. П. К вопросу о технике чеканки русских монет в XV в. 66, 1956, стр. 31—35.
- Спаский И. Г. Алтын в русской денежной системе. 66, 1956, стр. 12—20.
- Спаский И. Г. Из истории древнерусского товароведения. 62, 1956, стр. 45—50.
- Спегальский Ю. П. Здание кожевенного завода XVII века в Пскове. 87, 1962, стр. 112—116.
- Спегальский Ю. П. Псковские часовни-усыпальницы. 99, 1964, стр. 106—110.
- Спегальский Ю. П. Псковские керамические кiotы. 81, 1960, стр. 117—121.

- Список основных печатных работ
А. Н. Бернштама. 80, 1960, стр. 9—16.
- Список печатных работ Н. Н. Погребовой. 89, 1962, стр. 5.
- Список печатных работ М. Е. Фосс. См. А. А. Формозов. Список печатных работ М. Е. Фосс.
- Список печатных работ Я. В. Станкевич. 87, 1962, стр. 5.
- Список печатных трудов М. М. Дьяконова. 55, 1954, стр. 159—162.
- Список печатных трудов А. Ю. Якубовского. 51, 1953, стр. 166—168.
- Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 г.). 69, 1957, стр. 40—49.
- Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы (раскопки 1955 г.). 71, 1958, стр. 86—98.
- Ставиский Б. Я. «Ампула святого Мины» из Самарканда. 80, 1960, стр. 101—102.
- Ставиский Б. Я. Древнейшие бронзовые изделия Чача в Государственном Эрмитаже. 60, 1955, стр. 125—128.
- Ставиский Б. Я. О двух памятниках согдийского изобразительного искусства. 61, 1956, стр. 63—64.
- Станкевич Я. В. Работы ЛОИИМК по изучению славяно-русской археологии в 1957 г. Западно-Двинский отряд Верхнеднепровской экспедиции. 79, 1960, стр. 98—100.
- Станкевич Я. В. Исследование памятников первого тысячелетия нашей эры в верховьях Западной Двины за 1949—1951 годы. 52, 1953, стр. 60—67.
- Станкевич Я. В. Курганы у деревни Подлибино на реке Ловати. 87, 1962, стр. 31—35.
- Станкевич Я. В. (некролог). См. От редакции. 87, 1962, стр. 3—4.
- Станкевич Я. В. Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины. 72, 1958, стр. 46—53.
- Станкевич Я. В. Предварительные итоги исследований 1956 года в Великолукской области. 77, 1959, стр. 77—83.
- Станкевич Я. В. (список печатных работ). 87, 1962, стр. 5.
- Станкевич Я. В. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года. 87, 1962, стр. 6—30.
- Степанов П. Д. Курганы эпохи бронзы у с. Пиксяси Мордовской АССР. 59, 1955, стр. 74—80.
- Степанов П. Д. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши. 59, 1955, стр. 66—73.
- Степанов П. Д. Фатьяновские поселения в Западном Поволжье. 53, 1954, стр. 55—60.
- Столяр А. Д. См. Шульц П. Н. и Столяр А. Д. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира.
- Столяр А. Д. Мезолитические комплексы Алимовского навеса в Крыму. 84, 1961, стр. 38—44.
- Сымонович Э. А. Две статуэтки коня из Побужья. 72, 1958, стр. 22—27.
- Сымонсвич Э. А. Инкрустированные стеклом изделия из Черкасской области. 90, 1962, стр. 69—72.
- Сымонович Э. А. Кочевническое погребение у села Михайловки. 87, 1962, стр. 67—69.
- Сымонович Э. А. Лепная посуда памятников черняховской культуры нижнего Днепра. 68, 1957, стр. 14—19.
- Сымонович Э. А. О датировке поселений первых веков нашей эры в Луке-Врублевской. 57, 1955, стр. 23—32.
- Сымонович Э. А. О некоторых типах поселений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье. 65, 1956, стр. 131—135.
- Сымонович Э. А. Памятники позднекочевнического времени в Поднепровье. 81, 1960, стр. 108—111.
- Сымонович Э. А. Погребения X—XII вв. Каменского могильника. 65, 1956, стр. 99—106.
- Сымонович Э. А. Работы на черняховских памятниках в Приднепровье. 94, 1963, стр. 80—87.
- Сымонович Э. А. Раскопки городища Колочин I в Южной Белоруссии. 77, 1959, стр. 70—76.
- Сымонович Э. А. Раскопки поселения Ломоватое 2. 79, 1960, стр. 21—25.
- Сымонович Э. А. Стеклянная посуда середины I тысячелетия нашей эры с Нижнего Днепра. 69, 1957, стр. 22—30.
- Сымонович Э. А. Фибула с Нижнего Днепра с надписью. 89, 1962, стр. 101—102.
- Талицкая И. А. Институт истории материальной культуры в 1957 году. Сектор неолита и бронзы. 78, 1960, стр. 123—126.
- Талицкая И. А. О работе сектора неолита и бронзы ИИМК АН СССР в 1956 г. 71, 1958, стр. 141—144.
- Тараканова С. А. Археологическая разведка по Неману. 57, 1955, стр. 100—108.
- Тараканова С. А. Каменные плитки с рисунками с городища Камно. 62, 1956, стр. 152—154.
- Тараканова С. А. Псковские городища. 62, 1956, стр. 33—44.
- Тарасенко В. Р. Из материалов раскопок Минского Замчища. 57, 1955, стр. 47—51.
- Тарасов Л. М. Конструкция палеолитического жилища в Гагарино. 97, 1964, стр. 20—24.
- Тарасов Л. М. Новые раскопки на стоянке Гагарино. 92, 1962, стр. 56—60.
- Тарасов Л. М. Углянская палеолитическая стоянка (Костенки XVI). 85, 1961, стр. 38—47.
- Тарасюк Л. И. Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи. 63, 1956, стр. 22—30.
- Тарпаш М. М. Новая археологическая находка в Абхазии. 53, 1954, стр. 139—142.
- Твердохлебов А. М. См. Марковин В. И. и Твердохлебов А. М. Акушинский могильник.
- Телегин Д. Я. Мезолитические стоянки в окрестностях Киева. 65, 1956, стр. 74—76.

- Телегин Д. Я. Находки раннеславянского времени на Северном Донце. 68, 1957, стр. 129—132.
- Телегин Д. Я. Яремовская неолитическая стоянка (по материалам раскопок С. С. Гамченка). 59, 1955, стр. 61—65.
- Тереножкин А. И. См. Ильинская В. А. и Тереножкин А. И. Новая находка блях с эмальями на Киевщине.
- Тереножкин А. И. Лужицкая культура и культура Среднего Поднепровья. 67, 1957, стр. 3—16.
- Тереножкин А. И. Раскопки курганов в долине реки Молочной. 63, 1956, стр. 70—75.
- Титов В. С. Первое общественное разделение труда, древнейшие земледельческие и скотоводческие племена (доклад на теоретическом семинаре в ИА АН СССР 31 марта 1960 г.). 88, 1962, стр. 10—25.
- Тимошук Б. А. Древнерусские поселения Северной Буковины. 57, 1955, стр. 109—114.
- Тимошук Б. А. Об инструментах для письма («стилях»). 62, 1956, стр. 155—158.
- Тимошук Б. А., Винокур И. С. Памятники эпохи полей погребений на Буковине. 90, 1962, стр. 73—76.
- Тимошук Б. А. Подкарпатские курганы III—V веков нашей эры. 52, 1953, стр. 54—59.
- Тимошук Б. А. Славянские поселения IX—X вв. на территории Северной Буковины. 53, 1954, стр. 86—90.
- Тиханова М. А. Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции (памятники культуры полей погребений). 57, 1955, стр. 92—99.
- Тиханова М. А. Разведка в районе верхнего течения реки Горыни. 87, 1962, стр. 46—53.
- Тиханова М. А. (Экспедиции ЛОИИМК по изучению славяно-русской археологии). Днестровско-Волынский отряд Галицко-Волынской экспедиции. 79, 1960, стр. 93—95.
- Третьяков П. Н. Бологовское городище. 87, 1962, стр. 36—41.
- Третьяков П. Н. Моховское второе городище. 81, 1960, стр. 43—48.
- Третьяков П. Н. Работы Верхнеднепровской археологической экспедиции 1957 года. 79, 1960, стр. 80—82.
- Третьяков П. Н. Раннеславянская культура в Верхнем Поднепровье. 55, 1954, стр. 11—16.
- Трубникова Н. В. К вопросу о происхождении городецкой культуры. 75, 1959, стр. 163—168.
- Тюрменов С. Н. История развития северного участка Шигирского торфяника по данным стратиграфии и анализу пыльцы. 75, 1959, стр. 132—137.
- Успенский С. И. Верхнеокская неолитическая стоянка Турынские Дворики. 59, 1955, стр. 131—134.
- Успенская А. В. и Краснов Ю. А. Новая неолитическая стоянка в Подмосковье. 75, 1959, стр. 90—91.
- Успенская А. В. Успенское городище. 68, 1957, стр. 117—122.
- Федоров В. В. Новые изображения рыб с палеолитических стоянок Европейской части СССР. 82, 1961, стр. 140—142.
- Федоров Г. Б. Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии. 56, 1954, стр. 8—23.
- Федоров Г. Б. Лукашевский могильник. 68, 1957, стр. 51—62.
- Федоров Г. Б. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1959 году. 86, 1961, стр. 78—85.
- Федоров Г. Б. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960—1961 гг. 99, 1964, стр. 77—88.
- Федоров Г. Б. Работы Прутско-Днестровской экспедиции. 81, 1960, стр. 38—42.
- Федорова Р. В. См. Величко А. А. и Федорова Р. В. Об условиях залегания палеолитической стоянки Валукинского (Костенки XIX).
- Федорова Р. В. Применение спорово-пыльцевого анализа при археологических исследованиях. 72, 1958, стр. 14—21.
- Федоров-Давыдов Г. А. К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV в. 66, 1956, стр. 51—58.
- Фехнер М. В. См. Мальм В. А. и Фехнер М. В. Раскопки стекольного завода близ деревни Большое Буньково.
- Формозов А. А. Доандроновское погребение в Казахстане. 63, 1956, стр. 153—155.
- Формозов А. А. Использование подъемного материала с дюнных стоянок в археологических исследованиях. 75, 1957, стр. 85—89.
- Формозов А. А. Исследования памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 году. 78, 1960, стр. 13—21.
- Формозов А. А. Исследования по каменному веку Крыма в 1956 году. 73, 1959, стр. 39—47.
- Формозов А. А. Исследование стоянок каменного века в Крыму в 1952 году. 54, 1954, стр. 62—70.
- Формозов А. А. Новое о южных связях майкопской культуры. 93, 1963, стр. 34—37.
- Формозова А. А. Неолитическая керамика Нижнего Подонья. 53, 1954, стр. 134—138.
- Формозов А. А. О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века. 59, 1955, стр. 3—10.
- Формозов А. А. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа. 67, 1957, стр. 138—141.
- Формозов А. А. О хозяйстве племен майкопской культуры Прикубанья. 88, 1962, стр. 27—32.
- Формозов А. А. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья. 98, 1964, стр. 9—17.
- Формозов А. А. Список печатных работ М. Е. Фосс. 64, 1956, стр. 158—161.
- Фосс М. Е. Исследование неолитических

- стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году. 75, 1959, стр. 17—25.
- Фосс М. Е. Неолитическая стоянка Бисерово озеро. 75, 1959, стр. 26—39.
- Фосс М. Е. (некролог). См. Памяти Марии Евгеньевны Фосс.
- Фосс М. Е. См. От редакции «Кратких сообщений» (памяти М. Е. Фосс).
- Фосс М. Е. Поселения на дюне Озименки. 75, 1959, стр. 4—16.
- Фосс М. Е. См. *Формозов А. А.* Список печатных работ М. Е. Фосс.
- Хавлюк П. И. Стоянки развитого неолита в северной части среднего течения Южного Буга. 75, 1959, стр. 169—173.
- Халиков А. Х. Балановские памятники в Татарии. 97, 1964, стр. 50—58.
- Ханзадян Э. В. Лчашенский курган № 6. 91, 1962, стр. 66—71.
- Хлебникова Т. А. Древнерусское поселение в Болгарах. 62, 1956, стр. 141—147.
- Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопок Б. Э. Петри). 97, 1964, стр. 25—32.
- Хлобыстин Л. П. См. *Пядышев Н. П., Хлобыстин Л. П.* Новая стоянка в Печорском Заполярье.
- Хлобыстин Л. П. Сектор палеолита в 1961 г. 97, 1964, стр. 135—137.
- Хлопин И. Н. Верхний слой поселения Кара-депе (по материалам ЮТАКЭ в 1956 г.). 74, 1959, стр. 42—49.
- Хлопин И. Н. Изображение коровы на сосуде из Кара-депе (по материалам работ ЮТАКЭ 1955 года). 69, 1957, стр. 136—138.
- Хлопин И. Н. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении. 91, 1962, стр. 14—21.
- Хлопин И. Н. Модель круглого жертвенника с Ялангач-депе. 98, 1964, стр. 49—53.
- Хлопин И. Н. Ялангач-депе — поселение эпохи энеолита. 93, 1963, стр. 74—79.
- Хованская О. С. Новые данные о крепостных сооружениях г. Болгара. 62, 1956, стр. 129—134.
- Хороших П. П. Неолитическое погребение на реке Кае (окрестности г. Иркутска). 54, 1954, стр. 83—88.
- Хынку И. Г. Раскопки на селище XII—XV веков Лукашевка V. 86, 1961, стр. 86—91.
- Цалкин В. И. Основные задачи изучения костей животных из раскопок памятников материальной культуры. 58, 1955, стр. 3—13.
- Цветаева Г. А. См. *Кругликова И. Т. и Цветаева Г. А.* Раскопки в Анапе.
- Цветаева Г. А. Сектор античной археологии (1958 г.). 85, 1961, стр. 133—138.
- Цветаева Г. А. Сектор античной археологии в 1959 г. 91, 1961, стр. 107—111.
- Цветаева Г. А. Сектор античной археологии в 1960 г. 91, 1962, стр. 111—114.
- Цветаева Г. А. Сообщение о докладах, прочитанных на заседаниях сектора античной археологии ИИМК АН СССР в 1956 г. 72, 1958, стр. 107—109.
- Цветкова И. К. Стоянка Черная Гора. 75, 1959, стр. 114—122.
- Цехмистренко В. И. Два керченских сосуда с акварельной росписью. 70, 1957, стр. 147—149.
- Цицишвили И. Н. Гробница у станции Мухета. 54, 1954, стр. 116—126.
- Чернецов В. Н. См. *Мошинская В. И. и Чернецов В. Н.* Городище Андрюшкин городок.
- Черников С. С. Золотой курган Чиликтинской долины (к вопросу о происхождении «скифского искусства»). 98, 1964, стр. 31—34.
- Черников С. С. К изучению древней истории Восточного Казахстана. 69, 1957, стр. 12—21.
- Черников С. С. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. 64, 1956, стр. 43—60.
- Черников С. С. О термине «ранние кочевники». 80, 1960, стр. 17—21.
- Черников С. С. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 году. 73, 1959, стр. 99—106.
- Черников С. С. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. 53, 1954, стр. 29—49.
- Чернов Г. А. Новые Археологические находки в Большеземельской тундре. 54, 1954, стр. 76—82.
- Чернов Г. А. Новые археологические находки в Печорском бассейне. 64, 1956, стр. 104—115.
- Черных Е. Н. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры. 91, 1962, стр. 30—37.
- Черныш А. П. Изображение человека позднепалеолитического времени. 67, 1957, стр. 133—134.
- Черныш А. П. Исследования палеолита на Днестре. 56, 1954, стр. 120—132.
- Черныш А. П. Исследования стоянки Молодова в 1955 году. 73, 1959, стр. 48—56.
- Черныш А. П. Многослойная стоянка Молодова V. 67, 1957, стр. 45—53.
- Черныш А. П. Мустьерские слои стоянки Молодова V. 82, 1961, стр. 77—85.
- Черныш А. П. Новые находки из раскопок стоянки Молодова V на Днестре. 63, 1956, стр. 150—152.
- Черныш А. П. Палеолитическая стоянка Вороновица I (по данным раскопок 1951—1953 гг.). 63, 1956, стр. 40—47.
- Черныш А. П. Проблема хронологии позднего палеолита Европейской части СССР. 69, 1957, стр. 3—11.
- Черныш А. П. Флейта палеолитического времени. 59, 1955, стр. 129—130.
- Черныш Е. К., Черняков И. Т. Археологические разведки в Подунавье. 99, 1964, стр. 89—96.
- Черныш Е. К. Многослойное поселение у села Незвисько на Днестре. 63, 1956, стр. 48—56.
- Черныш Е. К. Неолитическое поселение у с. Торское на Днестре. 92, 1962, стр. 83—86.

- Черныш Е. К. См. Пассек Т. С., Черныш Е. К. Открытие культуры Гумельницы в СССР.
- Черныш Е. К. Раннетрипольские поселения Среднего Поднестровья. 56, 1954, стр. 111—118.
- Черныш Е. К. Резцы с трипольских поселений. 59, 1955, стр. 140—144.
- Черняков И. Т. См. Черныш Е. К., Черняков И. Т. Археологические разведки в Подунавье.
- Чигуряева А. А. и Хвалица Н. Я. О характере растительности в районе Волгограда в эпоху среднего палеолита. 82, 1961, стр. 37—41.
- Чижов В. А. См. Аكوпова М. К., Пазухин В. А., Чижов В. А. Могли ли древние мастера выплавлять алюминиевую бронзу?
- Членова Н. Л. Бронзовый меч из Минусинской котловины. 60, 1955, стр. 135—138.
- Чубарова Р. В. Археологические исследования в 1956 году на острове Сахалин. 73, 1959, стр. 115—121.
- Чубарова Р. В. Неолитическое поселение Ноглики I (Дальний Восток). 85, 1961, стр. 48—54.
- Чубарова Р. В. Работы Сахалинского отряда Дальневосточной экспедиции в 1955 г. 71, 1958, стр. 119—128.
- Шапошникова О. Г. Поселение раннебронзового времени у села Волошского. 67, 1957, стр. 94—96.
- Шарафутдинова Э. С. Жилище эпохи бронзы на Кобяковом городище (раскопки 1958—1961 годов). 93, 1963, стр. 58—62.
- Шелов Д. Б. Итоги археологического изучения Танаиса. 100, 1965, стр. 79—85.
- Шелов Д. Б. Исследования Танаиса в 1961 году. 95, 1963, стр. 91—96.
- Шелов Д. Б. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1957—1958 гг. 83, 1961, стр. 126—135.
- Шелов Д. Б. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1960 году. 91, 1962, стр. 78—82.
- Шелов Д. Б. Раскопки Западно-Цурукского поселения на Тамани. 51, 1953, стр. 159—165.
- Шелов Д. Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. 68, 1957, стр. 98—103.
- Шелов Д. Б. Раскопки Западно-Цурукского поселения в 1952 г. 58, 1955, стр. 97—99.
- Шелов Д. Б. См. Блаватский В. Д. и Шелов Д. Б. Разведки на Керченском полуострове.
- Шелов Д. Б. Раскопки Танаиса в 1955 году. 74, 1959, стр. 74—80.
- Шелов Д. Б. Раскопки Танаиса в 1956 году. 77, 1959, стр. 62—69.
- Шелов Д. Б. Состояние работы в области нумизматики и ближайшие задачи. 66, 1956, стр. 3—11.
- Шер Я. А. Археологические разведки на озере Сон-Куль (1960—1962 гг.). 98, 1964, стр. 68—74.
- Шилов В. П. К изучению палеолита Нижнего Подонья. 64, 1956, стр. 130—131.
- Шилов В. П. Раскопки Калиновского курганного могильника. 59, 1955, стр. 118—128.
- Шишкин В. А. О художественном ремесле в Средней Азии V—VIII вв. по памятникам древней живописи (текстиль). 80, 1960, стр. 22—25.
- Шмидт Е. А. Раскопки длинных курганов в Смоленской области. 54, 1954, стр. 147—152.
- Шовкопляс И. Г. Добраничевская палеолитическая стоянка. 59, 1955, стр. 32—45.
- Шовкопляс И. Г. Раскопки Мезинской палеолитической стоянки. 63, 1956, стр. 31—39.
- Шовкопляс И. Г. Фастовская позднепалеолитическая стоянка. 65, 1956, стр. 68—73.
- Шрамко Б. А. Новые данные о добыче железа в Скифии. 91, 1962, стр. 72—77.
- Шрамко Б. А. Новые памятники предскифского времени на Северном Донце. 67, 1957, стр. 17—27.
- Шрамко Б. А. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. 54, 1954, стр. 105—115.
- Шрамко Б. А. Курган и городище у села Циркуны. 63, 1956, стр. 103—108.
- Шульц П. Н. и Столяр А. Д. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. 71, 1958, стр. 53—64.
- Шургая И. Г. Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия. 95, 1963, стр. 107—111.
- Шапова Ю. Л. Результаты спектрального анализа стеклянного кубка из собрания ГИМ (приложение к статье Сорокиной Н. П.). 89, 1962, стр. 107.
- Щепинский А. А. Новые сборы на палеолитических стоянках в окрестностях Симферополя. 54, 1954, стр. 71—75.
- Щепинский А. А. Новые памятники кизилкобинской культуры в Крыму. 67, 1957, стр. 89—93.
- Щетенко А. Я. Расписная керамика эпохи бронзы с Намазга-депе. 98, 1964, стр. 59—61.
- Щукина Е. С. Федор Алексеев — русский медальер и механик начала XVIII века. 54, 1954, стр. 187—189.
- Юсупов Г. В. Археологические разведки в Башкирии. 64, 1956, стр. 85—92.
- Якобсон А. Л. Новый памятник средневековой архитектуры в Крыму. 99, 1964, стр. 65—72.
- Якобсон А. Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты (близ Гурзуфа). 53, 1954, стр. 109—120.
- Якобсон А. Л. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму. 54, 1954, стр. 164—172.
- Якобсон А. Л. Средневековые гончарные печи в районе Судака (по раскопкам 1953 г.). 60, 1955, стр. 102—109.
- Якобсон А. Я. Средневековые поселения в Байдарской долине (раскопки 1956 г.). 76, 1959, стр. 90—103.

- Якубовский А. Ю. См. От редакции. 61, 1956, стр. 3.
- Якубовский А. Ю. (некролог). См. *Беленицкий А. М. и Дьяконов М. М. Памяти Александра Юрьевича Якубовского*. Якубовский А. Ю. См. Список печатных трудов А. Ю. Якубовского.
- Якубцинер М. М. О составе зерновых культур из Старой Ладogi. 57, 1955, стр. 17—22.
- Ямпольский Э. И. О статуе, найденной на территории Кавказской Албании. 60, 1955, стр. 155—158.
- Янин В. Л. Алтын и его место в русских денежных системах XIV—XV вв. 66, 1956, стр. 21—30.
- Янин В. Л. К вопросу о дате допастецкого креста. 68, 1957, стр. 31—34.
- Янин В. Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. 62, 1956, стр. 3—16.
- Янин В. Л. Древнейшая русская печать X века. 57, 1955, стр. 39—46.
- Янин В. Л. Печать мстиславовой грамоты. 65, 1956, стр. 42—48.
- Янин В. Л. Печати ладожских наместников. 52, 1953, стр. 111—112.
- Янин В. Л. Печати новгородских тиунов как исторический источник. 52, 1953, стр. 106—111.
- Янин В. Л. Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича (1054—1057). 55, 1954, стр. 150—152.
- Янин В. Л. Редчайший памятник московской сфрагистики XIV века. 53, 1954, стр. 148—150.
- Янин В. Л. Свинцовая крышка с тайнописью из Новгорода. 54, 1954, стр. 42—48.
- Янитс Л. Ю. Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР. 54, 1954, стр. 3—23.
- Яценко И. В. Раннее сарматское погребение в бассейне Северного Донца. 89, 1962, стр. 42—50.
-

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ
СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В КРАТКИХ СООБЩЕНИЯХ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

Вып. 51—100

ПОЯСНЕНИЕ К СИСТЕМАТИЧЕСКОМУ УКАЗАТЕЛЮ

Систематический указатель составлен по хронологическому принципу с учетом территориальных признаков. В самостоятельные разделы выделены: а) общие статьи по различным вопросам советской археологической науки, б) нумизматика, в) эпиграфика, сфрагистика, г) антропологические данные, д) данные по земледелию и скотоводству, е) археологическая методика, камеральная обработка и лабораторные исследования, ж) зарубежная археология, з) персоналии, и) научная жизнь Института археологии АН СССР и обзоры полевых исследований.

В предметных рубриках указателя нет ссылок на статьи, в которых можно найти лишь беглые упоминания о данном предмете.

Основные хронологические разделы: 1) палеолит и мезолит, 2) неолит и бронзовый век, 3) переходный период от поздней бронзы к раннему железу. 4) ранний железный век (до IV в. н. э.) с подразделом «Памятники античного времени Северного Причерноморья», 5) поздний железный век (с IV в. н. э.) с подразделом «Славянские и древнерусские памятники».

Территориальные подразделения (за исключением первого раздела «Палеолит и мезолит», для которого взяты более крупные области) включают:

Север — Псковская, Новгородская, Ленинградская, Вологодская, Мурманская, Архангельская, Карельская области РСФСР и Коми АССР.

Прибалтика — Эстонская, Латвийская и Литовская ССР и Калининградская область РСФСР.

Белорусская ССР.

Центральные области — Великолукская, Калининская, Ярославская, Ивановская, Костромская, Владимирская,

Московская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская, Курская, Орловская, Белгородская, Брянская.

Среднее Поволжье — Горьковская и Кировская области РСФСР, Удмуртская, Татарская, Марийская, Чувашская, Мордовская АССР.

Урал — Пермская, Свердловская, Челябинская, Оренбургская области РСФСР и Башкирская АССР.

Нижнее Поволжье — Пензенская, Ульяновская, Саратовская, Волгоградская, Астраханская области.

Правобережная Украина и Молдавия — Киевская, Черкасская, Днепропетровская и другие области Украинской ССР западнее Днепра и Молдавская ССР.

Левобережная Украина — районы Украинской ССР восточнее Днепра.

Крымская область УССР.

Северный Кавказ — Краснодарский и Ставропольский края и Грозненская область РСФСР, Дагестанская, Кабардинская, Северо-Осетинская, Чечено-Ингушская АССР.

Закавказье — Грузинская, Армянская, Азербайджанская ССР.

Казахстан.

Средняя Азия — Туркменская, Узбекская, Таджикская, Киргизская ССР.

Западная Сибирь — Курганская, Тобольская, Омская, Новосибирская, Томская, Кемеровская области, Алтайский, Красноярский края, Тувинская АО.

Восточная Сибирь — Иркутская, Читинская области, Бурят-Монгольская, Якутская АССР.

Дальний Восток — Амурская, Сахалинская области, Хабаровский и Приморский края РСФСР.

- Грязнов М. П.* Работы Красноярской экспедиции. 100, 1965, стр. 62—71.
- Иессен А. А.* Кавказ и древний Восток в IV и III тысячелетиях до нашей эры, 93, 1963, стр. 3—14.
- Киселев С. В.* Некоторые вопросы истории первобытного общества. 88, 1962, стр. 3—9.
- Колчин Б. А.* К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951—1962 гг.). 99, 1964, стр. 3—20.
- Крайнов Д. А.* Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. 97, 1964, стр. 3—19.
- Крупнов Е. И.* Некоторые нерешенные вопросы первобытной археологии Кавказа. 98, 1964, стр. 3—8.
- Крупнов Е. И.* О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа. 60, 1955, стр. 3—13.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М.* Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований. 100, 1965, стр. 40—49.
- Массон В. М.* Восточные параллели убежденной культуры. 91, 1962, стр. 3—13.
- Мерперт Н. Я.* Некоторые вопросы истории Восточного Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой. 83, 1961, стр. 3—9.
- Мошкова М. Г.* О раннесарматских втульчатых стрелах. 89, 1962, стр. 77—82.
- Пиотровский Б. Б.* Урартская крепость Тейшебаини (Кармир-Блур). *100, 1965, стр. 72—78.
- Рогачев А. Н.* Основные итоги и задачи изучения палеолита Русской равнины. 92, 1962, стр. 3—11.
- Смирнов А. П.* Некоторые нерешенные задачи археологии раннего железного века. 94, 1963, стр. 3—8.
- Тереножкин А. И.* Лужицкая культура и культура Среднего Поднепровья. 67, 1957, стр. 3—16.
- Титов В. С.* Первое общественное разделение труда, древнейшие земледельческие и скотоводческие племена (доклад на теоретическом семинаре в ИА АН СССР 31 марта 1960 г.). 88, 1962, стр. 10—25. Обсуждение доклада В. С. Титова (Гришин Ю. С.). 88, 1962, стр. 25—26. См. также: От редакции. Поправка (к тексту обсуждения доклада В. С. Титова — КСИА вып. 88). 92, 1962, стр. 113.
- Третьяков П. Н.* Раннеславянская культура в Верхнем Поднепровье. 55, 1954, стр. 11—16.
- Формозов А. А.* О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века. 59, 1955, стр. 3—10.
- Шелов Д. Б.* Состояние работы в области нумизматики и ближайшие задачи. 66, 1956, стр. 3—11.

ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ

Русская Равнина

- Абрамова Э. А.* Изображения животных с палеолитической стоянки Александровка. 82, 1961, стр. 97—103.
- Бадер О. Н.* Уникальная палеолитическая фигурка со стоянки Сунгирь. 82, 1961, стр. 135—139.
- Блохина Н. Г.* Анализ углей из палеолитических стоянок в Костенках. 97, 1964, стр. 64—65.
- Борисковский П. И.* Кремневые мастерские в окрестностях Валуек на реке Оскол. 82, 1961, стр. 104—111.
- Борисковский П. И.* Некоторые спорные вопросы палеолита Костенок. 78, 1960, стр. 3—12.
- Борисковский П. И.* Новые раскопки палеолитической стоянки Валукинского (Костенки XIX). 84, 1961, стр. 30—31.
- Борисковский П. И.* Палеолитическая стоянка под Одессой (раскопки 1959 года). 86, 1961, стр. 28—35.
- Борисковский П. И.* Раскопки палеолитической стоянки Валукинского (Костенки XIX) в 1956 году. 73, 1959, стр. 57—63.
- Величко А. А. и Федорова Р. В.* Об условиях залегания палеолитической стоянки Валукинского (Костенки XIX). 84, 1961, стр. 32—37.
- Гвоздовер М. Д.* Специфические черты кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки. 82, 1961, стр. 112—119.
- Гитерман Р. Е.* Стратиграфическое значение спорово-пыльцевых спектров четвертичных отложений низовья р. Чусовой. 92, 1962, стр. 18—23.
- Гохман И. И.* Палеолитическая стоянка «Пещера» на Бухтарме. 67, 1957, стр. 54—58.
- Громов В. И.* Геологический возраст Волгоградской стоянки. 82, 1961, стр. 42—48.
- Дебец Г. Ф.* Череп из позднепалеолитического погребения в Покровском Логе (Костенки XVIII). 82, 1961, стр. 120—127.
- Заверняев Ф. М.* Поселения мезолитического времени на Соже и Десне. 67, 1957, стр. 63—64.
- Замятин С. Н.* Волгоградская палеолитическая стоянка. 82, 1961, стр. 5—36.
- Коробкова Г. Ф.* Тарденуазская стоянка Гребеники в Нижнем Поднепровье. 67, 1957, стр. 59—62.
- Крайнов Д. А.* Дюнная стоянка Золоторучье I. 75, 1959, стр. 63—69.
- Крайнов Д. А.* Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. 97, 1964, стр. 3—19.
- Матюшин Г. Н.* Стоянки с микролитическим инвентарем в горной Башкирии. 97, 1964, стр. 66—74.
- Месяц В. А.* Находки древнепалеолитических орудий в районе Житомира. 92, 1962, стр. 54—55.

- Пассек Т. С. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. 56, 1954, стр. 76—97.
- Прасолов Н. Д. Гмелинская стоянка в Костенках. 97, 1964, стр. 59—63.
- Рогачев А. Н. Аносовка II — новая многослойная стоянка в Костенках. 82, 1961, стр. 86—96.
- Рогачев А. Н. Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине. 92, 1962, стр. 12—17.
- Рогачев А. Н. Основные итоги и задачи изучения палеолита Русской равнины. 92, 1962, стр. 3—11.
- Рогачев А. Н. Раскопки Костенок I. 51, 1953, стр. 3—15.
- Семенов С. А. Следы работы на орудиях и доказательства работы неандертальцев правой рукой (по материалам Волгоградской стоянки). 84, 1961, стр. 12—18.
- Тарасов Л. М. Конструкция палеолитического жилища в Гагарино. 97, 1964, стр. 20—24.
- Тарасов Л. М. Новые раскопки на стоянке Гагарино. 92, 1962, стр. 56—60.
- Тарасов Л. М. Угланская палеолитическая стоянка (Костенки XVI). 85, 1961, стр. 38—47.
- Телегин Д. Я. Мезолитические стоянки в окрестностях Киева. 65, 1956, стр. 74—76.
- Черныш А. П. Изображение человека позднепалеолитического времени. 67, 1957, стр. 133—134.
- Черныш А. П. Исследования палеолита на Днестре. 56, 1954, стр. 120—132.
- Черныш А. П. Исследования стоянки Молодова в 1955 году. 73, 1959, стр. 48—56.
- Черныш А. П. Многослойная стоянка Молодова V. 67, 1957, стр. 45—53.
- Черныш А. П. Мустьерские слои стоянки Молодова V. 82, 1961, стр. 77—85.
- Черныш А. П. Новые находки из раскопок стоянки Молодова V на Днестре. 63, 1956, стр. 150—152.
- Черныш А. П. Палеолитическая стоянка Вороновица I (по данным раскопок 1951—1953 гг.). 63, 1956, стр. 40—47.
- Черныш А. П. Проблема хронологии позднего палеолита Европейской части СССР. 69, 1957, стр. 3—11.
- Черныш А. П. Флейта палеолитического времени. 59, 1955, стр. 129—130.
- Чигуряева А. А. и Хвалина Н. Я. О характере растительности в районе Волгограда в эпоху среднего палеолита. 82, 1961, стр. 37—41.
- Шилов В. П. К изучению палеолита Нижнего Подонья. 64, 1956, стр. 130—131.
- Шовкопляс И. Г. Добраничевская палеолитическая стоянка. 59, 1955, стр. 32—45.
- Шовкопляс И. Г. Раскопки Мезинской палеолитической стоянки. 63, 1956, стр. 31—39.
- Шовкопляс И. Г. Фастовская позднепалеолитическая стоянка. 65, 1956, стр. 68—73.
- Векилова Е. А. К вопросу о свидерской культуре в Крыму (стоянка Сюрень II). 82, 1961, стр. 143—149.
- Крайнов Д. А. Раскопки Бахчисарайской мустьерской стоянки в 1957 году. 78, 1960, стр. 22—33.
- Столяр А. Д. Мезолитические комплексы Алимовского навеса в Крыму. 84, 1961, стр. 38—44.
- Формозов А. А. Исследование стоянок каменного века в Крыму в 1952 году. 54, 1954, стр. 62—70.
- Формозов А. А. Исследования по каменному веку Крыма в 1956 году. 73, 1959, стр. 39—47.
- Щепинский А. А. Новые сборы на палеолитических стоянках в окрестностях Симферополя. 54, 1954, стр. 71—75.

Кавказ

- Коробков И. И. Разведочные работы в Хостинских пещерах в 1961 г. (Черноморское побережье Кавказа). 92, 1962, стр. 44—50.
- Любин В. П. Верхнеашельская мастерская Джрабер (Армения). 82, 1961, стр. 59—67.
- Любин В. П. Исследования палеолита в Юго-Осетии (1954 г.). 71, 1958, стр. 28—40.
- Любин В. П. Мезолитическая стоянка Явора. 84, 1961, стр. 45—48.
- Любин В. П. Новое о нижнем палеолите Северной Осетии. 92, 1962, стр. 29—36.
- Любин В. П. Палеолитические находки в Юго-Осетии (работы 1951—1952 гг.). 54, 1954, стр. 49—61.
- Любин В. П., Бадер Н. О., Марковин В. И. Первые местонахождения орудий каменного века в Чечено-Ингушетии. 92, 1962, стр. 51—53.
- Любин В. П. Первая находка нижнего палеолита на Ставрополье. 73, 1959, стр. 33—38.
- Паничкина М. Э. и Векилова Е. А. Исследование Ахштырской пещеры в 1961 г. 92, 1962, стр. 37—42.
- Паничкина М. Э. Новые палеолитические находки на реке Псекупсе (Кубань). 82, 1961, стр. 49—58.
- Формозов А. А. Исследования памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 году. 78, 1960, стр. 13—21.
- Формозов А. А. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья. 98, 1964, стр. 9—17.

Средняя Азия и Казахстан

- Крылова А. А. Новые палеолитические местонахождения в Восточном Казахстане. 76, 1959, стр. 28—32.
- Окладников А. П. и Леонов Н. И. Первые находки каменного века в Фергане. 86, 1961, стр. 36—42.
- Окладников А. П. Ходжикентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана. 82, 1961, стр. 68—76.

- Ранов В. А.* Стоянка Каратумшук (Восточный Памир). 80, 1960, стр. 40—46.
- Черников С. С.* К изучению древней истории Восточного Казахстана. 69, 1957, стр. 12—21.
- Черников С. С.* О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. 64, 1956, стр. 43—60.

С и б и р ь

- Абрамова Э. А.* Раскопки палеолитических стоянок на речке Таштык в 1960 г. 92, 1962, стр. 65—70.
- Герасимов М. М.* Круглое жилище стоянки Мальта. 82, 1961, стр. 128—134.
- Крылова А. А., Павлюченко И. М.* Орудия каменного века в Горном Алтае. 92, 1962, стр. 61—64.
- Окладников А. П.* Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом. 51, 1953, стр. 16—22.

НЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Север

- Гурина Н. Н.* Археологические исследования в Карелии и в Ленинградской области. 51, 1953, стр. 23—35.
- Крижевская Л. Я.* Неолитическая стоянка «Прикол» на озере Пирос. 75, 1959, стр. 77—84.
- Семенов С. А.* К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды (шнуровой и зубчатый орнаменты неолитической керамики Карелии). 57, 1955, стр. 137—144.
- Чернов Г. А.* Новые археологические находки в Большеземельской тундре. 54, 1954, стр. 76—82.
- Чернов Г. А.* Новые археологические находки в Печорском бассейне. 64, 1956, стр. 104—115.

Прибалтика

- Янитс Л. Ю.* Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР. 54, 1954, стр. 3—23.

Белоруссия

- Артеменко И. И.* Из археологических работ в Верхнем Поднепровье в 1958 году. 84, 1961, стр. 63—68.
- Артеменко И. И.* Неолитическая стоянка у с. Веть Могилевской области. 97, 1964, стр. 120—126.
- Артеменко И. И.* Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья. 78, 1960, стр. 34—42.
- Артеменко И. И.* Поселения среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья. 88, 1962, стр. 64—73.
- Гурина Н. Н.* Новые данные о древних шахтах по добыче кремня на западе Белоруссии. 100, 1965, стр. 50—58.

Общие статьи

- Абрамова Э. А.* К вопросу о женских изображениях в мадленскую эпоху. 76, 1959, стр. 103—107.
- Алыпбаев Х. К.* Некоторые результаты изучения кремневых орудий. 74, 1959, стр. 10—16.
- Паничкина М. Э.* О двух типах верхнепалеолитических нуклеусов (так называемых нуклеусах-скребках и гигантолитах). 75, 1959, стр. 57—62.
- Паничкина М. Э.* О двух типах верхнепалеолитических нуклеусов (II — гигантолиты). 76, 1959, стр. 3—9.
- Рудинский М. Я.* К вопросу о древнепалеолитических орудиях из кварцита. 73, 1959, стр. 126—132.
- Семенов С. А.* Происхождение абразивной техники и ее значение в древнем хозяйстве. 86, 1961, стр. 3—10.
- Федоров В. В.* Новые изображения рыб с палеолитических стоянок Европейской части СССР. 82, 1961, стр. 140—142.

Центральные области

- Абрамова Э. А.* Неолитическая «мастерская» кремневых орудий на Волге близ Костромы. 67, 1957, стр. 71—77.
- Алихова А. Е.* Абашевские курганы близ села Земского Рязанской области. 64, 1956, стр. 141—143.
- Артеменко И. И.* Фатьяновский могильник на Олочинской горе. 93, 1963, стр. 55—57.
- Бадер О. Н.* Мытищинский могильник фатьяновского типа. 75, 1959, стр. 143—153.
- Гаврилова И. В.* Неолитическая стоянка Кочиче на оз. Селитер. 92, 1962, стр. 87—90.
- Гадзьяцкая О. С.* Стоянка Сельцо на озере Неро. 97, 1964, стр. 107—112.
- Гадзьяцкая О. С.* Фатьяновские памятники Владимирской области. 93, 1963, стр. 49—54.
- Гурина Н. Н.* К вопросу о макролитах Верхней Волги. 92, 1962, стр. 24—28.
- Гурина Н. Н.* Неолитическая стоянка Щепочник (к вопросу о происхождении валдайской культуры). 82, 1961, стр. 150—157.
- Гурина Н. Н.* Половчинская неолитическая стоянка. 75, 1959, стр. 70—76.
- Дубынин А. Ф.* Ковровский фатьяновский могильник. 53, 1954, стр. 50—54.
- Заверняев Ф. М.* Неолитическая стоянка Черепеньки под Брянском. 67, 1957, стр. 65—70.
- Крайнов Д. А.* Дюнная стоянка Золоторучье I. 75, 1959, стр. 63—69.
- Крайнов Д. А.* Кухмарский курганный могильник. 88, 1962, стр. 61—63.
- Крайнов Д. А., Гадзьяцкая О. С.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья. 100, 1965, стр. 29—39.

- Крайнов Д. А.* Новые памятники фатьяновской культуры. 84, 1961, стр. 83—90.
- Кропоткин В. В.* Новые исследования Бельнецких курганов. 75, 1959, стр. 103—113.
- Левенок В. П.* Работы Деснинского отряда 1956 г. 74, 1959, стр. 25—36.
- Левенок В. П.* Ранненеолитическая стоянка у с. Долгое на Верхнем Дону. 92, 1962, стр. 76—82.
- Лисицына Г. Н.* Результаты микропалеоботанического исследования образцов торфа Бисерова озера. 75, 1959, стр. 40—45.
- Репман А. Х.* Фигурный камень с вышневолоцких неолитических стоянок. 67, 1957, стр. 135—137.
- Розенфельдт И. Г.* К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III—начале II тысячелетия до н. э. 75, 1959, стр. 92—102.
- Розенфельдт И. Г.* Неолитические стоянки на Тростенском озере. 97, 1964, стр. 104—106.
- Успенский С. И.* Верхнеокская неолитическая стоянка Турынские Дворики. 59, 1955, стр. 131—134.
- Успенская А. В. и Краснов Ю. А.* Новая неолитическая стоянка в Подмосковье. 75, 1959, стр. 90—91.
- Фосс М. Е.* Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году. 75, 1959, стр. 17—25.
- Фосс М. Е.* Неолитическая стоянка Бисеро озеро. 75, 1959, стр. 26—39.
- Цветкова И. К.* Стоянка Черная Гора. 75, 1959, стр. 114—122.

Среднее Поволжье

- Алихова А. Е.* Жилище на Саконовской неолитической стоянке. 75, 1959, стр. 138—142.
- Степанов П. Д.* Курганы эпохи бронзы у с. Пикяси Мордовской АССР. 59, 1955, стр. 74—80.
- Степанов П. Д.* Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши. 59, 1955, стр. 66—73.
- Степанов П. Д.* Фатьяновские поселения в Западном Поволжье. 53, 1954, стр. 55—60.
- Халиков А. Х.* Балановские памятники в Татарии. 97, 1964, стр. 50—58.

Нижнее Поволжье

- Алихова А. Е.* Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. 59, 1955, стр. 91—99.
- Герасимова М. М.* Черепа из погребений срубной культуры в Среднем Поволжье. 71, 1958, стр. 72—76.
- Минаева Т. М.* Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях. 59, 1955, стр. 46—53.
- Фосс М. Е.* Поселения на дюне Озименки. 75, 1959, стр. 4—16.

Урал

- Ахмеров Р. Б.* Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии. 59, 1955, стр. 81—90.

- Бадер О. Н.* Второй Турбинский могильник. 86, 1961, стр. 108—112.
- Эбруева А. В.* Могильник Метев-Томак. 72, 1958, стр. 28—36.
- Кипарисова Н. П.* Чебаркульская неолитическая стоянка. 59, 1955, стр. 54—60.
- Крижевская Л. Я.* Археологические работы в Башкирии. 51, 1953, стр. 74—81.
- Крижевская Л. Я.* Новые данные по неолиту Южного Урала. 97, 1964, стр. 75—80.
- Крижевская Л. Я.* Новые неолитические стоянки Южного Предуралья. 74, 1959, стр. 37—40.
- Кузьмина Е. Е.* Андроновские могильники на р. Байту (о некоторых деталях андроновского погребального обряда). 97, 1964, стр. 39—49.
- Кузьмина Е. Е.* Андроновское поселение и могильник Шандаша. 98, 1964, стр. 102—108.
- Кузьмина Е. Е.* Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры. 88, 1962, стр. 84—92.
- Кузьмина Е. Е.* Купухта — могильник андроновской знати. 93, 1963, стр. 96—105.
- Лисицына Г. Н.* К вопросу о возрасте террас Средней Камы. 85, 1961, стр. 31—36.
- Матюшин Г. Н.* Новые неолитические памятники Башкирии. 92, 1962, стр. 91—96.
- Раушенбах В. М.* Новые находки на Шигирском торфянике. 75, 1959, стр. 123—131.
- Сальников К. В.* Новые памятники абашевской культуры в Южной Башкирии. 67, 1957, стр. 83—88.
- Тюремнов С. Н.* История развития северного участка Шигирского торфяника по данным стратиграфии и анализу пыльцы. 75, 1959, стр. 132—137.

Правобережная Украина и Молдавия

- Артеменко И. И.* О памятниках раннего этапа среднеднепровской культуры. 93, 1963, стр. 38—48.
- Белановская Т. Д.* Трипольское поселение Красноставка. 69, 1957, стр. 31—39.
- Бибииков С. Н.* Археологические раскопки у селений Попенки и Журы на Днестре в 1952 году. 56, 1954, стр. 104—110.
- Гасюк Н. С.* Разведки раннетрипольских поселений у с. Могильна. 54, 1954, стр. 173—175.
- Захарук Ю. Н.* Поселение культуры воронковидных сосудов на Воляни. 67, 1957, стр. 97—100.
- Кухаренко Ю. В.* Из материалов разведки на Воляни. 72, 1958, стр. 84—87.
- Мелюкова А. И.* Курган усатовского типа у села Тудорово. 88, 1962, стр. 74—83.
- Мовша Т. Г.* Медные украшения из Киева. 70, 1957, стр. 94—98.
- Пассек Т. С.* Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. 56, 1954, стр. 76—97.
- Пассек Т. С.* Некоторые итоги раскопок в

- Молдавии в 1955 году. 70, 1957, стр. 78—93.
- Пассек Т. С. Раскопки на поселении у села Флорешты в 1958 году. 84, 1961, стр. 69—82.
- Пассек Т. С. Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре. 51, 1953, стр. 46—59.
- Пассек Т. С. Стоянка комаровской культуры на Среднем Днестре. 75, 1959, стр. 154—162.
- Пассек Т. С., Черныш Е. К. Открытие культуры Гумельницы в СССР. 100, 1965, стр. 6—18.
- Розенфельдт И. Г. Выхватинский могильник по раскопкам 1951 года. 56, 1954, стр. 98—103.
- Свешников И. К. Могильник в селе Звенигород Львовской области (культура ленточной керамики). 63, 1956, стр. 57—69.
- Свешников И. К. Поселение культуры шнуровой керамики у с. Городок Ровенской области. 97, 1964, стр. 127—134.
- Хавлюк П. И. Стоянки развитого неолита в северной части среднего течения Южного Буга. 75, 1959, стр. 169—173.
- Черныш Е. К., Черняков И. Т. Археологические разведки в Подунавье. 99, 1964, стр. 89—96.
- Черныш Е. К. Многослойное поселение у села Незвиско на Днестре. 63, 1956, стр. 48—56.
- Черныш Е. К. Неолитическое поселение у с. Торское на Днестре. 92, 1962, стр. 83—86.
- Черныш Е. К. Раннетрипольские поселения Среднего Поднепровья. 56, 1954, стр. 111—118.
- Черныш Е. К. Резцы с трипольских поселений. 59, 1955, стр. 140—144.
- Шапошникова О. Г. Поселение раннебронзового времени у села Волошского. 67, 1957, стр. 94—96.

Левобережная Украина

- Левенок В. П. Работы Деснинского отряда 1956 г. 74, 1959, стр. 25—36.
- Телегин Д. Я. Яремовская неолитическая стоянка (по материалам раскопок С. С. Гамченка). 59, 1955, стр. 61—65.

Крым

- Векилова Е. А. Неолитическая стоянка Зуя I под Симферополем. 97, 1964, стр. 33—38.
- Крис Х. И. и Веймарн Е. В. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая. 71, 1958, стр. 65—71.
- Шульц П. Н. и Столяр А. Д. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. 71, 1958, стр. 53—64.

Северный Кавказ

- Исаков М. И. Талгинский могильник. 67, 1957, стр. 126—132.
- Любин В. П. Неолитические кремневые мастерские в Дигории (Северная Осетия). 98, 1964, стр. 45—48.
- Марковин В. И. Археологические работы

в Аргунском ущелье в 1958 году. 84, 1961, стр. 49—55.

- Марковин В. И. Археологические разведки в восточных районах Чечни. 93, 1963, стр. 63—68.
- Марковин В. И. Глиняная статуэтка из станицы Урупской. 76, 1959, стр. 108—111.
- Марковин В. И. и Исаков М. И. Древняя костяная статуэтка из Дагестана. 74, 1959, стр. 139—142.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований 100, 1965, стр. 40—49.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Неолитическая стоянка близ города Буйнакса (Дагестан). 67, 1957, стр. 78—82.
- Марковин В. И. и Мунчаев Р. М. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа. 84, 1961, стр. 19—29.
- Марковин В. И. Памятники эпохи бронзы в ущелье реки Аргун. 88, 1962, стр. 45—50.
- Милорадович О. В. Новые археологические находки в Грозненской области. 64, 1956, стр. 132—134.
- Мунчаев Р. М., Сарияниди В. И. Бамутские курганы эпохи бронзы. 98, 1964, стр. 92—101.
- Недоля И. К. Орудия земледелия эпохи неолита из района Адлера. 67, 1957, стр. 142—143.
- Формозов А. А. Исследования памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 году. 78, 1960, стр. 13—21.
- Формозов А. А. Новое о южных связях майкопской культуры. 93, 1963, стр. 34—37.
- Формозов А. А. Неолитическая керамика Нижнего Подонья. 53, 1954, стр. 134—138.
- Формозов А. А. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа. 67, 1957, стр. 138—141.
- Формозов А. А. О хозяйстве племен майкопской культуры Прикубанья. 88, 1962, стр. 27—32.
- Шарафутдинова Э. С. Жилище эпохи бронзы на Кобяковом городище (раскопки 1958—1961 годов). 93, 1963, стр. 58—62.

Закавказье

- Джапаридзе О. М. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии. 60, 1955, стр. 23—30.
- Иссен А. А. Кавказ и древний Восток в IV и III тысячелетиях до нашей эры. 93, 1963, стр. 3—14.
- Кушнарёва К. Х. Раскопки на холме Узерлик-тепе около Агдама (из работ Азербайджанской экспедиции 1954 г.). 69, 1957, стр. 129—135.
- Макалатия С. И. Погребение эпохи поздней бронзы из селения Двани. 69, 1957, стр. 139—143.
- Мнацкян А. О. Лчашенские курганы (раскопки 1956 года). 85, 1961, стр. 66—72.
- Мнацкян А. О. Находки предметов бронзового века в селении Толорс (в Заг-

зуре) Армянской ССР. 54, 1954, стр. 99—104.
Ханзадян Э. В. Лчашенский курган № 6. 91, 1962, стр. 66—71.

Средняя Азия

Абетеков А. Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-сай. 93, 1963, стр. 93—95.
Аскаров А. Поселение Заман-Баба. 93, 1963, стр. 86—92.
Виноградов А. В. Неолитические украшения из створок раковин *Didaspa* (по материалам раскопок в Северной Туркмении). 59, 1955, стр. 135—139.
Воронцов М. Э. Каменное изображение змей из кишлака Сох Ферганской области. 61, 1956, стр. 48—55.
Гамбург Б. Э. и Горбунова Н. Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. 63, 1956, стр. 85—93.
Кызласов Л. Р. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии. 63, 1956, стр. 14—21.
Латынин Б. А. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. 70, 1957, стр. 3—13.
Лисицына Г. Н. Основные черты палеогеографии Геоксюрского оазиса. 93, 1963, стр. 69—73.
Лисицына Г. Н. Растительность Южной Туркмении в эпоху энеолита по палеоботаническим данным. 98, 1964, стр. 54—58.
Литвинский Б. А. Даханинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане. 80, 1960, стр. 47—52.
Массон В. М. Средняя Азия и Иран в III тысячелетии до нашей эры. 93, 1963, стр. 15—23.
Оболдуева Т. Г. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. 59, 1955, стр. 145—149.
Сарианиди В. И. Керамические горны восточноананских поселений. 93, 1963, стр. 80—85.
Сарианиди В. И. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса. 91, 1962, стр. 22—29.
Сарианиди В. И. Раскопки жилых комплексов на энеолитическом поселении Геоксюр (по материалам ЮТАКЭ в 1956 г.). 76, 1959, стр. 50—55.
Сарианиди В. И. Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы. 98, 1964, стр. 62—67.
Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 г.). 69, 1957, стр. 40—49.
Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы (раскопки 1955 г.). 71, 1958, стр. 86—98.
Хлопин И. Н. Верхний слой поселения Кара-депе (по материалам ЮТАКЭ в 1956 г.). 74, 1959, стр. 42—49.
Хлопин И. Н. Изображение коровы на сосуде из Кара-депе (по материалам работ ЮТАКЭ 1955 года). 69, 1957, стр. 136—138.
Хлопин И. Н. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной

Туркмении. 91, 1962, стр. 14—21.
Хлопин И. Н. Модель круглого жертвенника с Ялангач-депе. 98, 1964, стр. 49—53.
Хлопин И. Н. Ялангач-депе — поселение эпохи энеолита. 93, 1963, стр. 74—79.
Черных Е. Н. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры. 91, 1962, стр. 30—37.
Щетенко А. Я. Расписная керамика эпохи бронзы с Намазга-депе. 98, 1964, стр. 59—61.

Казахстан

Сорокин В. С. Могильник Тасты-Бутак I (раскопки 1956—1957 гг.). 80, 1960, стр. 53—59.
Формозов А. А. Доандроновское погребение в Казахстане. 63, 1956, стр. 153—155.
Формозов А. А. Использование подъемного материала с дюнных стоянок в археологических исследованиях. 75, 1957, стр. 85—89.
Черников С. С. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. 53, 1954, стр. 29—49.

Западная Сибирь

Грязнов М. П. Писаница эпохи бронзы из дер. Знаменки в Хакассии. 80, 1960, стр. 85—89.
Грязнов М. П. Работы Красноярской экспедиции. 100, 1965, стр. 62—71.
Гурина Н. Н. Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции, 97, 1964, стр. 88—97.
Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья. 64, 1956, стр. 93—103.
Косарев М. Ф. Десятковское поселение. 97, 1964, стр. 81—87.
Липский А. Н. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи. (Хакассия). 54, 1954, стр. 89—98.
Матющенко В. И. К вопросу о бронзовом литье в низовьях реки Томи. 84, 1961, стр. 133—135.
Матющенко В. И. Новые находки из низовьев реки Томи. 84, 1961, стр. 130—132.
Мошинская В. И. Баландинский клад бронзовых инструментов. 67, 1957, стр. 144—146.
Рыдылон Э. Р. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска. 60, 1955, стр. 129—134.
Сальников К. В. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья. (Бабарыкно II). 85, 1961, стр. 3—10.
Членова Н. Л. Бронзовый меч из Минусинской котловины. 60, 1955, стр. 135—138.

Восточная Сибирь

Абрамова Э. А., Окладников А. П., Седякина Е. Ф. Археологические исследования в долине реки Ангары в 1956 г. 76, 1959, стр. 33—41.
Окладников А. П. Археологические рас-

- копки на Ангаре и за Байкалом. 51, 1953, стр. 16—22.
- Хлобыстин Л. П.* Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопок Б. Э. Петри). 97, 1964, стр. 25—32.
- Хороших П. П.* Неолитическое погребение на реке Кае (окрестности г. Иркутска). 54, 1954, стр. 83—88.

Дальний Восток

- Орлова Е. П.* Археологические находки на Камчатке. 59, 1955, стр. 163—166.
- Чубарова Р. В.* Археологические исследования в 1956 году на острове Сахалин. 73, 1959, стр. 115—121.
- Чубарова Р. В.* Неолитическое поселение Ноглики I (Дальний Восток). 85, 1961, стр. 48—54.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗУ

Север

- Пядышев Н. П., Хлобыстин Л. П.* Новая стоянка в Печорском Заполярье. 92, 1962, стр. 71—75.

Центральные области

- Гурина Н. Н.* Работа неолитического отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 году. 73, 1959, стр. 64—69.

Среднее Поволжье

- Бадер О. Н.* Камская археологическая экспедиция в 1957 году. 78, 1960, стр. 90—98.
- Генинг В. Ф.* Удмуртская археологическая экспедиция. 74, 1959, стр. 92—100.
- Смирнов А. П.* Чувашская археологическая экспедиция. 84, 1961, стр. 125—129.

Урал

- Бадер О. Н.* Камская археологическая экспедиция. 51, 1953, стр. 82—92.
- Бадер О. Н.* Камская археологическая экспедиция. 55, 1954, стр. 117—128.
- Бадер О. Н.* Камская археологическая экспедиция (работы 1953—1954 гг.). 70, 1957, стр. 49—71.
- Бадер О. Н.* Камская археологическая экспедиция в 1956 году. 74, 1959, стр. 110—123.
- Бадер О. Н.* Камская археологическая экспедиция в 1957 году. 78, 1960, стр. 90—98.
- Бадер О. Н.* Камская археологическая экспедиция в 1958 году. 85, 1961, стр. 73—84.
- Бадер О. Н.* Первый Турбинский могильник. 100, 1965, стр. 59—61.
- Генинг В. Ф.* Удмуртская археологическая экспедиция. 74, 1959, стр. 92—100.
- Юсупов Г. В.* Археологические разведки в Башкирии. 64, 1956, стр. 85—92.

Нижнее Поволжье

- Мерперт Н. Я. и Смирнов К. Ф.* Археологические работы в зоне строительства Волгоградской ГЭС (к итогам работ экспедиции 1951—1957 гг.). 84, 1961, стр. 3—11.
- Мерперт Н. Я. и Смирнов А. П.* Куйбышевская археологическая экспедиция 1954 г. 65, 1956, стр. 77—87.
- Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда Волгоградской экспедиции. 55, 1954, стр. 77—94.
- Синицын И. В.* Работы Заволжского отря-

Правобережная Украина и Молдавия

- да Волгоградской археологической экспедиции. 63, 1956, стр. 76—84.
- Синицын И. В.* Ровненский курганный могильник. 84, 1961, стр. 91—102.
- Смирнов К. Ф.* Работа первого Нижне-волжского отряда Волгоградской экспедиции. 55, 1954, стр. 64—76.
- Шилов В. П.* Раскопки Калиновского курганного могильника. 59, 1955, стр. 118—128.

Левобережная Украина

- Мелюкова А. И.* Курганы эпохи бронзы у села Олонешты (Молдавская ССР). 89, 1962, стр. 30—37.
- Погрехова Н. Н. и Кондрацкий Л. В.* Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области. 78, 1960, стр. 74—84.
- Русланова Н. П.* Разведка по реке Уж. 86, 1961, стр. 70—73.
- Смирнова Г. И.* Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой области. 70, 1957, стр. 99—107.
- Смирнова Г. И.* Работы Западно-Украинской экспедиции в 1954 году. 67, 1957, стр. 101—108.
- Тереножкин А. И.* Раскопки курганов в долине реки Молочной. 63, 1956, стр. 70—75.
- Тиханова М. А.* Разведка в районе верхнего течения реки Горыни. 87, 1962, стр. 46—53.

Крым

- Крис Х. И.* Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане. 58, 1955, стр. 35—44.
- Лесков А. М.* Седьмой симферопольский курган. 67, 1957, стр. 109—116.

Северный Кавказ

- Иессен А. А.* Раскопки курганов на Дону в 1951 году. 53, 1954, стр. 61—79.

- Крупнов Е. И.* Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа, 78, 1960, стр. 107—118.
- Крупнов Е. И.* Прикаспийская археологическая экспедиция. 55, 1954, стр. 95—105.
- Марковин В. И.* Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан). 67, 1957, стр. 117—126.
- Марковин В. И.* Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. 98, 1964, стр. 83—91.

Закавказье

- Абибуллаев О. А.* Раскопки холма Кюль-Тапа. 51, 1953, стр. 16—45.
- Иессен А. А.* Азербайджанская экспедиция в 1956 году. 73, 1959, стр. 78—85.
- Иессен А. А.* Работы Азербайджанской экспедиции в 1957 году. 78, 1960, стр. 99—106.
- Любин В. П.* Археологическая разведка в окрестностях города Цхинвали (Юго-Осетия). 60, 1955, стр. 14—22.
- Нариманов И. Г.* Некоторые данные о древнем поселении в окрестностях г. Казах (Азербайджанская ССР). 70, 1957, стр. 139—142.
- Пиотровский Б. Б.* Урартская крепость Тейшебаини (Кармир-Блур). 100, 1965, стр. 72—78.

Средняя Азия

- Заднепровский Ю. А.* Дальверзинское селище. 69, 1957, стр. 50—57.
- Заднепровский Ю. А.* Дальверзинское поселение (раскопки 1959 года). 86, 1961, стр. 43—54.
- Заднепровский Ю. А.* Основные этапы истории Карадарьинского оазиса. 98, 1964, стр. 18—24.
- Козенкова В. И.* Археологические работы в Андижанской области в 1956 г. 76, 1959, стр. 56—62.
- Латынин Б. А.* Вопросы истории ирригации древней Ферганы. 64, 1956, стр. 15—26.
- Массон В. М.* Изучение анауских культур в 1956 году. 73, 1959, стр. 70—77.
- Массон В. М.* Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. 69, 1957, стр. 58—65.
- Массон В. М.* О культе женского божества у анауских племен. 73, 1959, стр. 14—20.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (до IV в. н. э.)

Север

- Орлов С. Н.* Городище эпохи раннего железа в низовьях реки Ловати. 87, 1962, стр. 42—45.

Прибалтика

- Моора Х. А.* Археологические работы в Эстонской ССР в 1951 и 1952 гг. 55, 1954, стр. 52—62.
- Моора Х. А.* Археологические памятники

- Массон В. М.* Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. 64, 1956, стр. 63—67.
- Сарианиди В. И.* Керамические печи древней Маргианы. 69, 1957, стр. 72—77.

Казахстан

- Кузьмина Е. Е.* Результаты работ на Эмбе в 1958 году. 85, 1961, стр. 85—94.
- Сорокин В. С.* Археологические памятники северо-западной части Актюбинской области (экспедиция 1955 г. в районы освоения целинных земель). 71, 1958, стр. 78—85.
- Сорокин В. С.* Жилища поселения Тасты-Бутак. 91, 1962, стр. 51—60.
- Черников С. С.* К изучению древней истории Восточного Казахстана. 69, 1957, стр. 12—21.
- Черников С. С.* О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. 64, 1956, стр. 43—60.
- Черников С. С.* Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 году. 73, 1959, стр. 99—106.

Западная Сибирь

- Грязнов М. П.* К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. 64, 1956, стр. 27—42.
- Липский А. Н.* Археологические раскопки в Хакассии. 64, 1956, стр. 116—129.
- Липский А. Н.* Раскопки 1953 г. в Хакассии. 70, 1957, стр. 72—77.

Дальний Восток

- Андреев Г. И.* Археологические исследования на южном и восточном побережье Приморья в 1960 году. 93, 1963, стр. 106—113.
- Андреев Г. И.* Исследования в бухте Валентин. 97, 1964, стр. 98—103.
- Андреев Г. И., Андреева Ж. В.* Работы прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 году. 88, 1962, стр. 93—101.
- Окладников А. П.* Археологические исследования в 1955 г. на Дальнем Востоке. 71, 1958, стр. 109—118.
- Окладников А. П.* Работы на Дальнем Востоке в 1956 году. 73, 1959, стр. 107—114.
- Чубарова Р. В.* Работы Сахалинского отряда Дальневосточной экспедиции в 1955 г. 71, 1958, стр. 119—128.

- I—IV вв. в Прибалтике. 53, 1954, стр. 3—22.

Белоруссия

- Кухаренко Ю. В.* Могильник Брест-Тришин. 100, 1965, стр. 97—101.
- Кухаренко Ю. В.* Могильники полей погребений в Верхнем Поднепровье (по данным раскопок 1951—1952 гг.). 53, 1954, стр. 80—85.

- Мельниковская О. Н.* Древнейшие городища южной Белоруссии. 70, 1957, стр. 28—39.
- Мельниковская О. Н.* Памятники раннего железного века в юго-восточной Белоруссии (Милоградская культура). 94, 1963, стр. 9—19.
- Третьяков П. Н.* Моховское второе городище. 81, 1960, стр. 43—48.

Центральные области

- Алихова А. Е.* К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посеймья. 77, 1959, стр. 15—20.
- Алихова А. Е.* Могильник кошибеевского типа у с. Польное-Ялтуново. 72, 1958, стр. 37—45.
- Артишевская Л. В.* Разведка в верховьях Десны. 68, 1957, стр. 85—89.
- Гуляев В. И.* Зооморфная рукоять ножа со Старшего Каширского городища. 94, 1963, стр. 101—104.
- Заверняев Ф. М.* Археологические находки возле города Почепа. 53, 1954, стр. 143—144.
- Либеров П. Д.* Статуэтка собаки из кургана у села Мастюгино. 89, 1962, стр. 60—65.
- Москаленко А. Н.* Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. 62, 1956, стр. 84—94.
- Розенфельд Р. Л.* Археологические разведки в Московской области в 1960 г. 90, 1962, стр. 33—38.
- Розенфельд Р. Л.* Разведки в Московской области. 79, 1961, стр. 57—63.
- Смирнов К. А.* Городище у деревни Митино. 81, 1960, стр. 49—51.
- Третьяков П. Н.* Бологовское городище. 87, 1962, стр. 36—41.
- Трубникова Н. В.* К вопросу о происхождении городищ культуры. 75, 1959, стр. 163—168.
- Успенская А. В.* Успенское городище. 68, 1957, стр. 117—122.
- Яценко И. В.* Раннее сарматское погребение в бассейне Северного Донца. 89, 1962, стр. 42—50.

Урал

- Граков Б. Н.* Две заметки по скифо-сарматской археологии (...о каменном алтаре из женской могилы в Оренбургской области). 89, 1962, стр. 38—41.
- Крижевская Л. Я.* Сосуд ананьинского времени для плавки металла. 77, 1959, стр. 109—111.
- Мошкова М. Г.* Сарматские курганы в Оренбургской области. 83, 1961, стр. 115—125.
- Смирнов К. Ф.* Новые сарматские памятники на Бузулуке. 89, 1962, стр. 83—93.

Правобережная Украина и Молдавия

- Баран В. Д.* Бронзовая подвеска из села Черепино. 65, 1956, стр. 136—137.

- Брайчевский М. Ю.* К вопросу о происхождении Оболонского клада. 66, 1956, стр. 59—64.
- Брашинский И. Б.* К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной. 95, 1963, стр. 20—24.
- Винокур И. С.* Древности Восточной Волинии. 81, 1960, стр. 52—60.
- Елагина Н. Г.* Новое позднескифское городище на Нижнем Днепре. 89, 1962, стр. 74—76.
- Ильинская В. А. и Тереножкин А. И.* Новая находка блях с эмалью на Киевщине. 60, 1955, стр. 145—149.
- Ильинская В. А.* О происхождении культур раннежелезного века на Левобережье Среднего Днепра. 70, 1957, стр. 14—27.
- Карасев А. Н.* Основные результаты работ на ольвийской агоре в 1953 году. 63, 1956, стр. 124—127.
- Карышковский П. О.* О классификации серебряных статов Ольвии IV в. до н. э. 66, 1956, стр. 69—77.
- Карышковский П. О.* Ольвия и Родос по нумизматическим данным. 83, 1961, стр. 9—14.
- Книпович Т. Н.* Два фрагмента мраморных плит с греческими надписями из Ольвии. 95, 1963, стр. 13—19.
- Книпович Т. Н.* Исследования территории римской цитадели в Ольвии. 63, 1956, стр. 139—141.
- Книпович Т. Н.* Итоги работ Ольвийской археологической экспедиции. 51, 1953, стр. 112—121.
- Леви Е. И.* Две ольвийские надписи с упоминанием храма Аполлона. 95, 1963, стр. 7—12.
- Леви Е. И.* Терракоты из цистерны ольвийской агоры. 74, 1959, стр. 9—19.
- Махно Е. В.* К вопросу о памятниках черняховского типа и прорезных выемчатых эмальях. 62, 1956, стр. 148—151.
- Мельниковская О. Н.* Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы. 56, 1954, стр. 69—75.
- Мелюкова А. И.* Исследование гетских памятников в степном Поднестровье. 94, 1963, стр. 64—72.
- Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени на Среднем Днестре. 51, 1953, стр. 60—73.
- Мелюкова А. И.* Работы в Поднестровье в 1958 году. 84, 1961, стр. 113—124.
- Мелюкова А. И.* Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. 56, 1954, стр. 59—68.
- Мовша Т. Г.* Глиняный штамп черняховского времени из Плисков — Чернявки. 89, 1962, стр. 57—59.
- Наливкина М. А.* Костяная фигурка из Ольвии. 83, 1961, стр. 142—145.
- Петренко В. Г.* Бронзовая бляха с головой грифона. 89, 1962, стр. 54—56.
- Погребова Н. Н.* Погребение на земляном валу акрополя Каменского городища. 63, 1956, стр. 94—97.
- Погребова Н. Н.* Работы в Тилигуло-Безрезанском районе в 1958 году. 83, 1961, стр. 110—114.
- Погребова Н. Н., Елагина Н. Г.* Работы в

- Тилигуло-Березанском районе в 1959 году. 89, 1962, стр. 6—14.
- Погребова Н. Н.* Средневековые памятники на скифских городищах Нижнего Днестра. 89, 1962, стр. 15—21.
- Рикман Э. А.* Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на селищах черняховского типа. 77, 1959, стр. 112—118.
- Рикман Э. А.* Раскопки селищ первых веков нашей эры в Поднестровье. 68, 1957, стр. 75—83.
- Рикман Э. А.* Селища первых веков у сел Загайканы и Делакеу (Молдавия). 90, 1962, стр. 60—68.
- Свешников И. К.* Могильники липецкой культуры в Львовской области (раскопки у сс. Звенигород и Болотное). 68, 1957, стр. 63—74.
- Свешников И. К.* Памятники культуры шууровой керамики у села Эдолбица (УССР). 85, 1961, стр. 55—65.
- Сорокина Н. П.* Стекланный сосуд из Нижнего Поднестровья. 89, 1962, стр. 103—107.
- Сымонович Э. А.* Две статуэтки коня из Побужья. 72, 1958, стр. 22—27.
- Сымонович Э. А.* Инкрустированные стеклом изделия из Черкасской области. 90, 1962, стр. 69—72.
- Сымонович Э. А.* Лепная посуда памятников черняховской культуры нижнего Днестра. 68, 1957, стр. 14—19.
- Сымонович Э. А.* О датировке поселений первых веков нашей эры в Луке-Врублевцевой. 57, 1955, стр. 23—32.
- Сымонович Э. А.* О некоторых типах поселений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье. 65, 1956, стр. 131—135.
- Сымонович Э. А.* Раскопки поселения Ломоватое 2. 79, 1960, стр. 21—25.
- Сымонович Э. А.* Стекланная посуда середины I тысячелетия нашей эры с Нижнего Днестра. 69, 1957, стр. 22—30.
- Сымонович Э. А.* Фибула с Нижнего Днестра с надписью. 89, 1962, стр. 101—102.
- Тарасюк Л. И.* Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи. 63, 1956, стр. 22—30.
- Тимошук Б. А., Винокур И. С.* Памятники эпохи полей погребений на Буковине. 90, 1962, стр. 73—76.
- Тимошук Б. А.* Подкарпатские курганы III—V веков нашей эры. 52, 1953, стр. 54—59.
- Тиханова М. А.* Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции (памятники культуры полей погребений). 57, 1955, стр. 92—99.
- Федоров Г. Б.* Лукашевский могильник. 68, 1957, стр. 51—62.
- Федоров Г. Б.* Работы Прутско-Днестровской экспедиции. 81, 1960, стр. 38—42.
- Дованья в Южной Подолии в 1952—1953 гг.* 59, 1955, стр. 100—117.
- Ильинская В. А.* Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы (из раскопок И. А. Линиченко). 54, 1954, стр. 24—41.
- Либеров П. Д.* Новые материалы из курганов у села Черемушны. 83, 1961, стр. 104—109.
- Мачинский Д. А.* О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой и одновременных ей культур. 94, 1963, стр. 20—28.
- Сымонович Э. А.* Работы на черняховских памятниках в Приднепровье. 94, 1963, стр. 80—87.
- Шрамко Б. А.* Курган и городище у села Циркуны. 63, 1956, стр. 103—108.
- Шрамко Б. А.* Новые данные о добыче железа в Скифии. 91, 1962, стр. 72—77.
- Шрамко Б. А.* Новые памятники предскифского времени на Северном Донце. 67, 1957, стр. 17—27.
- Шрамко Б. А.* Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. 54, 1954, стр. 105—115.

К р ы м

Левобережная Украина

- Алихова А. Е.* К вопросу о датировке двух городищ у села Южнова. 65, 1956, стр. 31—41.
- Артамонов М. И.* Археологические исследова-
- Арсеньева Т. М.* Раскопки у деревни Новоотрадное в 1959 году. 86, 1961, стр. 66—69.
- Белова Н. С.* Археологические разведки в Китее. 83, 1961, стр. 83—90.
- Блаватский В. Д.* О производстве «мегарских» чаш в Пантикапее. 75, 1959, стр. 174—176.
- Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея в 1952 году. 58, 1955, стр. 73—87.
- Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея в 1953 году. 63, 1956, стр. 109—123.
- Блаватский В. Д. и Шелов Д. Б.* Разведки на Керченском полуострове. 58, 1955, стр. 100—113.
- Болтунова А. И.* Строительная надпись из Нимфея. 95, 1963, стр. 104—106.
- Гайдукевич В. Ф.* Керамический комплекс II в. н. э. из Мирмекия. 95, 1963, стр. 25—32.
- Голенко К. В.* Датировка медных монет Пантикапея конца III—II вв. до н. э. 58, 1955, стр. 131—138.
- Голенко К. В.* К датировке пантикапейских тетрадрахм. 63, 1956, стр. 158—161.
- Голенко К. В.* Херсонесская монета с боспорской надчеканкой. 63, 1956, стр. 156—157.
- Гущина И. И.* Несколько украшений конского убора скифского времени. 89, 1962, стр. 66—69.
- Дашевская О. Д.* Скифское городище Красное (Кермен-Кыр). 70, 1957, стр. 108—117.
- Зеест И. Б.* Раскопки Феодосии. 51, 1953, стр. 143—148.
- Карасев А. Н.* Раскопки на городище Чайка близ Евпатории. 95, 1963, стр. 33—42.
- Кобылина М. М.* О позднеэллинистической коропластике Пантикапея. 75, 1959, стр. 177—179.
- Кругликова И. Т.* Итоги семилетних раско-

- пок у дер. Семеновки. 95, 1963, стр. 43—51.
- Кругликова И. Т.* К вопросу о керамическом производстве в Пантикапее (два пантикапейских клейма). 58, 1955, стр. 26—30.
- Кругликова И. Т.* Поселение Золотое Восточное. 70, 1957, стр. 130—137.
- Кругликова И. Т.* Поселение у деревни Семеновки. 83, 1961, стр. 73—82.
- Кругликова И. Т.* Работы восточно-крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 году. 78, 1960, стр. 64—73.
- Кругликова И. Т.* Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 году. 74, 1959, стр. 64—73.
- Кругликова И. Т.* Раскопки Кимерика. 51, 1953, стр. 132—142.
- Кругликова И. Т.* Сарматские знаки на амфорах с поселения у дер. Семеновки. 89, 1962, стр. 97—100.
- Кубланов М. М.* Археологические разведки в районе Коп-Такиля. 83, 1961, стр. 91—94.
- Кубланов М. М.* Золотая бляшка из Чмырева кургана (некоторые черты заупокойного культа у скифов). 58, 1955, стр. 127—130.
- Марченко И. Д.* Литейная форма конца VI в. до н. э. из Пантикапея. 89, 1962, стр. 51—53.
- Наливкина М. А.* Раскопки в Евпатории. 51, 1953, стр. 128—131.
- Наливкина М. А.* Раскопки в Евпатории. 58, 1955, стр. 63—72.
- Сокольский Н. И.* Раскопки Пантикапея. 83, 1961, стр. 32—45.
- Скудная В. М.* Комплекс находок из раскопок святилища кабиров в Нимфее. 63, 1956, стр. 128—138.
- Скудная В. М.* Раскопки Нимфея в 1958 году. 83, 1961, стр. 59—65.
- Цехмистренко В. И.* Два керченских сосуда с акварельной росписью. 70, 1957, стр. 147—149.
- Шургая И. Г.* Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия. 95, 1963, стр. 107—111.
- Щепинский А. А.* Новые памятники кизилкобинской культуры в Крыму. 67, 1957, стр. 89—93.
- ской экспедиции. 51, 1953, стр. 149—155.
- Блаватский В. Д.* Исследования Раевского городища в 1954 году. 77, 1959, стр. 42—50.
- Блаватский В. Д.* Пятый год работ в Синдике. 74, 1959, стр. 41—48.
- Блаватский В. Д.* Третий год работ в Синдике. 58, 1955, стр. 88—97.
- Блаватский В. Д.* Четвертый год раскопок в Синдике. 70, 1957, стр. 118—129.
- Голенко К. В.* К уточнению датировки одной группы монет Фанагории. 58, 1955, стр. 139—141.
- Егоров Н. М.* Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды. 58, 1955, стр. 53—62.
- Егоров Н. М.* Могильник у реки Эшкакон. 64, 1956, стр. 135—140.
- Зеест И. Б.* Архаические слои Гермонассы. 83, 1961, стр. 53—58.
- Зеест И. Б.* Земляные склепы некрополя Тузлы. 51, 1953, стр. 156—158.
- Зеест И. Б.* Раскопки Гермонассы. 58, 1955, стр. 114—121.
- Зеест И. Б.* Раскопки Гермонассы. 74, 1959, стр. 58—63.
- Иерусалимская А. А., Козенкова В. И., Крупнов Е. И.* Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии (по материалам Северо-Кавказской археологической экспедиции 1961 г.). 94, 1963, стр. 42—53.
- Каменецкий И. С.* Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища. 94, 1963, стр. 29—36.
- Капошина С. И.* Одна из групп керамики с Кобыякова городища. 94, 1963, стр. 37—46.
- Кирьянов А. В.* Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора. 91, 1962, стр. 92—97.
- Кобылина М. М.* Надгробие из Фанагории. 89, 1962, стр. 112—114.
- Кобылина М. М.* Новые данные о фанагорийских винодельнях. 74, 1959, стр. 21—24.
- Кобылина М. М.* Раскопки Фанагории. 51, 1953, стр. 122—127.
- Кобылина М. М.* Раскопки центральной части Фанагории в 1959—1960 гг. 95, 1963, стр. 97—103.
- Кобылина М. М.* Фанагорийский склеп. 70, 1957, стр. 143—146.
- Козенкова В. И., Крупнов Е. И.* Исследования Сержень-Юртовского поселения в 1962 г. 98, 1964, стр. 75—82.
- Корошина А. К.* Раскопки некрополя Тирамбы в 1959 году. 89, 1962, стр. 70—73.
- Кругликова И. Т. и Цветаева Г. А.* Раскопки в Анапе. 95, 1963, стр. 66—71.
- Крушкол Ю. С.* Патрэйский клад 1950 г. 66, 1956, стр. 116—117.
- Максимова М. И.* Панафинейская амфора из Зеленского кургана. 83, 1961, стр. 15—20.
- Максимова М. И.* Серебряная пряжка из Артюховского кургана. 83, 1961, стр. 139—141.

Северный Кавказ

- Алексеева Е. П.* Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. 60, 1955, стр. 73—79.
- Анфимов Н. В.* Археологические разведки по Среднему Прикубанью. 60, 1955, стр. 45—53.
- Анфимов Н. В.* Глиняные курильницы сарматского времени с Северного Кавказа. 58, 1955, стр. 31—34.
- Анфимов Н. В.* Исследования Семibrатнево городища. 51, 1953, стр. 99—111.
- Анфимов Н. В.* Могильники сарматского времени в долине реки Урупа (по материалам экспедиции 1954 г.). 65, 1956, стр. 88—93.
- Блаватский В. Д.* Второй год работ Синд-

- Марченко И. Д. Некоторые итоги раскопок на Майской горе. 95, 1963, стр. 86—90.
- Мерперт Н. Я. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 году. 88, 1962, стр. 33—44.
- Мунчаев Р. М. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии (из работ СКАЭ 1958 года). 84, 1961, стр. 56—62.
- Онайко Н. А. Краснофигурный фрагмент из Фанагории. 58, 1955, стр. 122—126.
- Онайко Н. А. Раскопки Раевского городища в 1955—1956 годах. 77, 1959, стр. 51—61.
- Петерс Б. Г. О подводных археологических работах в Ольвии. 95, 1963, стр. 83—85.
- Сокольский Н. И. Каменные крышки амфор. 89, 1962, стр. 108—111.
- Сокольский Н. И. Новые памятники синдской скульптуры. 100, 1965, стр. 86—96.
- Сокольский Н. И. Работы в Кепях в 1958 году. 83, 1961, стр. 66—72.
- Сокольский Н. И. Раскопки античного поселения около станции Таманской. 74, 1959, стр. 49—57.
- Сокольский Н. И. Раскопки в Кепях в 1957 году. 78, 1960, стр. 53—63.
- Сокольский Н. И. Раскопки в Кепях в 1959 году. 86, 1961, стр. 55—65.
- Сокольский Н. И. Раскопки городища Кепы в 1961 г. 95, 1963, стр. 52—59.
- Сокольский Н. И. Раскопки в Кепях в 1960 году. 91, 1962, стр. 83—91.
- Сорокина Н. П. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956—1957 годах. 83, 1961, стр. 46—52.
- Сорокина Н. П. Раскопки некрополя в Кепях в 1959—1960 годах. 91, 1962, стр. 98—106.
- Сорокина Н. П. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. 95, 1963, стр. 60—65.
- Шелов Д. Б. Исследования Танаиса в 1961 г. 95, 1963, стр. 91—96.
- Шелов Д. Б. Итоги археологического изучения Танаиса. 100, 1965, стр. 79—85.
- Шелов Д. Б. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1957—1958 гг. 83, 1961, стр. 126—135.
- Шелов Д. Б. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1960 году. 91, 1962, стр. 78—82.
- Шелов Д. Б. Раскопки Западно-Цурукского поселения на Тамани. 51, 1953, стр. 159—165.
- Шелов Д. Б. Раскопки Танаиса в 1955 году. 74, 1959, стр. 74—80.
- Шелов Д. Б. Раскопки Танаиса в 1956 году. 77, 1959, стр. 62—69.

ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

- Анфимов Н. В. Исследования Семибратнего городища. 51, 1953, стр. 99—111.
- Арсеньева Т. М. Раскопки у деревни Ново-Отрадное в 1959 году. 86, 1961, стр. 66—69.
- Белова Н. С. Археологические разведки в Китее. 83, 1961, стр. 83—90.
- Блаватский В. Д. Второй год работ Синдской экспедиции. 51, 1953, стр. 149—155.
- Блаватский В. Д. Исследования Раевского городища в 1954 году. 77, 1959, стр. 42—50.
- Блаватский В. Д. О производстве «мегарских» чаш в Пантикапее. 75, 1959, стр. 174—176.
- Блаватский В. Д. и Кузищин В. И. Подводные разведки в 1958 г. 83, 1961, стр. 136—138.
- Блаватский В. Д. Пятый год работ в Синдике. 74, 1959, стр. 41—48.
- Блаватский В. Д. и Шелов Д. Б. Разведки на Керченском полуострове. 58, 1955, стр. 100—113.
- Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1952 году. 58, 1955, стр. 73—87.
- Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1953 году. 63, 1956, стр. 109—123.
- Блаватский В. Д. Третий год работ в Синдике. 58, 1955, стр. 88—97.
- Блаватский В. Д. Фракия и Северный Понт (впечатления об археологических памятниках Болгарии). 89, 1962, стр. 94—96.
- Блаватский В. Д. Четвертый год раскопок в Синдике. 70, 1957, стр. 118—129.
- Болтунова А. И. Строительная надпись из Нимфея. 95, 1963, стр. 104—106.
- Брабич В. М. Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э. 66, 1956, стр. 65—68.
- Брашинский И. Б. Афинский декрет 323/2 года до н. э. (к истории афинско-боспорских отношений). 74, 1959, стр. 3—8.
- Брашинский И. Б. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной. 95, 1963, стр. 20—24.
- Гайдукевич В. Ф. Керамический комплекс II в. н. э. из Мирмекия. 95, 1963, стр. 25—32.
- Голенко К. В. Датировка медных монет Пантикапея конца III—II вв. до н. э. 58, 1955, стр. 131—138.
- Голенко К. В. К датировке пантикапейских тетрадрахм. 63, 1956, стр. 158—161.
- Голенко К. В. К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI. 66, 1956, стр. 107—115.
- Голенко К. В. К уточнению датировки одной группы монет Фанагории. 58, 1955, стр. 139—141.
- Голенко К. В. Херсонесская монета с боспорской надчеканкой. 63, 1956, стр. 156—157.
- Дашевская О. Д. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр). 70, 1957, стр. 108—117.
- Зеест И. Б. Античный город Северного Причерноморья. 95, 1963, стр. 3—6.
- Зеест И. Б. Архаические слои Гермонассы. 83, 1961, стр. 53—58.
- Зеест И. Б. Земляные склепы некрополя Тузлы. 51, 1953, стр. 156—158.
- Зеест И. Б. Раскопки Гермонассы. 58, 1955, стр. 114—121.

- Зеест И. Б.* Раскопки Гермонассы. 74, 1959, стр. 58—63.
- Зеест И. Б.* Раскопки Феодосии. 51, 1953, стр. 143—148.
- Карасев А. Н.* Основные результаты работ на ольвийской агоре в 1953 году. 63, 1956, стр. 124—127.
- Карасев А. Н.* Раскопки на городище Чайка близ Евпатории 95, 1963, стр. 33—42.
- Карышковский П. О.* О классификации серебряных статеров Ольвии IV в. до н. э. 66, 1956, стр. 69—77.
- Карышковский П. О.* Ольвия и Родос по нумизматическим данным. 83, 1961, стр. 9—14.
- Кирьянов А. В.* Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора. 91, 1962, стр. 92—97.
- Книпович Т. Н.* Два фрагмента мраморных плит с греческими надписями из Ольвии. 95, 1963, стр. 13—19.
- Книпович Т. Н.* Исследования территории римской цитадели в Ольвии. 63, 1956, стр. 139—141.
- Книпович Т. Н.* Итоги работ Ольвийской археологической экспедиции. 51, 1953, стр. 112—121.
- Кобылина М. М.* Раскопки Фанагории. 51, 1953, стр. 122—127.
- Кобылина М. М.* Фанагорийский склеп. 70, 1957, стр. 143—146.
- Кобылина М. М.* Новые данные о фанагорийских винодельнях. 74, 1959, стр. 21—24.
- Кобылина М. М.* О позднеэллинистической коропластике Пантикапея. 75, 1959, стр. 177—179.
- Кобылина М. М.* Надгробие из Фанагории. 89, 1962, стр. 112—114.
- Кобылина М. М.* Раскопки центральной части Фанагории в 1959—1960 гг. 95, 1963, стр. 97—103.
- Коровина А. К.* Раскопки некрополя Тирамбы в 1959 году. 89, 1962, стр. 70—73.
- Кропоткин В. В.* О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. 68, 1957, стр. 35—44.
- Кругликова И. Т.* Итоги семилетних раскопок у дер. Семеновки. 95, 1963, стр. 43—51.
- Кругликова И. Т.* К вопросу о керамическом производстве в Пантикапее (два пантикапейских клейма). 58, 1955, стр. 26—30.
- Кругликова И. Т.* Поселение Золотое Восточное. 70, 1957, стр. 130—137.
- Кругликова И. Т.* Поселение у деревни Семеновки. 83, 1961, стр. 73—82.
- Кругликова И. Т.* Работы восточно-крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 году. 78, 1960, стр. 64—73.
- Кругликова И. Т.* Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 году. 74, 1959, стр. 64—73.
- Кругликова И. Т.* и *Цветаева Г. А.* Раскопки в Анапе. 95, 1963, стр. 66—71.
- Кругликова И. Т.* Раскопки Кимерника. 51, 1953, стр. 132—142.
- Кругликова И. Т.* Сарматские знаки на амфорах с поселения у дер. Семеновки. 89, 1962, стр. 97—100.
- Крушкол Ю. С.* Патрэйский клад 1950 г. 66, 1956, стр. 116—117.
- Кубланов М. М.* Археологические разведки в районе Коп-Такиля. 83, 1961, стр. 91—94.
- Кубланов М. М.* Золотая бляшка из Чмырева кургана (некоторые черты заупокойного культа у скифов). 58, 1955, стр. 127—130.
- Леви Е. И.* Две ольвийские надписи с упоминанием храма Аполлона. 95, 1963, стр. 7—12.
- Леви Е. И.* Терракоты из цистерны ольвийской агоры. 74, 1959, стр. 9—19.
- Максимова М. И.* Панафинейская амфора из Зеленского кургана. 83, 1961, стр. 15—20.
- Максимова М. И.* Серебряная пряжка из Артюховского кургана. 83, 1961, стр. 139—141.
- Марченко И. Д.* Литейная форма конца VI в. до н. э. из Пантикапея. 89, 1962, стр. 51—53.
- Марченко И. Д.* Некоторые итоги раскопок на Майской горе. 95, 1963, стр. 86—90.
- Наливкина М. А.* Раскопки в Евпатории. 51, 1953, стр. 128—131.
- Наливкина М. А.* Раскопки в Евпатории. 58, 1955, стр. 63—72.
- Наливкина М. А.* Костяная фигурка из Ольвии. 83, 1961, стр. 142—145.
- Онайко Н. А.* Краснофигурный фрагмент из Фанагории. 58, 1955, стр. 122—126.
- Онайко Н. А.* Раскопки Раевского городища в 1955—1956 годах. 77, 1959, стр. 51—61.
- Петерс Б. Г.* О подводных археологических работах в Ольвии. 95, 1963, стр. 83—85.
- Розанова Н. П.* О золотых монетах с надписью ΚΟΕΩΝ. 66, 1956, стр. 118—122.
- Скуднова В. М.* Комплекс находок из раскопок святилища кабиров в Нимфее. 63, 1956, стр. 128—138.
- Скуднова В. М.* Раскопки Нимфея в 1958 году. 83, 1961, стр. 59—65.
- Сокольский Н. И.* Каменные крышки амфор. 89, 1962, стр. 108—111.
- Сокольский Н. И.* Новые памятники синдской скульптуры. 100, 1965, стр. 86—96.
- Сокольский Н. И.* О боспорских шитах. 58, 1955, стр. 14—25.
- Сокольский Н. И.* Работы в Кепях в 1958 году. 83, 1961, стр. 66—72.
- Сокольский Н. И.* Раскопки античного поселения около станицы Тамачской. 74, 1959, стр. 49—57.
- Сокольский Н. И.* Раскопки в Кепях в 1957 году. 78, 1960, стр. 53—63.
- Сокольский Н. И.* Раскопки в Кепях в 1959 году. 86, 1961, стр. 55—65.
- Сокольский Н. И.* Раскопки в Кепях в 1960 году. 91, 1962, стр. 83—91.
- Сокольский Н. И.* Раскопки городища Кепы в 1961 г. 95, 1963, стр. 52—59.

- Сокольский Н. И. Раскопки Пантикапея. 83, 1961, стр. 32—45.
- Сорокина Н. П. Раскопки некрополя Гермоны в 1956—1957 годах. 83, 1961, стр. 46—52.
- Сорокина Н. П. Раскопки некрополя в Кеплах в 1959—1960 годах. 91, 1962, стр. 98—106.
- Сорокина Н. П. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. 95, 1963, стр. 60—65.
- Шелов Д. Б. Исследования Танаиса в 1961 г. 95, 1963, стр. 91—96.
- Шелов Д. Б. Итоги археологического изучения Танаиса. 100, 1965, стр. 79—85.
- Шелов Д. Б. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1957—1958 гг. 83, 1961, стр. 126—135.
- Шелов Д. Б. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1960 году. 91, 1962, стр. 78—82.
- Шелов Д. Б. Раскопки Западно-Дурукского поселения на Тамани. 51, 1953, стр. 159—165.
- Шелов Д. Б. Раскопки Танаиса в 1955 году. 74, 1959, стр. 74—80.
- Шелов Д. Б. Раскопки Танаиса в 1956 году. 77, 1959, стр. 62—69.
- Шургая И. Г. Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия. 95, 1963, стр. 107—111.
- Цехмистренко В. И. Два керченских сосуда с акварельной росписью. 70, 1957, стр. 147—149.

Закавказье

- Бунятов Т. А. Из истории хозяйства в древнем Азербайджане (к вопросу об изготовлении молочных продуктов). 67, 1957, стр. 36—44.
- Иссен А. А. Изображение человека на плите из Кызыл-Ванка. 94, 1963, стр. 98—100.
- Ионе Г. Н. Мингечаурские кувшинные погребения с оружием. 60, 1955, стр. 54—62.
- Лосева И. М. Раскопки цитадели урартского города Ирпуни. 58, 1955, стр. 45—52.
- Мартиросян А. А. О древнем поселении и могильнике близ Ленинкакана. 55, 1954, стр. 106—116.
- Мнацканян А. О. Археологические находки в селении Басаргечар Армянской ССР. 60, 1955, стр. 39—44.
- Мнацканян А. О. Раскопки могильников у селения Атарбекян в Армянской ССР. 60, 1955, стр. 31—38.
- Погребова Н. Н. Некоторые формы закавказского оружия раннескифского времени. 89, 1962, стр. 22—29.
- Тарпаш М. М. Новая археологическая находка в Абхазии. 53, 1954, стр. 139—142.
- Цицишвили И. Н. Гробница у станции Мухета. 54, 1954, стр. 116—126.

Средняя Азия

- Баруздин Ю. Д. и Подольский А. Г. Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника. 85, 1961, стр. 127—129.

- Баруздин Ю. Д. и Беленицкий А. М. Бронзовая пластинка из Кара-Булакского могильника. 86, 1961, стр. 21—27.
- Гамбург Б. Э. и Горбунова Н. Г. Ак-Тамский могильник. 69, 1957, стр. 78—90.
- Гинзбург В. В. Антропологические материалы из Вуадильского и Ак-Тамского могильников. 69, 1957, стр. 91—93.
- Гинзбург В. В. Антропологические материалы к этногенезу таджиков. 61, 1956, стр. 45—47.
- Горбунова Н. Г. Роговая пластинка из Ак-Тамского могильника. 80, 1960, стр. 93—94.
- Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1956 году. 76, 1959, стр. 63—72.
- Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1957 году. 78, 1960, стр. 43—52.
- Заднепровский Ю. А. Городище Шурабашат. 71, 1958, стр. 99—108.
- Кожомбердыев И. Новые данные о Кенкольском могильнике. 80, 1960, стр. 71—75.
- Кошленко Г. А. Раскопки на поселении Джин-депе в 1961 г. 95, 1963, стр. 79—82.
- Кузьмина Е. Е. и Левнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад шах. 64, 1956, стр. 77—84.
- Латынин Б. А., Оболдуева Т. Г. Исфаринские курганы (к вопросу о системе хозяйства древней Ферганы). 76, 1959, стр. 17—27.
- Латынин Б. А. Эйлатанская расписная чаша. 80, 1960, стр. 90—92.
- Литвинский Б. А. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе). 64, 1957, стр. 68—76.
- Мандельштам А. М. К археологии Каратегина. 80, 1960, стр. 76—79.
- Мандельштам А. М. Могильник Арук-тау в Бишкендской долине (Южный Таджикистан). 76, 1959, стр. 73—82.
- Мартынов Г. С. Иссыкская находка. 59, 1955, стр. 150—156.
- Массон В. М. Археологические работы на Мисрианской равнине. 69, 1957, стр. 66—71.
- Обельченко О. В. Бронзовые зеркала Лявандакского могильника. 91, 1962, стр. 48—50.
- Оболдуева Т. Г. Раскопки 1960 года на городище Эйлатан. 91, 1961, стр. 38—49.
- Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника. 64, 1956, стр. 3—14.
- Ставиский Б. Я. Древнейшие бронзовые изделия Чача в Государственном Эрмитаже. 60, 1955, стр. 125—128.

Казахстан

- Агеева Е. А. Некоторые новые данные по археологии Семиречья. 80, 1960, стр. 65—69.

- Акишев К. А. Шестой Бешатырский курган. 91, 1962, стр. 61—65.
- Грязнов М. П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. 61, 1956, стр. 8—16.
- Максимова А. Г. Курганы сакского времени могильника Джувантобе. 80, 1960, стр. 60—64.
- Черников С. С. Золотой курган Чиликтинской долины (к вопросу о происхождении «скифского искусства»). 98, 1964, стр. 31—34.
- Черников С. С. О термине «ранние кочевники». 80, 1960, стр. 17—21.

Западная Сибирь

- Липский А. Н. Новый вид каменного изваяния из Южной Сибири. 59, 1955, стр. 157—162.
- Мошинская В. И. и Чернецов В. Н. Го-

родище Андрюшкин городок. 51, 1953, стр. 93—98.

Мошинская В. И. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири. 75, 1959, стр. 180—184.

Семенович Н. Н. Реставрация и экспозиция большого войлочного ковра из Пазырыка. 64, 1956, стр. 144—148.

Восточная Сибирь

Гришин Ю. С. Погребение гуннской эпохи у деревни Кункур (к вопросу о памятниках раннего железного века в Восточном Забайкалье). 99, 1964, стр. 73—76.

Дальний Восток

Андреев Г. И. Поселение на мысе Седловидном в Уссурийском заливе. 74, 1959, стр. 124—130.

ПОЗДНИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (с IV в. н. э.)

Север

- Голубева Л. А. Белоозерская экспедиция 1957 года. 79, 1960, стр. 35—42.
- Голубева Л. А. Белоозерская экспедиция. 81, 1960, стр. 77—85.
- Голубева Л. А. Раскопки древнего Белоозера (1959—1960 гг.). 96, 1963, стр. 64—71.
- Горюнова Е. И. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. 65, 1956, стр. 3—30.
- Гуревич Ф. Д. Раскопки на городище Грачевка. 52, 1953, стр. 80—86.
- Ильин М. А. Из истории военно-оборонительных мероприятий Московской Руси XVII века. 59, 1955, стр. 29—31.
- Колчин Б. А. К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951—1962 гг.). 99, 1964, стр. 3—20.
- Косточкин В. В. О датировке крепостей Острова и Изборска. 62, 1956, стр. 59—65.
- Косточкин В. В. Русские военно-оборонительные сооружения XVI века у устья реки Наровы. 52, 1953, стр. 25—32.
- Лаушкин К. Д. Раскопки в Старой Ладоге. 81, 1960, стр. 72—76.
- Никитин А. В. О начальном периоде города Вологды. 81, 1960, стр. 31—37.
- Никитин А. В. Раскопки в Великом Устюге. 96, 1963, стр. 79—85.
- Никитин А. В. Раскопки в Вологде в 1948 году. 52, 1953, стр. 99—105.
- Овсянников О. В. Орлецкое городище. 96, 1963, стр. 116—119.
- Орлов С. Н. Вновь открытый раннеславянский грунтовой могильник в Старой Ладоге. 65, 1956, стр. 94—98.
- Орлов С. Н. К вопросу о древнем пашенном земледелии Старой Ладоги. 65, 1956, стр. 142—144.
- Плешанова И. И. Керамическое надгробие из Псково-Печерского монастыря. 96, 1963, стр. 113—115.
- Раппопорт П. А. Перси Псковского Крома. 62, 1956, стр. 56—58.

Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде. 68, 1957, стр. 20—30.

Седов В. В. Курганы с ярусными погребениями. 71, 1958, стр. 3—11.

Седов В. В. Новые данные о языческом святилище Перуна (по раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.). 53, 1954, стр. 105—108.

Седов В. В. Поселение XII — начала XV в. в Перыне. 62, 1956, стр. 108—117.

Седов В. В. Языческая братчина в древнем Новгороде. 65, 1956, стр. 138—141.

Спегальский Ю. П. Здание кожевенного завода XVII века в Пскове. 87, 1962, стр. 112—116.

Спегальский Ю. П. Псковские керамические кiotы. 81, 1960, стр. 117—121.

Спегальский Ю. П. Псковские часовни-успальницы. 99, 1964, стр. 106—110.

Тараканова С. А. Каменные плитки с рисунками с городища Камно. 62, 1956, стр. 152—154.

Тараканова С. А. Псковские городища. 62, 1956, стр. 33—44.

Якубцинер М. М. О составе зерновых культур из Старой Ладоги. 57, 1955, стр. 17—22.

Янин В. Л. Древнейшая русская печать X века. 57, 1955, стр. 39—46.

Янин В. Л. Печати ладожских наместников. 52, 1953, стр. 111—112.

Янин В. Л. Печать мстиславовой грамоты. 65, 1956, стр. 42—48.

Янин В. Л. Печати новгородских тиунов как исторический источник. 52, 1953, стр. 106—111.

Янин В. Л. Свинцовая крышка с тайнописью из Новгорода. 54, 1954, стр. 42—48.

Прибалтика

Гуревич Ф. Д. Верхнее Понеманье в I тысячелетии и в начале II тысячелетия нашей эры (по материалам Прибалтийской экспедиции 1955—1957 гг.). 81, 1960, стр. 13—24.

Гуревич Ф. Д. К истории древних пруссов в I тысячелетии н. э. 70, 1957, стр. 40—48.

Гуревич Ф. Д. Работы Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 году. 74, 1959, стр. 89—91.

Белоруссия

Алексеев Л. В. Городище Девичья гора в г. Мстиславле. 94, 1963, стр. 73—79.

Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава. 81, 1960, стр. 95—106.

Алексеев Л. В. Три пряслица с надписями из Белоруссии. 57, 1955, стр. 129—132.

Артемченко И. И., Соловьева Г. Ф. Славянские курганы близ с. Ходосовичи. 96, 1963, стр. 101—104.

Воронин Н. Н. Археологические заметки (...находки в Гродно и Волковыске). 62, 1956, стр. 17—32.

Воронин Н. Н. К истории полоцкого зодчества XII века. 87, 1962, стр. 102—104.

Гаврилова И. В. Дюнная стоянка Романовичи. 97, 1964, стр. 113—119.

Гуревич Ф. Д. Верхнее Пономанье в I тысячелетии и в начале II тысячелетия нашей эры (по материалам Прибалтийской экспедиции 1955—1957 гг.). 31, 1960, стр. 13—24.

Гуревич Ф. Д. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке. 99, 1964, стр. 97—102.

Гуревич Ф. Д. О длинных и удлинённых курганах в Западной Белоруссии. 72, 1958, стр. 54—65.

Гуревич Ф. Д. О жилищах околного города древнего Новогрудка. 87, 1962, стр. 70—77.

Гуревич Ф. Д. Работы Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 году. 74, 1959, стр. 89—91.

Гуревич Ф. Д. Раскопки в Новогрудке (1960—1961 гг.). 96, 1963, стр. 51—54.

Даркевич В. П. Костяно на вершине из Волковыска. 96, 1963, стр. 105—109.

Каргер М. К. Новый памятник зодчества XII в. в Турове. 100, 1965, стр. 130—138.

Кирьянов А. В. Зерна хлебных растений из раскопок древнего Браслава. 81, 1960, стр. 107.

Кухаренко Ю. В. Раскопки на городище и селище Хотомель. 68, 1957, стр. 90—97.

Кухаренко Ю. В. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья. 57, 1955, стр. 33—38.

Кухаренко Ю. В. Чаплинские курганы. 72, 1958, стр. 88—89.

Мельниковская О. Н. Поселение у деревни Барсуки на реке Соже. 87, 1962, стр. 54—56.

Полубяринова М. Д. Раскопки древнего Турова (1961 г.). 96, 1963, стр. 44—50.

Равдина Т. В. Надпись на корчаге из Пинска. 70, 1957, стр. 150—153.

Равдина Т. В. Поливные керамические плитки из Пинска. 96, 1963, стр. 110—112.

Раппопорт П. А. Археологические и архитектурные заметки (из работ отряда по

изучению крепостей 1959—1961 гг.). 96, 1963, стр. 32—35.

Раппопорт П. А. Мстибогов городок. 87, 1962, стр. 105—107.

Седов В. В. Из полевых исследований 1961 г. (Свищевские курганы). 96, 1963, стр. 37—43.

Сымонович Э. А. Раскопки городища Колочин I в Южной Белоруссии. 77, 1959, стр. 70—76.

Тараканова С. А. Археологическая разведка по Неману. 57, 1955, стр. 100—108.

Тарасенко В. Р. Из материалов раскопок Минского Замчища. 57, 1955, стр. 47—51.

Третьяков П. Н. Работы Верхнеднепровской археологической экспедиции 1957 года. 79, 1960, стр. 80—82.

Центральные области

Алихова А. Е. Моисеевское городище в период Киевской Руси. 87, 1962, стр. 83—87.

Безбородов М. А. Материалы из раскопок стекольного завода XVII в. 68, 1957, стр. 146—147.

Вагнер Г. К. Два сюжета фасадной пластики Георгиевского собора. 1230—1234 годов. 87, 1962, стр. 92—99.

Вагнер Г. К. Деревянный барельеф XVI в. из с. Путятино Рязанской области. 77, 1959, стр. 10—14.

Вагнер Г. К. К характеристике рязанских памятников шатрового зодчества XVI в. 71, 1958, стр. 18—27.

Вагнер Г. К. Южный фасад Георгиевского собора (1230—1234 гг.). 96, 1963, стр. 18—24.

Варганов А. Д. Обжительные печи XI—XII веков в Суздале. 65, 1956, стр. 49—54.

Воронин Н. Н. Археологические заметки (находки в Успенском соборе во Владимире; находки на Клязьме, в Суздале, Ростове, Гродно). 62, 1956, стр. 17—32.

Герасимов М. М. Документальный портрет Ивана Грозного. 100, 1965, стр. 139—142.

Гиришберг В. Б. Эпиграфические заметки (работы в Москве). 52, 1953, стр. 121—131.

Горюнова Е. И. Второй Харитоновский могильник. 87, 1962, стр. 78—82.

Горюнова Е. И. К истории городов северо-восточной Руси. 59, 1955, стр. 11—21.

Горюнова Е. И. Мерянский могильник на Рыбинском море. 54, 1954, стр. 153—163.

Горюнова Е. И. Муромский могильник (к истории города Мурома). 52, 1953, стр. 33—42.

Гуревич Ф. Д. Археологические памятники Великолуцкой области. 62, 1956, стр. 95—107.

Гуревич Ф. Д. Каменные идолы Себежского музея. 54, 1954, стр. 176—179.

Давид Л. А. и Огнев Б. А. Забытый памятник московского зодчества XV в. 62, 1956, стр. 51—55.

- Даркевич В. П.* Образ царя Давида во владимирско-суздальской скульптуре. 99, 1964, стр. 46—53.
- Деркевич В. П. и Пудовин В. К.* Раскопки на Севском городище. 79, 1960, стр. 83—88.
- Дубынин А. Ф.* Археологические исследования 1955 года в Зарядье (Москва). 77, 1959, стр. 90—103.
- Дубынин А. Ф.* Археологические исследования в Зарядье (Москва). 65, 1956, стр. 119—130.
- Дубынин А. Ф., Соболева Д. А.* Археологические работы в Зарядье, Москва (1957—1961 гг.). 96, 1963, стр. 55—63.
- Дубынин А. Ф.* Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 году. 79, 1960, стр. 65—79.
- Дубынин А. Ф.* К истории Московского посада. 68, 1957, стр. 123—128.
- Дубынин А. Ф.* Работы Московской экспедиции. 57, 1955, стр. 69—77.
- Дубынин А. Ф.* Результаты работ Можайской экспедиции. 94, 1963, стр. 54—63.
- Ерохин В. С.* Шигровский клад. 53, 1954, стр. 145—147.
- Изыюмова С. А.* Археологическая разведка в 1951 году в Тульской области. 52, 1953, стр. 68—79.
- Корзухина Г. Ф.* О некоторых находках в древнем Торопце. 87, 1962, стр. 100—101.
- Крис Х. И.* О назначении кирпичного сооружения из раскопок в Зарядье (Москва). 77, 1959, стр. 104—108.
- Малевская М. В.* Раскопки на Малом Торопецком городище (1960 г.). 96, 1963, стр. 72—78.
- Мальм В. А. и Фехнер М. В.* Раскопки стекольного завода близ деревни Большое Буньково. 68, 1957, стр. 142—145.
- Меу Н. Д.* Монеты удельного княжества Кашинского (к истории борьбы за Кашин в период сложения Русского централизованного государства). 65, 1956, стр. 55—67.
- Никольская Т. Н.* Археологические исследования в Орловской области. 53, 1954, стр. 91—104.
- Никольская Т. Н.* Работа Верхнеокской археологической экспедиции (1960—1961 гг.). 96, 1963, стр. 25—31.
- Никольская Т. Н.* Шуклинское городище. 72, 1958, стр. 66—77.
- Рабинович М. Г.* Золотое украшение из Тушкова городка. 68, 1957, стр. 45—50.
- Рабинович М. Г.* Великий посад Москвы (по раскопкам 1951 года). 57, 1955, стр. 78—82.
- Раппопорт П. А.* Изучение крепостей, проведенное отрядами Среднерусской археологической экспедиции 1956 года. 74, 1959, стр. 87—88.
- Раппопорт П. А.* Оборонительные сооружения Галича Мерьского. 77, 1959, стр. 3—9.
- Раппопорт П. А.* Оборонительные сооружения Торопца. 86, 1961, стр. 11—20.
- Раппопорт П. А.* Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. 62, 1956, стр. 118—128.
- Раппопорт П. А.* Укрепления раннемосковских городищ. 71, 1958, стр. 12—17.
- Рикман Э. А.* Результаты археологических наблюдений в Зарядье (по раскопкам 1949—1951 гг.). 57, 1955, стр. 83—91.
- Розенфельдт Р. Л.* Археологические разведки в Московской области в 1960 г. 90, 1962, стр. 33—38.
- Розенфельдт Р. Л.* Захряпинские курганы XII—XIII вв. на реке Рузе. 99, 1964, стр. 103—105.
- Розенфельдт Р. Л.* Липинский бескурганый могильник. 72, 1958, стр. 90—92.
- Розенфельдт Р. Л.* Разведки в Московской области. 79, 1961, стр. 57—63.
- Розенфельдт Р. Л.* Русский ружейный прибор начала XVII в. 72, 1958, стр. 93—95.
- Розенфельдт И. Г. и Р. Л.* О некоторых конструкциях московских навесных и врезных замков XIV—XVII веков. 77, 1959, стр. 119—121.
- Седов В. В.* Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской области. 68, 1957, стр. 104—116.
- Седов В. В.* Гончарная печь из раскопок в г. Владимире. 72, 1958, стр. 78—83.
- Седов В. В.* Древнерусские сельские поселения Смоленской земли (по материалам экспедиции 1956—1957 годов). 79, 1960, стр. 43—56.
- Седов В. В.* Древнерусское поселение близ города Вязники. 85, 1961, стр. 95—105.
- Седов В. В.* Из полевых исследований 1961 г. (к изучению оборонительных сооружений Владимира...). 96, 1963, стр. 37—43.
- Седов В. В.* К вопросу о классификации смоленских курганов. 81, 1960, стр. 3—12.
- Седов В. В.* Курганы с ярусными погребениями. 71, 1958, стр. 3—11.
- Седов В. В.* Некоторые вопросы географии Смоленской земли XII в. (по данным экспедиции 1960 г.). 90, 1962, стр. 12—23.
- Седов В. В.* Раскопки в Гороховце. 77, 1959, стр. 84—89.
- Седов В. В.* Раскопки 1959 года во Владимирской земле и на Смоленщине. 86, 1961, стр. 73—77.
- Седов В. В.* Языческие святилища смоленских кривичей. 87, 1962, стр. 57—64.
- Седова М. В.* Раскопки Ярополча-Залеского. 96, 1963, стр. 48—50.
- Станкевич Я. В.* Исследование памятников первого тысячелетия нашей эры в верховьях Западной Двины за 1949—1951 годы. 52, 1953, стр. 60—67.
- Станкевич Я. В.* Курганы у деревни Полибино на р. Ловати. 87, 1962, стр. 31—35.
- Станкевич Я. В.* Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины. 72, 1958, стр. 46—53.
- Станкевич Я. В.* Предварительные итоги исследований 1956 года в Великолужской области. 77, 1959, стр. 77—83.

- Третьяков П. Н. Работы Верхнеднепровской археологической экспедиции 1957 года. 79, 1960, стр. 80—82.
- Успенская А. В. Успенское городище. 68, 1957, стр. 117—122.
- Шмидт Е. А. Раскопки длинных курганов в Смоленской области. 54, 1954, стр. 147—152.
- Янин В. Л. К вопросу о дате лопастицкого креста. 68, 1957, стр. 31—34.
- Янин В. Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. 62, 1956, стр. 3—16.
- Янин В. Л. Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича (1054—1057 гг.). 55, 1954, стр. 150—152.
- Янин В. Л. Редчайший памятник московской сфрагистики XIV века. 53, 1954, стр. 148—150.

Среднее Поволжье

- Ефимова А. М. Новые данные о болгарской металлургии. 62, 1956, стр. 135—140.
- Кириянов А. В. К вопросу о земледелии волжских болгар. 57, 1955, стр. 3—16.
- Смирнов А. П. Бронзовое очелье из Поволжья. 89, 1962, стр. 115—117.
- Смирнов А. П. К вопросу о месте производства шаманских привесок. 99, 1964, стр. 59—64.
- Хлебникова Т. А. Древнерусское поселение в Болгарах. 62, 1956, стр. 141—147.
- Хованская О. С. Новые данные о крепостных сооружениях г. Болгара. 62, 1956, стр. 129—134.

Урал

- Генинг В. Ф. Бродовский могильник. 52, 1953, стр. 87—98.
- Генинг В. Ф. Новый могильник позднеродановского времени. 55, 1954, стр. 153—154.
- Генинг В. Ф. Памятники харинского времени в Прикамье. 57, 1955, стр. 115—123.
- Генинг В. Ф. Романовский клад. 62, 1956, стр. 159—162.
- Генинг В. Ф. Серебряный браслет из Верхнего Прикамья. 57, 1955, стр. 135—136.
- Кропоткин В. В. Византийский сосуд из Южного Приуралья. 87, 1962, стр. 65—66.
- Лунегов И. А. Редикарский могильник. 57, 1955, стр. 124—128.
- Оборин В. А. Камская археологическая экспедиция 1955 года. 74, 1959, стр. 101—109.
- Оборин В. А. Костяная рукоятка из Анюшара (Кыласово). 57, 1955, стр. 133—134.
- Оборин В. А. Памятники родановской культуры у села Таборы (из работ КАЭ). 65, 1956, стр. 107—118.
- Оборин В. А. Раскопки Орла-городка на реке Каме. 55, 1954, стр. 129—138.

Правобережная Украина и Молдавия

- Брайчевский М. Ю., Асеев Ю. С. Археологические исследования в Переяслав-

Хмельницком в 1958 году. 81, 1960, стр. 112—116.

- Брайчевский М. Ю. Древнеславянское святилище в селе Иванковцы на Днестре. 52, 1955, стр. 43—53.
- Вагнер Г. К. О зооморфных изображениях на древнерусских хоросах. 81, 1960, стр. 25—30.
- Войцеховский В. А. Памятники архитектуры Молдавии XIV—XVIII веков. 56, 1954, стр. 40—49.
- Елагина Н. Г. и Погребова Н. Н. Археологическая разведка по берегам Ингула. 77, 1959, стр. 21—34.
- Каргер М. К. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 году. 81, 1960, стр. 61—71.
- Кирпичников А. Н. К истории древнего Белгорода в X—XI вв. 73, 1959, стр. 21—32.
- Кухаренко Ю. В. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья. 57, 1955, стр. 33—38.
- Полевой Л. Л. Нумизматические данные к истории молдавского средневекового города Старого Орхеля. 66, 1956, стр. 78—82.
- Плетнева С. А. Средневековое поселение на Белой Калитве (по материалам разведки 1960 г.). 90, 1962, стр. 39—44.
- Раппопорт П. А. Города Болоховской земли. 57, 1955, стр. 52—59.
- Раппопорт П. А. Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцово-красной кладки. 52, 1953, стр. 17—24.
- Рикман Э. А. К вопросу о славянских чертах в народной материальной культуре Молдавии. 56, 1954, стр. 51—58.
- Смирнов Г. Д. Археологические исследования Старого Орхеля. 56, 1954, стр. 24—39.
- Симонович Э. А. Кочевническое погребение у села Михайловки. 87, 1962, стр. 67—69.
- Симонович Э. А. Памятники позднекочевнического времени в Поднепровье. 81, 1960, стр. 108—111.
- Симонович Э. А. Погребения X—XII вв. Каменского могильника. 65, 1956, стр. 99—106.
- Тимошук Б. А. Древнерусские поселения Северной Буковины. 57, 1955, стр. 109—114.
- Тимошук Б. А. Об инструментах для письма («стилях»). 62, 1956, стр. 155—158.
- Тимошук Б. А. Славянские поселения IX—X вв. на территории Северной Буковины. 53, 1954, стр. 86—90.
- Федоров Г. Б. Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии. 56, 1954, стр. 8—23.
- Федоров Г. Б. Работы Прутско-Днестровской экспедиции. 81, 1960, стр. 38—42.
- Федоров Г. Б. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1959 году. 86, 1961, стр. 78—85.
- Федоров Г. Б. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960—1961 гг. 99, 1964, стр. 77—88.
- Хынку И. Г. Раскопки на селище XII—XV веков Лукашевка V. 86, 1961, стр. 86—91.

Нижнее Поволжье

- Полесских М. Р. Могильник «Армиевского типа» в Пензенской области. 55, 1954, стр. 147—149.
- Смирнов А. П. Работы Поволжской экспедиции 1960 г. 90, 1962, стр. 25—32.

Левобережная Украина

- Даркевич В. П. Остерская находка. 87, 1962, стр. 88—91.
- Кухаренко Ю. В. Широкопластинчатые фибулы. 74, 1959, стр. 143—145.
- Ляпушкин И. И. О жилищах восточных славян Днепровского левобережья VIII—X вв. 68, 1957, стр. 3—13.
- Ляпушкин И. И. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны. 74, 1959, стр. 81—86.
- Плетнева С. А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца. 79, 1960, стр. 3—20.
- Раппопорт П. А. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII века (Вышгород, Снепород). 54, 1954, стр. 180—186.
- Рыбаков Б. А. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. 99, 1954, стр. 21—23.
- Рыбаков Б. А. Раскопки в Любече в 1957 году. 79, 1960, стр. 27—34.

- Станкевич Я. В. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года. 87, 1962, стр. 6—30.
- Телегин Д. Я. Находки раннеславянского времени на Северном Донце. 68, 1957, стр. 129—132.

Крым

- Веймарн Е. В., Смирнов А. П. Сосуд с росписью из могильника у с. Скалистое. 100, 1965, стр. 102—107.
- Кропоткин В. В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму. 100, 1965, стр. 108—115.
- Шелов Д. Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. 68, 1957, стр. 98—103.
- Якобсон А. Л. Новый памятник средневековой архитектуры в Крыму. 99, 1964, стр. 65—72.
- Якобсон А. Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты (близ Гурзуфа). 53, 1954, стр. 109—120.
- Якобсон А. Л. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму. 54, 1954, стр. 164—172.
- Якобсон А. Л. Средневековые гончарные печи в районе Судака (по раскопкам 1953 г.). 60, 1955, стр. 102—109.
- Якобсон А. Л. Средневековые поселения в Байдарской долине (раскопки 1956 г.). 76, 1959, стр. 90—103.

СЛАВЯНСКИЕ И ДРЕВНЕРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ

- Алексеев Л. В. Городище Девичья гора в г. Мстиславле. 94, 1963, стр. 73—79.
- Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава. 81, 1960, стр. 95—106.
- Алексеев Л. В. Три пряслица с надписями из Белоруссии. 57, 1955, стр. 129—132.
- Алихова А. Е. Моисеевское городище в период Киевской Руси. 87, 1962, стр. 83—87.
- Артеменко И. И., Соловьева Г. Ф. Славянские курганы близ с. Ходосовичи. 96, 1963, стр. 101—104.
- Безбородов М. А. Древнерусские стекла и огнеупорные изделия. 62, 1956, стр. 66—82.
- Безбородов М. А. Материалы из раскопок стеклозавода XVII в. 68, 1957, стр. 146—147.
- Брайчевский М. Ю., Асеев Ю. С. Археологические исследования в Переяслав-Хмельницком в 1958 году. 81, 1960, стр. 112—116.
- Брайчевский М. Ю. Древнеславянское святилище в селе Иванковцы на Днестре. 52, 1955, стр. 43—53.
- Брайчевский М. Ю. и Березовец Д. Т. К истории древнеславянского ювелирного ремесла. 53, 1954, стр. 23—28.
- Вагнер Г. К. Два сюжета фасадной пластики Георгиевского собора 1230—1234 годов. 87, 1962, стр. 92—99.
- Вагнер Г. К. Деревянный барельеф XVI в. из с. Путятино Рязанской области. 77, 1959, стр. 10—14.
- Вагнер Г. К. К характеристике рязанских памятников шатрового зодчества XVI в. 71, 1958, стр. 18—27.
- Вагнер Г. К. О змеевидной композиции на древнерусских амулетах-змеевиках. 85, 1961, стр. 26—30.
- Вагнер Г. К. О зооморфных изображениях на древнерусских хоросах. 81, 1960, стр. 25—30.
- Вагнер Г. К. Южный фасад Георгиевского собора (1230—1234 гг.). 96, 1963, стр. 18—24.
- Варганов А. Д. Обжигательные печи XI—XII веков в Суздале. 65, 1956, стр. 49—54.
- Володченко Э. А. К вопросу о технике черни на Руси. 52, 1953, стр. 10—16.
- Воронин Н. Н. Археологические заметки. 62, 1956, стр. 17—32.
- Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского рода. 96, 1963, стр. 3—17.
- Воронин Н. Н. К истории полоцкого зодчества XII века. 87, 1962, стр. 102—104.
- Гадло А. В. Поселение XI—XII вв. в дельте Дона. 99, 1964, стр. 40—45.
- Генинг В. Ф. Серебряный браслет из Верхнего Прикамья. 67, 1955, стр. 135—136.
- Герасимов М. М. Документальный портрет Ивана Грозного. 100, 1965, стр. 139—142.
- Гиришберг В. Б. Эпиграфические заметки (графити на стене церкви Трифона в Напрудном; надпись на могильной плите 1607 года). 52, 1953, стр. 121—131.

- Голубева Л. А. Белоозерская экспедиция 1957 года. 79, 1960, стр. 35—42.
- Голубева Л. А. Белоозерская экспедиция. 81, 1960, стр. 77—85.
- Голубева Л. А. Раскопки древнего Белоозера (1959—1960 гг.). 96, 1963, стр. 64—71.
- Горюнова Е. И. Второй Харитоновский могильник. 87, 1962, стр. 78—82.
- Горюнова Е. И. К истории городов северо-восточной Руси. 59, 1955, стр. 11—21.
- Гуревич Ф. Д. Верхнее Понеманье в I тысячелетии и начале II тысячелетия нашей эры (по материалам Прибалтийской экспедиции 1955—1957 гг.). 81, 1960, стр. 13—24.
- Гуревич Ф. Д. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке. 99, 1964, стр. 97—102.
- Гуревич Ф. Д. Каменные идолы Себежского музея. 54, 1954, стр. 176—179.
- Гуревич Ф. Д. О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии. 72, 1958, стр. 54—65.
- Гуревич Ф. Д. О жилищах окольного города древнего Новогрудка. 87, 1962, стр. 70—77.
- Гуревич Ф. Д. Работы Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 году. 74, 1959, стр. 89—91.
- Гуревич Ф. Д. Раскопки в Новогрудке (1960—1961 гг.). 96, 1963, стр. 51—54.
- Давид Л. А. и Ойнов Б. А. Забытый памятник московского зодчества XV в. 62, 1956, стр. 51—55.
- Даркевич В. П. Образ царя Давида во владимирско-суздальской скульптуре. 99, 1964, стр. 46—53.
- Даркевич В. П. и Пудовин В. К. Раскопки на Севском городище. 79, 1960, стр. 83—88.
- Дубынин А. Ф. Археологические исследования в Зарядье (Москва). 65, 1956, стр. 119—130.
- Дубынин А. Ф. Археологические исследования 1955 года в Зарядье (Москва). 77, 1959, стр. 90—103.
- Дубынин А. Ф. Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 году. 79, 1960, стр. 65—79.
- Дубынин А. Ф., Соболева Д. А. Археологические работы в Зарядье, Москва (1957—1961). 96, 1963, стр. 55—63.
- Дубынин А. Ф. К истории Московского посада. 68, 1957, стр. 123—128.
- Дубынин А. Ф. Работы Московской экспедиции. 57, 1955, стр. 69—77.
- Дубынин А. Ф. Результаты работ Можайской экспедиции. 94, 1963, стр. 54—63.
- Ерохин В. С. Цигровский клад. 53, 1954, стр. 145—147.
- Изюмова С. А. Археологическая разведка в 1951 году в Тульской области. 52, 1953, стр. 68—79.
- Ильин М. А. Из истории военно-оборонительных мероприятий Московской Руси XVII века. 59, 1955, стр. 29—31.
- Каргер М. К. Новый памятник зодчества XII в. в Турове. 100, 1965, стр. 130—138.
- Каргер М. К. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 году. 81, 1960, стр. 61—71.
- Кирпичников А. Н. К истории древнего Белгорода в X—XI вв. 73, 1959, стр. 21—32.
- Кирпичников А. Н. Русские мечи XI—XIII веков. 85, 1961, стр. 11—25.
- Кирьянов А. В. Зерна хлебных растений из раскопок древнего Браслава. 81, 1960, стр. 107.
- Колчин Б. А. К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951—1962 гг.). 99, 1964, стр. 3—20.
- Корзухина Г. Ф. О некоторых находках в древнем Торопце. 87, 1962, стр. 100—101.
- Косточкин В. В. О датировке крепостей Острова и Изборска. 62, 1956, стр. 59—65.
- Косточкин В. В. Русские военно-оборонительные сооружения XVI века у устья реки Наровы. 52, 1953, стр. 25—32.
- Крис Х. И. О назначении кирпичного сооружения из раскопок в Зарядье (Москва). 77, 1959, стр. 104—108.
- Кропоткин В. В. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. 68, 1957, стр. 35—44.
- Кухаренко Ю. В. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья. 57, 1955, стр. 33—38.
- Кухаренко Ю. В. Чаплинские курганы. 72, 1958, стр. 88—89.
- Лаушкин К. Д. Раскопки в Старой Ладоге. 81, 1960, стр. 72—76.
- Ляпушкин И. И. Некоторые вопросы из предистории восточных славян. 100, 1965, стр. 116—125.
- Ляпушкин И. И. О жилищах восточных славян Днепровского левобережья VIII—X вв. 68, 1957, стр. 3—13.
- Ляпушкин И. И. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны. 74, 1959, стр. 81—86.
- Малевская М. В. Раскопки на Малом Торопецком городище (1960 г.). 96, 1963, стр. 72—78.
- Мальм В. А. и Фехнер М. В. Раскопки стекольного завода близ деревни Большое Буньково. 68, 1957, стр. 142—145.
- Меу Н. Д. Клады монет (зарегистрированные Государственным историческим музеем за 1945—1952 годы). 52, 1953, стр. 113—120.
- Меу Н. Д. Монеты удельного княжества Кашинского (к истории борьбы за Кашин в период сложения Русского централизованного государства). 65, 1956, стр. 55—67.
- Никитин А. В. Раскопки Братской крепости. 85, 1961, стр. 118—126.
- Никитин А. В. Раскопки в Великом Устюге. 96, 1963, стр. 79—85.
- Никитин А. В. Раскопки в Вологде в 1948 году. 52, 1953, стр. 99—105.
- Никитин А. В. О начальном периоде города Вологды. 81, 1960, стр. 31—37.
- Никольская Т. Н. Археологические иссле-

- дования в Орловской области. 53, 1954, стр. 91—104.
- Никольская Т. Н.* Работа Верхнеокской археологической экспедиции (1960—1961 гг.). 96, 1963, стр. 25—31.
- Никольская Т. Н.* Шуклинское городище. 72, 1958, стр. 66—77.
- Оборин В. А.* Раскопки Орла-городка на реке Каме. 55, 1954, стр. 129—138.
- Овсянников О. В.* Орлецкое городище. 96, 1963, стр. 116—119.
- Орлов С. Н.* Вновь открытый раннеславянский грунтовой могильник в Старой Ладоге. 65, 1956, стр. 94—98.
- Орлов С. Н.* К вопросу о древнем пашенном земледелии Старой Ладogi. 65, 1956, стр. 142—144.
- Плетнева С. А.* О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время. 99, 1964, стр. 24—32.
- Плешанова И. И.* Керамическое надгробие из Псково-Печерского монастыря. 96, 1963, стр. 113—115.
- Полубояринова М. Д.* Раскопки древнего Турова (1961 г.). 96, 1963, стр. 44—50.
- Рабинович М. Г.* Великий посад Москвы (по раскопкам 1951 года). 57, 1955, стр. 78—82.
- Рабиневич М. Г.* Золотое украшение из Тушкова городка. 68, 1957, стр. 45—50.
- Равдина Т. В.* Надпись на корчаге из Пинска. 70, 1957, стр. 150—153.
- Равдина Т. В.* Поливные керамические плитки из Пинска. 96, 1963, стр. 110—112.
- Раппопорт П. А.* Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII века (Вышгород, Снепород). 54, 1954, стр. 180—186.
- Раппопорт П. А.* Археологические и архитектурные заметки (из работ отряда по изучению крепостей 1959—1961 гг.). 96, 1963, стр. 32—35.
- Раппопорт П. А.* Города Болоховской земли. 57, 1955, стр. 52—59.
- Раппопорт П. А.* Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцово-кладки. 52, 1953, стр. 17—24.
- Раппопорт П. А.* Изучение крепостей, проведенное отрядом Среднерусской археологической экспедиции 1956 года. 74, 1959, стр. 87—88.
- Раппопорт П. А.* и *Косточкин В. В.* К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества. 59, 1955, стр. 22—28.
- Раппопорт П. А.* Мстиславов городок. 87, 1962, стр. 105—107.
- Раппопорт П. А.* Новые данные по исторической географии Вольни. 99, 1964, стр. 54—58.
- Раппопорт П. А.* Оборонительные сооружения Галича Мерьского. 77, 1959, стр. 3—9.
- Раппопорт П. А.* Оборонительные сооружения Торопца. 86, 1961, стр. 11—20.
- Раппопорт П. А.* Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. 62, 1956, стр. 118—128.
- Раппопорт П. А.* Перси Псковского Крома. 62, 1956, стр. 56—58.
- Раппопорт П. А.* Укрепления раннемосковских городищ. 71, 1958, стр. 12—17.
- Рикман Э. А.* К вопросу о славянских чертах в народной материальной культуре Молдавии. 56, 1954, стр. 51—58.
- Рикман Э. А.* Результаты археологических наблюдений в Зарядье (по раскопкам 1949—1951 гг.). 57, 1955, стр. 83—91.
- Розенфельдт И. Г.* и *Р. Л.* О некоторых конструкциях московских навесных и врезных замков XIV—XVII веков. 77, 1959, стр. 119—121.
- Розенфельдт Р. Л.* Археологические разведки в Московской области в 1960 г. 90, 1962, стр. 33—38.
- Розенфельдт Р. Л.* Заметки о древнерусском керамическом производстве. 87, 1962, стр. 108—111.
- Розенфельдт Р. Л.* Захряпинские курганы XII—XIII вв. на реке Рузе. 99, 1964, стр. 103—105.
- Розенфельдт Р. Л.* Липинский бескурганый могильник. 72, 1958, стр. 90—92.
- Розенфельдт Р. Л.* Разведки в Московской области. 79, 1961, стр. 57—63.
- Розенфельдт Р. Л.* Русский ружейный прибор начала XVII в. 72, 1958, стр. 93—95.
- Рыбаков Б. А.* Владимировы крепости на Стугне. 100, 1965, стр. 126—129.
- Рыбаков Б. А.* Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. 99, 1964, стр. 21—23.
- Рыбаков Б. А.* Работы по славяно-русской археологии. 90, 1962, стр. 3—4.
- Рыбаков Б. А.* Раскопки в Любече в 1957 году. 79, 1960, стр. 27—34.
- Сахарова И. Г.* О технике настила майоликовых полов. 68, 1957, стр. 138—141.
- Седов В. В.* Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской области. 68, 1957, стр. 104—116.
- Седов В. В.* Гончарная печь из раскопок в г. Владимире. 72, 1958, стр. 78—83.
- Седов В. В.* Древнерусское поселение близ города Вязники. 85, 1961, стр. 95—105.
- Седов В. В.* Древнерусские сельские поселения Смоленской земли (по материалам экспедиции 1956—1957 годов). 79, 1960, стр. 43—56.
- Седов В. В.* Из полевых исследований 1961 г. (к изучению оборонительных сооружений Владимира...). 96, 1963, стр. 37—43.
- Седов В. В.* К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде. 68, 1957, стр. 20—30.
- Седов В. В.* К вопросу о классификации смоленских курганов. 81, 1960, стр. 3—12.
- Седов В. В.* Нехотгорье вопросы географии Смоленской земли XII в. (по данным экспедиции 1960 г.). 90, 1962, стр. 12—23.
- Седов В. В.* Новые данные о языческом святилище Перуна (по раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.). 53, 1954, стр. 105—108.
- Седов В. В.* Поселение XII — начала XV в. в Перыне. 62, 1956, стр. 108—117.
- Седов В. В.* Раскопки в Гороховце. 77, 1959, стр. 84—89.

- Седов В. В.** Раскопки 1959 года во Владимирской земле и на Смоленщине. 86, 1961, стр. 73—77.
- Седов В. В.** Языческая братчина в древнем Новгороде. 65, 1956, стр. 138—141.
- Седов В. В.** Языческие святилища смоленских кривичей. 87, 1962, стр. 57—64.
- Седова М. В.** Раскопки Ярополча-Залесского. 96, 1963, стр. 48—50.
- Сотникова М. П.** К вопросу о технике чеканки русских монет в XV в. 66, 1956, стр. 31—35.
- Спасский И. Г.** Алтын в русской денежной системе. 66, 1956, стр. 12—20.
- Спасский И. Г.** Из истории древнерусского товароведения. 62, 1956, стр. 45—50.
- Спегальский Ю. П.** Здание кожевенного завода XVII века в Пскове. 87, 1962, стр. 112—116.
- Спегальский Ю. П.** Псковские керамические кiotы. 81, 1960, стр. 117—121.
- Спегальский Ю. П.** Псковские часовни-усыпальницы. 99, 1964, стр. 106—110.
- Станкевич Я. В.** Исследование памятников первого тысячелетия нашей эры в верховьях Западной Двины за 1949—1951 годы. 52, 1953, стр. 60—67.
- Станкевич Я. В.** Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины. 72, 1958, стр. 46—53.
- Станкевич Я. В.** Предварительные итоги исследований 1956 года в Великолукской области. 77, 1959, стр. 77—83.
- Станкевич Я. В.** Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года. 87, 1962, стр. 6—30.
- Тараканова С. А.** Каменные плитки с рисунками с городища Камно. 62, 1956, стр. 152—154.
- Тараканова С. А.** Псковские городища. 62, 1956, стр. 33—44.
- Тарасенко В. Р.** Из материалов раскопок Минского Замчища. 57, 1955, стр. 47—51.
- Телегин Д. Я.** Находки раннеславянского времени на Северном Донце. 68, 1957, стр. 129—132.
- Тимошук Б. А.** Древнерусские поселения Северной Буковины. 57, 1955, стр. 109—114.
- Тимошук Б. А.** Об инструментах для письма («стилях»). 62, 1956, стр. 155—158.
- Тимошук Б. А.** Славянские поселения IX—X вв. на территории Северной Буковины. 53, 1954, стр. 86—90.
- Третьяков П. Н.** Раннеславянская культура в Верхнем Поднепровье. 55, 1954, стр. 11—16.
- Успенская А. В.** Успенское городище. 68, 1957, стр. 117—122.
- Федоров Г. Б.** Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии. 56, 1954, стр. 8—23.
- Хлебникова Т. А.** Древнерусское поселение в Болгарах. 62, 1956, стр. 141—147.
- Шмидт Е. А.** Раскопки длинных курганов в Смоленской области. 54, 1954, стр. 147—152.
- Шукина Е. С.** Федор Алексеев — русский медальер и механик начала XVIII века. 54, 1954, стр. 187—189.
- Якубцинер М. М.** О составе зерновых культур из Старой Ладоги. 57, 1955, стр. 17—22.
- Янин В. Л.** Алтын и его место в русских денежных системах XIV—XV вв. 66, 1956, стр. 21—30.
- Янин В. Л.** Древнейшая русская печать X века. 57, 1955, стр. 39—46.
- Янин В. Л.** К вопросу о дате лопастичкового креста. 68, 1957, стр. 31—34.
- Янин В. Л.** Книжеские знаки суздальских Рюриковичей. 62, 1956, стр. 3—16.
- Янин В. Л.** Печати ладожских наместников. 52, 1953, стр. 111—112.
- Янин В. Л.** Печати новгородских тиунов как исторический источник. 52, 1953, стр. 106—111.
- Янин В. Л.** Печать мстиславовой грамоты. 65, 1956, стр. 42—48.
- Янин В. Л.** Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича (1054—1057 гг.). 55, 1954, стр. 150—152.
- Янин В. Л.** Редчайший памятник московской сфрагистики XIV века. 53, 1954, стр. 148—150.
- Янин В. Л.** Свинцовая крышка с тайнописью из Новгорода. 54, 1954, стр. 42—48.

* * *

Северный Кавказ

- Гадло А. В.** Поселение XI—XII вв. в дельте Дона. 99, 1964, стр. 40—45.
- Каманцева А. С.** Гончарная печь в селе Дуба-Юрт. 74, 1959, стр. 146—150.
- Кузнецов В. А. и Милорадович О. В.** Археологические исследования в Северной Осетии в 1958 году. 84, 1961, стр. 103—112.
- Кузнецов В. А.** Археологические исследования в верховьях Кубани (1960—1961 гг.). 96, 1963, стр. 86—93.
- Кузнецов В. А. и Милорадович О. В.** Археологические исследования в Северной Осетии в 1959 году. 86, 1961, стр. 92—100.
- Кузнецов В. А.** Глиняные котлы Северного Кавказа. 99, 1964, стр. 34—39.
- Кузнецов В. А.** Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае. 76, 1959, стр. 83—89.
- Кузнецов В. А.** Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г. 98, 1964, стр. 109—117.
- Кузнецов В. А.** Средневековые дольменно-образные склепы Верхнего Прикубанья. 85, 1961, стр. 106—117.
- Марковин В. И. и Твердохлебов А. М.** Акушинский могильник. 60, 1955, стр. 150—154.
- Марковин В. И.** Археологические работы в Аргунском ущелье в 1958 году. 84, 1961, стр. 49—55.
- Марковин В. И.** Исследование памятников средневековья в высокогорной Чечне. 90, 1962, стр. 45—55.
- Марковин В. И.** Пещеры — родовые усы-

- пальницы в Шатоевской котловине (Чечня). 86, 1961, стр. 101—107.
- Милорадович О. В.* Исследование городища Верхний Джулат. 90, 1962, стр. 56—59.
- Милорадович О. В.* Раскопки средневекового городища Верхний Джулат (1961 г.). 96, 1963, стр. 94—100.
- Минаева Т. М.* Городище Адюх в Черкесии. 60, 1955, стр. 110—119.
- Минаева Т. М.* Находки близ станицы Преградной на р. Урупе. 68, 1957, стр. 133—137.
- Мунчаев Р. М.* Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г. 71, 1958, стр. 41—52.
- Семенов Л. П.* Шлемы из Северной Осетии. 57, 1955, стр. 60—68.
- Шелов Д. Б.* Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г. 58, 1955, стр. 96—99.

Закавказье

- Асланов Г. М.* К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. 60, 1955, стр. 63—72.
- Ваидов Р. М.* Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур). 54, 1954, стр. 127—139.
- Джанполадян Р. М.* Стекланный сосуд из Двина. 60, 1955, стр. 120—124.
- Закарая П. П.* К изучению жилых и оборонительных сооружений городища Урбиси. 74, 1959, стр. 131—139.
- Иссен А. А.* Работы Азербайджанской экспедиции в 1953 году. (Орен-кала). 69, 1957, стр. 115—128.
- Капанадзе Д. Г.* Изображение знаков власти на древнегрузинских монетах. 66, 1956, стр. 83—88.
- Мишегян Х. А.* Монетные находки из раскопок Двина. 66, 1956, стр. 89—92.
- Пахомов Е. А.* Борьба феодальных династий за Восточное Закавказье с половины XIV в. до начала XV в. по монетным данным. 66, 1956, стр. 47—50.
- Ямпольский Э. И.* О статуе, найденной на территории Кавказской Албании. 60, 1955, стр. 155—158.

Средняя Азия

- Абрамзон С. М.* О некоторых типах погребальных сооружений у киргизов. 86, 1961, стр. 113—116.
- Альбаум Л. И.* Об этнической принадлежности некоторых «балбалов». 80, 1960, стр. 95—100.
- Альбаум Л. И.* Раскопки Балалык-тепе в 1955 году. 73, 1959, стр. 86—91.
- Беленицкий А. М.* Археологические работы в Пянджикенте. 55, 1954, стр. 31—47.
- Беленицкий А. М.* Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье. 98, 1964, стр. 35—44.
- Беленицкий А. М.* О некоторых сюжетах Пянджикентской живописи. 61, 1956, стр. 56—62.
- Беленицкий А. М.* Работы Таджикской археологической экспедиции 1956 года. 73, 1959, стр. 92—98.
- Беленицкий А. М.* Раскопки на городище древнего Пянджикента (в 1953 г.). 60, 1955, стр. 80—96.
- Бентович И. Б.* Плетеные изделия из раскопок на горе Муг. 61, 1956, стр. 65—69.
- Бернштам А. Н.* К происхождению мавзолея Бабаджи Хатун. 61, 1956, стр. 86—95.
- Большаков О. Г.* Заметки по исторической топографии долины Зеравшана в IX—X вв. 61, 1956, стр. 17—23.
- Брыкина Г. А.* Кайрак (галька) с тюркской писаницей из Ак-Бешима. 76, 1959, стр. 112—114.
- Воронина В. Л.* Резные колонны мечети Бокбонли в Хиве. 61, 1956, стр. 96—102.
- Давидович Е. А.* Владетели Насрабада (по пумизматическим данным). 61, 1956, стр. 107—113.
- Давидович Е. А.* Два самаркандских кувшина с датой и именем мастера в надписи. 80, 1960, стр. 109—113.
- Давидович Е. А.* Денежная реформа 1708 г. в Бухаре. 66, 1956, стр. 36—46.
- Жуков В. Д.* Обследование городища Старая Кува в 1956 году. 80, 1960, стр. 80—84.
- Заднепровский Ю. А.* Об этническом составе населения древней Ферганы. 61, 1956, стр. 39—44.
- Зяблин Л. П.* Археологические работы на Иссык-Куле. 69, 1957, стр. 94—101.
- Кисляков Н. А.* О некоторых древних поверьях таджиков долины реки Хингоу. 80, 1960, стр. 114—117.
- Литвинский Б. А.* Новые материалы по археологии Таджикистана. 55, 1954, стр. 139—146.
- Литвинский Б. А.* Северная надпись в Варухском ущелье. 61, 1956, стр. 114—119.
- Мандельштам А. М.* К истории Бактрии-Тохаристана. 98, 1964, стр. 25—30.
- Мандельштам А. М.* Огрызок из «Послания Шахту б. Хакану» ал-Джахиза (к истории культуры Средней Азии IX в.). 61, 1956, стр. 24—28.
- Мандельштам А. М.* Послекушанские погребения в Северной Бактрии. 94, 1963, стр. 88—93.
- Массон М. Е.* Кладки караханидских медных дирхемов первой половины XII в. из Термеза. 80, 1960, стр. 103—108.
- Негматов Н. Н.* К вопросу об этнической принадлежности населения Усрушаны. 61, 1956, стр. 29—38.
- Пузаченкова Г. А.* Архитектурные памятники в селении Астана-баба (из работ ЮТАКЭ 1948 г.). 61, 1956, стр. 70—85.
- Пузаченкова Г. А.* Буддийская кумирня в Мерве (из работ архитектурного отряда ЮТАКЭ). 54, 1954, стр. 140—146.
- Смирнова О. И.* Монеты древнего Пянджикента. 55, 1954, стр. 48—51.
- Смирнова О. И.* Монеты древнего Пянджикента. 60, 1955, стр. 97—100.

- Смирнова О. И. Монеты городища Пянджикента (краткая общая характеристика). 66, 1956, стр. 93—99.
- Смирнова О. И. Неизданный фельс из раскопок на городище древнего Пянджикента. 61, 1956, стр. 103—106.
- Ставиский Б. Я. «Ампула святого Мины» из Самарканда. 80, 1960, стр. 101—102.
- Ставиский Б. Я. О двух памятниках согдийского изобразительного искусства. 61, 1956, стр. 63—64.
- Федоров-Давыдов Г. А. К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV в. 66, 1956, стр. 51—58.
- Шишкин В. А. О художественном ремесле в Средней Азии V—VIII вв. по памятникам древней живописи (текстиль). 80, 1960, стр. 22—25.

Казахстан

- Брыкина Г. А. Раскопки на городище Карабулак в 1961—1962 гг. 98, 1964, стр. 118—127.

- Пацевич Г. И. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике. 69, 1957, стр. 111—113.
- Рампель Л. И. Некрополь древнего Тараза. 69, 1957, стр. 102—110.
- Шер Я. А. Археологические разведки на озере Сон-Куль (1960—1962 гг.). 98, 1964, стр. 68—74.

Западная Сибирь

- Кызласов Л. Р. Таштыкские каменные изваяния с изображениями людей. 60, 1955, стр. 139—144.
- Могильников В. А. Работы Иртышского отряда. 94, 1963, стр. 94—97.

Восточная Сибирь

- Никитин А. В. Раскопки Братской крепости. 85, 1961, стр. 118—126.

Дальний Восток

- Воробьев М. В. О работах Ворошиловского отряда в 1956 году. 73, 1959, стр. 122—125.

НУМИЗМАТИКА

- Брабич В. М. Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э. 66, 1956, стр. 65—68.
- Брайчевский М. Ю. К вопросу о происхождении Оболонского клада. 66, 1956, стр. 59—64.
- Голенко К. В. Датировка медных монет Пантикапея конца III—II вв. до н. э. 58, 1955, стр. 131—138.
- Голенко К. В. К датировке пантикапейских тетрадрахм. 63, 1956, стр. 158—161.
- Голенко К. В. К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI. 66, 1956, стр. 107—115.
- Голенко К. В. К уточнению датировки одной группы монет Фанагории. 58, 1955, стр. 139—141.
- Голенко К. В. Херсонесская монета с боспорской надчеканкой. 63, 1956, стр. 156—157.
- Граков Б. Н. Две заметки по скифо-сарматской археологии (новые находки греческих монет с Каменского городища; о каменном алтаре из женской могилы в Оренбургской области). 89, 1962, стр. 38—41.
- Давидович Е. А. Владетели Насрабада (по нумизматическим данным). 61, 1956, стр. 107—113.
- Давидович Е. А. Денежная реформа 1708 г. в Бухаре. 66, 1956, стр. 36—46.
- Капанадзе Д. Г. Изображение знаков власти на древнегрузинских монетах. 66, 1956, стр. 83—88.
- Карышковский П. О. О классификации серебряных статов Ольвии IV в. до н. э. 66, 1956, стр. 69—77.
- Карышковский П. О. Ольвия и Родос по нумизматическим данным. 83, 1961, стр. 9—14.
- Кроткин В. В. О некоторых кладах римских монет, найденных в России (из ис-

- тории русской нумизматики). 66, 1956, стр. 100—106.
- Крушкол Ю. С. Патрэйский клад 1950 г. 66, 1956, стр. 117—118.
- Моссон М. Е. Кладик караханидских медных дирхемов первой половины XII в. из Термеза. 80, 1960, стр. 103—108.
- Мельникова А. С. Клады монет (зарегистрированные Государственным историческим музеем за 1952—1954 годы). 67, 1957, стр. 147—158.
- Мец Н. Д. Клады монет (зарегистрированные Государственным историческим музеем за 1945—1952 годы). 52, 1953, стр. 113—120.
- Мец Н. Д. Монеты удельного княжества Кашинского (к истории борьбы за Кашин в период сложения Русского централизованного государства). 65, 1956, стр. 55—67.
- Мушгян Х. А. Монетные находки из раскопок Двина. 66, 1956, стр. 89—92.
- Пахолов Е. А. Борьба феодальных династий за Восточное Закавказье с половины XIV в. до начала XV в. по монетным данным. 66, 1956, стр. 47—50.
- Полевой Л. Л. Нумизматические данные к истории молдавского средневекового города Старого Орхья. 66, 1956, стр. 78—82.
- Розанова Н. П. О золотых монетах с надписью ΚΟΕΩΝ. 66, 1956, стр. 118—122.
- Смирнова О. И. Монеты древнего Пянджикента. 55, 1954, стр. 48—51.
- Смирнова О. И. Монеты древнего Пянджикента. 60, 1955, стр. 97—100.
- Смирнова О. И. Монеты городища Пянджикента (краткая общая характеристика). 66, 1956, стр. 93—99.
- Смирнова О. И. Неизданный фельс из раскопок на городище древнего Пянджикента. 61, 1956, стр. 103—106.
- Сотникова М. П. К вопросу о технике че-

канки русских монет в XV в. 66, 1956, стр. 31—35.
Спаский И. Г. Алтын в русской денежной системе. 66, 1956, стр. 12—20.
Тарасюк Л. И. Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи. 63, 1956, стр. 22—30.
Федоров-Давыдов Г. А. К вопросу о де-

нежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV в. 66, 1956, стр. 51—58.
Шелов Д. Б. Состояние работы в области нумизматики и ближайшие задачи. 66, 1956, стр. 3—11.
Янин В. Л. Алтын и его место в русских денежных системах. XIV—XV вв. 66, 1956, стр. 21—30.

ЭПИГРАФИКА. СФРАГИСТИКА

Алексеев Л. В. Три пряслица с надписями из Белоруссии. 57, 1955, стр. 129—132.
Брашинский И. Б. Афинский декрет 323/2 года до н. э. (к истории афинско-боспорских отношений). 74, 1959, стр. 3—8.
Болтунова А. И. Строительная надпись из Нимфея. 95, 1963, стр. 104—106.
Гиришберг В. Б. Эпиграфические заметки (граффити на стене церкви Трифона в Напрудном; надпись на могильной плите 1607 года). 52, 1953, стр. 121—131.
Давидович Е. А. Два самаркандских кувшина с датой и именем мастера в надписи. 80, 1960, стр. 109—113.
Книпович Т. Н. Два фрагмента мраморных плит с греческими надписями из Ольвии. 95, 1963, стр. 13—19.
Корзухина Г. Ф. О некоторых находках в древнем Торопце. 87, 1962, стр. 100—101.
Кругликова И. Т. Сарматские знаки на амфорах с поселения у дер. Семеновки. 89, 1962, стр. 97—100.
Левин Е. И. Две ольвийские надписи с упоминанием храма Аполлона. 95, 1963, стр. 7—12.
Литвинский Б. А. Северная надпись в Варушском ущелье (опыт исторического исследования по данным нумизматики). 61, 1956, стр. 114—119.

Плешанова И. И. Керамическое надгробие из Псково-Печерского монастыря. 96, 1963, стр. 113—115.
Равдина Т. В. Надпись на корчаге из Пинска. 70, 1957, стр. 150—153.
Сокольский Н. И. Каменные крышки амфор. 89, 1962, стр. 108—111.
Сымонович Э. А. Фибула с Нижнего Днепра с надписью. 89, 1962, стр. 101—102.
Янин В. Л. Древнейшая русская печать X века. 57, 1955, стр. 39—46.
Янин В. Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. 62, 1956, стр. 3—16.
Янин В. Л. Печати ладожских наместников. 52, 1953, стр. 111—112.
Янин В. Л. Печать мстиславовой грамоты. 65, 1956, стр. 42—48.
Янин В. Л. Печати новгородских тиунов как исторический источник. 52, 1953, стр. 106—111.
Янин В. Л. Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича (1054—1057 гг.). 55, 1954, стр. 150—152.
Янин В. Л. Редчайший памятник московской сфрагистики XIV века. 53, 1954, стр. 148—150.
Янин В. Л. Свинцовая крышка с тайнописью из Новгорода. 54, 1954, стр. 42—48.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Герасимов М. М. Документальный портрет Ивана Грозного. 100, 1965, стр. 139—142.
Герасимова М. М. Черепа из погребений срубной культуры в Среднем Поволжье. 71, 1958, стр. 72—76.
Гинзбург В. В. Антропологические материалы из Вуадильского и Ак-Тамского могильников. 69, 1957, стр. 91—93.

Гинзбург В. В. Антропологические материалы к этногенезу таджиков. 61, 1956, стр. 45—47.
Гинзбург В. В. Антропологическая характеристика саков Южного Памира. 80, 1960, стр. 26—49.
Дебец Г. Ф. Череп из позднепалеолитического погребения в Покровском Логе (Костенки XVIII). 82, 1961, стр. 120—127.

ДАННЫЕ ПО ЗЕМЛЕДЕЛИЮ И СКОТОВОДСТВУ

Кирьянов А. В. Зерна хлебных растений из раскопок древнего Браслава. 81, 1960, стр. 107.
Кирьянов А. В. К вопросу о земледелии волжских болгар. 57, 1955, стр. 3—16.
Кирьянов А. В. Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора (зерна из поселений Боспора III в. н. э., зерна из раскопок в Кехах и на городище у хутора Батарейка). 91, 1962, стр. 92—97.
Рикман Э. А. Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на селищах

черняховского типа. 77, 1959, стр. 112—118.
Цалкин В. И. Основные задачи изучения костей животных из раскопок памятников материальной культуры. 58, 1955, стр. 3—13.
Прения по докладу В. И. Цалкина см.: Боголюбовский С. Н. 58, 1955, стр. 154—156.
Якубинер М. М. О составе зерновых культур из Старой Ладogi. 57, 1955, стр. 17—22.

- Августиник А. И.* К вопросу о методике исследования древней керамики. 64, 1956, стр. 149—156.
- Акопова М. К., Пазухин В. А., Чижов В. А.* Могли ли древние мастера выплавлять алюминиевую бронзу? 93, 1963, стр. 114—115.
- Аллысбаев Х. К.* Некоторые результаты изучения кремневых орудий. 74, 1959, стр. 10—16.
- Бадер О. Н.* В камеральной лаборатории ИИМК. 74, 1959, стр. 151—153.
- Бадер О. Н.* Камеральная лаборатория Института истории материальной культуры (1957—1958 гг.). 81, 1960, стр. 132—134.
- Бадер О. Н.* Камская археологическая экспедиция в 1958 году. (Палеоботанические работы Э. Э. Аникиной, см. стр. 83—84). 85, 1961, стр. 73—84.
- Безбородов М. А.* Древнерусские стекла и огнеупорные изделия (химико-технологическое изучение древнерусских стекол и огнеупоров из археологических раскопок). 62, 1956, стр. 66—82.
- Безбородов М. А.* Материалы из раскопок стеклозавода XVII в. 68, 1957, стр. 146—147.
- Блохина Н. Г.* Анализ углей из палеолитических стоянок в Костенках. 97, 1964, стр. 64—65.
- Блохина Н. Г., Лисицына Г. Н.* Из работ по определению дерева и углей, найденных при раскопках. 92, 1962, стр. 100—102.
- Богданова-Березовская И. В.* Работа лаборатории археологической технологии Института археологии АН СССР в 1960—1961 гг. 94, 1963, стр. 105—106.
- Величко А. А. и Федорова Р. В.* Об условиях залегания палеолитической стоянки Валукинского (Костенки XIX). 84, 1961, стр. 32—37.
- Гитерман Р. Е.* Стратиграфическое значение спорово-пыльцевых спектров четвертичных отложений низовья р. Чусовой. 92, 1962, стр. 18—23.
- Каштанов Л. И. и Смирнов А. П.* Из истории металлургии Среднего Поволжья и Урала. 72, 1958, стр. 3—13.
- Кириянов А. В.* Обработка берестяных грамот (опыт работы полевой лаборатории Новгородской археологической экспедиции). 53, 1954, стр. 127—130.
- Кислов М. Н.* Способ прорисовки берестяных грамот и деревянных резных вещей. 53, 1954, стр. 131—133.
- Ковчурко Г. М.* К изучению свойств кремня. 92, 1962, стр. 97—99.
- Левашова В. П.* К вопросу о механических свойствах древних орудий. 75, 1959, стр. 46—56.
- Лисицына Г. Н.* К вопросу о возрасте террас Средней Камы. 85, 1961, стр. 31—36.
- Лисицына Г. Н.* Основные черты палеогеографии Геоксюнского оазиса. 93, 1963, стр. 69—73.
- Лисицына Г. Н.* Растительность Южной Туркмении в эпоху энеолита по палеоботаническим данным. 98, 1964, стр. 54—58.
- Лисицына Г. Н.* Результаты микропалеоботанического исследования образцов торфа Бисерова озера. 75, 1959, стр. 40—45.
- Румянцев Е. А.* Один из способов консервации кожи. 72, 1958, стр. 100—102.
- Румянцев Е. А.* Стабилизация насыщенной влагой древесины, найденной при археологических раскопках. 72, 1958, стр. 95—99.
- Семенов С. А.* К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды (шнуровой и зубчатый орнаменты неолитической керамики Карелии). 57, 1955, стр. 137—144.
- Семенов С. А.* Происхождение абразивной техники и ее значение в древнем хозяйстве. 86, 1961, стр. 3—10.
- Семенов С. А.* Следы работы на орудиях и доказательство работы неандертальцев правой рукой (по материалам Волгоградской стоянки). 84, 1961, стр. 12—18.
- Семенович Н. Н.* Реставрация и экспозиция большого войлочного ковра из Пазырыка. 64, 1956, стр. 144—148.
- Сильченко Т. Н.* К вопросу о применении рентгенокопии для изучения археологических объектов. 57, 1955, стр. 145—149.
- Сорокин С. С.* О некоторых приемах нивелировки при археологических раскопках. 53, 1954, стр. 121—126.
- Тюрелмов С. Н.* История развития северного участка Шигирского торфяника по данным стратиграфии и анализу пыльцы. 75, 1959, стр. 132—137.
- Федорова Р. В.* Применение спорово-пыльцевого анализа при археологических исследованиях. 72, 1958, стр. 14—21.
- Черных Е. Н.* Некоторые результаты изучения металла анауской культуры. 91, 1962, стр. 30—37.
- Чигуряева А. А. и Хвалина Н. Я.* О характере растительности в районе Волгограда в эпоху среднего палеолита. 82, 1961, стр. 37—41.
- Щапова Ю. Л.* Результаты спектрального анализа стеклянного кубка из собрания ГИМ (приложение к статье Сорокиной Н. П.). 89, 1962, стр. 107.

- Блаватский В. Д.* Фракия и Северный Понт (впечатления об археологических памятниках Болгарии). 89, 1962, стр. 94—96.
- Вожарова Ж.* (Болгария). Раннеславянская керамика из села Попина. 63, 1956, стр. 142—149.
- Инь Да.* Достижения китайской археологии за 4 года (перевод В. А. Рубина). 63, 1956, стр. 3—13.
- Мерперт Н. Я.* Археологические исследования в Южной Болгарии в 1963 г. 100, 1965, стр. 19—28.
- Мерперт Н. Я.* Первый год работ Советско-Болгарской экспедиции. 93, 1963, стр. 24—32.
- Онайко Н. А.* Албанская экспедиция 1958 года. 83, 1961, стр. 21—31.
- Онайко Н. А.* Раскопки Аполлонии Иллирийской в 1959—1960 гг. 95, 1963, стр. 72—78.

ПЕРСОНАЛИЯ

- Бернштам А. Н.* (некролог). См. *Заднепровский Ю. А.* Александр Натанович Бернштам. 80, 1960, стр. 5—8; От редакции (к выпуску, посвященному памяти А. Н. Бернштама). 80, 1960, стр. 3; Список основных печатных работ А. Н. Бернштама. 80, 1960, стр. 9—16.
- Греков Б. Д.* (некролог). См. Академик Борис Дмитриевич Греков. 52, 1953, стр. 3—8.
- Дьяконов М. М.* (некролог). См. *Беленицкий А. М.* Памяти Михаила Михайловича Дьяконова. 55, 1954, стр. 155—158; Список печатных трудов М. М. Дьяконова. 55, 1954, стр. 159—162.
- Замятин С. Н.* (некролог). См. Сергей Николаевич Замятин. 82, 1961, стр. 3—4.
- Киселев С. В.* См. *Пассек Т. С.* Памяти Сергея Владимировича Киселева (17.VIII 1905 г.—8.XI 1962 г.). 92, 1962, стр. 103—104.
- Погребова Н. Н.* (некролог). См. Памяти Н. Н. Погребовой. 89, 1962, стр. 3—4; Список печатных работ Н. Н. Погребовой. 89, 1962, стр. 5
- Станкевич Я. В.* (некролог). См. От редакции. 88, 1962, стр. 3—4; Список печатных работ Я. В. Станкевич. 87, 1962, стр. 5.
- Фосс М. Е.* (некролог). См. Памяти Марии Евгеньевны Фосс. 64, 1956, стр. 157; От редакции «Кратких сообщений» (памяти М. Е. Фосс). 75, 1959, стр. 3; *Формозов А. А.* Список печатных работ М. Е. Фосс. 64, 1956, стр. 158—161.
- Якубовский А. Ю.* (некролог). См. *Беленицкий А. М.* и *Дьяконов М. М.* Памяти Александра Юрьевича Якубовского. 51, 1953, стр. 166—168; Памяти Александра Юрьевича Якубовского. 61, 1956, стр. 5—7; От редакции (к выпуску, посвященному А. Ю. Якубовскому). 61, 1956, стр. 3; Список печатных трудов А. Ю. Якубовского. 51, 1953, стр. 166—168.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР
И ОБЗОРЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- Институт истории материальной культуры Академии наук СССР в 1956 году. (*Гурина Н. Н.* и *Мерперт Н. Я.*). 71, 1958, стр. 129—136.
- Институт истории материальной культуры в 1957 году. (*Мерперт Н. Я.*, *Гурина Н. Н.*, *Талицкая И. А.*). 78, 1960, стр. 119—126.
- Институт истории материальной культуры в 1957 году. 79, 1960, стр. 103—118.
- Институт истории материальной культуры в 1958 году. (*Мерперт Н. Я.*, *Мунчаев Р. М.*). 81, 1960, стр. 121—125.
- Институт истории материальной культуры в 1957 году. (*Мерперт Н. Я.*). Ученый совет. 78, 1960, стр. 119—121.
- Ученый совет Института археологии АН СССР в 1959—1960 годах. 87, 1962, стр. 117—118. (*Мерперт Н. Я.*).
- Сектор палеолита в 1960—1962 гг. (*Крижевская Л. Я.*). 92, 1962, стр. 108—112.
- Сектор палеолита в 1962 г. (*Хлобыстин Л. П.*). 97, 1964, стр. 135—137.

Неолит и бронза

- О работе сектора неолита и бронзы ИИМК АН СССР в 1956 г. (*Талицкая И. А.*). 71, 1958, стр. 141—144.
- Сектор неолита и бронзы (о работе секторов Института археологии АН СССР в 1958 году) (*Марковин В. И.*). 84, 1961, стр. 136—142.
- Сектор неолита и бронзы в 1959—1960 годах (*Марковин В. И.*, *Гришин Ю. С.*). 88, 1962, стр. 104—112.
- Сектор неолита и бронзы в 1961 году (*Марковин В. И.*). 92, 1962, стр. 105—108.
- Сектор неолита и бронзы в 1962 г. (*Марковин В. И.*). 97, 1964, стр. 138—140.
- Скифо-сарматская археология
- О работе сектора скифо-сарматской археологии ИИМК АН СССР в 1956 г. (*Погребова Н. Н.*). 72, 1958, стр. 103—106.

- Сектор скифо-сарматской археологии (1958 г.) (Смирнов А. П.). 85, 1961, стр. 131—133.
- Сектор скифо-сарматской археологии в 1959—1960 годах (Смирнов А. П.). 89, 1962, стр. 118—125.
- Сектор скифо-сарматской археологии в 1961 г. (Мошкова М. Г.). 94, 1963, стр. 107—110.
- Сектор скифо-сарматской археологии (1962 г.) (Смирнов А. П.). 98, 1964, стр. 132—136.

Античная археология

- Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1959 году (Кастанаян Е. Г.). 91, 1962, стр. 114—116.
- Группа античной археологии ЛОИА в 1960—1961 гг. (Кастанаян Е. Г.). 95, 1963, стр. 115—117.
- Конференция 1956 года по истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху (Онайко Н. А.). 73, 1959, стр. 133—141.
- О работе группы античной археологии ЛОИИМК АН СССР в 1956 г. (Гурина Н. Н.). 72, 1958, стр. 110—112.
- Сообщение о докладах, прочитанных на заседаниях сектора античной археологии ИИМК АН СССР в 1956 г. (Цветасва Г. А.). 72, 1958, стр. 107—109.
- Сектор античной археологии (1958 г.) (Цветасва Г. А.). 85, 1961, стр. 133—138.
- Сектор античной археологии в 1959 году (Цветасва Г. А.). 91, 1962, стр. 107—111.
- Сектор античной археологии в 1960 году (Цветасва Г. А.). 91, 1962, стр. 111—114.
- Сектор античной археологии в 1961 г. (Кобылина М. М.). 95, 1963, стр. 112—114.

Средняя Азия и Кавказ

- Итоги Кавказской археологической конференции (Мунчаев Р. М.). 73, 1953, стр. 3—13.
- О работе сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК в 1956 г. (Гурина Н. Н.). 72, 1958, стр. 113—116.
- Сектор Средней Азии и Кавказа в 1960 году (Кушнарева К. Х.). 91, 1962, стр. 116—118.
- Сектор Средней Азии и Кавказа (1961 г.) (Кушнарева К. Х.). 93, 1963, стр. 116—118.
- Сектор Средней Азии и Кавказа (1962 г.) (Кушнарева К. Х.). 98, 1964, стр. 128—132.

Финно-угорская археология

- Группа финно-угорской археологии (1958—1959 гг.) (Смирнов А. П.). 85, 1961, стр. 138—142.
- О работе группы финно-угорской археологии за 1960—1961 гг. (Смирнов К. А.). 94, 1963, стр. 111—113.

Славяно-русская археология

- Группа славяно-русской археологии ЛОИИМК 1958 г. (Раппопорт П. А.). 81, 1960, стр. 130—132.
- Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1959 году (Раппопорт П. А.). 87, 1962, стр. 123—124.
- Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1960 году (Раппопорт П. А.). 87, 1962, стр. 125—156.
- Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1960 г. (Раппопорт П. А.). 90, 1962, стр. 10—11.
- Группа славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР в 1961 г. (Раппопорт П. А.). 96, 1963, стр. 124—126.
- Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1962 г. (Малевская М. В.). 99, 1964, стр. 116—118.
- О работе группы славяно-русской археологии ЛОИИМК в 1956 г. (Гурина Н. Н.). 72, 1958, стр. 121—123.
- О работе сектора славяно-русской археологии ИИМК в 1956 г. (Алексеев Л. В.). 72, 1958, стр. 117—120.
- Работы по славяно-русской археологии (Б. А. Рыбаков). 90, 1962, стр. 3—4.
- Сектор славяно-русской археологии (1958 г.) (Алексеев Л. В.). 81, 1960, стр. 125—130.
- Сектор славяно-русской археологии в 1959 году (Алексеев Л. В.). 87, 1962, стр. 118—122.
- Сектор славяно-русской археологии в 1960 г. (Амбров А. К.). 90, 1962, стр. 5—9.
- Сектор славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1961 г. (Амбров А. К.). 96, 1963, стр. 120—123.
- Сектор славяно-русской археологии в 1962 г. (Амбров А. К.). 99, 1964, стр. 111—116.

Лаборатория

- В камеральной лаборатории ИИМК (Бадер О. Н.), 74, 1959, стр. 151—153.
- Камеральная лаборатория Института истории материальной культуры (1957—1958 гг.) (Бадер О. Н.). 81, 1960, стр. 132—134.
- Работа лаборатории археологической технологии Института археологии АН СССР в 1960—1961 гг. (Богданова-Бережовская И. В.). 94, 1963, стр. 105—106.

Сессии, заседания

- Объединенная сессия Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН УССР (Киев) (Симонова Е. Н.). 90, 1962, стр. 97—105.
- Расширенное заседание ученых советов Института истории материальной культуры АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, посвященных истории материальной культуры на территории Молдавии (информация). 56, 1954, стр. 3—4.

Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум Института истории материальной культуры АН СССР, посвященные итогам археологических и этнографических экспедиций за 1952 год (информация). 55, 1954, стр. 3—10.

Сессия Отделения исторических наук АН СССР и пленум Института истории материальной культуры, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1956 года (Мошкова М. Г.). 76, 1959, стр. 115—129.

Обзоры полевых работ

Археологические исследования в РСФСР в 1951 г. (Лисицына Н. К.). 52, 1953, стр. 132—146.

Археологические исследования в РСФСР в 1952 г. (Лисицына Н. К.). 58, 1955, стр. 142—153.

Археологические исследования в РСФСР в 1953 г. (Лисицына Н. К.). 61, 1956, стр. 120—130.

Археологические исследования в РСФСР в 1954 г. (Лисицына Н. К.). 66, 1956, стр. 123—136.

Археологические исследования в РСФСР в 1955 г. (Лисицына Н. К.). 72, 1958, стр. 124—136.

Археологические исследования в РСФСР

в 1956 г. (Лисицына Н. К.). 77, 1959, стр. 122—133.

Археологические исследования в РСФСР в 1957—1958 годах (Лисицына Н. К.). 86, 1961, стр. 117—138.

Археологические исследования в РСФСР в 1959 г. (Лисицына Н. К.). 90, 1962, стр. 77—97.

Археологические работы ИИМК АН СССР на новостройках (Смирнов А. П.). 55, 1954, стр. 17—30.

Работы Среднерусской экспедиции в 1957 году (Горюнова Е. И., Никитин А. В., Седов В. В., Монгайт А. Л., Раппопорт П. А.). 79, 1960, стр. 89—92.

Среднерусская экспедиция (Воронин Н. Н., Гуссаковский Л. П., Никитин А. В., Раппопорт П. А., Седов В. В.). 81, 1960, стр. 86—94.

Экспедиции ЛОИИМК по изучению славяно-русской археологии в 1957 году (Тихонова М. А., Гуревич Ф. Д., Лапушкин И. И., Станкевич Я. В., Каргер М. К., Лаушкин К. Д.). 79, 1960, стр. 93—102.

Экспедиции Ленинградского отделения Института истории материальной культуры в 1957 году по античной археологии (Гайдукевич В. Ф., Капошина С. И., Леви Е. И.). 78, 1960, стр. 85—89.

ГОДЫ ВЫХОДА КРАТКИХ СООБЩЕНИЙ О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР —

вып. 1—100¹

I } 1939	XXVI	} 1949	51	} 1953	76	} 1959
II } 1939	XXVII		52		77	
III } 1940	XXVIII	} 1950	53	} 1954	78	} 1960
IV } 1940	XXIX		54		79	
V } 1940	XXX		55		80	
VI } 1940	XXXI	} 1951	56	} 1955	81	} 1961
VII } 1940	XXXII		57		82	
VIII } 1941	XXXIII	} 1952	58	} 1957	83	} 1962
IX } 1941	XXXIV		59		84	
X } 1941	XXXV		60		85	
XI } 1945	XXXVI	} 1953	61	} 1958	86	} 1963
XII } 1946	XXXVII		62		87	
XIII } 1946	XXXVIII	} 1954	63	} 1959	88	} 1964
XIV } 1946	XXXIX		64		89	
XV } 1946	XL		65		90	
XVI } 1947	XLI	} 1955	66	} 1960	91	} 1965
XVII } 1947	XLII		67		92	
XVIII } 1947	XLIII	} 1956	68	} 1961	93	} 1966
XIX } 1948	XLIV		69		94	
XX } 1948	XLV		70		95	
XXI } 1947	XLVI	} 1957	71	} 1962	96	} 1967
XXII } 1947	XLVII		72		97	
XXIII } 1948	XLVIII	} 1958	73	} 1963	98	} 1968
XXIV } 1948	XLIX		74		99	
XXV } 1949	L		75		100	

¹ [(КСИА), до 80 выпуска (КСИИМК), Краткие сообщения Института истории материальной культуры]

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

вып. 91—99 (содержание)

Вып. 91

I. Доклады и дискуссии

- В. М. Массон. Восточные параллели убейдской культуры. Обсуждение доклада В. М. Массона (В. И. Марковин).
И. Н. Хлопин. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении.
В. И. Сарияниди. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса.
Е. Н. Черных. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры.

II. Полевые и лабораторные исследования

- Т. Г. Оболдуева. Раскопки 1960 года на городище Эйлатан.
О. В. Обельченко. Бронзовые зеркала Лявандакского могильника.
В. С. Сорокин. Жилища поселения Тасты-Бутак.
К. А. Акишев. Шестой Бешатырский курган.
Э. В. Ханзадян. Лчашенский курган № 6.

- Б. А. Шрамко. Новые данные о добыче железа в Скифии.
Д. Б. Шелов. Работы Нижнедонской экспедиции в 1960 году.
Н. И. Сокольский. Раскопки в Кепях в 1960 году.
А. В. Кирьянов. Материалы по земледелю из раскопок античных поселений Боспора.
Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя в Кепях в 1959—1960 годах.

III. Хроника

Работа секторов и групп Института археологии АН СССР:

1. Сектор античной археологии в 1959 году (Г. А. Цветаева).
2. Сектор античной археологии в 1960 году (Г. А. Цветаева).
3. Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1959 году (Е. Г. Кастанаян).
4. Сектор Средней Азии и Кавказа в 1960 году (К. Х. Кушнарева).

Вып. 92

I. Итоги и задачи

- А. Н. Рогачев. Основные итоги и задачи изучения палеолита Русской равнины.

II. Доклады и дискуссии

- А. Н. Рогачев. Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине.
Р. Е. Гитерман. Стратиграфическое значение спорово-пыльцевых спектров четвертичных отложений низовьев р. Чусовой.
Н. Н. Гурина. К вопросу о макролитах Верхней Волги.

III. Полевые и лабораторные исследования

- В. П. Любин. Новое о нижнем палеолите Северной Осетии.
М. Э. Паничкина, Е. А. Векилова. Исследование Ахштырской пещеры в 1961 г.
И. И. Коробков. Разведочные работы в Хостинских пещерах в 1961 году (Черноморское побережье Кавказа).
В. П. Любин, Н. О. Бадер, В. И. Марковин. Первые местонахождения орудий каменного века в Чечено-Ингушетии.
В. А. Месяц. Находки древнепалеолитических орудий в районе Житомира.

- Л. М. Тарасов. Новые раскопки на стоянке Гагарино.
 А. А. Крылова, И. М. Павлюченко. Орудия каменного века в Горном Алтае.
 Э. А. Абрамова. Раскопки палеолитических стоянок на речке Таштык, в 1960 г.
 Н. П. Пядышев, Л. П. Хлобыстин. Новая стоянка в Печерском Заполярье.
 В. П. Левенок. Раннеолитическая стоянка у с. Долгое на Верхнем Дону.
 Е. К. Черныш. Неолитическое поселение у с. Торское на Днестре.
 И. В. Гаврилова. Неолитическая стоянка Кочище на оз. Селигер.
 Г. Н. Матюшин. Новые неолитические памятники Башкирии.

- Г. М. Ковнурко. К изучению свойств кремня.
 Н. Г. Блохина, Г. Н. Лисицына. Из работ по определению дерева и углей, найденных при раскопках.

IV. Хроника

- Памяти Сергея Владимировича Киселева (Т. С. Пассек).
 Работы секторов ИА АН СССР. Сектор неолита и бронзы в 1961 г. (В. И. Марковин).
 Сектор палеолита в 1960—1961 г. (Л. Я. Крижевская).

Вып. 93

I. Итоги и задачи

- А. А. Иессен. Кавказ и древний Восток в IV и III тысячелетиях до нашей эры.
 В. М. Массон. Средняя Азия и Иран в III тысячелетии до нашей эры.

II. Доклады и дискуссии

- Н. Я. Мерперт. Первый год работ Советско-Болгарской экспедиции.
 А. А. Формозов. Новое о южных связях майкопской культуры.
 И. И. Артеменко. О памятниках раннего этапа среднеднепровской культуры.

III. Полевые и лабораторные исследования

- О. С. Гадзядкая. Фатьяновские памятники Владимирской области.
 И. И. Артеменко. Фатьяновский могильник на Олочинской горе.
 Э. С. Шарифудинова. Жилища эпохи бронзы на Кобяковом городище.

Вып. 94

I. Итоги и задачи

- А. П. Смирнов. Некоторые нерешенные задачи археологии раннего железного века.

II. Доклады и дискуссии

- О. Н. Мельниковская. Памятники раннего железного века юго-восточной Белоруссии (Милоградская культура).
 Д. А. Мачинский. О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой и одновременных ей культур.
 И. С. Каменецкий. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища.
 С. И. Капошина. Одна из групп керамики с Кобякова городища.

III. Полевые и лабораторные исследования

- А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древние

- В. И. Марковин. Археологические разведки в восточных районах Чечни.
 Г. Н. Лисицына. Основные черты палеогеографии Геокюрского оазиса.
 И. Н. Хлопин. Ялангач-депе — поселение эпохи энеолита.
 В. И. Сарнаниди. Керамические горны восточноанауских поселений.
 А. Аскаров. Поселение Заман-Баба.
 А. Абетеков. Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-сай.
 Е. Е. Кузьмина. Купухта — могильник андроновской знати.
 Г. И. Андреев. Археологические исследования на южном и восточном побережье Приморья в 1960 году.
 М. К. Акопова, В. А. Пазухин, В. А. Чижов. Могли ли древние мастера выплавлять алюминиевую бронзу?

IV. Хроника

- Работа секторов Института археологии АН СССР в 1961 году. Сектор Средней Азии и Кавказа (К. Х. Кушнарва).

поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии.

- А. Ф. Дубынин. Результаты работ Можайской экспедиции.
 А. И. Мелюкова. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье.
 Л. В. Алексеев. Городище Девичья Гора в Мстиславе.
 Э. А. Сымонович. Работы на черняховских памятниках в Приднестровье.
 А. М. Мандельштам. Послекушанские погребения в Северной Бактрии.
 В. А. Могильников. Работы Иртышского отряда.
 А. А. Иессен. Изображение человека на плите из Кызыл-Ванка.
 В. И. Гуляев. Зооморфная рукоять ножа со Старшего Каширского городища.

IV. Хроника

- Работа Лаборатории археологической технологии Института археологии АН

СССР в 1960—1961 г. (И. В. Богданова-Березовская).
Сектор скифо-сарматской археологии ИА
АН СССР в 1961 г. (М. Г. Мошкова).

О работе группы финно-угорской археологии за 1960—1961 гг. (К. А. Смирнов).

Вып. 95

I. Итоги и задачи

И. Б. Зее ст. Античный город Северного Причерноморья.

II. Доклады и дискуссии

Е. И. Леви. Две ольвийские надписи с упоминанием храма Аполлона.

Т. Н. Книпович. Два фрагмента мраморных плит с греческими надписями из Ольвии.

И. Б. Брашинский. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной.

В. Ф. Гайдукевич. Керамический комплекс II в. н. э. из Мирмекия.

III. Полевые и лабораторные исследования

А. Н. Карасев. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории.

И. Т. Кругликова. Итоги семилетних раскопок поселения у д. Семеновки.

Н. И. Сокольский. Раскопки городища Кепы в 1961 г.

Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г.

И. Т. Кругликова и Г. А. Цветаева. Раскопки в Анапе.

Н. А. Онайко. Раскопки Аполлонии Иллирийской в 1959—1960 гг.

Г. А. Кошеленко. Раскопки на поселении Джин-депе в 1961 г.

Б. Г. Петерс. О подводных археологических работах в Ольвии.

И. Д. Марченко. Некоторые итоги раскопок на Майской горе.

Д. Б. Шелов. Исследования Танаиса в 1961 г.

М. М. Кобылина. Раскопки центральной части Фанагории в 1959—1960 гг.

А. И. Болтунова. Строительная надпись из Нимфея.

И. Г. Шургая. Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия.

IV. Хроника

Работа секторов и групп Института археологии АН СССР.

1. Сектор античной археологии в 1961 г. (М. М. Кобылина).

2. Группа античной археологии ЛОИА в 1960—1961 гг. (Е. Г. Кастанаян).

Вып. 96

I. Итоги и задачи

Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт. Археологическое изучение древнерусского города.

II. Доклады и дискуссии

Г. К. Вагнер. Южный фасад Георгиевского собора (1230—1234 гг.).

III. Полевые и лабораторные исследования

Т. Н. Никольская. Работа Верхнеокской археологической экспедиции (1960—1961 гг.).

П. А. Раппопорт. Археологические и архитектурные заметки (из работ отряда по изучению крепостей, 1959—1961 гг.).

В. В. Седов. Из полевых исследований 1961 г. (1—К изучению оборонительных сооружений Владимира. 2—Свищевские курганы).

М. Д. Полубояринова. Раскопки древнего Турова (1961 г.).

М. В. Седова. Раскопки Ярополча-Залесского (1961 г.).

Ф. Д. Гуревич. Раскопки в Новогрудке (1960—1961 гг.).

А. Ф. Дубынин, Д. А. Соболева.

Археологические работы в Зарядье, Москва (1957—1961 гг.).

Л. А. Голубева. Раскопки древнего Белоозера (1959—1960 гг.).

М. В. Малевская. Раскопки на Малом Торопецком городище (1960 г.).

А. В. Никитин. Раскопки в Великом Устюге.

В. А. Кузнецов. Археологические исследования в верховьях Кубани (1960—1961 гг.).

О. В. Милорадович. Раскопки средневекового городища Верхней Джулат (1961 г.).

И. И. Артеменко, Г. Ф. Соловьева. Славянские курганы близ с. Ходосовичи.

В. П. Даркевич. Костяное навершие из Волковьска.

Т. В. Равдина. Поливные керамические плитки из Пинска.

И. И. Плешанова. Керамическое надгробие из Псково-Печерского монастыря.

О. В. Овсянников. Орлецкое городище.

IV. Хроника

Сектор славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1961 г. (А. К. Амброс).

Группа славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР в 1961 г. (П. А. Раппопорт).

I. Итоги и задачи

Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья.

II. Доклады и дискуссии

- Л. М. Тарасов. Конструкции палеолитического жилища в Гагарино.
 Л. П. Хлобыстин. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопок Б. Э. Петри).
 Е. А. Векилова. Неолитическая стоянка Зуя I под Симферополем.
 Е. Е. Кузьмина. Андроновские могильники на р. Байту (о некоторых деталях андроновского погребального обряда).
 А. Х. Халиков. Балановские памятники в Татарии.

III. Полевые и лабораторные исследования

- Н. Д. Праслов. Гмелинская стоянка в Костенках.
 Н. Г. Блохина. Анализ углей из палеолитических стоянок в Костенках.
 Г. Н. Матюшин. Стоянки с микроли-

тическим инвентарем в горной Башкирии.

- Л. Я. Крижевская. Новые данные по неолиту Южного Урала.
 М. Ф. Косарев. Десятовское поселение.
 Н. Н. Гурина. Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции.
 Г. И. Андреев. Исследования в бухте Валентин.
 И. Г. Розенфельдт. Неолитические стоянки на Тростенском озере.
 О. С. Гадзяцкая. Стоянка Сельцо на озере Неро.
 И. В. Гаврилова. Дюнная стоянка Романовичи.
 И. И. Артеменко. Неолитические стоянки у с. Веть Могилевской области.
 И. К. Свешников. Поселение культуры шнуровой керамики у с. Городок Ровенской области.

IV. Хроника

Работа секторов ИА АН СССР в 1962 г.

1. Сектор палеолита (Л. П. Хлобыстин).
2. Сектор неолита и бронзы (В. И. Марковин).

I. Итоги и задачи

Е. И. Крупнов. Некоторые нерешенные вопросы первобытной археологии Кавказа.

II. Доклады и дискуссии

- А. А. Формозов. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья.
 Ю. А. Заднепровский. Основные этапы истории Карадарьинского оазиса.
 А. М. Мандельштам. К истории Бактрии — Тохаристана (некоторые археологические наблюдения).
 С. С. Черников. Золотой курган Чиликтинской долины (к вопросу о происхождении «скифского искусства»).
 А. М. Беленицкий. Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье.

III. Полевые и лабораторные исследования

- В. П. Любин. Неолитические кремневые мастерские в Дигории (Северная Осетия).
 И. П. Хлопин. Модель круглого жертвенника из Ялангач-депе.
 Г. Н. Лисицына. Растительность Юж-

ной Туркмении в эпоху энеолита по палеоботаническим данным.

- А. Я. Щетенко. Расписная керамика эпохи бронзы из Намазга-депе.
 В. И. Сарияниди. Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы.
 Я. А. Шер. Археологические разведки на озере Сон-Куль (1960—1962 гг.).
 В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г.
 В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни.
 Р. М. Мунчаев, В. И. Сарияниди. Бамутские курганы эпохи бронзы.
 Е. Е. Кузьмина. Андроновское поселение и могильник Шандаша.
 В. А. Кузнецов. Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г.
 Г. А. Брыкина. Раскопки на городище Карабулак в 1961—1962 гг.

IV. Хроника

Работа секторов и групп Института археологии АН СССР.

1. Сектор Средней Азии и Кавказа в 1962 г. (К. Х. Кушнарева).
2. Сектор скифо-сарматской археологии в 1962 г. (А. П. Смирнов).

I. Итоги и задачи

Б. А. Колчин. К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951—1962 гг.).

II. Доклады и дискуссии

- Б. А. Рыбаков. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей.
 С. А. Плетнева. О юго-восточной ок-

- раине русских земель в домонгольское время.
- В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа.
- А. В. Гадло. Поселение XI—XII вв. в дельте Дона.
- В. П. Даркевич. Образ царя Давида во владими́ро-суздальской скульптуре.
- П. А. Раппопорт. Новые данные по исторической географии Волыни.
- А. П. Смирнов. К вопросу о месте производства шаманских привесок.
- Г. Б. Федоров. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960—1961 гг.
- Е. К. Черныш, И. Т. Черняков. Археологические разведки в Подунавье.
- Ф. Д. Гуревич. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке.
- Р. Л. Розенфельдт. Захряпинские курганы XII—XIII вв. на реке Рузе.
- Ю. П. Спегальский. Псковские часовни-усыпальницы.

III. Полевые и лабораторные исследования

- А. Л. Якобсон. Новый памятник раннесредневековой архитектуры в Крыму.
- Ю. С. Гришин. Погребение гуннской эпохи у деревни Кункур (к вопросу о памятниках раннего железного века в Восточном Забайкалье).

IV. Хроника

Работа секторов и групп Института археологии АН СССР.

Сектор славяно-русской археологии в 1962 г. (А. К. Амброз).

Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1962 г. (М. В. Малевская).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редакции

3

І. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Открытие культуры Гумельницы в СССР . . .	6
Н. Я. Мерперт. Археологические исследования в Южной Болгарии в 1963 г.	19
О. С. Гадзяцкая, Д. А. Крайнов. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья	29
В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований	40
Н. Н. Гурина. Новые данные о древних шахтах по добыче кремня на западе Белоруссии	50
О. Н. Бадер. Первый Турбинский могильник	59
М. П. Грязнов. Работы Красноярской экспедиции	62
Б. Б. Пиотровский. Урартская крепость Тейшебаини (Кармир-Блур) . . .	72
Д. Б. Шелов. Итоги археологического изучения Танаиса	79
Н. И. Сокольский. Новые памятники синдской скульптуры	86
Ю. В. Кухаренко. Могильник Брест-Тришин	97
Е. В. Веймарн, А. П. Смирнов. Сосуд с росписью из могильника у села Скалистое	102
В. В. Кропоткин. Могильник Чуфут-Кале в Крыму	108
И. И. Ляпушкин. Некоторые вопросы из предыстории восточных славян . . .	116
Б. А. Рыбаков. Владимировы крепости на Стугне	126
М. К. Каргер. Новый памятник зодчества XII в. в Турове	130
М. М. Герасимов. Документальный портрет Ивана Грозного	139
Список сокращений	143

ІІ. П Р И Л О Ж Е Н И Е

А л ф а в и т н ы й и с и с т е м а т и ч е с к и й у к а з а т е л ь

Алфавитный указатель статей, помещенных в Кратких сообщениях о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, вып. 51—100	144
Систематический указатель статей, помещенных в Кратких сообщениях о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, вып. 51—100	167
Пояснение к систематическому указателю	167
Общие статьи по различным вопросам советской археологии	168
Палеолит и мезолит	168
Неолит и бронзовый век	170
Переходный период от поздней бронзы к раннему железу	174
Ранний железный век (до IV в. н. э.)	175
Памятники античного времени Северного Причерноморья	179
Поздний железный век (с IV в. н. э.)	182

Славянские и древнерусские памятники	186
Нумизматика	191
Эпиграфика. Сфрагистика	192
Антропологические данные	192
Данные по земледелию и скотоводству	192
Археологическая методика, камеральная обработка и лабораторные исследования	193
Зарубежная археология	194
Персоналия	194
Научная жизнь Института археологии АН СССР и обзоры полевых исследований	194
Годы выхода Кратких сообщений о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, вып. 1—100	197
Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, вып. 91—99 (содержание)	198

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
 Общественных Наук
 Академии Наук СССР

Важнейшие археологические открытия
1960—1963 гг.
(КСИА—100)

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор Издательства *Н. А. Никитина*. Технич. редактор *Ф. М. Хенох*
 Контрольный редактор с 11 по 100 вып. *С. Т. Попова*

Сдано в набор 4/XI 1964 г. Подписано к печати 26/II 1965 г. Формат 70 × 108^{1/16}. Печ. л. 12,75 + 4 вкл.
 Усл.-печ. л. 17,46 + 4 вкл. Уч.-изд. л. 18,6 + 4 вкл. Тираж 1500 экз. Т.-00354. Изд. № 3325/04.
 Тип. зак. № 1416. Темплан 1965 г. № 78

Цена 1 р. 16 к.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21